

СМОЛЕНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

1918

Известия Смоленского государственного университета

Научный журнал
Выходит 4 раза в год

№ 2(74), 2026

*Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии
Минобрнауки России от 01 декабря 2015 года № 13-6518 журнал
включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

Учредитель и издатель

Смоленский государственный университет

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
Рег № ПИ № ФС77-85683 от 28.07.23
Подписной индекс ПН182 (Почта России)

Редакционный совет

М.Н. Артеменков (*Смоленск, председатель*), И.В. Романова (*Смоленск, заместитель председателя*), В.А. Волков (*Москва*), А.Б. Каменский (*Москва*), В.С. Кошелев (*Минск, Республика Беларусь*), А. Молнар (*Дебрецен, Венгрия*), Л.В. Рацибурская (*Нижний Новгород*), Ф.Б. Успенский (*Москва*), Н.А. Фатеева (*Москва*), З.А. Харитончик (*Минск, Республика Беларусь*), И.Р. Чикалова (*Минск, Республика Беларусь*)

Редакционная коллегия

И.В. Романова (*гл. редактор*), А.В. Тихонова (*зам. гл. редактора*), Р.В. Белютин (*отв. секретарь*), С.Н. Андреев, С.Ю. Артемова, Л.И. Ивонина, А.В. Королькова, Л.В. Павлова, Т.Г. Попова, О.Е. Похаленков, А.М. Ранчин, Ю.Л. Цветков

Адрес редакции и издателя

214000, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4,
Смоленский государственный университет
E-mail: izwestija@smolgu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Ранчин А.М.</i> Почему для князя Андрея смерть жены – один из «лучших моментов» жизни? Об интерпретации одного фрагмента «Войны и мира» в свете поэтики толстовской книги.....	5
<i>Кидинов Я.Ю.</i> Значение пищевых образов в романах И. Ильфа и Е. Петрова. Две методики анализа.....	18
<i>Андреев С.Н.</i> Три поэмы А.Т. Твардовского: опыт статистической стилиметрии.....	31
<i>Ступина Е.С.</i> Риторические коды к пафосу в военной лирике А.Т. Твардовского	45
<i>Косенко В.С.</i> Роман о художнике Сергее Калмыкове: соотношение вымысла и реальности	56
<i>Леванцевич Л.В.</i> Диалектные апеллятивы как основа микропонимов (российско-белорусский диалектный континуум).....	69
<i>Королева И.А., Фомина С.Р.</i> Ключевые онимы произведения Олега Ермакова «Радуга и Вереск», связанные с названием романа	84
<i>Мальшиева Е.Г., Рогалева О.С.</i> Телевизионный пропагандистский инфотейнмент: концептуальные и прагматилистические доминанты.....	97
<i>Белютина Ю.А.</i> Дискурсивное конструирование образа врага (на материале высказываний Д. Трампа о военном конфликте с Ираном в 2026 году).....	118
<i>Артеменко С.А.</i> Семантическое поле как инструмент анализа образа персонажа в романе И. Макьюэна «The Innocent»	132
<i>Белютин Р.В.</i> Метафоры Белой Олимпиады 2026	147

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Замятина Ю.О.</i> Пространство дома: повседневные практики и семейный уклад столичной дворянской семьи конца XIX – начала XX века (по материалам личных дневников семьи А.В. Половцова).....	158
<i>Тихонова А.В.</i> Летние усадебные развлечения на свежем воздухе в конце XIX – начале XX века (на примере усадьбы Высокое Смоленской губернии графа А.Д. Шереметева).....	172
<i>Федотов Д.О.</i> Российская прокуратура в 1900–1914 годах: между правопорядком и политикой (на материалах Смоленской губернии).....	192
<i>Сидорович Е.А.</i> Вариативность номинации мусульман Королевства Кастилия и Леон в XI–XV веках	205
<i>Алексеева М.Н.</i> Взаимодействие государственных секретарей Великобритании в годы войны за Австрийское наследство	219

<i>Филимонова М.А.</i> Священный союз и внешняя политика Александра I в британской карикатуре	230
<i>Федосов А.В.</i> Пропаганда и средства агитации Консервативной партии Великобритании в межвоенный период (1920–1930-е годы).....	249
Сведения об авторах	265

А.М. Ранчин

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия*

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2026-74-2-5-17

ПОЧЕМУ ДЛЯ КНЯЗЯ АНДРЕЯ СМЕРТЬ ЖЕНЫ – ОДИН ИЗ «ЛУЧШИХ МОМЕНТОВ» ЖИЗНИ? ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОГО ФРАГМЕНТА «ВОЙНЫ И МИРА» В СВЕТЕ ПОЭТИКИ ТОЛСТОВСКОЙ КНИГИ

Ключевые слова: Л.Н. Толстой; «Война и мир»; воспоминания Андрея Болконского; мнимые противоречия; мотив смерти; психологизм.

В работе рассматривается фрагмент из «Войны и мира» (т. 2, ч. 3, глава III), в котором воспоминания князя Андрея Болконского об умершей жене и ее «мертвом, укоризненном лице» охарактеризованы как один из «лучших моментов» его жизни и соотнесены с радостным чувством, охватившим героя при виде сочтенного засохшим старого дуба, пустившего молодые побеги. На странность и даже внешнюю абсурдность этой характеристики обычно не обращали внимания, хотя она была отмечена, но не истолкована писателем Марком Алдановым и филологами И.Ф. Даниловой и М.В. Безродным. Недавно А.К. Жолковский интерпретировал эту «несообразность» как закамуфлированное выражение авторской мысли о ценности подлинного знания – «правды о смерти». В настоящей статье анализируется семантика ключевых лексем фрагмента, который рассматривается в контексте эпизодов духовной эволюции толстовского героя. Доказывается, что эпитет «лучший» характеризует не факт смерти княгини, а связанные с ним чувство вины героя и способность сострадать. Смерть жены разбивает черствую скорлупу эгоизма и себялюбия князя Андрея и побуждает воспринять мир таким, каков он есть (но не «правду о смерти»). Тем не менее своеобразный шокирующий эффект, очевидно, входил в замысел автора: он должен был заставить внимательного читателя задуматься уже о своей жизни и по-новому оценить ее.

Предмет истолкования и анализа в моей статье – два предложения из описания раздумий и переживаний князя Андрея Болконского, вызванных видом пустившего молодые побеги старого дуба – как ему прежде казалось,

мертвого («Война и мир», т. 2, ч. 3, глава III). Такие «микроинтерпретация» и микроанализ подводят к более общим характеристикам толстовской поэтики и к некоторым вопросам теоретического характера.

Этот фрагмент «Войны и мира», содержащий, на первый взгляд, алогичное и даже абсурдное сообщение, кажется, не был замечен почти никем из писавших о толстовском произведении. Впервые, видимо, на него обратил внимание не филолог, а литератор – Марк Алданов. В его романе «Самоубийство» главный герой Дмитрий Ласточкин размышляет: «“Да, разумеется, тысячу раз прав этот дуб, – подумал Дмитрий Анатольевич. – Только князь Андрей не имел права это думать, а я и мы все имеем. Да, я тоже никаким надеждам больше не могу верить”». Точно, чтобы самого себя опровергнуть, Ласточкин повернул несколько страниц в знакомой ему чуть не наизусть книге и прочел о возродившемся, преображенном дубе: “И на него вдруг нашло беспричинное, весеннее чувство радости и обновления. Все лучшие минуты его жизни вдруг в одно и то же время вспомнились ему. И Аустерлиц с высоким небом, и мертвое укоризненное лицо жены, и Пьер на пароме, и девочка, взволнованная красотой ночи, и эта ночь, и луна, – все это вдруг вспомнилось ему”. “Но как же тут мертвое лицо жены! Это тоже «лучшая минута жизни?» – вдруг с сильным волнением подумал Дмитрий Анатольевич, никогда прежде не замечавший этих слов. “Обмолвка? Но разве у Толстого бывают обмолвки? И то же самое есть в другой главе: Пьер, вернувшись из плена, с радостью думает, что жены больше нет в живых! Что же это такое? Значит, не всегда худо, что человек умирает?”» (ч. 7, глава XI [Алданов, 1991, 394–395]).

Стоит сразу отметить, что алдановская («ласточкинская») характеристика чувств Пьера Безухова, вызванных известием о смерти Элен, не совсем точна. Радость Пьера объясняется прежде всего свободой, обретенной после долгого французского плена; о том, какие эмоции вызвало у него известие о смерти жены, сначала не сообщается. Причем главное – переживание внутренней свободы: «Во время своего выздоровления, Пьер только понемногу отвыкал от сделавшихся привычными ему впечатлений последних месяцев, и привыкал к тому, что его никто никуда не погонит завтра, что теплую постель его никто не отнимет и что у него наверное будет обед, и чай, и ужин. Но во сне он еще долго видел себя все в тех же условиях плена. Так же понемногу Пьер понимал те новости, которые он узнал после своего выхода из плена; смерть князя Андрея, смерть жены, уничтожение французов.

Радостное чувство свободы, – той полной, неотъемлемой, присущей человеку свободы, сознание которой он в первый раз испытал на первом привале, при выходе из Москвы, наполняло душу Пьера во время его выздоровления. Он удивлялся тому, что эта внутренняя свобода, независимая от внешних обстоятельств, теперь как будто с излишком, с роскошью обставлялась и внешнею свободой. Он был один в чужом городе, без знакомых.

Никто от него ничего не требовал; никуда его не посылали. Все, что ему хотелось, было у него; вечно мучившей его прежде мысли о жене больше не было, так как и ее уже не было».

Только в следующем абзаце это радостное чувство свободы непосредственно соотнесено с освобождением от тягостных уз опрометчиво заключенного брака: «— Ах как хорошо! Как славно! — говорил он себе, когда ему подвигали чисто накрытый стол с душистым бульоном, или когда он на ночь ложился на мягкую чистую постель, или когда ему вспоминалось, что жены и французов нет больше. — Ах как хорошо, как славно! — И по старой привычке он делал себе вопрос: ну а потом что? что я буду делать? И тотчас же он отвечал себе: ничего. Буду жить. Ах как славно!» (т. 4, ч. 4, глава XII [Толстой, 1935–1958, 12, 204]).

Здесь сообщается лишь о том, что толстовского героя радует эта свобода от необдуманного и оказавшегося унижительным супружества, а не смерть жены как таковая — Пьер порадовался бы так же любому иному способу расторжения ненавистного брака, если бы это было возможно. Ведь здесь исчезновение «французов», в один ряд с которым поставлена кончина Элен, — не смерть (хотя большая часть наполеоновской армии была действительно истреблена), а изгнание из пределов России и «изгнание» из жизни самого Безухова.

Впрочем, даже если радость Безухова вызвана именно *смертью*, *умиранием* супруги, а не *исчезновением* из его жизни, его переживания, пусть и чуждые сострадательности и по-своему эгоистичные, были бы понятны: ведь Элен — неверная и порочная жена, не любившая и даже откровенно презиравшая мужа.

Но с чувствами князя Андрея, вспоминающего о виде мертвой жены Лизы как об одной из *лучших минут жизни*, все, действительно, обстоит намного сложнее. Независимо от Марка Алданова эту «несообразность» подметила И.Ф. Данилова, на чье наблюдение сослался в своем Живом Журнале М.В. Безродный [<Безродный>]. Автор поста в ЖЖ ограничился, однако, лишь цитатой из «Войны и мира» с выделением выражений «лучшие минуты его жизни» и «мертвое укоризненное лицо жены»¹, образующих семантический диссонанс.

Недавно это наблюдение повторил и развил А.К. Жолковский, процитировавший алдановское «Самоубийство» и сославшийся на пост М.В. Безродного. Назвав сообщение о радости, испытанной Андреем Болконским при воспоминании о мертвой маленькой княгине, «не проясненн[ой] автором <...> нескладн[ой]», исследователь объяснил ее так:

«...сверхзадача Толстого — “предельное настояние на правде”. Из-за князя Андрея проглядывает его автор, для которого “лучшее” значит

¹ Запятая, имеющаяся в толстовском тексте после слова *мертвое*, в приведенном М.В. Безродным фрагменте не воспроизведена.

“наиболее честное, подлинное”, в частности “правда о смерти”. Натурализация (мотивировка. – А. Р.) же достигается успешной постановкой шокирующей детали в ряд других, вполне приемлемых и даже привлекательных, столь успешной, что пассаж без возражений проглатывается большинством читателей и критики» [Жолковский, 2024, 410].

Утверждение о «предельном настоящии на правде» нельзя оспорить, если речь идет о художественной доминанте, об общей установке толстовского творчества. Однако применение его конкретно к интерпретации рассматриваемого фрагмента «Войны и мира» вызывает сомнения, как и подразумеваемая мысль о том, что связь воспоминаний о смерти жены с радостным чувством героя неорганична («из-за князя Андрея *проглядывает* его автор»). Трудно согласиться и с суждением о тщательном камуфлировании Толстым семантического противоречия, соотносящего *смерть* и *радость* по ее поводу.

Для объяснения этой «нескладицы» потребуется рассмотрение фрагмента с помощью методики «медленного чтения» (close reading) с применением аналитического метода, характерного для лингвосемантики, и метода контекстного структурного анализа, предполагающего исследование двух строк из «Войны и мира» в составе произведения как целого.

Прежде всего следует определить, в чем заключается алогичность характеристики переживаний Болконского. А.К. Жолковский рассматривает сообщение о чувствах и воспоминаниях Болконского как пример аграмматичности (ungrammaticality) в терминологии М. Риффатерра². В строгом смысле слова это случай не аграмматичности (синтаксически сообщение построено абсолютно верно), а семантической контрадикции.

Само по себе сообщение о радости, которую вызывает смерть другого, отнюдь не является логически противоречивым. Ограничусь тремя примерами.

Пушкинская ода «Вольность», в которой, впрочем, речь идет о смерти воображаемой, причем о смерти негативного персонажа-тирана:

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радости вижу.

[Пушкин, 1977, 284]

Роман «Герой нашего времени», вымышленный автор которого с радостью реагирует на известие о кончине другого вымышленного автора – Печорина: «Недавно я узнал, что Печорин, возвращаясь из Персии, умер. Это известие меня очень обрадовало; оно давало мне право печатать эти за-

² См.: [Жолковский, 2024, с. 408]. Ср.: [Riffaterre, 1978].

писки, и я воспользовался случаем поставить свое имя над чужим произведением» [Лермонтов, 1837, 228]. Не вполне приличная радость вызвана прагматическими причинами. Глагол *обрадовало* здесь содержит такие контекстно обусловленные коннотации, как ‘цинизм’, ‘черствость’, ‘бессердечие’, ‘неприличное чувство’, но если какое-то противоречие в высказывании присутствует, то только этическое, отнюдь не семантическое.

Рассказ А.П. Чехова «Человек в футляре»: «Признаюсь, хоронить таких людей, как Беликов, это большое удовольствие. Когда мы возвращались с кладбища, то у нас были скромные постные физиономии; никому не хотелось обнаружить этого чувства удовольствия, — чувства, похожего на то, какое мы испытывали давно-давно, еще в детстве, когда старшие уезжали из дому и мы бегали по саду час-другой, наслаждаясь полной свободой. Ах, свобода, свобода! Даже намек, даже слабая надежда на ее возможность дает душе крылья, не правда ли? Вернулись мы с кладбища в добром расположении» [Чехов, 1977, 53]. Радость объясняется надеждой избавиться от мертвящей атмосферы страха и подозрительности, за которую отчасти был ответственен покойник — фигура безусловно негативная, по крайней мере, в освещении нарратора — учителя Буркина. Поэтому переживания Буркина и его коллег по гимназии если и не безусловно оправданны морально, то хотя бы понятны. (Они напоминают чувство Пьера Безухова, связанное с известием о смерти Элен.) Но даже в этом случае и тем более в примере из лермонтовского романа соседство *радости* / *удовольствия* со *смертью* нетривиально, неожиданно и весьма выразительно, хотя и по-разному, характеризует радующихся. Налицо нарушение этической или хотя бы этикетной нормы.

Такие концепты, как радость и обновление, используемые Толстым при описании размышлений и переживаний князя Андрея, видящего оживший дуб, трудно совместимы со смертью. Радость и обновление (‘новая жизнь’), с одной стороны, и смерть — с другой, относятся к разным дескриптивным системам (воспользуюсь термином М. Риффатерра [Риффатерр, 1992, с. 21]), у них совсем непохожая семантическая валентность, сочетаемость. Правда, радостное чувство, переживаемое толстовским героем, является не следствием, а причиной воспоминаний, которые уже охарактеризованы другим эпитетом — лучшие. Однако контекст — соседство с весенним чувством радости и обновления — побуждает интерпретировать определение лучшие как окказиональный синоним радостных, счастливых.

Покойная жена Болконского, хотя и не любимая мужем и довольно пустая, в противоположность Беликову отнюдь не является отрицательной фигурой, а князь Андрей непохож на такого во многом по-печорински циничного персонажа, как вымышленный автор «Героя нашего времени». Но главные семантические конфликты сообщения о чувствах князя Андрея заключены не в этом. Вчитаемся внимательно во фрагмент, приведя также его ближайший контекст:

«Старый дуб, весь преображенный, раскинувшись шатром сочной, темной зелени, млел, чуть колыхаясь в лучах вечернего солнца. Ни корявых пальцев, ни болячек, ни старого недоверия и горя, – ничего не было видно. Сквозь жесткую, столетнюю кору пробились без сучков сочные, молодые листья, так что верить нельзя было, что этот старик произвел их. “Да, это тот самый дуб”, – подумал князь Андрей, и на него вдруг нашло беспричинное, весеннее чувство радости и обновления. Все лучшие минуты его жизни вдруг в одно и то же время вспомнились ему. И Аустерлиц с высоким небом, и мертвое, укоризненное лицо жены, и Пьер на пароме, и девочка, взволнованная красотой ночи, и эта ночь, и луна, – и все это вдруг вспомнилось ему.

“Нет, жизнь не кончена в 31 год”, вдруг окончательно, беспеременно решил князь Андрей. – “Мало того, что я знаю все то, что есть во мне, надо, чтоб и все знали это: и Пьер, и эта девочка, которая хотела улететь в небо, надо, чтобы все знали меня, чтобы не для одного меня шла моя жизнь, чтобы не жили они так независимо от моей жизни, чтобы на всех она отражалась и чтобы все они жили со мною вместе!”» (т. 2, ч. 3, глава III [Толстой, 1935–1958, 10, 157]).³

Рамку этого большого фрагмента образуют мотив обновления души героя и его внутренний монолог о стремлении к установлению душевных связей с другими.

Чувство радости, определенное с помощью выразительного эпитета *весеннее*, и жажда взаимопонимания разительно противоречат факту смерти жены, о котором вспоминает Болконский. Но это не основное семантическое противоречие. Еще одна контрадикция образуется из-за включения такой детали, как *мертвое, укоризненное лицо жены*, в один ряд с *Аустерлицем с высоким небом*, с философским диалогом о смысле существования и о вечной жизни (*Пьер на пароме*), со случайно услышанными и столь сильно впечатлившими князя Андрея словами Наташи (*девочка, взволнованная красотой ночи*) и с чарующей картиной самой ночи (*и эта ночь, и эта луна*). Весь ряд образов-воспоминаний выстроен как серия однородных подлежащих, и, соответственно, все его члены должны обладать общей коннотативной семантикой. Ее позитивный смысл совершенно очевиден в случае с беседой на пароме и ночной сценой в Отрадном. Он не менее ясен и в воспоминании об Аустерлицком небе. В соответствующем фрагменте первого тома чувства и мысли Болконского описаны так: «Над ним не было ничего уже, кроме неба – высокого неба, не ясного, но все-таки неизмеримо высокого, с тихо ползущими по нем серыми облаками. “Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, –

³ О том, что такая деталь, как *мертвое, укоризненное лицо* княгини Лизы, помещена в череду воспоминаний Болконского не по авторскому недосмотру, свидетельствует рукопись № 88 (в нумерации, принятой в 90-томном Полном собрании сочинений). Текст фрагмента в ней внимательно правился автором, но упоминание о покойной Болконской читается точно так же, как в позднейшей окончательной редакции; см.: [Толстой, 1935–1958, 13, 757].

подумал князь Андрей, — не так, как мы бежали, кричали и дрались; совсем не так, как с озлобленными и испуганными лицами тащили друг у друга банник француз и артиллерист, — совсем не так ползут облака по этому высокому бесконечному небу. Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме его. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения. И слава Богу!...”» (т. 1, ч. 3, глава XVI [Толстой, 1935–1958, 9, 343]). Перед нами прозрение, экзистенциальное откровение, приобщающее князя Андрея к гармонии бытия и дарующее ему чувство счастья (показательно использование лексемы *счастлив*). Как заметил С.Г. Бочаров, Болконский «поверженный навзничь, уже не видит ничего вокруг, он видит только над собой высокое небо и в нем одном находит величие и значительность, которых он ищет в жизни, но которых не было в его вожденном Тулоне»; «Его чувство ценностей жизни другое под небом Аустерлица. В его горячем представлении рядом встанут Наполеон и мечты о доме, жене и будущем сыне, — и образы эти не просто рядом встанут, но взаимно оценивают друг друга. Призрачность официальной истории и внешнего героизма, соединенного с ней, становится очевидна рядом с простыми необходимыми моментами человеческой жизни, которых значения раньше не понимал Андрей, обольщаясь в истории ее поверхностной стороной» [Бочаров, 1978, 45–46].

Небо, беседа с Пьером, убеждающим друга в существовании высшего, сверхреального бытия, взволнованная речь Наташи и лунная ночь — все эти образы и мотивы из воспоминаний князя Андрея говорят о жизни, а мертвое лицо жены — о противоположном: о смерти.

Еще одно видимое противоречие создается благодаря использованию эпитета укоризненное, сопровождающего упоминание о лице покойной княгини. В трех более ранних фрагментах, один из которых повествует о родах, второй содержит известие о смерти Андреевой жены, а третий описывает ее похороны, этот мотив упрека, укоризны разъяснен.

Эпизод первый: «Князь Андрей вошел в комнату и остановился перед ней, у изножья дивана, на котором она лежала. Блестящие глаза, смотревшие детски-испуганно и взволнованно, остановились на нем, не изменяя выражения. “Я вас всех люблю, я никому зла не делала, за что я страдаю? помогите мне”, говорило ее выражение. Она видела мужа, но не понимала значения его появления теперь перед нею. Князь Андрей обошел диван и в лоб поцеловал ее.

— Душенька моя, — сказал он: слово, которое никогда не говорил ей. — Бог милостив... — Она вопросительно, детски-укоризненно посмотрела на него.

“Я от тебя ждала помощи, и ничего, ничего, и ты тоже!” сказали ее глаза. Она не удивилась, что он приехал; она не поняла того, что он приехал. Его приезд не имел никакого отношения до ее страданий и облегчения их.

Муки вновь начались, и Марья Богдановна посоветовала князю Андрею выйти из комнаты» (т. 2, ч. 1, глава IX [Толстой, 1935–1958, 10, 39–40]).

Эпизод второй: «Он вошел в комнату жены. Она мертвая лежала в том же положении, в котором он видел ее пять минут тому назад, и то же выражение, несмотря на остановившиеся глаза и на бледность щек, было на этом прелестном, детском личике с губкой, покрытою черными волосиками.

“Я вас всех люблю и никому дурного не делала, и что вы со мной сделали?” говорило ее прелестное, жалкое, мертвое лицо» (там же [Толстой, 1935–1958, 10, 40]).

Эпизод третий: «Через три дня отпевали маленькую княгиню, и, прощаясь с нею, князь Андрей взошел на ступени гроба. И в гробу было то же лицо, хотя и с закрытыми глазами. “Ах, что вы со мной сделали?” все говорило оно, и князь Андрей почувствовал, что в душе его оторвалось что-то, что он виноват в вине, которую ему не поправить и не забыть» (там же [Толстой, 1935–1958, 10, 41]).

Мотивы укоризны, высказанной выражением лица Лизы, и, соответственно, вины князя Андрея и других обитателей дома Болконских в первом из трех фрагментов связаны со страданиями роженицы, которые не может разделить никто из близких. Во втором и третьем фрагментах он приобретает более широкий смысл вины, заключающейся в непонимании героини окружающими, в их отчужденности – в том, что сделало ее жизнь несчастной. С.Г. Бочаров заметил о князе Андрее: «Почти на его глазах в тот самый момент, когда он вернулся домой, умирает от родов жена; он ею пренебрегал, этой маленькой женщиной, презирая в ней светскую пустоту; но он слишком многим пренебрегал и был высокомерен к обычным, невыдающимся людям. Позже он скажет Пьеру, что был виновен перед женой и надеялся оправдаться. Жизнь не дает оправдания и простого счастья, нужного каждому человеку; смертью маленькой княгини она обвиняет “болконскую” гордость, отвлеченность высоких стремлений. Андрей наказан страданием в тихой домашней жизни, которою он живет после смерти жены и которой он впервые пожелал раненный, на поле Аустерлица» [Бочаров, 1978, 46].

Этот контекст как будто бы лишь усиливает последнее из отмеченных противоречий: получается, что князь Андрей Болконский находит что-то счастливое в воспоминании не только о смерти жены, но и о собственной вине перед нею. На первый взгляд может показаться, что герой Толстого мазохистски или себялюбиво упивается способностью чувствовать свою вину и сопереживать другому. Но такое предположение никак не согласуется с его общим душевным состоянием в этой ситуации.

Для правильного понимания семантики воспоминаний необходимо учесть еще один контекст из толстовской книги – беседу Андрея с Пьером на пароме. Болконский отвечает на пылкую речь друга, убеждающего его в

бессмертия души и в существовании вечной жизни: «— Да, это учение Гедера, — сказал князь Андрей, — но не то, душа моя, убедит меня, а жизнь и смерть, вот что убеждает. Убеждает то, что видишь дорогое тебе существо, которое связано с тобой, перед которым ты был виноват и надеялся оправдаться (князь Андрей дрогнул голосом и отвернулся) и вдруг это существо страдает, мучается и перестает быть... Зачем? Не может быть, чтоб не было ответа! И я верю, что он есть... Вот что убеждает, вот что убедило меня, — сказал князь Андрей.

— Ну да, ну да, — говорил Пьер, — разве не то же самое и я говорю!

— Нет. Я говорю только, что убеждают в необходимости будущей жизни не доводы, а то, когда идешь в жизни рука об руку с человеком, и вдруг человек этот исчезнет *там в нигде*, и ты сам останавливаешься перед этою пропастью и заглядываешь туда. И я заглянул...

— Ну, так что ж! Вы знаете, что есть *там* и что есть *кто-то*? Там есть — будущая жизнь. Кто-то есть — Бог» (том 2, часть вторая, глава XII [Толстой, 1935–1958, 10, 116–117]).

Смерть жены порождает в герое Толстого не только чувство вины, но и веру в будущую жизнь. Чувство вины освобождает от узкой, мертвящей сосредоточенности на себе самом, разбивает скорлупу, панцирь, которыми князь Андрей отгораживался от мира, от других. Черствый, сухой Болконский внезапно открывает в себе дар сострадания и сочувствия и способность ощущать вину — и это открытие, а не уход жены из жизни делает его во многом другим. А смерть другого человека оказывается если не откровением или залогом вечной жизни, то хотя бы намеком на ее существование. *Мертвое укоризненное лицо* княгини Лизы Болконской, таким образом, естественно встраивается в общий ряд образов и мотивов с семантикой *жизни*, а не *смерти*. При такой интерпретации фрагмента эпитет *лучшие*, характеризующий воспоминания персонажа о мертвой жене, должен быть истолкован не столько как ‘радостные, счастливые’, сколько прежде всего как ‘полные глубокого смысла и чувства’. В Болконском возрождается способность чувствовать жизнь.

Прозрения героев «Войны и мира» вообще очень часто связаны с событиями, радикально разрушающими их устойчивый, комфортный мир, порой приносящими даже физическую боль или рождающими чувство безысходности: такие события выбивают персонажей из привычной жизненной колеи и побуждают по-новому увидеть и себя, и все вокруг. Таковы ранение князя Андрея на Аустерлицком поле, наносящее смертельный удар наполеоновскому мифу, исповедуемому героем; таково чувство любви и сострадания, которым неожиданно проникается тяжело раненный Болконский при виде своего врага Анатоля Курагина, которому ампутировали ногу; таково приобщение только что проигравшего в карты огромную сумму и помышлявшего о самоубийстве Николая Ростова, слушающего пение сестры, к

высшим красоте и смыслу бытия; таково осознание Пьером своей внутренней свободы и сродненности со звездным миром, наступающее в плену, после угрозы оружием со стороны французского часового.

Ошибка алдановского Дмитрия Ласточкина по-своему объяснима. Роман Марка Алданова – о смерти: о добровольном уходе из жизни супругов Ласточкиных и о самоубийстве России, совершившей гибельный Октябрьский переворот. (Эта историческая трагедия и стала первопричиной самоубийства персонажей.) Книга Толстого – о жизни: об обретении любимыми персонажами смысла бытия (или хотя бы о приобщении к нему), поиски которого разворачиваются на фоне событий, в которых проявляется единение нации⁴ и которые заканчиваются апофеозом – победой над Наполеоном.

Вопреки суждению А.К. Жолковского, воспоминание князя о мертвой жене содержит вовсе не мотив неизбежности, «правды» смерти как закона бытия, понуждающего оценить по-новому человеческое существование. «Откровения смерти» (выражение Льва Шестова [Шестов, 1993, 26–148]) у Толстого действительно есть, правда преимущественно у позднего – в «Смерти Ивана Ильича», в «Хозяине и работнике». В «Войне и мире» это умирание князя Андрея⁵. Но речь об откровениях, даруемых самому умирающему или тому, кому угрожает опасность лишиться жизни, а не тому, кто созерцает, видит смерть со стороны, как это происходит с Болконским, вглядывающимся в лицо покойной жены. (Для окружающих смерть Ивана Ильича – это либо всего лишь печальное событие, отнюдь не заставляющее пересмотреть всю прежнюю жизнь и принять новый взгляд на себя и других, либо просто досадное происшествие, напоминающее о том, что следует забыть.⁶)

Образ мертвой жены с укоризненным выражением лица и счастливое чувство князя Андрея на самом деле не образуют противоречия, и само это чувство органично, естественно для духовной эволюции толстовского героя. Что же касается суждения А.К. Жолковского о намеренном камуфлировании, сокрытии («натурализации») Толстым (мнимого) противоречия, то это тоже едва ли верно: писателю было бы проще и логичнее попросту отказаться от упоминания о лице мертвой княгини. «Война и мир» не игровой (пусть даже в самом широком смысле слова) текст, и написана она не для поиска скрытых «нескладиц» пытливым читателем-филологом. Если это сообщение остается в тексте «Войны и

⁴ Стоит оговориться: единение это, конечно, относительное. В книге описан и бессмысленный бунт богучаровских крестьян, ждущих французского императора как освободителя, и остающаяся столь же фальшивой, как до войны, жизнь высшего света.

⁵ См.: [Ранчин, 2013, 131–152].

⁶ Более сложный случай – восприятие Константином Левиным умирания и смерти брата Николая («Анна Каренина»). Но не это событие (или не только это событие) влечет за собой перемену в мировосприятии толстовского героя.

мира», значит, писатель хотел, чтобы оно было прочитано и воспринято. То, что оно (его кажущаяся противоречивость и внешний шоковый эффект) обычно оказывается невоспринятым, — ответственность не автора, а читающих его книгу. А внешний шоковый эффект Толстому необходим, чтобы вывести аудиторию из состояния ментального покоя, духовного и душевного благополучия, заставить задуматься. «Война и мир» вообще во многом провокативное произведение⁷.

Если же вести речь не только о фрагменте из «Войны и мира», то можно предположить, что подобные «нескладицы», если только они не являются очевидными описками в самом широком смысле слова, авторами вообще не скрываются, не «натурализируются»: в противном случае они не смогут выполнить своей художественной функции. Показательно, что почти все другие «нескладицы», рассматриваемые А.К. Жолковским [Жолковский, 2024, 408–428], — удовольствие, испытываемое карамзинским Эрастом от рассказа Лизиней матери о ее муже и его смерти, махинации Собакевича с Елизаветой Воробей, грамматические неправильности в стихотворениях Э. Лимонова — заметны любому читателю соответствующих произведений. Исключение, может быть, только концовка пушкинского «Я вас любил; любовь еще, быть может...», где в придаточном предложении использовано глагольное сказуемое *дай* в форме повелительного наклонения, что является грамматической ошибкой. Впрочем, для решения вопроса о правильности или неправильности этой формы в стихотворении требуется тщательный анализ синтаксиса пушкинского времени. Видеть в подобных случаях «колебания между обнажением приема и его сокрытием» [Жолковский, 2024, 412] и тем самым вносить в филологический разбор не очень уместный психологический фактор едва ли оправданно. Иначе получается, что писатель реализует одновременно две взаимоисключающие литературные установки.

ЛИТЕРАТУРА

Алданов М. Собр. соч. В 6 т. / сост. и общ. ред. А.А. Чернышева. М.: Правда, 1991. Т. 6. 577 с.

<Безродный М.В>. Все лучшие воспоминания... URL: <https://m-bezrodnyj.livejournal.com/204078.html> (дата обращения: 10.03.2026).

Бочаров С. Роман Л. Толстого «Война и мир». 3-е изд. М.: Худож. лит., 1978. 104 с.

Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч. В 5 т. / ред. текста, коммент. и предисл. Б.М. Эйхенбаума; подгот. текстов Б.М. Эйхенбаума и К.Н. Халабаева. М.; Л.: Academia, 1937. Т. 5: Проза и письма. 651 с.

⁷ Эта провокативность проявляется, например, в неприятии существующей истории как науки, в апологии барства-крепостничества, в отрицании врачевания, в превращении Наташи в «плодовитую самку» (эпатирующем не только приверженцев женской эмансипации), в разоблачении «канонических» героев войны 1812 года (прежде всего это Ермолов, но не он один) и в дестетизации войны как таковой. См. об этом, в частности: [Шкловский, 1928, 76–85, 152–197; Эйхенбаум, 2009, 474, 478–480, 484–485; Ранчин, 2013, 79–86, 115–130; Ранчин, 2022; 2024а; 2024б].

Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 10 т. / текст проверен и примеч. сост. Б.В. Томашевским. 4-е изд. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние. Т. 1: Стихотворения, 1813–1820. 1977. 479 с.

Ранчин А.М. Переключка Камен: филологические этюды. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 656 с.

Ранчин А.М. О генезисе одного эпизода «Войны и мира» и о поэтике книги Л.Н. Толстого // Литературоведческий журнал. 2022. № 3(57). С. 54–70.

Ранчин А.М. «Война и мир» Льва Толстого, имперскость и милитарная эстетика // Новый мир. 2024. № 6. С. 203–212.

Ранчин А.М. Отражение истории в «Войне и мире». Книга Льва Толстого и записки Дениса Давыдова // Новый мир. 2024. № 10. С. 177–188.

Риффатерр М. Формальный анализ и история литературы (пер. С. Козлова) // Новое литературное обозрение. 1992. № 1. С. 20–40.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.; Л.: Госиздат; Госиздат. худож. лит.; Худож. лит., 1835–1958.

Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. Соч. В 18 т. М.: Наука, 1977. Т. 10: [Рассказы, повести], 1898–1903. М.: Наука, 1977. 496 с.

Шестов Л. Соч. В 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 2. 560 с.

Шкловский В. Матерьял и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир». М.: Федерация, [1928]. 251 с.

Riffaterre M. Semiotics of Poetry. Bloomington; London: Indiana University Press, 1978. 213 p.

A.M. Ranchin

*PhD in Philology, Professor, Associate Professor,
Chair of the History of Russian Literature,
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia*

Why was Prince Andrei's Wife's Death One of the «Best Moments» of his Life? On the Interpretation of One Fragment of «War and Peace» in Light of the Poetics of Leo Tolstoy's Book

This paper examines a passage from «War and Peace» (volume 2, part 3, chapter III) in which Prince Andrei Bolkonsky's recollections of his deceased wife and her «dead, reproachful face» are characterized as one of the «best moments» of his life and contrasted with the joyful feeling that overwhelmed the hero upon seeing an old oak tree, thought to be withered, sprout new shoots. The strangeness and even apparent absurdity of this characterization has generally been overlooked, although it was noted but not interpreted by the writer Mark Aldanov and the philologists I.F. Danilova and M.V. Bezrodny. Recently, A.K. Zholkovsky interpreted this «incongruity» as a camouflaged expression of the author's thought about the value of genuine knowledge – «the truth about death». This article analyzes the semantics of the key lexemes in the passage, which is considered in the context of episodes in the spiritual evolution of Tolstoy's hero. It has been argued that the epithet «best» characterizes not the fact of the princess's death, but the hero's associated guilt and capacity for compassion. His wife's death shatters Prince Andrei's hardened shell of egotism and self-love and

prompts him to perceive the world as it is (but not the «truth about death»). Nevertheless, a peculiar shocking effect was clearly part of the author's intention: it was meant to compel the attentive reader to reflect on their own life and reassess it.

Keywords: *L.N. Tolstoy; «War and Peace»; memoirs of Andrei Bolkonsky; imaginary contradictions; motive of death; psychologism.*

REFERENCES

- Aldanov M. Collected Works [Sobranie sochinenii]. In 6 vols. Compiled by A.A. Chernyshev. Moscow: Pravda Publ., 1991. Vol. 6. 577 p. (in Russian).
- <Bezrodney M.V>. All the best memories... [Vse luchshie vospominaniya...]. Available at: <https://m-bezrodney.livejournal.com/204078.html> (accessed on March 10, 2026) (in Russian).
- Bocharov S.L. Tolstoy's novel "War and Peace" [Roman L. Tolstogo "Voina i mir"]. 3rd ed. Moscow: Khudozhestvennaya literature, 1978. 104 p. (in Russian).
- Lermontov M.Yu. Complete Works [Polnoe sobranie sochinenii]. In 5 vols. Edited by B.M. Eikhensbaum and K.N. Khalabaev. Moscow; Leningrad: Academia, 1937. Vol. 5. 651 p. (in Russian).
- Pushkin A.S. Complete Works [Polnoe sobranie sochinenii]. In 10 vols. Edited by B.V. Tomashevskii. 4th ed. Leningrad: Nauka, 1977. Vol. 1. Poems, 1813–1820. 1977. 479 p. (in Russian).
- Ranchin A.M. Roll Call of Kamen: Philological Studies [Pereklichka Kamen: filologicheskie chtyudy]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. 656 p. (in Russian).
- Ranchin A.M. On the genesis of one episode of "War and Peace" and the poetics of L.N. Tolstoy's book [O genezise odnogo ehpizoda "Voiny i mira" i o poehtike knigi L.N. Tolstogo]. *Literary journal*, 2022. No. 3 (57). Pp. 54–70 (in Russian).
- Ranchin A.M. "War and Peace" by Leo Tolstoy: imperialism and military aesthetics ["Voina i mir" L'va Tolstogo, imperskost' i militarnaya ehstetika]. *New world*, 2024. No. 6, Pp. 203–212 (in Russian).
- Ranchin A.M. Reflection of history in "War and Peace". Leo Tolstoy's book and Denis Davydov's notes [Otrazhenie istorii v "Voine i mire". Kniga L'va Tolstogo i zapiski Denisa Davydova]. *New world*, 2024. No. 10. Pp. 177–188 (in Russian).
- Riffaterre M. Formal analysis and history of literature [Formal'nyi analiz i istoriya literatury]. Translated by S. Kozlov. *New literary review*, 1992. No. 1. Pp. 20–40 (in Russian).
- Tolstoy L.N. Collected Works [Polnoe sobranie sochinenii]. In 90 vols. Moscow; Leningrad: Gosizdat; Gosizdat. hudozh. lit.; Hudozh. lit, 1835–1958. (in Russian).
- Chekhov A.P. Collected Works and Letters [Polnoe sobranie sochinenii i pisem]. In 30 vols. Moscow: Nauka, 1977. Vol. 10. 496 p. (in Russian).
- Shestov L. Works [Sochineniya]. In 2 vols. Moscow: Nauka, 1993. Vol. 2. 560 p. (in Russian).
- Shklovskii V. Material and style in Leo Tolstoy's novel "War and Peace" [Mater'yal i stil' v romane L'va Tolstogo "Voina i mir"]. Moscow: Federatsiya, [1928]. 251 p. (in Russian).
- Riffaterre M. Semiotics of Poetry. Bloomington; London: Indiana University Press, 1978. 213 p. (in English).

Я.Ю. Кидинов

Москва, Россия

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2026-74-2-18-30

ЗНАЧЕНИЕ ПИЩЕВЫХ ОБРАЗОВ В РОМАНАХ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА. ДВЕ МЕТОДИКИ АНАЛИЗА

Ключевые слова: *М.М. Бахтин; образы еды; игра; контакт с пищей; драматический подход; драматический узел; осложненный пищевой узел.*

Темой статьи является исследование образов еды, рассматриваемых на конкретном материале романов «12 стульев» и «Золотой теленок». Актуальность темы обусловлена потенциально присущим таким образам смысловым богатством и необходимостью его раскрытия при работе с содержащими эти образы произведениями. К материалу романов И. Ильфа и Е. Петрова применена методика исследования таких образов, разработанная в трудах М. Бахтина. Далее предлагается исследовательский подход к образам еды, направленный на выявление драматического аспекта их значения. Для этого требуется поиск драматического узла в ситуациях еды, как структурно-смысловой основы таких ситуаций. Под драматическим узлом в общем случае понимается сплетение обстоятельств, оказывающих взаимосвязанные и противоположно направленные воздействия на героя. В нашей теме такие воздействия связаны с пищей, что позволяет конкретизировать общее понятие как пищевой узел. Результатами проведенного в статье исследования являются: 1) раскрытие значения образов еды, как важной части художественного мира рассматриваемых романов; 2) выявление приема художественного воплощения образов еды, обозначенного как «осложненный пищевой узел», характеризующего ситуацию, в которой желание человека относительно еды наталкивается на противодействующие этому желанию обстоятельства. Полученные результаты могут быть применены в работе с широким кругом произведений, содержащих пищевые образы.

Внимание литературоведов к образам еды в художественных произведениях обусловлено значением этих образов, которое отнюдь не сводится к изображению актов наполнения желудка [Рудаковская, 2003, 60]. Образы еды способны выполнять в художественном мире произведений функции тропов (символов, метафор и т.п.), имеющих смыслы экзистенциального уровня. Современные исследования показывают продуктивность приема осмысления мира через пищевые метафоры, их смысловую емкость, применимость к выражению самых различных аспектов действительности [Юрина, 2017, 112], способность к выражению оценочного отношения к объекту изображения и участию в создании общей картины мира и ее цен-

ностной составляющей [Боровкова, 2015, 6]. С особой глубиной художественную значимость образов еды вскрыл в своих трудах М. Бахтин [Бахтин, 1972; 2000], показав способность таких образов к выражению жизненной сущности. Подобные свойства, потенциально присущие образам еды, определяют актуальность литературоведческой работы с ними и необходимость особого внимания к ним при анализе содержащих их произведений.

М. Бахтин, выделивший особый жанр мениппеи [Бахтин, 1972, 122–135], заметил, что в силу своих художественных особенностей образы еды особенно органичны в художественном мире произведений этого жанра. Для Бахтина была важна способность произведений этого жанра при своей несерьезной, игровой форме глубоко и серьезно раскрывать существенное в человеческой жизни. И благодаря своему потенциалу способствовать такому раскрытию образы еды получают место в подобных произведениях. Можно даже сказать, что этот жанр требует обязательного присутствия образов еды.

Художественные особенности романов «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» позволяют заметить в них черты выделенного Бахтиным жанра. К таким особенностям относится присущий романам игровой модус¹, а также значительное место, занимаемое в романах образами еды². На их страницах упоминается или детально описывается множество разнообразных кушаний, говорится о желании персонажей «вводить в организм обеды и ужины», показывается реализация этих желаний и т.п. Получается, что значительная часть объема небольших романов отведена их авторами под образы еды. Внимание к пищевым образам и их органичность в художественном мире романов свидетельствует о важной роли таких образов.

Однако в литературоведении эта часть образности романов Ильфа и Петрова практически не получила освещения. Заметная и важная часть художественного мира романов осталась без должного внимания и осмысле-

¹ Под модусом художественности понимается творческая стратегия, реализующаяся в произведении соответствующим типом героев и актуализирующихся вокруг них ситуаций, авторской позицией и актуализируемой поэтикой произведения установкой читательского восприятия [Чернец, 2004, 54]. Все это имеет в романах явный игровой характер.

² Пример пищевого образа из романа «Двенадцать стульев» (Глава XVI «В Москве»): «Кто он, розовощекий индивид, сидящий с салфеткой на груди за столиком и с аппетитом уничтожающий дымящуюся снесь? Вокруг него лежат стада миниатюрных быков. Жирные свиньи сбились в угол таблицы. В специальном статистическом бассейне плещутся бесчисленные осетры, налимы и рыба чехонь. На плечах, руках и голове индивида сидят куры. В перистых облаках летают домашние гуси, утки и индейки. Под столом сидят два кролика. На горизонте возвышаются пирамиды и вавилоны из печеного хлеба. Небольшая крепость из варенья омывается молочной рекой. Огурец, величиною в пизанскую башню, стоит на горизонте. За крепостными валами из соли и перцу пополуротно маршируют вина, водки и наливки...». В заключение эпизода упоминается раблезианский персонаж Гаргантюа, что позволяет усмотреть связь приведенного образа с романом Ф. Рабле, послужившим для М. Бахтина основным источником при разработке положений о художественном значении образов еды. Как вспоминают современники [Сборник воспоминаний, 1963, 41], И. Ильф знал творчество Рабле и увлекался им – и примерно в то же время (1920-е годы) М. Бахтин начал свое исследование творчества Ф. Рабле.

ния. Но без этого их общее осмысление является неполным. Данное исследование имеет своей целью заполнить имеющуюся лакуну. В исследовании решаются следующие задачи: раскрыть художественное значение пищевых образов с учетом многоаспектности этого значения, определить методологические основания работы с такими образами, выявить приемы поэтики, которыми воплощаются исследуемые образы. Этим определяется теоретическая значимость исследования. Практическая значимость состоит в возможности использовать полученные результаты в работе с широким кругом произведений, содержащих пищевые образы.

Художественное значение образов еды по М. Бахтину. Выявление художественного значения пищевых образов отнюдь не является тривиальной задачей с лежащими на поверхности простыми решениями. Напротив, задача достаточно сложна в силу специфики исследуемого предмета. Необходима такая его проработка, что соответствовала бы природе предмета и позволила бы найти к нему верные подходы, на основании которых будет возможно вывести закономерные положения, отражающие существо исследуемой темы.

Из имеющихся работ по осмыслению пищевых образов особенно выделяются своим уровнем проработки темы исследования М. Бахтина [Бахтин, 1990, 305–334; 2000, 95–157]. В своей работе он опирался на разработанную им методологию, имеющую в своей основе внимание к пространственно-временным свойствам художественных образов, отражающим их существенное, жизненное значение. Выводы, полученные в результате применения данной методики к образам еды, можно обобщить в такой формулировке: смысловая основа образов заключается в том, что еда изменяет свойства времени и пространства; изменение фундаментальных характеристик мира отражается в его человеческом восприятии. В этом состоит суть художественных эффектов еды. Ведущий эффект основывается на том, что в акте еды время обретает связность; прошлое живого существа соединяется с его будущим. Если это существо изолировать от пищи, лишив его возможности питания, то и будущее оторвется от него, у него останется одно обрывающееся прошлое. Без еды будущего нет, а с ней жизнь получает продолжение. «Торжество жизни над смертью» [Бахтин, 1990, 312] – так определяет М. Бахтин фундаментальный смысл, присутствующий в образах еды.

С пространственной стороны процесс еды представляет собой введение пищи внутрь тела. Чтобы извне попасть внутрь, пище необходимо пересечь границу тела, отделяющую его от окружающей среды. Естественно, эта граница должна открыться, поскольку на закрытой границе пища застрянет. Пример такого случая: эпизод с Лоханкиным [Золотой теленок, 1982, 96], когда Варвара пыталась впихнуть бутерброд внутрь Лоханкина, но тот старался выпихнуть этот бутерброд наружу. Введение пищи в организм человека можно рассматривать как снятие разделяющей границы между его телом и пищей. Это снятие является содержанием образа еды, обобщенным до

его пространственной основы. Данное содержание имеет потенциал расширительного понимания (обладает «метафорической силой», по выражению М. Бахтина). Благодаря этому акт еды можно рассматривать как снятие разделяющей границы: конкретно – между телом и пищей, в расширительном понимании – между человеком и миром.

Поскольку граница выполняет функцию пространственного отделения одного от другого, при ее снятии происходит соединение: из ранее разделенных границей сущностей возникает некая целостность. В силу вышеуказанного свойства (способность к метафоризации содержания) образ еды может стать базой, на которой разворачивается целый ряд образов со снятием границ. Предельный смысл такого ряда можно определить как преодоление вообще всяких разделяющих границ между людьми и миром. Примером является эпизод с пиром на смычке из романа «Золотой теленок» [Золотой теленок, 1982, 221]. На смычке произошел целый ряд снятия пространственных разделений: соединились в сплошную линию рельсы железнодорожной магистрали, эта дорога соединила удаленные территории, соединились празднующие люди из разных стран и социальных классов – и телесно (в объятиях), и духовно. И все увенчивается пиром, на котором соединились люди и пища в виде обильных и разнообразных яств. Таким образом, произошло соединение ранее разделенных в пространстве различных объектов мира до их восприятия как целостности. Также в этом эпизоде соединились и времена – прошедшее с будущим (когда веселые рабочие заявили: мы завершили эту стройку – давайте скорее начнем следующую).

Благодаря своим имеющим фундаментальную основу эффектам еда присутствует в образе не как какое-то украшение или сообщение о факте. Еда получает художественный смысл, являющийся настолько глубоким и однозначным, насколько удастся отразить в ее образе связующую роль еды в человеческой жизни. В рассмотренном эпизоде еда связана с преобразованием разделенного мира в связный и целостный, с трудом, борьбой, победой, лучшим будущим, единением людей и т.п.

Специфика произведений жанра, к которому принадлежат романы Ильфа и Петрова, проявляется в том, что их насыщенность образами еды, с ее способностью снимать отграничения, придает художественному миру такого произведения особые свойства. В этом мире образы еды, воплощающей материально-телесное начало мира, соседствуют с высоким, абстрактным, духовным, идеальным (или претендующим на это) – все вовлекается в общую игру, в которой снимаются границы, отделяющие высокое и идеальное от материально-телесного. В игре первое снижается до второго – и это снижение имеет не только отрицающее значение, но и положительное: оно амбивалентно, оно одновременно отрицает и утверждает, сводит в могилу и возрождает, придает жизненную силу высокому и духовному. Сам мир, насыщенный контактом

пищи и тела (метафорически – человека и мира), делается ближе и роднее человеку; такой мир выглядит по-иному – человечнее и веселее, он проникнут торжествующим временем, идущим в лучшее будущее³. Образы питания получают символически расширенное универсальное значение, отражающее существенную связь с жизнью и смертью⁴, угнетением и возрождением, борьбой и победой, веселым торжеством, – и насыщают этим значением весь художественный мир произведения. Так поданные образы еды выражают стихийно материалистическое и стихийно диалектическое, а потому и реалистическое понимание бытия. Все эти положения М. Бахтина вполне приложимы и к художественному материалу романов Ильфа и Петрова.

Драматический подход к образам еды. Художественным образам присуща многозначность, вследствие чего невозможно исчерпать смысл образа одним способом его раскрытия [Лотман, 1970, 14]. Возможны и даже необходимы различные методы исследования образа, раскрывающие разные аспекты присущего ему смысла. В современном литературоведении данный тезис трактуется как проявление общенаучного принципа дополнительности, требующего для полноты раскрытия исследуемого объекта использования в работе с ним различных методов, в том числе, взятых из других научных дисциплин [Ворожбитова, 2019, 21]. Применительно к образам еды это значит, что подход М. Бахтина в исследовании их содержательного богатства можно и должно дополнить другими методами. В данном исследовании предлагается метод, направленный на раскрытие в образах еды драматического аспекта их значения.

Суть предлагаемого метода заключается в рассмотрении еды с драматической точки зрения, соответственно, основа метода закономерно заимствована из драматургии. Этой основой является понятие драматического узла [Волькенштейн, 1929, 13–18], под которым понимается сплетение обстоятельств, оказывающих противоречивое воздействие на героя; сплетение обстоятельств может оказываться запутанным и способно туго затягиваться вместе с попавшим в него героем. Одни обстоятельства узла действуют на героя побуждающе, то есть становятся причиной возникновения в нем значимого для него желания, воплощение которого становится целью героя. Но другие обстоятельства препятствуют герою, не дают осуществить возникшее в нем устремление. Побуждающие и препятствующие факторы, взаимосвязанно и противоположно воздействующие на героя, образуют для него ситуацию драматического узла.

³ Примером аналогичной роли пищевых образов является роман «Лето Господне», где обилие этих образов способствует изображению мира как родного, обжитого, праздничного [Болдырева, 2019, 88].

⁴ Как заметил М. Бахтин, образы еды органично сочетаются с мотивами смерти. Примеры из наших романов: фантазия Бендера о дуэли на мясорубках («Каждое ранение безусловно смертельно. Пораженный противник механически превращается в котлету» [Двенадцать стульев, 1982, 221]) или образ Трикартова («Накормлю и умру...» [Золотой теленок, 1982, 132]).

Узел является ключевой частью драматической структуры. Соответственно, драматический подход, то есть рассмотрение ситуации еды как драмы, требует выявления драматического узла. В общем смысле под таким узлом следует понимать ситуацию, в которой возникшее в человеке желание относительно еды наталкивается на противодействующие реализации этого желания обстоятельства. Примером является вышеупомянутый эпизод с Лоханкиным, в котором этот герой столкнулся с противодействием его желанию не есть.

Более распространенным является препятствование другому желанию – поесть. Пример этого – ситуация, в которой находится главный герой романов в момент его появления в повествовании. И «12 стульев», и «Золотой теленок» начинаются для Остапа Бендера тем, что он стремится в столовую. Его побуждение описывается ясно: «Он хотел есть» [Золотой теленок, 1982, 14]. Но он не может сразу реализовать свое устремление (зайти в столовую и поесть), поскольку у него нет денег – их отсутствие является препятствующим обстоятельством. Ему приходится сперва добыть деньги и потом уже зайти в столовую и насытиться.

В дальнейшем Бендер еще не раз будет оказываться в подобного рода ситуации: в нем есть устремление к еде, но доступ к ней затруднен⁵ – и без преодоления затруднений желанного доступа Остап не получит. Чтобы разрешить этот узел, ему приходится придумывать и осуществлять разнообразные комбинации, позволяющие ему преодолеть разделенность с едой. Например, именно в такой ситуации Бендер вообразил проект Нью-Васюки («Остап со вчерашнего дня еще ничего не ел. Поэтому красноречие его было необыкновенно» [Двенадцать стульев, 1982, 204]).

Пространственно-временное обобщение ситуаций еды можно сформулировать как длящийся некоторое время контакт тела и пищи, их соприкосновение. Значимость контакта, а значит и стремления к нему, определяется его жизненной необходимостью, поскольку без него наступит голод. Но значимость может иметь и стремление избежать контакта с пищей (пример Лоханкина) или прервать его (например, в ситуации пресыщения, которое, так же как и голод, проявляется неприятными ощущениями, а в предельном выражении приводит к смерти⁶).

Драматическую ситуацию воздействия противоположных сил – побуждающих на устремление к пище (или от нее) и препятствующих реализовать это устремление – можно конкретизировать таким понятием, как пищевой

⁵ Примеры: «Я безумно хочу жрать, а все закрыто» [Двенадцать стульев, 1982, 83]; «Остап, когда новые друзья тащили его обедать, отговаривался отсутствием аппетита» [Золотой теленок, 1982, 211] (на самом деле у него отсутствовали деньги, а есть он хотел).

⁶ Редкий пример художественного воплощения такой ситуации с пищей есть у Д. Хармса в миниатюре «Страшная смерть»: «... он ел, и ел, и ел, и ел, и ел, покуда не почувствовал где-то в желудке смертельную тяжесть.

Тогда, отодвинув коварную пищу, он задрожал и заплакал.

В кармане его золотые часы перестали тикать...» [Хармс, 2011, 33].

узел. В нем на человека воздействуют переплетающиеся силы, направляющие его к пище – на соприкосновение с ней, снятие пространственной разделенности с пищей – и отталкивающие от пищи, сохраняющие разделенность с ней. Препятствующие факторы своим воздействием не пускают человека к пище, не дают произойти их желанному или даже ставшему уже жизненно необходимым соприкосновению. Побуждающая сила аппетита (переходящего в голод) будет устремлять его к пище – но препятствующая сила будет действовать в противоположном направлении. Препятствующие факторы осложняют своим вмешательством ситуацию между человеком и пищей, поэтому результат их вмешательства можно назвать «осложненный пищевой узел».

К драматическим ситуациям применяется понятие узла в том числе и потому, что узлам присуще свойство затягиваться под воздействием противоположно направленных сил. Для драматической ситуации и ее разновидности – осложненного пищевого узла также можно говорить о способности затягиваться. При этом и человеку, попавшему в узел, становится туго, поскольку затягивающаяся из-за препятствий нереализация его насущных стремлений ощущается все более жестко. Однако для наблюдателя ситуация человека, оказавшегося в узле, представляет интерес. Как отреагирует этот человек на проблемную ситуацию, как он проявит себя в своей реакции, как разрешится ситуация? Возникающие у наблюдателя вопросы по ситуации означают, что она привлекла его внимание, вызвала интерес. Примером такого наблюдателя является читатель, внимание которого привлекла возникшая по сюжету произведения ситуация узла, в которую попал персонаж. Простое удовлетворение его устремлений относительно пищи (например, захотелось поесть – приблизился к пище и поел) художественно не вполне интересно. Интерес возникает, когда ситуация осложняется тем, что между героем и пищей возникает препятствие, затрудняющее сближение с пищей до соприкосновения с ней. Примерами такого препятствия является способность пищи ускользать от соприкосновения (например, убежать) либо ее отгораживание какими-то барьерами или конкурент, способный даже вырвать пищу из рук (то есть прервать уже начавшееся соприкосновение).

М. Бахтин в своих исследованиях образов еды сосредоточился преимущественно на еде как празднике, обильной, яркой, вызывающей соответствующие эмоции. Таков был художественный материал произведений, на которых он изучал пищевые образы. Но в своей концепции он учитывает и тот смысловой момент в пищевых образах, который следует считать драматическим. Это, например, требования поститься (то есть отказываться от пищи) или ограничение в пище отрицательных персонажей. В романах Ильфа и Петрова многие образы еды также изображают просто контакт с ней, что вкупе с расширительным смыслом (положительный для человека контакт с миром) способствует возникновению общей позитивной атмосферы в художественном мире романов. Участие в создании этой атмосферы является основой художественного значения романных образов еды. Но значительная часть романных образов еды

имеет явное драматическое значение. Исследование таких образов требует, так же как и в концепции М. Бахтина, обращать внимание не только на контакт с пищей, но и на возможный неkontakt с ней при ее присутствии в образе. Этот возможный неkontakt (при стремлении к контакту) имеет важное значение в драматических образах.

Подаваемая в драматическом узле еда, можно сказать, вдвойне эффективна: не только сама собой, но и в силу своих сложных отношений с человеком. Заузыренная еда впечатляет читателя благодаря непростой ситуации для стремящегося к ней живого существа из-за препятствий, отсекающих его от пищи. Это позволяет рассматривать осложненный пищевой узел как художественный прием, способствующий усилению эффективности произведения. Следует полагать, что именно с такой целью Ильф и Петров использовали указанный прием в своих романах,

Осложненный пищевой узел в романах И. Ильфа и Е. Петрова.

Примерами являются ситуации, в которые попали Коля Калачев [Ильф, Петров, 1982а, 100–101] и Васиусалий Лоханкин [Ильф, Петров, 1982б, 94–99]. Коля не ест мясо, поскольку это слишком дорогая для него еда. Но вынужденный отказ от мяса привел его к размолвке с любимой женой. Васиусалий отказался от пищи в качестве противодействия уходу жены. Однако объявленная голодовка быстро привела к тому, что он действительно проголодался. То есть его стало тянуть к пище; она находилась рядом – кастрюля борща с куском мяса. Но его соприкосновение с этим куском (образно воплотившееся в том, что Васиусалий ухватил его своими пальцами) сразу влечет за собой уход жены от Васиусалия.

И Коля, и Васиусалий оказались в напряженно-противоречивой ситуации. Она характеризуется одновременным воздействием двух противоположных сил: одна тянет героев к мясу, другая их от мяса отталкивает. Возникает дилемма: есть мясо – будет плохо, не есть мяса – тоже будет плохо. Есть или не есть? Так можно сформулировать драматический вопрос, который им необходимо решить.

В рассматриваемых эпизодах драматически заузыренная ситуация, основанная на (не-)соприкосновении с пищей, позволила развернуть образный комплекс, в котором пища связывается со смертью («Когда мы ели морковное жаркое, я почувствовала, что умираю» [Ильф, Петров, 1982а, 100]), идеями культуры и высокой литературой («Лев Толстой тоже не ел мяса», «А когда он писал “Войну и мир”, он ел мясо!» [Ильф, Петров, 1982а, 100]). Во втором романе заметно развитие этого комплекса, в том числе присутствие в нем мотива смерти («Ей представился муж, иссохший от голода, с затихшими пульсами и холодными конечностями», «Он умрет без меня» [Ильф, Петров, 1982б, 95–96]) и высоких чувств («...она бросала беспокойные взгляды на сытого Сашука, вид которого показывал, что любовные переживания не мешают ему регулярно вводить в организм обеды и ужины»

[Ильф, Петров, 1982б, 98]), а также идеалов, что должны быть присущи интеллигентности: работа мысли, духовность с ее развитием, рефлексия категорий прекрасного и трагического и т.д. В этом комплексе происходит отмеченная М. Бахтиным игра мотивов, в которой амбивалентно связываются высокое и духовное с материально-телесным.

Изучение эпизодов с Калачевым и Лоханкиным выявляет сходство художественной структуры, основанной на драматизме, создаваемом осложненным пищевым узлом. В ситуации обоих мужей их отношения с мясом оказались взаимосвязаны с их отношениями с женами, вследствие чего их семейная жизнь (ее продолжение или прерывание) стала зависеть от соприкосновения или несоприкосновения с пищей. Для Коли и Васисуалия съедение или несъедение мяса, драматически заузленного с семейными отношениями, означает не просто принятие или непринятие пищи. Это принятие или непринятие воспринимается в целостном представлении, куда входят и отношения с женами – и в результате значение еды для героев (а также читателей) расширяется.

Драматизация пищи осуществляется через ее связывание соответствующим узлом с каким-либо осложняющим фактором, которым могут быть не только семейные отношения, но и другие жизненные обстоятельства. Как показывает вышеприведенный пример, значение драматизированной пищи, ставшей частью целостного представления вместе со связанными с нею обстоятельствами, расширяется. Это расширение смысла означает, что такая пища становится тропом, то есть приобретает повышенную художественную выразительность за счет того, что слова, означающие пищу, в дополнение к своему прямому значению получают переносное. То есть образ буквально являет, что человек принимает пищу или остается без соприкосновения с ней, – переносно же смысл образа выражает какое-то жизненное обстоятельство человека, связанное через узел с пищей. В наших романах через такой узел, через драматизацию еды (хронотопически воплощаемую через (не-)соприкосновение с пищей) выражаются темы не только семейной жизни, но также любви и скупости, товарищества и эгоизма, надежды и неудачи, близости конца жизни и ее расцвета и т.д.

В образе с драматически заузленной пищей ее значение расширяется на основе ее (не-)соприкосновения с человеком. Это позволяет трактовать возникающий троп как метонимию, в которой усиление художественной эффективности достигается через обозначение объекта словом, означающим другой объект, но находящимся с первым в соприкосновении. Пример метонимии «скушал три тарелки» [Розенталь, 1974, 341] основан на соприкосновении тарелки и наложенной в нее пищи. Благодаря своему соприкосновению тарелка и пища оказались связаны в едином представлении, что позволило употребить первое слово для выражения значения второго.

Так через пищу, драматически связанную с существенными жизненными обстоятельствами, эти обстоятельства получают яркое выражение.

Получают такое выражение и попавшие в данные обстоятельства персонажи, присущие им качества. Наши романы подтверждают положение, что образы еды включают в произведение, поскольку они могут способствовать раскрытию героев, их жизненной ситуации, характера, отношения к другим [Жербер, 2019, 109].

Отчасти таким приемом раскрываются образы антагонистов романа «Золотой теленок» – Корейко и Бендера. В жизни первого есть свои узлы, определяющие его отношения с пищей: ему приходится откладывать свою жизнь на отдаленное будущее, а в настоящем он питается тем, что «хороший, веселый человек никогда не станет есть» [Ильф, Петров, 1982б, 32] (то есть через свою еду он показывается как нехороший и мрачный человек); он не может угостить любимую, да и вообще никого, из-за боязни пролить свет на подпольную часть своей жизни.

В противоположность Корейко Бендер стремится ярко и полно жить в настоящем (что высказывает и в своей речи к Корейко: «...бросьте отшельничество, спешите выпить свою долю спиртных напитков, съесть ваши двадцать тысяч котлет. Не то... в один погожий денек явится к вам костлявая – и косою по шее. А? Представляете себе аттракцион? Спешите, Александр Иванович, котлеты еще на столе» [Ильф, Петров, 1982б, 224]). Одним из факторов, могущих осложнить еду, придать ей драматическую проблемность, являются другие люди, например находящиеся рядом. Решение Корейко (которое характеризует его отношение не только к пище, но и к другим людям) – отгородиться от других, есть одному и такую пищу, что у других аппетита не вызовет. Решение же, к которому склонен Бендер, – обеспечить обилие пищи, чтобы хватило всем. Яркий пример такого отношения Бендера к пище – его первая фраза после получения миллиона: «Я угощаю... я всех угощаю» [Ильф, Петров, 1982б, 225]. В этой фразе выразилось и его отношение к другим людям, его склонность создавать из еды праздник и делиться им.

Образы еды способны являться весьма значимой частью художественного мира содержащих их произведений, в силу чего требуют особого внимания исследователей. Это положение действительно и для романов «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». В них множество образов еды, выполняющих существенную роль в художественном мире романов. Применение к ним методов М. Бахтина показывает, что в эту роль входит насыщение романов художественными эффектами, характерными для жанра мениппеи. Произведениям данного жанра свойственно вовлечение всего и всех в своеобразную игру, пища тоже становится предметом общей игры и ее средством, вовлекающим в игру соседствующие в романной образности явления и идеи, снимая отграничения между ними; пищевые образы, создаваемые в такой поэтике, способствуют изображению мира как веселого и человеческого, в своей амбивалентности они связаны с жизненной существенностью.

Многозначность, смысловое богатство, потенциально присущее образам еды и реализуемое в подлинно художественных произведениях, требует

арсенала исследовательских методов, соответствующего этому богатству, способного решать задачу его раскрытия с возможно большей полнотой. В данном исследовании как развитие этого арсенала вводится метод анализа образов еды, предназначенный для выявления той части их смысла, что обусловлена драматизмом ситуаций, возникающих в отношениях человека и пищи. Этим отношениям изначально свойственен драматический потенциал, в результате же осложнения отношений какими-то жизненными обстоятельствами возникают ситуации, обобщаемые понятием «осложненный пищевой узел». Создание таких ситуаций, в которых устремления героев относительно пищи наталкиваются на препятствующие обстоятельства, можно рассматривать в качестве соответствующего художественного приема.

Драматический подход к изображению еды означает сложности и проблемы с ней, хронотопически обычно выражаемые в затруднении соприкосновения с ней при насущной потребности в этом соприкосновении. Соответственно, драматический подход к исследованию пищевых образов заключается в выявлении узла обстоятельств, образующих такую ситуацию. В исследуемых романах драматические ситуации с пищей выдержаны в общероманном игровом модусе, настраивающем на соответствующее восприятие – легкое, несерьезно-веселое. В других произведениях такие ситуации могут иметь серьезный модус изображения.

Пример романов Ильфа и Петрова также показывает, что художественный прием выражения через связь с пищей обладает, при его искусном применении, значительными художественными возможностями. Его посредством можно эффектно представить разнообразные, в том числе довольно сложные смыслы, создавая лаконичные и при этом яркие и убедительные образы, ясно выражающие нужную тему, раскрытие которой иным способом – посредством слов прямого значения – потребовало бы пространного текста ограниченного художественного достоинства.

Все это позволяет сделать вывод о плодотворности драматического подхода к образам еды, выявления в них соответствующих узлов и обусловленного ими расширительного значения образов. Этот подход может способствовать развитию методологии работы с пищевыми образами, расширению теоретической основы работы и получению практических результатов в применении к различному художественному материалу.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Худож. лит., 1972. 470 с.
 Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
 Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 304 с.
 Болдырева Е.М. Миф о России в эмигрантском творчестве И.С. Шмелева // Мир русскоговорящих стран. 2019. № 1(1). С. 86–92.

- Боровкова А.В. Пищевая метафора как средство выражения оценки и ценностей (на материале образной лексики и фразеологии русского языка) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 5–13.
- Волькенштейн В.М. Драматургия. М., 1929. 272 с.
- Ворожбитова А.А. Филолог-исследователь как профессиональная языковая личность: лингвориторический подход: учеб. пособие. Сочи: СГУ, 2019. 176 с.
- Жербер Ж. Поэтика еды в творчестве Н. Гоголя и А. Козн // Вестник Тюменского государственного института культуры. 2019. № 2(12). С. 109–114.
- Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М.: Мысль, 1982а. 252 с.
- Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. М.: Мысль, 1982б. 265 с.
- Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
- Люксембург А.М. Игровая поэтика: введение в теорию и историю // Игровая поэтика. Вып. 1. Ростов-н/Д: Литфонд, 2005. 271 с.
- Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка: учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1974. 352 с.
- Рудаковская Э. Семантика пищи в повести А. Платонова «Котлован» // Балтийский филологический курьер. 2003. № 3. С. 60–71.
- Сборник воспоминаний об И. Ильфе и Е. Петрове. М.: Советский писатель, 1963. 336 с.
- Хармс Д.И. Однажды...: истории в стихах и прозе. СПб.: Азбука, 2011. 221 с.
- Юрина Е.А., Балдова А.В. Пищевая метафора в процессах концептуализации, категоризации и вербализации представлений о мире // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 48. С. 98–115.

Y.Y. Kidinov

Independent researcher

Moscow, Russia

Analysis of the Meaning of Food Images from the Novels of I. Ilf and E. Petrov, Two Methods

The article is devoted to the study of food images, examined using specific material from the novels «The Twelve Chairs» and «The Golden Calf». The relevance of the topic is due to the potential semantic richness inherent in such images and the need to reveal it when working with works containing these images. The methodology for studying such images developed in the works of M. Bakhtin was applied to the material of the novels by I. Ilf and E. Petrov. Further, a new research approach to food images is proposed. This approach is also tied to their spatio-temporal basis and is aimed at identifying the dramatic meaning inherent in the studied images. This requires identifying a dramatic node in food situations as their structural and semantic basis. Such a node is understood as a web of circumstances that have interconnected and opposite effects on the hero. In application to our topic, the general concept is concretized as a food node, characterizing the complex relationship between man and food. The results of the research conducted in the article are: 1) revealing the meaning of food images as an important part of the artistic world of the novels under consideration; 2) introduction of a new method of working with food images; 3) identification of a technique for artistic embodiment of such images, designated as a «complicated food knot», "characterizing a situation in

which a person's desire for food encounters circumstances that counteract this desire; in such a situation, the meaning of food expands, which means that it acquires the properties of a trope. The results obtained can be fruitful in working with a wide range of works containing food images.

Keywords: *M.M. Bakhtin; I. Ilf and E. Petrov; images of food; play; contact of food and body; dramatic knot; complicated food knot.*

REFERENCES

- A collection of memoirs about I. Ilf and E. Petrov [Sbornik vospominanij ob I. Il'fe i E. Petrove]. Moscow: Sovetskij pisatel', 1963. 336 p. (in Russian).
- Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's Poetics [Problemy poetiki Dostoevskogo]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1972. 470 p. (in Russian).
- Bakhtin M.M. The Works of Francois Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages [Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1990. 543 p. (in Russian).
- Bakhtin M.M. Epic and Novel [Epos i roman]. Saint-Petersburg: Azbuka, 2000. 304 p. (in Russian).
- Boldyreva E.M. The Myth of Russia in the Emigrant Works of I. S. Shmelev [Mif o Rossii v emigrantskom tvorchestve I. S. Shmeleva]. *The world of Russian-speaking countries*, 2019. No. 1(1). Pp. 86–92 (in Russian).
- Borovkova A. V. Food Metaphor as a Means of Expressing Evaluation and Values (Based on the Figurative Lexicon and Phraseology of the Russian Language) [Pishchevaya metafora kak sredstvo vyrazheniya ocenki i cennostej (na materiale obraznoj leksiki i frazeologii russkogo yazyka)]. *Bulletin of Tomsk State University*, 2015. No. 396. Pp. 5–13 (in Russian).
- Ilf I., Petrov E. The Twelve Chairs [Dvenadcat' stul'ev]. Moscow: Mysl, 1982. 252 p. (in Russian).
- Ilf I., Petrov E. The Golden Calf [Zolotoj telyonok]. Moscow: Mysl, 1982. 265 p. (in Russian).
- Gerber J. Poetics of Food in the Works of N. Gogol and A. Cohen [Poetika edy v tvorchestve N. Gogolya i A. Koen]. *Bulletin of the Tyumen State Institute of Culture*, 2019. No. 2 (12). Pp. 109–114 (in Russian).
- Harms D.I. Once Upon a Time...: stories in verse and prose [Odnazhdy...: istorii v stihah i proze]. Saint-Petersburg: Azbuka, 2011. 221 p. (in Russian).
- Lotman Yu. M. The Structure of the Fiction Text [Struktura hudozhestvennogo teksta]. Moscow: Iskustvo, 1970. 384 p. (in Russian).
- Luxemburg A.M. Game poetics: introduction to theory and history [Igrovaya poetika: vvedenie v teoriyu i istoriyu]. *Game poetics*. Issue 1. Rostov-n/D, 2005. 271 p. (in Russian).
- Rosenthal D.E. Practical stylistics of the Russian language: a teaching aid for universities [Prakticheskaya stilistika russkogo yazyka: ucheb. posobie dlya vuzov]. Moscow: Vysshaya shkola, 1974. 352 p. (in Russian).
- Rudakovskaya E. Semantics of food in A. Platonov's story "The Foundation Pit" [Semantika pishchi v povesti A. Platonova «Kotlovan»]. *Baltic Philological Courier*, 2003. No. 3. Pp. 60–71 (in Russian).
- Volkenstein V. M. Drama [Dramaturgiya]. Moscow, 1929. 272 p (in Russian).
- Vorozhbitova A.A. Research philologist as a professional linguistic personality: linguorhetorical approach: textbook [Filolog-issledovatel' kak professional'naya yazykovaya lichnost': lingvitoricheskij podhod: ucheb. posobie]. Sochi: Sochi State University, 2019. 176 p. (in Russian).
- Yurina E.A., Baldova A.V. Food metaphor in the processes of conceptualization, categorization and verbalization of ideas about the world [Pishchevaya metafora v processah konceptualizacii, kategorizacii i verbalizacii predstavlenij o mire]. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 2017. No. 48. Pp. 98–115 (in Russian).

С.Н. Андреев

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 81'32

DOI 10.35785/2072-9464-2026-74-2-31-44

ТРИ ПОЭМЫ А.Т. ТВАРДОВСКОГО: ОПЫТ СТАТИСТИЧЕСКОЙ СТИЛЕМЕТРИИ

Ключевые слова: *Твардовский; поэмы; морфология; синтаксис; атрибуты; эволюция стиля; хи-квадрат; количественный анализ.*

Статья посвящена количественному анализу эволюции стиля Александра Трифоновича Твардовского. Анализ проводится на материале трех поэм, репрезентирующих разные этапы его творческого пути: ранней поэмы «Путь к социализму» (1931), поэмы «Страна Муравия» (1936), принесшей автору первую известность, и высшего достижения поэта – «Василия Теркина» (1941–1945).

Материалом исследования послужили сопоставимые выборки из трех поэм, проанализированные на трех уровнях языковой организации: морфологическом (частеречный состав), синтаксическом (типы атрибутивных конструкций) и уровне стихотворного синтаксиса (разрыв строки синтаксической паузой, перенос, эмоциональный исход строки).

Для анализа применяется комплекс методов количественной лингвистики (критерий χ^2 , вычисление евклидовых расстояний, многомерное шкалирование), что позволяет перевести интуитивные представления о стилистических различиях в плоскость верифицируемых данных.

Анализ показал сложную, многофакторную траекторию эволюции поэтического языка Твардовского, где разные уровни изменяются с различной скоростью, а ранние и поздние тексты в ряде отношений могут демонстрировать неожиданную близость.

Было установлено, что наиболее контрастно поэмы различаются по показателям стихотворного синтаксиса, умеренно – по частеречному составу, минимальные изменения имеют место у атрибутивных конструкций.

Результаты анализа эволюции свидетельствуют о глубинной трансформации поэтической экспрессии: от внешней, графически выраженной эмоциональности к внутреннему драматизму, создаваемому синтаксическим движением и переносом смысла.

Творческий путь Александра Трифоновича Твардовского охватывает более трех десятилетий, отмеченных сложными идейно-художественными исканиями и значительной эволюцией тематических приоритетов – от сельской

хроники к фронтовой и философской лирике [Павлова, Романова, 2025]. Особый интерес представляет период 1930–1940-х годов, когда формировался и достигал зрелости неповторимый стиль поэта [Македонов, 1971; Ильин, 2009; Королева, 2022]. Три поэмы, созданные в это время, – «Путь к социализму» (1931), «Страна Муравия» (1936) и «Василий Теркин» (1941–1945)¹, – могут рассматриваться как своеобразные вехи творческой эволюции Твардовского. Первая из них, написанная двадцатилетним поэтом, несет на себе печать раннего, во многом подражательного этапа. Вторая, принеся автору широкую известность и первую Сталинскую премию, знаменует обретение собственного голоса; третья, ставшая вершиной творчества, вошедшая в золотой фонд русской поэзии, воплощает зрелое мастерство.

Творчество Александра Твардовского традиционно привлекает внимание исследователей как явление, в котором сложно переплелись фольклорная традиция, советская идеология и высокое эпическое мастерство [Акаткин, 1977; Ильин, 2012; Гришунин, 1987; Сидельников, 1980]. Однако до сих пор эволюция стиля поэта редко становилась предметом строгого количественного анализа. Настоящая работа призвана восполнить этот пробел.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы на материале указанных трех поэм определить, прослеживаются ли тенденции стилистической эволюции Твардовского на разных языковых уровнях: морфологическом (частеречный состав), синтаксическом (типы атрибутивных конструкций) и поэтико-синтаксическом (особенности стихотворного членения). Применение инструментов количественной лингвистики дает возможность преобразовать гипотетические предположения о стилеметрических расхождениях в формат строго проверяемых и обоснованных показателей.

Материалом исследования послужили выборки объемом по 500 строк из каждой поэмы, что обеспечило сопоставимость данных при анализе признаков, привязанных к строке. Для частеречного анализа, а также атрибутивных конструкций, где единицей измерения является слово, полученные абсолютные частоты были нормализованы на 1000 словоупотреблений.

Признаковая схема включает следующие характеристики (в ряде случаев для иллюстрации признака после двоеточия приводятся примеры).

Морфологические

Эти признаки составляют части речи: существительное (СУЩ), глагол (ГЛ) (включая инфинитив и деепричастие), прилагательное (ПЛГ), местоимение-существительное (М-С), местоимение-прилагательное (М-П), наречие (НРЧ) и глагольная форма причастия (ПРИЧ).

Синтаксические (синтаксическая позиция определения) [Баевский, Новикова, Романова, 2009; Романова, 2007, 259]

¹ Здесь и далее используются следующие сокращения названий поэм: ПС – «Путь к социализму», СМ – «Страна Муравия», ВТ – «Василий Теркин».

В числе типов атрибутов (АТ) учитываются следующие типы: прилагательное (П), местоимение-прилагательное: *мой, этот, такой* (М); существительное в родительном падеже: книга *друга* (ГЕН); существительное в предложной конструкции: ключ *от двери* (ПК); существительное-приложение: колхоз «*Путь к социализму*» (ПРЛЖ); причастие (ПРИЧ); придаточное предложение (ПРИД).

Следует подчеркнуть, что число атрибутов, выраженных прилагательными, не совпадает с числом всех прилагательных, поскольку учитываются только синтаксическая позиция определения («Я читаю *интересную* (П) книгу», но не «Это книга *интересная*»). Это же относится и к местоимениям-прилагательным.

Стихотворный синтаксис (ПСС).

Здесь к анализу были привлечены три признака.

1. Разрыв строки синтаксической паузой (РЗРВ):

Хозяйство все, как есть,
– Товарищи! Сегодня первый выезд!..
– Товарищи! – сейчас же подхватил
Михайлов, ожидавший рядом.
(ПС)

Знаем! Сами не глупей.
Пей да ешь, ешь да пей!
(СМ)

Что под низ, и в изголовье,
И наверх, – и все – шинель.
(ВТ)

2. Эмоциональный исход строки (строка заканчивается восклицательным, вопросительным знаком или многоточием):

Он говорил, а все кругом стояли
И шопотом слова такие повторяли!
(ПС)

О чем поют, ведя рукой
И не скрывая слез?
(СМ)

Может, нынче в эту хату
Немцы с ружьями войдут...
(ВТ)

Перенос (перемещение синтаксической паузы внутрь стиха (строки) [Баевский, Новикова, Романова, 2009; Романова, 2007]:

Выносят, вывозят из-под замка
Имущество кулака.
(ПС)

Изо всех один солдат
Жив остался, говорят.
(СМ)

Словом, книгу с середины
И начнем. А там пойдет.
(ВТ)

Морфологический профиль трех поэм. В результате подсчетов были получены данные, отраженные в таблице 1. В ней помещены относительные частоты на 1000 слов. Нормализация производится путем деления абсолютной частоты на количество слов в выборке из данной поэмы и умножением на 1000. Статистическая значимость различий оценивалась по критерию χ^2 на основе абсолютных частот.

Таблица 1

**Морфологический профиль трех поэм
(частоты на 1000 словоупотреблений)**

Часть речи	ПС	СМ	ВТ
СУЩ	296,44	295,75	233,70
М-С	57,34	49,82	65,21
ПЛГ	47,59	51,39	76,63
М-П	39,56	24,65	40,93
ГЛ	197,82	180,91	172,30
НРЧ	57,34	55,06	58,54
ПРИЧ	9,75	4,72	4,28

При сопоставлении поэм ПС и СМ обнаруживается высокое сходство частот большинства частей речи. Наиболее близки показатели существительных (296,44 и 295,75) и наречий (57,34 и 55,06). Достаточно близки также частоты местоимений-существительных, прилагательных и глаголов. Заметные различия наблюдаются лишь у малочастотных причастий (в СМ их частота ниже, чем в ПС: 4,72 против 9,75) и у местоимений-прилагательных (в СМ их частота заметно падает: 24,65 против 39,56 в ПС).

Статистический анализ с помощью критерия χ^2 (с использованием абсолютных частот) подтверждает эти наблюдения. Для большинства частей речи различия между ПС и СМ не достигают уровня статистической значимости ($p > 0,05$). Исключение составляют местоимения-прилагательные ($\chi^2 = 6,644$, $p = 0,0099$ – различие значимо на уровне $p < 0,01$). Различие в частоте причастий также близко к пороговому, но не преодолевает 5-процентный рубеж ($\chi^2 = 3,415$, $p = 0,065$).

Иная картина наблюдается при сопоставлении «Василия Теркина» с двумя другими поэмами. При сравнении ВТ и ПС статистически значимые различия выявляются для трех частей речи:

- существительные: $\chi^2 = 14,274, p < 0,001$;
- прилагательные: $\chi^2 = 9,857, p = 0,002$;
- глаголы: $\chi^2 = 4,144, p = 0,042$ (различие значимо на уровне $p < 0,05$).

При сопоставлении «Василия Теркина» с поэмой «Страна Муравия» статистически значимые различия обнаруживаются для еще большего числа признаков:

- существительные: $\chi^2 = 20,267, p < 0,001$;
- местоимения-существительные: $\chi^2 = 4,307, p = 0,038$;
- прилагательные: $\chi^2 = 9,389, p = 0,002$;
- местоимения-прилагательные: $\chi^2 = 8,174, p = 0,004$.

Если рассматривать только статистически значимые различия, то вырисовывается следующая картина: между ранними поэмами (ПС и СМ) морфологический профиль практически идентичен – значимое различие обнаружено лишь по одному признаку (М-П). Напротив, «Василий Теркин» демонстрирует существенные отличия от обеих ранних поэм. Эти отличия заключаются в перераспределении именной лексики: заметном снижении частоты существительных (с 296 до 234 на 1000 слов) и столь же заметном росте частоты прилагательных (с 47–51 до 77).

Глагольная система, хотя и фиксирует некоторое снижение использования глаголов, тем не менее не обнаруживает статистически значимых различий у поэм. Интересно, что стабильность глагольной лексики подтверждается и на уровне конкретных единиц. В таблице 2 приведены наиболее частотные глаголы в трех поэмах (на данном этапе анализ проводился на полных текстах, а не на выборках).

Таблица 2

Наиболее частотные глаголы в поэмах ПС, СМ и ВТ

ПС	СМ	ВТ
идти	идти	идти
стать	ехать	сказать
сказать	стоять	быть
говорить	быть	знать
работать	сказать	мочь
стоять	говорить	дать
стоять	жить	бить
сидеть	пойти	лежать
прийти	ходить	спать
ходить	пить	забыть
быть	знать	стать

лежать	сидеть	говорить
смотреть	дать	прийти
знать	вести	видеть
пойти	глядеть	жить
	спать	пройти
	петь	сидеть
	лежать	взять
	смотреть	пойти

Ядро глагольной лексики остается устойчивым на протяжении всего творчества: «идти», «сказать», «быть», «знать» входят в число наиболее частотных во всех трех поэмах. Это свидетельствует о стабильности базового глагольного словаря Твардовского.

Для более полного установления возможного различия морфологических профилей поэм в целом было определено евклидово расстояние между ними, которое определяется по формуле:

$$d(p, q) = \sqrt{\sum_{i=1}^n (p_i - q_i)^2},$$

где p и q – точки в n -мерном пространстве.

Чем меньше расстояние, тем большее сходство имеет место между поэмами. Соответственно, при увеличении расстояния сходство уменьшается.

В результате подсчета расстояния оказались следующими:

ПС – СМ $d = 24,71$;

СМ – ВТ $d = 71,25$;

ПС – ВТ $d = 74,34$.

Графически это можно представить как следующий треугольник (рис. 1).

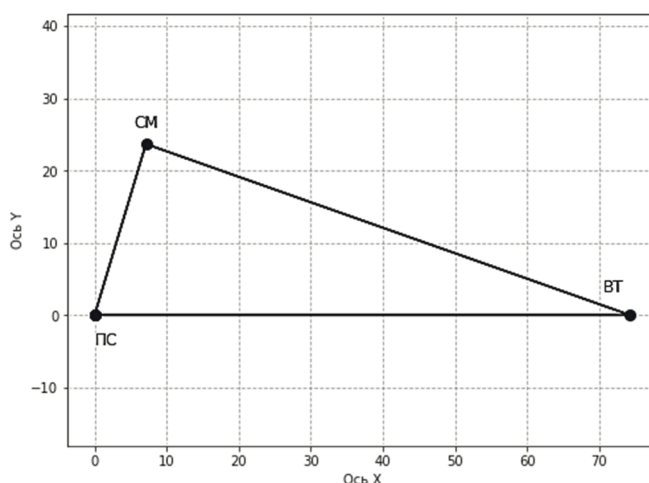

Рис. 1. Евклидово расстояние между поэмами по частоте ЧР

В пространстве частеречных признаков наблюдается четкая кластеризация: ранние поэмы ПС и СМ образуют компактную группу (расстояние всего 24,71), тогда как ВТ значительно удален от обеих (расстояния 71,25 и 74,34).

74,34). Это подтверждает выводы, полученные при попарном статистическом анализе: морфологический профиль «Василия Теркина» радикально отличается от двух более ранних поэм, которые, напротив, демонстрируют высокое сходство. Основное различие, как было показано ранее, заключается в перераспределении именной лексики – снижении доли существительных и росте доли прилагательных в ВТ.

Атрибутивный профиль поэм. На следующем этапе рассмотрим распределение в трех поэмах различных типов атрибутов. В таблице 2 приводятся относительные частоты атрибутов различных типов на 1000 слов.

Таблица 2

Атрибутивный профиль поэм (частоты на 1000 слов)

АТ	ПС	СМ	ВТ
П	40,71	39,85	53,31
М	24,66	15,73	25,23
ГЕН	12,04	5,77	5,71
ПК	7,45	5,77	7,14
ПРИЧ	8,03	4,72	4,76
ПРЛЖ	2,87	5,77	6,19
ПРИД	0,57	4,72	1,43

В отличие от частеречного профиля, где поэмы ПС и СМ демонстрировали высокое сходство, в распределении атрибутов наблюдаются более заметные расхождения. Статистический анализ с использованием критерия χ^2 позволил выявить значимые различия как между ранними поэмами, так и в сопоставлении с «Василием Теркиным».

При сравнении ПС и СМ статистически значимые различия ($p < 0,05$) обнаруживаются для двух типов атрибутов.

Генитивы (ГЕН): $\chi^2 = 4,126$, $p = 0,042$. В ПС их частота более чем вдвое выше, чем в СМ (12,04 против 5,77 на 1000 слов).

Придаточные определительные (ПРИД): $\chi^2 = 5,733$, $p = 0,017$. Здесь, напротив, частота в СМ значительно выше (4,72 против 0,57).

Различия в частоте местоимений-прилагательных (М) близки к пороговому уровню, но не достигают статистической значимости ($\chi^2 = 3,703$, $p = 0,054$). По остальным атрибутивным категориям (прилагательные, предложно-падежные конструкции, причастия, приложения) различия между ПС и СМ отсутствуют.

Таким образом, несмотря на общее сходство атрибутивного профиля, две ранние поэмы расходятся в использовании двух конкретных конструк-

ций: ПС тяготеет к «синтетическому» выражению определительных отношений (через родительный падеж), тогда как СМ активнее использует «аналитические» придаточные определительные.

При сравнении «Страны Муравии» и «Василия Теркина» картина меняется. Статистически значимые различия выявляются для двух категорий, причем в обоих случаях частоты выше в ВТ. Прилагательные (П): $\chi^2 = 4,048$, $p = 0,044$. В ВТ их частота заметно выше (53,31 против 39,85). Местоимения-прилагательные (М): $\chi^2 = 4,444$, $p = 0,035$. Также выше в ВТ (25,23 против 15,73).

Различие в частоте придаточных определительных близко к пороговому, но не достигает 5-процентного уровня значимости ($\chi^2 = 3,628$, $p = 0,057$). По остальным категориям (генитив, предложно-падежные конструкции, причастия, приложения) различия статистически не значимы.

Следует отметить, что генитивные конструкции, столь характерные для ПС, в СМ и ВТ представлены практически одинаково и на низком уровне (около 5,7 на 1000 слов). Это позволяет предположить, что отказ от «генитива» (который характерен для раннего «агитационного» стиха) произошёл уже в СМ и сохранился в ВТ.

При сравнении наиболее удаленных по времени создания поэм статистически значимое различие обнаруживается только для одного признака – ГЕН: $\chi^2 = 4,487$, $p = 0,034$. В ПС их частота более чем вдвое выше (12,04 против 5,71).

Различия по частоте прилагательных близки к пороговым, но статистически не значимы ($\chi^2 = 3,336$, $p = 0,068$). По всем остальным категориям значимых различий нет.

Этот результат на первый взгляд кажется неожиданным, так как можно было бы ожидать, что наиболее контрастные поэмы будут различаться по многим параметрам. Однако статистика показывает, что по большинству атрибутивных категорий ПС и ВТ скорее схожи, чем различны. Исключение составляет лишь генитив – характерная черта раннего стиля Твардовского.

Суммируя полученные данные, можно выделить следующие закономерности.

Использование существительных в родительном падеже последовательно отличает ПС от обеих более поздних поэм. В СМ и ВТ частота генитива практически одинакова и значительно ниже, чем в ПС. Это позволяет рассматривать снижение частоты генитивных атрибутов как устойчивый маркер эволюции стиля Твардовского на этом этапе творчества.

Прилагательные и местоимения-прилагательные начинают играть заметно большую роль только в ВТ. При сопоставлении ВТ с СМ различия значимы, тогда как при сопоставлении ВТ с ПС они таковыми не являются (хотя и близки к пороговому значению). Это может указывать на то, что ПС и ВТ, при всем хронологическом разрыве, в определенном отношении

ближе друг к другу, чем каждая из них к СМ. Возможно, это объясняется жанрово-тематическими особенностями.

Придаточные определительные резко выделяют СМ на фоне обеих других поэм. В СМ их частота максимальна (4,72), в то время как в ПС она минимальна (0,57). В ВТ частота ПРИД занимает промежуточное положение (1,43). Различие между СМ и ПС статистически значимо, между СМ и ВТ оно близко к значимому. Это позволяет предположить, что СМ была для Твардовского своего рода «экспериментальной площадкой», где он активнее использовал синтаксически развернутые определительные конструкции.

Причастия и приложения демонстрируют сходную динамику: их частоты в ПС выше, чем в двух других поэмах, однако различия не достигают статистической значимости из-за малочисленности этих признаков.

При использовании указанного выше подхода для определения сходства-различия поэм (евклидово расстояние) были получены следующие данные.

Расстояния между поэмами по частотам АТ (см. рис. 2):

ПС – СМ $d = 12,62$;

СМ – ВТ $d = 16,85$;

ПС – ВТ $d = 14,89$.

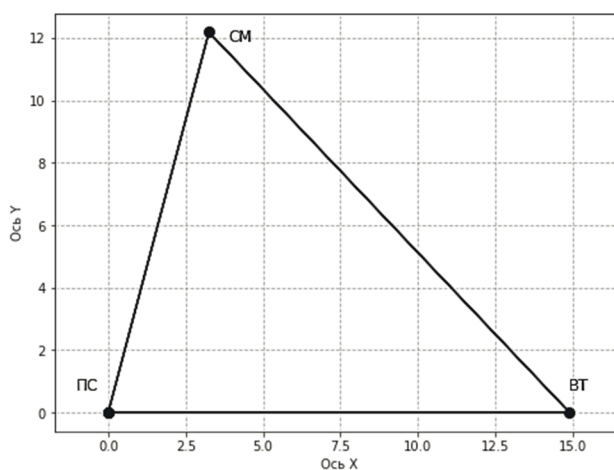

Рис. 2. Евклидово расстояние между поэмами по частоте АТ

В пространстве атрибутивных признаков картина оказывается более сложной. Здесь, как и на рисунке 1, ПС и СМ также находятся ближе друг к другу (12,62), чем к ВТ, однако абсолютные значения расстояний значительно меньше, чем в случае частей речи. Это указывает на то, что атрибутивный профиль в целом более устойчив и меньше подвержен изменениям.

Обращает на себя внимание соотношение расстояний: ПС и ВТ (14,89) оказываются несколько ближе друг к другу, чем СМ и ВТ (16,85). Это согласуется с результатами попарного статистического анализа, где показано, что по ряду атрибутивных категорий (например, по частоте прила-

гательных) ПС и ВТ не имеют значимых различий, тогда как СМ и ВТ различаются значимо. Таким образом, в атрибутивном пространстве СМ занимает обособленное положение, а ПС и ВТ, при всем хронологическом разрыве, демонстрируют определенную близость.

Признаки стихотворного синтаксиса. В таблице 3 приведены данные стихотворных синтаксических признаков (ССП). Все показатели приведены в абсолютных частотах на выборку объемом 500 строк. Поскольку признаки рассчитываются относительно строк, а не слов и объем выборки одинаков для всех поэм, нормализация не требуется; абсолютные частоты непосредственно отражают частотность признаков и могут использоваться для сопоставления.

Таблица 3

Синтаксический профиль поэм (на 500 строк)

Признак	ПС	СМ	ВТ
Разрыв (РЗРВ)	81	144	188
Перенос (ПРН)	15	38	45
Эмоц. исход строки (ЭМИС)	89	78	36

Здесь наблюдается разнонаправленная динамика: частота разрывов строки последовательно возрастает от ПС к ВТ (с 81 до 188 на 500 строк), тогда как частота эмфатических исходов строки, напротив, снижается (с 89 до 36). Частота переносов увеличивается, но темп роста замедляется от СМ к ВТ.

Попарное сопоставление поэм по каждому из трех признаков с помощью критерия χ^2 позволило получить следующие результаты.

ПС – СМ. Наибольшее расхождение между этими поэмами наблюдается по признаку «разрыв строки»: разница составляет 126 случаев на 1000 строк (63 на 500 строк), $\chi^2 = 22,761$, $p < 0,001$ – различие высоко значимо. Различие в частоте переносов также выражено достаточно сильно: $\chi^2 = 10,540$, $p = 0,0012$ – различие значимо на уровне $p < 0,01$. В то же время по признаку «эмфатический исход строки» различия между ПС и СМ не достигают уровня статистической значимости ($\chi^2 = 0,870$, $p = 0,351$).

СМ – ВТ. Значимые различия обнаруживаются по двум признакам. В первую очередь это частота разрывов ($\chi^2 = 8,730$, $p = 0,0031$). Еще более выражено различие по признаку «эмфатический исход строки»: $\chi^2 = 17,465$, $p < 0,001$, что указывает на высокую значимость. По частоте переносов статистически значимого различия не выявлено ($\chi^2 = 0,644$, $p = 0,422$).

ПС – ВТ. При сопоставлении наиболее удаленных по времени создания поэм обнаруживаются статистически значимые различия по всем трем признакам:

- разрыв строки: $\chi^2 = 58,223$, $p < 0,001$;
- перенос: $\chi^2 = 15,957$, $p < 0,001$;
- эмфатический исход строки: $\chi^2 = 25,682$, $p < 0,001$.

Во всех случаях различия высоко значимы ($p < 0,001$).

В целом можно отметить следующую основную тенденцию. От ранней поэмы ПС к зрелой ВТ наблюдается устойчивый рост частоты двух признаков – разрыва строки и стихотворного переноса: их частоты увеличиваются соответственно на 132% и на 200%. Напротив, частота эмфатического исхода строки снижается на 60%. Эти изменения свидетельствуют о существенной эволюции синтаксической структуры стиха Твардовского: от относительно простого, синтаксически завершенного стиха в ПС к более сложному, с частыми разрывами и переносами, но менее эмоционально маркированному в ВТ.

Снижение количества эмфатических исходов строки при одновременном росте разрывов и переносов позволяет предположить, что экспрессивность в зрелом творчестве Твардовского не исчезает, а меняет свою природу. Эмоциональное напряжение смещается с графически маркированного конца строки на лексический и драматический уровни: оно создается не столько восклицаниями или многоточиями в финале стиха, сколько самим синтаксическим движением, переносом смысла через разрыв строки, что делает поэтическую речь более сложной и внутренне напряженной.

Как и ранее, в пространстве синтаксических признаков между поэмами было определено евклидово расстояние. Результаты показали следующее:

ПС – СМ $d = 67,96$;

СМ – ВТ $d = 61,23$;

ПС – ВТ $d = 123,12$.

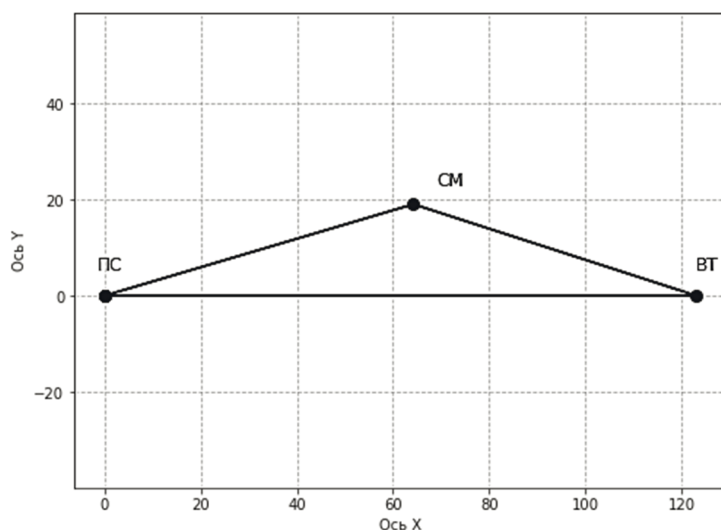

Рис. 3. Евклидово расстояние между поэмами по частоте ПСС

Рисунок 3 показывает четкое изменение стихотворного синтаксиса от ПС к СМ и далее к ВТ. Здесь расстояния на порядок превышают значения, полученные для двух других групп признаков, что свидетельствует о высокой дифференцирующей силе этих параметров.

Отчетливо видна линейная траектория изменения: ПС и СМ удалены друг от друга на 67,96; СМ и ВТ – на 61,23; при этом расстояние между крайними точками (ПС и ВТ) достигает 123,12, что почти вдвое превышает расстояние между соседними поэмами. Такая картина характерна для поступательного эволюционного процесса: от ранней поэмы к средней и далее к более поздней поэме стихотворный синтаксис изменяется последовательно и направленно.

Это соответствует содержательному анализу, проведенному в предыдущем разделе: от ПС к ВТ наблюдается устойчивый рост частоты разрывов строк и переносов и столь же устойчивое падение частоты эмфатических исходов.

Проведенный количественный анализ трех поэм А.Т. Твардовского – «Путь к социализму» (1931), «Страна Муравия» (1936) и «Василий Теркин» (1945) – позволил выявить разнонаправленную динамику стилистической эволюции на разных уровнях поэтического языка. Использование методов многомерной статистики (критерий χ^2 , евклидовы расстояния, многомерное шкалирование) дало возможность не только подтвердить интуитивно ощущаемые различия между текстами, но и получить их точные количественные характеристики.

Наиболее важные результаты состоят в следующем.

Эволюция стиля имеет разную скорость на разных языковых уровнях. Наиболее динамичным и чувствительным к хронологическим изменениям оказался уровень стихотворного синтаксиса, на котором зафиксирована ясно выраженная линейная прогрессия (ПС – СМ – ВТ) с максимальными евклидовыми расстояниями (до 123). Морфологический уровень демонстрирует резкий скачок между СМ и ВТ, в то же время отражая близость ранних поэм. Атрибутивный уровень, напротив, обнаруживает относительную устойчивость и сложную конфигурацию, в которой ПС и ВТ в определенных отношениях ближе друг к другу, чем каждая из них к СМ.

В целом эволюция стиля Твардовского может быть описана через три основных вектора изменений. В области морфологии от ранних поэм к «Василию Теркину» происходит перераспределение именной лексики – снижение доли существительных (на 21%) и рост доли прилагательных (на 51–61%) при относительной стабильности глагольного ядра. В рамках атрибутивных параметров наиболее отчетливым маркером является резкое сокращение частоты генитивов (родительного падежа в атрибутивной функции). В области стихотворного синтаксиса имеет место устойчивый рост числа разрывов строк и переносов (анжамбеманов) при одновременном снижении частоты эмфатических исходов строки. Это свидетельствует о движении от внешней, графически выраженной эмоциональности к внутреннему драматизму.

Таким образом, эволюция поэтического языка Твардовского не может быть описана как простая линейная траектория. Скорее, мы наблюдаем

сложную, многофакторную динамику, в которой разные уровни языка изменяются с разной скоростью и по разным траекториям.

Полученные результаты открывают перспективы для дальнейших исследований: расширение материала на другие поэмы Твардовского («Дом у дороги», «За далью – даль», «Теркин на том свете», «По праву памяти»), а также сопоставительный анализ с поэтикой других авторов XX века.

ЛИТЕРАТУРА

Акаткин В. Александр Твардовский. Стих и проза. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1977. 214 с.

Баевский В.С., Новикова М.С., Романова И.В. Синтаксический перенос (enjambement) от Шекспира до Бродского. Онтологический аргумент и статистические модели // Славянский стих. Стих, язык, смысл. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 218–232.

Гришунин А.Л. «Василий Теркин» Александра Твардовского. М.: Наука, 1987. 143 с.

Ильин В.В. «Скольким душам был я нужен...» А.Т. Твардовский: очерки психологии творчества. Смоленск: Маджента, 2009. 456 с.

Ильин В.В. Александр Твардовский и Николай Рыленков: вопрос о «Смоленской поэтической школе» // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 2(18). С. 7–20.

Королева И.А. А.Т. Твардовский и Смоленская поэтическая школа // «В душе я прозаик...» (Проза А. Твардовского 1925–1970 гг.): сборник статей. Воронеж; Смоленск: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2022. С. 107–115.

Македонов А. О Твардовском // Твардовский А. Стихотворения. Поэмы. М.: Худож. лит., 1971. С. 29–31.

Павлова Л.В., Романова И.В. Рубеж, граница и черта в поэзии Александра Твардовского // Новый филологический вестник, 2025. № 4(75), 200–213.

Романова И.В. Поэтика Иосифа Бродского: лирика с коммуникативной точки зрения. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2007. 259 с.

Сидельников В.М. Писатель и народная поэзия. М.: Советская Россия, 1980. 175 с.

S.N. Andreev

PhD in Philology, Doctor, Professor,

Chair of English,

Smolensk State University

Smolensk, Russia

Three Poems by A.T. Tvardovsky: an Experiment in Statistical Stylometry

The article is devoted to a quantitative analysis of the evolution of Alexander Trifonovich Tvardovsky's style. The analysis is conducted on three poems representing different stages of his creative career: the early poem «The Path to Socialism» (1931), the poem «The Land of Muravia» (1936), which brought the author his first recognition, and the poet's crowning achievement – «Vasily Terkin» (1941–1945).

The research material consists of comparable samples drawn from the three poems, analyzed at three linguistic levels: the morphological level (part-of-speech distribution), the syntactic level (types of attributive constructions), and the level of verse syntax (line break with syntactic pause, enjambment, emotional ending of the line).

The analysis employs a set of quantitative linguistics methods (chi-square test, calculation of Euclidean distances, multidimensional scaling), which makes it possible to transfer intuitive notions of stylometric differences into verifiable data.

The analysis revealed a complex, multifactorial trajectory in the evolution of Tvardovsky's poetic language where different level units change at different rates, and early and late texts can, in certain respects, demonstrate unexpected proximity.

It was established that the poems contrast most sharply at the level of verse syntax, show moderate differences in part-of-speech composition, and exhibit minimal changes in attributive constructions.

The results of the evolutionary analysis revealed a profound transformation of poetic expression: from external, graphically marked emotionality to an internal dramatism created by syntactic movement and the transfer of meaning.

Keywords: *Tvardovsky; poems; morphology; syntax; attributes; stylistic evolution; chi-square; quantitative analysis.*

REFERENCES

Akatkin V. Alexander Tvardovsky: Verse and Prose [Aleksandr Tvardovskiy: Stikh i proza]. Voronezh: Voronezh University, 1977. 214 p. (in Russian).

Baevskiy V.S., Novikova M.S., Romanova I.V. Syntactic Transfer (Enjambement) from Shakespeare to Brodsky: Ontological Argument and Statistical Models. [Sintaksicheskii perenos (enjambement) ot Shekspira do Brodskogo. Ontologicheskii argument i statisticheskiye modeli]. *Slavic Verse. Verse, Language, Meaning*. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2009. Pp. 218–232 (in Russian).

Grishunin A.L. Vasily Terkin by Alexander Tvardovsky [«Vasilij Terkin» Aleksandra Tvardovskogo]. Moscow: Nauka, 1987. 143 p. (in Russian).

Ilyin V.V. "How Many Souls Needed Me..." A.T. Tvardovsky: Essays on the Psychology of Creative Work ["Skol'kim dusham byl ya nuzhen..." A.T. Tvardovskiy: ocherki psikhologii tvorchestva]. Smolensk: Madzhentas, 2009. 456 p. ISBN 978-5-98156-255-2 (in Russian).

Ilyin V.V. Alexander Tvardovsky and Nikolai Rylenkov: the question of the "Smolensk Poetic School" [Aleksandr Tvardovskiy i Nikolay Rylenkov: vopros o "Smolenskoy poeticheskoy shkole"]. *Bulletin of Smolensk State University*, 2012. No. 2(18). Pp. 7–20 (in Russian).

Koroleva I.A. Tvardovsky and the Smolensk Poetic school [A.T. Tvardovskiy i Smolenskaya poeticheskaya shkola]. *"I am a Prose Writer at Heart..." (Prose by A. Tvardovsky 1925-1970): Collection of articles*. Voronezh; Smolensk, NAUKA-YUNIPRESS, 2022. Pp. 107–115 (in Russian).

Makedonov A. About Tvardovsky [O Tvardovskom]. Tvardovskiy A. Poems. Long poems. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1971. Pp. 29–31 (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. Frontier, Border, and Line in the Poetry of Alexander Tvardovsky [Rubezh, granitsa i cherta v poezii Aleksandra Tvardovskogo]. *The New Philological Bulletin*, 2025. No. 4(75). Pp. 200–213 (in Russian).

Romanova I.V. *The Poetics of Joseph Brodsky: Lyrics from a Communicative Perspective* [Poetika Iosifa Brodskogo: lirika s kommunikativnoy tochki zreniya]. Smolensk: Smolensk State University, 2007. 259 p. (in Russian).

Sidel'nikov V.M. Writer and folk poetry [Pisatel' i narodnaya poehziya]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1980. 175 p. (in Russian).

Е.С. Ступина

Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова
Нижний Новгород, Россия

УДК 808.5

DOI 10.35785/2072-9464-2026-74-2-45-55

РИТОРИЧЕСКИЕ КОДЫ К ПАФОСУ В ВОЕННОЙ ЛИРИКЕ А.Т. ТВАРДОВСКОГО

Ключевые слова: знак; риторический код; пафос; кульминационная патетика; гипофора.

Изучение особенностей реализации риторических кодов к пафосу в военной лирике А.Т. Твардовского определено необходимостью обосновать прямо пропорциональную связь продуктивной системы комбинации языковых единиц, формирующих основу эмоционального воздействия, и патетического содержания текста. Морально-этический, гражданско-патриотический пафос стихотворений встраивается в систему риторических кодов. Модус пафоса актуализирует стихию чувств, которые переживает автор при шифрации и читатель при дешифрации комбинаций знаков кода. Риторический код кульминационной патетики организован с помощью лексических и грамматических средств: инверсия, неполные предложения, анафора, стилистически сниженные слова. Стихотворения о войне отличаются сюжетностью. Благодаря экспрессивному синтаксису имитируется быстрота смены картинки. Читатель невольно становится участником этих событий. Интенсивная экспрессия гармонично вписывается в экспозиционную канву произведений, что позволяет понять инференциальную базу произведения. Риторический код хриатической патетики дешифруется как имитация вольного размышления солдат, павших в войне. Столкновение бытового плана и идейно значимого деяния может создавать особый иронический пафос в стихотворении. Разнообразие эмоций аккумулируется благодаря метонимии, контрастным сочетаниям, реализующимся в тексте, разговорным конструкциям, вопросно-ответной форме организации произведения. Риторические коды к пафосу всегда обращены к категории возвышенного и задаются идеей стремления к совершенству.

Имя русского поэта Александра Трифоновича Твардовского известно широкому кругу лиц благодаря его знаменитой поэме «Василий Теркин», но мало кто знает, что это был прекрасный военный корреспондент, журналист, главный редактор журнала «Новый мир». Конечно, Твардовский написал множество стихотворений, поэм, прозаических текстов. Особенно значимым представляется его творчество в аспекте военной лирики, поскольку «поэзия о

Войне – это совершенно особый род поэзии не только по “тематике”, но и по своему внутреннему настроению, по тому человеческому состоянию, которое она передает» [Даренский, 2014, 91]. Это произведения, живо отражающие дух трудного времени. Александр Трифонович, как никто другой, знал о народной трагедии, видел тысячи смертей, понимал, насколько должна быть полна сил душа человека, который каждый день совершает подвиг. Справедливо отметить, что «поэтический текст – это относительно небольшое пространство, в котором находит оформление чаще завершенная мысль, пространство, в котором в сжатой (но при этом не в ущерб смыслу) форме выражает себя автор» [Ступникова, 2013, 222]. Осознание величия, мужественности русского солдата заставляло писателя быть искренним, правдивым в стихах. Эти работы – символы надежд и разочарований, потерь и обретений.

Актуальность исследования обусловлена общественным резонансом, связанным с возрождением в определенных кругах нацистских движений. В условиях обостренного внешнеполитического конфликта задача литературы заключается в установлении незыблемости скреп, которые когда-то связали целые народы, боровшиеся с фашизмом. Почтение к победителям, отстаившим наше будущее, память о павших, ответственность за поступки в настоящем перед Родиной открывают перспективы нравственного развития человечества, ибо «законы жизни едины, а война лишь выявляет их наиболее острым, ясным и трагическим образом» [Даренский, 2014, 91]. По этой причине творчество Твардовского не устаревает, заставляет задумываться о ценности мира на земле.

Материалом для исследования послужили стихотворения, написанные в военное и послевоенное время. Личный боевой опыт, осмысление последствий войны, понимание духа единения народа были ведущими мотивами произведений.

Морально-этический, гражданско-патриотический пафос стихотворений встраивается в систему риторических кодов, которые организуют общее полотно военной тематической линии творчества.

Мы определяем эти коды как «систему знаков, воздействующих на чувственное восприятие речи, отраженную в текстах, которые имеют жанровую и дискурсивную специфику» [Ступина, 2023, 104]. Риторическое определение кода закрепляется и на основе эмоциональной оценки риторических приемов, и на основе риторической задачи говорящего, включающей в себя культурно-исторический бэкграунд [Там же, 105].

Риторические коды военной лирики Твардовского, объединенные модусом пафоса, отражают живую, яркую стихию чувств, которые переживает и автор при шифрации, и читатель при дешифрации комбинаций знаков кода.

Традиционно в риторике пафос определяется как «эмоционально-волевой аспект образа ратора, связанный с замыслом высказывания» [Жеребило, 2010]. В этом плане военная лирика с чувством рассказывает о тех

событиях, свидетелями которых был сам автор. Для поэта «источниками информации о подвигах красноармейцев служили политдонесения, рассказы политруков, сообщения в многотиражной печати и, конечно, беседы с самими героями» [Мартынкевич, 2021]. По этой причине произведения обладают сюжетностью. Например, в стихотворении «Рассказ танкиста» повествуется о сражении: отвоевывали улицу, но не знали, откуда идет вражеская стрельба, пока один мальчик не смог указать месторасположение пушки. Риторический код кульминационной патетики организован с помощью глаголов, маркирующих повествовательную схему емкого изложения фактов (*шел, прорывались, гвоздит, примостился, подбежал*). Благодаря экспрессивному синтаксису имитируется быстрота смены картинки. Неосложненные структуры двусоставных предложений (*Мы прорывались к площади вперед*) в сочетании с инверсированными предикатами (*Шел бой за улицу*), неполными предложениями (*И черт его поймет, откуда бьет*), включенными диалоговыми формами, с бессоюзными сложными предложениями, между частями которых аккумулируется значение резкости и неожиданности (*Он примостился, – столько всяких дыр*), создают эмоциональное напряжение. На лексическом уровне важно отметить употребление стилистически сниженных слов: *мальчонка, бедовый, дружище, хлопец*. Воспроизведение особенностей разговорного стиля с помощью анафоры, многоточия демонстрирует волнение юного спасителя: *Я знаю, где их пушка. Я разведаль... Я подползал, они вон там, в саду...* Читатель невольно становится участником этих событий, также волнуется, будет ли пушка разбита. Но в стихотворении происходит резкое изменение концентрации событийного момента. Композиция стихотворения закольцовывается: повторяется мысль о трудном бое. При этом действие замедляется, а повествователь сокрушается, что забыл спросить, как зовут мальчика. Такой прием, созданный кодовой системой, генерализует следующую мысль: описанная картина боя была характерной для войны, таких мальчишек было много. В самом начале подчеркивается типизированный образ ребенка. Имена таких детей неизвестны, но лица, поступки остаются в памяти навсегда. Возможно, актуализируется идея о неестественности сочетания жизни ребенка и войны, детства и разрушения. Таким образом, дешифрованный код постулирует тезис о бесчеловечности войны, нарушающей существующий порядок жизни.

Содержание стихотворений о войне отзываются особым чувством. Не только идеологически-патриотический мотив должен составлять канву произведения. По замечанию Ю. Манна, ссылающегося на Фридриха Шиллера, «пафос предполагает одновременное изображение глубокого страдания и борьбу с ним, свидетельствующую о нравственной высоте» [ЛЭТ]. Произведения Твардовского подчеркивают, насколько высок уровень духа русского народа, стихи учат сопереживать, чувствовать боль ближнего. По-

добная направленность соответствует аристотелевской задаче пафоса влиять на чувство. В античной эстетике пафос – это «душевное переживание, волнение и страсть» [БРЭ]. Отмечается, что «пафос охватывает средства воздействия, связанные с чувством ратора, которые он желает передать своему адресату» [Матвеева, 2003]. Через словесную формулу автор текста направляет читателя по пути субъективной оценки событий, что является принципиально важным звеном в передаче жизненного опыта, понимании ошибок, которые были допущены. По мнению Ю.В. Рождественского, речевое воплощение предполагает, что актер «выразил замысел своего изображения, а получатель речи понял этот замысел и смог дать ему оценку» [Рождественский, 2006, 168]. Эмоциональное приобщение действует эффективнее, чем логико-фактическое освещение войны.

Одним из способов организации пафоса может быть «особый подбор фактов, экспрессивная интонация, лексика и синтаксис, тропы и фигуры речи, афоризмы, цитаты» [Матвеева, 2003]. В риторическом смысле пафос часто связывают с уместностью речи, поэтому он «должен проявляться в той мере, в какой это задается обстоятельствами и темой» [Там же]. Военная тематика является благодатной основой для реализации риторических кодов к пафосу, который «опирается на эмоциональную память слушателей» [РС]. Иллюстрации военных событий откликаются в душах людей многих поколений, ибо война унесла жизни миллионов. Известно, что в военной лирике отражается память о сражениях. Стихи о войне – это первая поэтическая форма реализации лирики. Основой патетического сознания становится общее понимание того, что «война дает тот опыт Родины, который созидает народ как единое целое, и ту священную память о героях и жертвах, которая делает и все последующие поколения готовыми к подвигам и жертвам ради защиты своих святынь» [Даренский, 2014, 99]. Эта мысль ярко отражена в стихотворении «Я убит подо Ржевом». Структурирующим, задающим лейтмотив в этом произведении становится параллелизм в сочетании с анафорой: *Я – где корни слепые... / Я – где с облачком пыли... / Я – где крик петушиный...* Трагическое ощущение небытия, растворенности в пространстве подчеркивается дополнительно нетипичной пунктуацией. Вначале определяется ощущение растерянности, отчаяния. Исследователи Ржевской битвы недоумевают, почему настолько расточительно по отношению к человеческим ресурсам вели себя руководители военной операции [Герасимова, 2009]. Фразеологизм *ни дна, ни покрышки* имеет пейоративную оценку, указывает на проклятие, пожелание неудачи, всего дурного [ФС]. Генетически выражение восходит к церковным обычаям. Согласно церковному канону «самоубийство считалось великим грехом и самоубийц было запрещено хоронить в пределах кладбищенской ограды. Их просто предавали земле, нередко без гробов. Сам гроб в те времена называли дном, а его крышку – крышкой. Слова “ни дна, ни крышки” были равносильны пожеланию умереть без покаяния и быть похороненным без гроба, что

для истинных христиан было оскорблением» [Литвиненко, 2015, 31]. Таким образом, аккумулируется напряжение в содержательной части стихотворения. Степень эмоционального воздействия легко поддается моделированию. Эмоции непостоянны, что соответствует особенностям трактовки пафоса Аристомелем. Античный философ видел основу пафоса в изменчивости, обусловленной «влиянием внешних воздействий, не затрагивающих, однако, сущности» этого предмета или явления [ФЛ]. В произведении патопоэты объясняет, что лирический герой пребывает в состоянии отчаяния, ему обидно, он злится, но перед вечностью это кажется временной вспышкой. Естественной является и реакция-отклик читателя, сочувствующего, сопереживающего. В данном случае актуализируется дидактический аспект художественного произведения – не оставаться равнодушным, помнить. В памяти остаются события, связанные с сильным переживанием, что способствует активации вопросов экзистенциального свойства.

Интенсивная экспрессия гармонично вписывается в экспозиционную канву, переходящую в ретроспективный анализ. Стихотворение создается от лица убитого солдата, который, ставши незримой частью мироздания, волнуется о том, взят ли Ржев, удержались ли русские на Среднем Дону. Гипофоры, представляющие серию вопросов и ответов, иллюстрируют значимость тех проблем, которые не решены погибшими:

Наш ли Ржев наконец?
Удержались ли наши
Там, на Среднем Дону?..
Этот месяц был страшен,
Было все на кону.
Неужели до осени
Был за ним уже Дон
И хотя бы колесами
К Волге вырвался он?
Нет, неправда. Задачи
Той не выиграл враг!

Здесь нет традиционного теологического мотива, чтобы можно было говорить о душе, которая продолжает существование в горнем мире. Но это и не абсолютная пустота. Это часть сознания человека, оставшаяся после физической гибели тела. Произведение – это монолог-рефлексия, беседа с самим собой, установление принципиальных незыблемых вех существования ныне живущих и последующих поколений, реализующихся с помощью сравнений (*Вы должны были, братья, / Устоять, как стена*), эпитетов (*грозное право, суровая борьба*). Особенно эмоционально звучит завещание, отражающее ментальные черты русского народа: *И родимой отчизне / С честью дальше служить. / Горевать – горделиво, / Не клонясь головой, / Ликовать – не хвастливо / В час победы самой*. Традиционно в русской культуре хвастовство осуждалось, а горе следовало принимать с честью.

Грамматические и лексические особенности отражают вариант разговорной стихии, благодаря чему создается иллюзия не назидательной, высокопарной речи, а непринужденной беседы людей, объединенных общей бедой – войной, что усиливается изменением ритмического рисунка. Убитым важно знать, что живые сэберегут счастье жить в свободной, не порабощенной стране во имя памяти. Обозначенная антитеза (*Вам – все это, живые. / Нам отрада одна: / Что недаром боролись / Мы за родину-мать*) проходит через все стихотворение и манифестирует естественность движения жизни.

Высшей патетической точкой становится переход к мысли о поминовении воина-брата. Так активизируется мотив религиозного поминовения павших в сражении. Б.Г. Бобылев отмечает, что в стихотворении воспроизводится «соборность целого нашего народа», не формирующая конфликта между *я* и *мы*, когда «бытие и взгляд каждого, сохраняя свою индивидуальность и неповторимость, предполагает бережное отношение к индивидуальности других, включает ее в себя» [Бобылев, 2020, 77]. Исповедальные мотивы в стихотворении, обращенном к философским категориям, определяются при совокупной трактовке всех знаков, оказывающих эмоциональное воздействие. Риторический код хриатической патетики направлен на понимание вольного размышления солдат, павших в войне. Стихотворение такого характера отражает чувство вины выживших перед погибшими, которые не увидят победы над врагом. Текст представляет обещание не забыть подвига, помнить о вечных жизненных устоях русского народа, сохраняющих единство. Подобный мотив звучит и в стихотворениях «Я знаю, никакой моей вины», «В тот день, когда окончилась война» и других.

Столкновение бытового, очень простого и в то же время духовно и идейно значимого деяния создает иронический пафос в стихотворении «Награда». В небольшом произведении рассказывается о том, как баба сэберегла советское знамя, ей вручен был орден, но из практических побуждений ей хотелось корову, которая могла бы прокормить в трудные годы. Калейдоскоп эмоций – от недоумения до насмешки – передается благодаря контрастным формулам, реализующимся в тексте (*генерал – баба, знамя – сверток, орден – телочка*), метонимии (*Советскую прятала власть – сверток со знаменем*), разговорным конструкциям (*И то я б довольна была*).

Нельзя оценивать пафос только как совокупность страстей, определяемых импульсами, инстинктами. В.Г. Белинский произвел литературоведческий перенос: терминологическая трактовка пафоса, по мнению критика, не столько касалась героя художественного произведения, сколько применялась «для характеристики произведения или творчества писателя в целом», ибо автор «созерцает... не разумом, не рассудком, не чувством... но всею полнотою и целостностью своего нравственного бытия» [Белинский, 1955, 17, 312]. В лирике А.Т. Твардовского дана личная оценка военных событий, массовых людских потерь. Поэт через систему риторических

кодов транслирует субъективное пережитое, увиденное на фронте. Риторический код дидактической патетики в стихотворении «Когда пройдешь путем колонн...» формируется на основе повторяющихся слов и синтаксических конструкций, образующих параллелизм в сочетании с анафорой (*Как хлеб хорош... / Как дорог друг... / Как сладок сон...*), эпифорой (*Тогда поймешь... / Еще поймешь*), благодаря чему произведение кажется высоко ритмизованным, имитирующим маршевую форму.

Однако назидательность текста определена употреблением односоставных обобщенно-личных предложений, отличающихся «максимально абстрагированным обобщением, если субъект мыслится как любой, всякий человек» [Саидов, 2021, 329]. Автор намеренно не использует соответствующего местоимения, дополняя таким образом содержание стихотворения эстетикой универсалии или сентенции. А.М. Пешковский отмечал, что подобная форма предложений обладает жизненным и литературным смыслом: «Она является тем мостом, который соединяет личное с общим, субъективное с объективным» [Пешковский, 1956, 375]. А.Т. Твардовский выражает личное переживание, обусловленное военным положением. Мы видим обращение не только к какому-либо конкретному солдату, но и ко всем, кто только начинает военный путь, кто еще не имеет соответствующего жизненного опыта. Наставление сопряжено с глубоким страданием о грядущих лишениях и верой в то, что эта дорога откроет простые истины, постигаемые человеком в череде испытаний: *Как хлеб хорош / И как хорош глоток воды сырой... / Как дорог дом... / И дружбы не терять...* Предложения такого типа заставляют читателей эмоциональнее чувствовать тяжесть предрекаемого, принимать на себя те дороги, о которых рассказывает поэт, ибо «при таком употреблении формы 2-го лица собеседник (в данном случае читатель – прим авт.) ставится в положение самого говорящего лица. Он делается эмоциональным участником его действий» [Виноградов, 1947, 456]. Культура дидактического воздействия остается в рамках рефлексивного осмысления собственного опыта.

Усиливается патетика произведения рядами однородных членов с союзной и бессоюзной связью. Подобные сочетания иллюстрируют длительность переживаемых событий (*в жару, и в дождь, и в снег*), подчеркивают значимость того дела, ради которого нужно преодолевать себя, чтобы взрастить в себе личность (*и про отвагу, долг и честь*).

Категория пафоса связана обозначением существенной, волнующей общество проблемы. Ритор, реализуя в кодовой системе информацию, «предлагает ее решение и стремится к обоснованию и реализации этого решения» [Жеребило, 2010]. Причем обоснование зиждется на базовых эмоциональных факторах, реакция на которые прогнозируемо очевидна. К таким факторам относится топос семьи – актуализируется мысль о родителях, женах, мужьях, детях; топос малой родины воплощается в образах деревенской жизни, привычных деталях бытового пространства; топосы чести, со-

вести, долга обращены в произведениях к конкретным ситуациям соблюдения морально-нравственных норм. Например, в военной лирике А.Т. Твардовского указанные топоры осмыслены, как правило, совокупно.

Автор, подчеркивая объединяющую всех боль военного лихолетья, призывает укрепить дух, чтобы выстоять так, как выстояли всегда. Риторический код нарративного пафоса определяет прагматический потенциал стихотворения «Дом бойца». Содержательно пафос определяется при анализе сюжетной организации произведения: солдат освобождает родную деревню, родной дом от врага. Трогательная ситуация возвращения домой заменена героической линией. Исследователи атрибутируют героикоромантический, сентиментальный и реалистический пафос [Волков, 2009, 216–217]. Можно уточнить, что в произведениях, обращенных к теме войны, как правило, транслирован героико-патриотический пафос.

Поэт вводит тему защиты малой родины – открывается тема несоответствия ожидаемого и увиденного. Данный мотив устанавливается благодаря сочетанию речевых оборотов, свойственных коммуникативной ситуации частной семейной беседы: *Что ж ты, милая, родная, выбегаешь босиком?..* Воображаемая встреча описывается автором с высокой долей детализации, с представлением каждого действия, благодаря чему реализуется прием кинематографического укрупнения плана, задается общая динамика произведения, передается эмоциональное состояние хозяина дома. Следует обратить внимание, с какой теплотой и нежностью воспроизводится в мечтах появление жены на пороге, подросших детей. Полисиндетон *и слова, и смех, и слезы* повышает смысловую значимость каждого члена этой группы однородностей. Прагматическая предназначенность полисиндетона катализирует кульминационный момент в данной части произведения. Далее уровень эмоциональности спадает, завершается вставной элемент в общем сюжете многоточиями в двух строчках. Таким образом обостряется противопоставленность прекрасного желаемого и реального героического. Якорение семейной темы обнажает антигуманный характер войны, которая не только разрушает дома и деревни, но и разъединяет близких людей. Возвращение к образу семьи в конце произведения говорит о том, что, несмотря на тяжелый труд солдата, вынужденного разрушить свой дом, чтобы выбить врага, жизнь человека должна быть связана с мирной деятельностью.

В стихотворении преобладают глаголы движения, передающие смену пространственных реалий: *вошел, добирается, ползти, подойти, кинутся* (дети). Отметим, что использование грамматических категорий, выражающих действия реального и воображаемого свойства, сосредоточивают внимание на активности главного персонажа, что заставляет волноваться за судьбу героя, следить за следующим действием. Подобная тактика организации риторического кода не только инициирует яркий эмоциональный отклик, но и стимулирует осмысление общего литературно-исторического фона.

Таким образом, морально-этический пафос, заложенный в систему риторических кодов в текстах стихотворений, является определяющим и прогностическим для многих поколений. Риторические коды к пафосу всегда обращены к категории возвышенного и задаются идеей стремления к совершенству. Иллюстрации раздумий о жизни и смерти, о простом человеческом счастье, о понимании того, как преодолевают люди самые тяжелые испытания, делают стихи А.Т. Твардовского искренними и смелыми, затрагивающими тонкие струны души современников. Чувственное сопереживание героям формирует ответственное отношение к жизни людей.

ЛИТЕРАТУРА

- Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. В 13 т. / редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.]. Т. 7: Статьи и рецензии. 1843. Статьи о Пушкине. 1843–1846 / подгот. и коммент. В.С. Спиридонов, ред. Д.Д. Благой. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 740 с.
- Бобылев Б.Г., Ковалев П.А. «Та черта глубины...»: ритмо-смысловой анализ стихотворения «Я убит подо Ржевом» (К 110-летию со дня рождения А.Т. Твардовского) // Русский язык в школе. 2020. Т. 81, № 3. С. 70–78.
- БРЭ – Большая Российская энциклопедия: в 30 т. / науч.-ред. совет: Ю.С. Осипов (пред.) [и др.]. М.: Большая рос. энцикл., 2004–... Т. 25: П – Пертурбационная функция. 2014. 764 с.
- Виноградов В.В. Русский язык: (граммат. учение о слове): учеб. пособие для высш. учеб. заведений. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
- Волков А.А. Теория риторической аргументации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. 398 с.
- Герасимова С.А. Ржевская бойня. Потерянная победа Жукова. М.: Яуза: Эксмо, 2009. 320 с.
- Даренский В.Ю. Война как духовная инициация: экзистенциальные архетипы в русской поэзии о Великой Отечественной войне // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2014. № 1(15). С. 90–110.
- Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
- Литвиненко Е.Ю. Отражение бинарной оппозиции добро / зло в перформативных этнофразеологизированных сочетаниях // Приволжский научный вестник. 2015. № 4-2(44). С. 27–32.
- ЛЭТ – Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. 1600 стб.
- Мартынкевич С.А. «Чутье у него – ну просто репортерское...» Спецкор газеты «На страже Родины» Александр Твардовский // Военно-исторический журнал. 23.12.2021. Электронная версия. URL: <https://history.milportal.ru/speckor-gazety-na-strazhe-rodiny-aleksandr-tvardovskij/?ysclid=mbcbowyo7v656900265> (дата обращения: 01.04.2025).
- Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский словарь, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта: Наука, 2003. 432 с.
- Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
- Рождественский Ю.В. Теория риторики: учеб. пособие / под ред. В.И. Аннушкина. 4-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2006. 512 с.
- РС – Хазагеров Г.Г. Риторический словарь. М.: Флинта: Наука, 2009. 432 с.
- Саидов Б.М. О некоторых семантико-стилистических особенностях односоставных обобщенно-личных предложений // Общество и инновации. 2021. № 3/С. С. 325–329.
- Ступина Е.С. Риторические коды антонимов в политическом тексте: биография эпохи (на основе работ В.И. Ленина «С чего начать?», «Что делать?») // Политическая лингвистика. 2023. № 4. С. 103–108.

Ступникова Л.Г. Формы риторических высказываний в поэме А.Т. Твардовского «Василий Теркин» // Вестник МФЮА. 2013. № 3. С. 218–232.

ФЛ – Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова; науч. ред.-сост.: П.П. Апрышко, А.П. Поляков, Ю.Н. Солодухин. 8-е изд., дораб. и доп. М.: Респ.: Современник, 2009. 845 с.

ФС – Федосов И.В., Лапицкий А.Н. Фразеологический словарь русского языка. М.: ЮНБЕС, 2003. 603 с.

E.S. Stupina

*PhD in Philology, Associate Professor,
Chair of Teaching Russian
as a Native and Foreign Language,
Linguistics University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russia*

Rhetorical Codes to Pathos in Military Lyrics of A.T. Tvardovsky

The study of the peculiarities of realisation of rhetorical codes to pathos in A.T. Tvardovsky's military lyrics is determined by the necessity to substantiate the directly proportional connection between the productive system of the combination of linguistic units forming the basis of emotional impact and the pathetic content of the text. The moral-ethical, civil-patriotic pathos of the poems is embedded in the system of rhetorical codes. The modus of pathos actualises the element of feelings experienced by the author when ciphering and by the reader when deciphering combinations of code signs. The rhetorical code of climactic pathos is organised with the help of lexical and grammatical means: inversion, incomplete sentences, anaphora, stylistically reduced words. Poems about the war are characterised by plot. Thanks to expressive syntax, the rapidity of the picture change is imitated. The reader involuntarily becomes a participant of these events. Intense expression harmoniously fits into the expository frame of the works, which makes it possible to understand the inferential base of the work. The rhetorical code of chriatic pathos is deciphered as an imitation of the free reflection of soldiers who have fallen in the war. The collision of everyday life and an ideologically significant act can create a special ironic pathos in the poem. The variety of emotions is accumulated through metonymy, contrasting combinations implemented in the text, colloquial constructions, question-and-answer form of the work's organisation. The rhetorical codes of pathos always refer to the category of the sublime and are set by the idea of striving for perfection.

Keywords: sign; rhetorical code; pathos; climactic pathos; hypophora.

REFERENCES

Belinskij V.G. Complete Works: In 13 vols. 7. Articles and reviews. 1843. Articles about Pushkin. 1843-1846 [Polnoe sobranie sochinenij: V 13 t. T. 7. Stat'i i recenzii. 1843. Stat'i o Pushkine. 1843-1846]. Moscow: The USSR Academy of Sciences, 1955. 740 p. (in Russian).

Bobylev B.G., Kovaljov P.A. "That line of depth...": rhythm and semantic analysis of the poem "I was killed near Rzhev" (On the 110th anniversary of the birth of A. T. Tvardovsky) [«Та черта глубины...»: ритмо-смысловой анализ стихотворения «Я убит подо Ржевом» (К 110-летию со дня

rozhdenija A. T. Tvardovskogo)]. *The Russian language at school*, 2020. Vol. 81. No 3. Pp. 70–78 (in Russian).

Big Russian Encyclopaedia [Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija]. Ju.S. Osipov. P – Perturbation function. Moscow, 2014. 764 p. (in Russian).

Vinogradov V.V. The Russian language: (grammatical doctrine of the word): [Russkij jazyk: (grammat. uchenie o slove): ucheb. posobie dlja vyssh. ucheb. zavedenij]. Moscow. *Uchpedgiz*, 1947. 784 p. (in Russian).

Volkov A.A. Theory of rhetorical argumentation [Teorija ritoricheskoj argumentacii]. Moscow: Moscow State University, 2009. 398 p. (in Russian).

Gerasimova S.A. The Rzhev Massacre. Zhukov's Lost Victory [Rzhevskaja bojnja. Poterjannaja pobeda Zhukova]. Moscow: Jauza. Jeksmo, 2009. 320 p. (in Russian).

Darenskij V.Ju. War as a spiritual initiation: existential archetypes in Russian poetry about the Great Patriotic War [Vojna kak duhovnaja iniciacija: jekzistencial'nye arhetipy v russkoj poezii o Velikoj Otechestvennoj vojne]. *Bulletin of Samara Humanitarian Academy*. Series: Philosophy. Philology, 2014. No. 1 (15). Pp. 90–110 (in Russian).

Zherebilo T.V. Glossary of linguistic terms [Slovar' lingvisticheskikh terminov]. Nazran: Piligrim, 2010. 486 p. (in Russian).

Litvinenko E.Ju. Reflection of binary opposition good / evil in performative ethnophraseological combinations [Otrazhenie binarnoj oppozicii dobro / zlo v performativnyh jetnofrazeologizirovannyh sochetanijah]. *Volga Region Scientific Bulletin*, 2015. No. 4–2 (44). Pp. 27–32 (in Russian).

Literary Encyclopaedia of Terms and Concepts [Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij] Edited by A.N. Nikoljukin. Moscow: Intelvak, 2001. 1600 p. (in Russian).

Martynkevich S.A. 'His instincts are just that of a reporter...'. Alexander Tvardovsky, special correspondent of the newspaper On Guard of the Motherland [«Chut'jo u nego — nu prosto reportjorskoe...». Spektor gazety «Na strazhe Rodiny» Aleksandr Tvardovskij]. *Military History Journal*. 23.12.2021. Available at: <https://history.milportal.ru/spektor-gazety-na-strazhe-rodiny-aleksandr-tvardovskij/?ysclid=mbc6owyo7v656900265> (accessed on April 1, 2025) (in Russian).

Matveeva T.V. Academic vocabulary: Russian vocabulary, culture of speech, stylistics, rhetoric [Uchebnyj slovar': russkij slovar', kul'tura rechi, stilistika, ritorika]. Moscow: Flinta, 2003. 432 p. (in Russian).

Peshkovskij A.M. Russian Syntax in Scientific Coverage [Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii]. Moscow: Uchpedgiz, 1956. 544 p. (in Russian).

Rozhdestvensky Y.V. Theory of rhetoric: textbook. [Teorija ritoriki: ucheb. posobie]. 4th ed, revised. Moscow: Flinta: Nauka, 2006. 512 p. (in Russian).

Hazagerov G.G. Rhetorical Dictionary [Ritoricheskij slovar']. Moscow: Flinta, 2009. 432 p. (in Russian).

Saidov B.M. About some semantic and stylistic features of one-joint generalised-personal sentences [O nekotoryh semantiko-stilisticheskikh osobennostjah odnosostavnyh obobshhenno-lichnyh predlozhenij]. *Community and innovation*, 2021. No. 3/S. Pp. 325–329 (in Russian).

Stupina E.S. Rhetorical codes of antonyms in a political text: biography of the epoch (based on Lenin's works 'Where to Begin?', 'What is to be Done?') [Ritoricheskie kody antonimov v politicheskom tekste: biografija jepohi (na osnove rabot V.I. Lenina «S chego nachat'?', «Chto delat'?»)]. *Political linguistics*, 2023. No. 4. Pp. 103–108 (in Russian).

Stupnikova L.G. Forms of rhetorical statements in A.T. Tvardovsky's poem 'Vasily Terkin' [Formy ritoricheskikh vyskazyvanij v pojeme A. T. Tvardovskogo «Vasilij Terkin»]. *Bulletin of the Moscow Finance and Law University*, 2013. No. 3. Pp. 218–232 (in Russian).

Philosophical Dictionary [Filosofskij slovar']. Edited by I.T. Frolov; scientific editors: P.P. Apryshko, A.P. Polyakov, Y.N. Solodukhin. Moscow: Sovremennik, 2009. 845 p. (in Russian).

Phraseological Dictionary of the Russian Language [Frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka]. Edited by I.V. Fedosov, A.N. Lapickij. Moscow, 2003. 603 p. (in Russian).

В.С. Косенко

*Российский институт театрального искусства – ГИТИС
Москва, Россия*

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2026-74-2-56-68

РОМАН О ХУДОЖНИКЕ СЕРГЕЕ КАЛМЫКОВЕ: СООТНОШЕНИЕ ВЫМЫСЛА И РЕАЛЬНОСТИ

Ключевые слова: *Сергей Калмыков; Давид Маркиш; художник; Музей Савицкого, анахронизм.*

Предметом аналитики статьи выступает сопоставление реальных фактов из биографии художника Сергея Ивановича Калмыкова (1891–1967), историко-культурного контекста XX века и их переименование в романе «Белый круг» Давида Маркиша. В писательском подходе к фактам автор статьи видит радикальный случай: изменены не только локации героя (идущие вразрез с историческими фактами), но и его имя, этническое происхождение. Цель представленного материала – обнаружить в сюжете романа эти «подмены» и найти авторскую мотивацию для такого приема, как анахронизм, который выполняет не только стилистическую, но и эмоциональную функцию, адресованную читательской рецепции. Сопоставлены реальный и вымышленный города (Алма-Ата – Кзылград), реальный и вымышленный музей (Музей Савицкого в Нукусе – музей в Кзылграде), персонажи, реальный и вымышленный, олицетворяющие эти музеи (Савицкий – Леднев), выявлена логика замены имени (с Сергея Калмыкова – на Матвея Каца), представлены точки зрения на безумие / игру в безумие – реального врача и повествователя, опирающегося на мифологию, которая сопровождает личность Калмыкова. В статье сделан дайджест научных исследований, сфокусированных на возможности или невозможности обращения к вымыслу в литературной биографии, когда речь идет о реальной личности.

Роман «Белый круг» Давида Маркиша, опубликованный в журнале «Октябрь» в 2003 году (№ 10–11), год спустя изданный книгой, сопровождается аннотацией, в которой сказано, что прототип главного героя – художник Серебряного века Сергей Иванович Калмыков. Книга (обложка и начало каждой главы) украшена иллюстрациями работ Калмыкова, то есть никакой интриги в «разгадывании», кто кроется за главным героем романа, нет.

Однако читатель, знакомый с биографией Калмыкова, или тот, кого роман подвиг на знакомство с ней, будет в немалом замешательстве: все значимые биографические данные (имя, происхождение, «пятая графа», локации и пр.) радикально изменены. С какой целью? Почему нельзя было оставить героя в родной ему среде, с родным именем и т. д.? Эта авторская

«опция» зовет к углубленному погружению в текст. Для этого мы сопоставим ряд реальных фактов и событий с тем, как они изображены в романе, чтобы понять авторский замысел.

Цель статьи – попытаться объяснить фактические и контекстуальные *подмены* в литературной биографии художника, имеющего реального прототипа, и понять их функциональность. Для этой цели намечены задачи: привести реальные эквиваленты вымышленным деталям в романе – месту действия (Кзылград и Курбан-Али), музею, смотрителю музея, судьбе артефактов, имени (до времени мы будем называть героя романа «художник») и этническому бэкграунду художника; охарактеризовать картину мира героя-художника.

На рубеже XX–XXI веков в отечественном литературоведении появляется корпус научных исследований, в которых идет речь о допустимости вымысла в художественном биографическом дискурсе, о мере подобной допустимости. Так, Е.А. Иванова, сосредоточившись в своей диссертации на жанре «новой биографии» (и ее синонимичных дефинициях – «художественная биография», «беллетризованная биография», «романизованная биография», «роман-биография», «фактографическая художественная биография»), пишет, что в этих жанровых формах писатель опирается на синтез реальных фактов, своей интуиции и вымысла [Иванова, 2014, 4]. В диссертации Е.Р. Боровской сказано, что в литературных биографиях, созданных на рубеже XX–XXI веков и посвященных реально существовавшим людям, «вымысел минимален, а герой раскрывается с помощью перечисления событийного ряда, приводятся документы и подтвержденные документально факты» [Боровская, 2000, 37].

Автор диссертации Г.В. Казанцева, размышляя о соотношении факта и вымысла, настаивает на том, что в биографическом художественном тексте вымысел допустим «для изображения внутренней (духовной) эмоциональной жизни» героя, у которого есть реальный прототип [Казанцева, 2011, 4]. В диссертации М.В. Дубковой комментируется соотношение факта и вымысла в художественной биографии, которое стало темой полемики между рядом писателей XX века: так, с точки зрения В. Вулф, смешение факта и вымысла недопустимо; а после выступлений Л. Стрэйчи происходит революция в области создания художественной биографии: он уравнил факт с вымыслом [Дубкова, 2015].

В диссертации Е.В. Ушаковой прослежено развитие отношения к вымыслу биографического жанра в писательском и литературоведческом сообществе: если «раньше “гибридность”, “промежуточность” жанра, соединяющего в себе противоположности (строгую документальность и художественность), вызвала сомнения, то теперь именно эта особенность признается как его достоинство» [Ушакова, 2001, 3]. К более радикальным выводам приходит в своей диссертации А.В. Шубина, говоря о «взаимодействии элементов реального и воображаемого в жизнеописании» [Шубина, 2009, 16] и об утрате «доминирующей роли факта в познании истины» [Шубина, 2009, 22].

Как видим, проблема вымысла и его доля в биографическом повествовании до сих пор не имеет категоричного решения. Задолго до приведенных примеров из современных диссертаций о том же писала Л.Я. Гинзбург: «Фактические отклонения притом вовсе не отменяют ни установку на подлинность как структурный принцип произведения, ни из него вытекающие особые познавательные и эмоциональные возможности: этот принцип делает документальную литературу *документальной*; *литературой* же как явлением искусства ее делает эстетическая организованность» [Гинзбург, 1970, 63–64].

Роман «Белый круг» выглядит радикальным примером в использовании вымысла. Реальная биография Сергея Калмыкова, в свою очередь, тоже далеко не ординарная – даже в сравнении с биографиями других художников, живших в пространстве «века-волкодава». С.И. Калмыков (1891–1967) входит в русское культурное сознание благодаря роману Ю.О. Домбровского «Факультет ненужных вещей» (1978), до этого времени о нем никто не писал, его картины экспонировались редко и эпизодически. Мировая слава пришла к Калмыкову в конце XX века: работы о нем написаны искусствоведами (например: [Бучинская, 1991; Смекалов, 2012; 2014]), психиатрами (например: [Каган, 2002]), опубликованы статьи по разным темам творчества Калмыкова (например: [Омарова, 2019; Фушеро, 2019; Чудиновская, 2021]), сняты фильмы (например, «Балкон» режиссера К. Салыкова, где Калмыков – символическая фигура алмаатинского ландшафта; 1988), поставлены спектакли (например, «Светопреставление. Сергей Калмыков» режиссера Р. Бегенова, 2018), изданы дневники Калмыкова, альбомы с репродукциями его картин, проведены выставки. Наследие Калмыкова столь велико, что его изучение продолжается. Роман «Белый круг», который также входит в калмыковский дискурс, почти не исследован (кроме статьи об этнической травестии в романе [Шафранская, 2020], других нет). Этим фактом определяется актуальность нашего исследования.

С 1935 года до конца жизни Калмыков проживал в советском городе Алма-Ате. Его личность стала образом города – об этом пишут в мемуарах все старожилы-алмаатинцы (например: [Маслов, 1998; Проскурин, 2009]). По словам В. Проскурина, Алма-Ата была «городом Калмыкова». По сути, Калмыков стал паттерном алма-атинского текста [Лебедева, Шафранская, 2015; Шафранская, 2017] в соответствии с теорией локального текста, одним из критериев которого «является наличие в нем знаковых имен собственных – своего рода культурных маркеров» [Павлова, Романова, 2023, 6], имя Калмыкова выступает «поименованной сущностью» алма-атинского текста, его «смысловым сгустком» [Павлова, Романова, 2024, 22].

Город Кызылград. Несмотря на почти экзистенциальную связь Калмыкова с Алма-Атой, Д. Маркиш меняет локацию героя-художника – это

Кзылград. В самом топониме, его морфологии сосредоточен абсурд – «колониальная составляющая (одна половина топонима отдана местному языку, другая – языку завоевателя)» [Шафранская, 2020, 35]. Алма-Ата, реальный город в биографии Калмыкова, – столица советского Казахстана. Статус столицы зашифрован и в вымышленном топониме Кзылград (в 1925–1927 годах столицей Казахской автономии был город Кызылорда – созвучные названия, где кзыл / кызыл значит «красный»). Но эта «столичность» существует только в лексическом аспекте, по сути, романский Кзылград – захолустье, «гнусный городишко» [Маркиш, 2004, 84], «здесь немая смерть не скользила за человеком, как его собственная тень, а терпеливо отдыхала, подстелив ватную фуфайку, за холмом, на солнышке» [Маркиш, 2004, 74]. Единственное место притяжения в Кзылграде – сумасшедший дом, там же и музей, там же и дискотека, и больница – «если укол сделать», и клуб, и шашлычная [Маркиш, 2004, 39]. Городу, в котором жил прототип героя-художника, Алма-Ате, такие характеристики, даже с учетом художественного преувеличения, не соответствуют. (Реальный Калмыков работал художником-декоратором в алма-атинском театре оперы и балета, что никак не стыкуется с атмосферой Кзылграда.)

В романе есть еще одна локация, связанная с героем-художником, – город Курбан-Али: в тамошний городской музей после его смерти якобы были свезены картины. Такого города в реальной географии тоже не существовало. По ряду характеристик (лечебница, курорт) в подтексте этого топонима Д. Маркиш имеет в виду туркменский город Байрам-Али (обыгрывает слова *курбан* – праздничное жертвоприношение и *байрам* – праздник).

«Нет земли хуже Курбан-Али», – так с пеною у рта утверждали приезжие, занесенные горячим ветром пустыни в эти центрально-азиатские края» [Маркиш, 2004, 209]. Писатель обыгрывает советскую поговорку: «Есть в Союзе три дыры – Термез, Кушка и Мары», потому что дальше поведствователь пишет: «Нет дыры хуже Мары». Но даже эти самые Мары, расположенные за барханами, лучше, чем Курбан-Али, хотя и там, в Марах, куда как не сладко» [Маркиш, 2004, 209].

Таким образом, локализуя сюжетную линию героя-художника в столь «страшном и ужасном» пространстве – Кзылград и Курбан-Али, автор гиперболизирует трагизм романного хронотопа, в котором пребывает художник (о специфике времени героя речь пойдет ниже).

Музей. Однажды в хиджру (келью медресе) к художнику приходит зритель местного кзылградского музея, чтобы с ним познакомиться: художник – его странный облик (пестрые одежды, неприменный красный берет), его манера рисовать, стоя в людных местах, – был городской достопримечательностью:

«Я к вам на улице подходил, вы писали абстрактную композицию, треугольную. Очень красивая композиция.

– Иногда подходят <...> – Какая композиция, не помните?

– В желтых и зеленых тонах, – уверенно сказал смотритель. – Коричневые вкрапления, но совсем немного. И, главное, есть ощущение перспективы» [Маркиш, 2004, 143].

Смотритель, представившись Николаем Васильевичем Ледневым, приглашает художника в музей, в подвалах которого неожиданно для гостя предстает коллекция работ запрещенных художников, авангардистов, «сосланных» советской властью за несоответствие канонам социалистического реализма из столицы – сюда, в Кзылград. Содержимое музея Д. Маркиш представляет с помощью *музейного экфрасиса* [Гарипова, Шафранская, Кешфидинов, 2025, 71–79], который позволяет ощутить исторический и экзистенциальный контекст. Картины «читаются», «как будто бы они были книгами», а литературные фрагменты о музее как бы апеллируют к зрению читателя, «подлежат разглядыванию» [Геллер, 2013, 50].

«Картины футуристов, абстракционистов, супрематистов если и не жгли на кострах, то предавали анафеме, ссылаясь на отрицательное мнение рабочих и крестьян. <...> По неведомым никому из простых смертных соображениям Кзылград оказался одним из мест такой тмутараканской ссылки... <...> Контррельефы Татлина и бредущие пейзажи Клюна, царственно-неприступный Малевич и желто-лучистый Ларионов, братья Бурлюки, Гуро и Гончарова – все они в одночасье пожаловали в заштатный Кзылград, и не случайным проездом, а на вечное хранение» [Маркиш, 2004, 145–146], – такова характеристика времени, в котором жил художник. В музее он увидел, помимо упомянутых выше, работы Сутина, Шагала, Розановой, Филонова, Родченко, Волкова, Лисицкого.

О том, как в ряд неугодных художников попадает Сергей Калмыков, прототип главного героя «Белого круга», пишет Ю.О. Домбровский в романе «Факультет ненужных вещей»: «...журнал “Литературный Казахстан” поместил статью о юбилейной выставке Союза художников. Там о Калмыкове говорилось примерно следующее: “Совершенно непонятно, каким образом и зачем устроители выставки пропустили картины некоего Калмыкова. На одной из них стоят два гражданина и размахивают чемоданами. И очевидно, чемоданы эти пустые, потому что набитыми так не помахашь. Неприятная бездарная мазня”. Вот и все. Гнать палкой. Неприятная и бездарная мазня...» [Домбровский, 2011, 90].

Этот транзит русского авангарда происходит, согласно романному повествованию, в 1937 году: «...наступил тридцать седьмой год – сверкающий свежими срезами свинца пик Великой чистки» [Маркиш, 2004, 146].

Д. Маркиш в создании пространства музея использует прием *анахронизма*, который выражен, по словам А.П. Квятковского, в «намеренной или случайной перестановке автором исторических фактов в литературном произведении, <в> упоминании какого-либо лица или предмета, относящегося

к другой эпохе, времени» [Квятковский, 1966, 37]. Подобный прием выглядит как хронологически рецептивный сдвиг [Шафранская, 2020, 31], означающий «буквально “против времени”», он «указывает на противоречие с хронологией» [Шмелева, 2015, 146]. Уникальная коллекция русского авангарда, описанная в романе «Белый круг», в реальности появилась в глубине советской Средней Азии только в 1960-е годы. Эту коллекцию создал Игорь Витальевич Савицкий в музее каракалпакского города Нукуса, когда Загорский архив (место ссылки работ художников) начинает распределять работы художников по другим советским музеям. Начало коллекции было положено в 1967 году, позже И.В. Савицкий уже самостоятельно ищет и находит по всему СССР то, что станет ее продолжением.

«Леднев был одним из немногих, а может, и единственным, кто рискнул грести против течения», – пишет Маркиш [Маркиш, 2004, 146]. В реальности это именно И.В. Савицкий (1915–1984), художник и искусствовед, отдал свою жизнь во спасение искусства, безразличный к бытовому комфорту, да и собственно быта в привычном понимании слова у Савицкого не было – у него была только жизнь вместе с его картинами (см.: [Бабаназарова, 2011; 2022]).

Т.В. Шмелева, изучив лингвистический контекст анахронизма, замечает, что он может выступать и в виде «стилистического приема», и завершает свое исследование словами о «великих возможностях» анахронизма, доступных современной прозе [Шмелева, 2015, 156]. Роман «Белый круг» вполне вписывается в этот перспективный, с точки зрения Т.В. Шмелевой, потенциал.

Анахронизм Маркиша, «сдвинувший» рождение музея лет на тридцать назад, вероятно, был необходим автору, чтобы выстроить логику физического исчезновения художников и их картин. В 1937–1938 годах была расстреляна целая плеяда художников, картины которых впоследствии оказались в каракалпакском музее (см.: [Шафранская, 2021]). О том же пишет французский исследователь Серж Фушеро: «Вспомним, что многие деятели искусств во всех уголках этой огромной советской империи стали жертвами сталинских репрессий: латыши А. Древин (расстрелян в 1938-м) и Клучис (умер в депортации в 1938-м), узбеки М. Курзин (18 лет лагерей начиная с 1936-го) и Усто-Момин (А. Николаев) (5 лет лагерей), русские В. Ермолаева и Соколов (погибли в лагере для интернированных в Казахстане в 1938-м). А. Лабас, Штенберг и Редько были лишены в 40-х годах права выставлять свои картины по причине их “формализма”. И если Калмыкова никто не принимал всерьез, если он пребывал в бедности, то все это окупалось тем, что он жил по своему усмотрению, свободным человеком, не подозревающим о своей гениальности». (Правда, в публикации – ряд ошибок, которые в зоне редакторской компетенции журнала: Михаил Курзин и Усто Мумин (не Момин) не узбеки, не «5 лет лагерей», а четыре (см.: [Шафранская,

2023]); Густав Клуцис (не Клучис) не умер в депортации, он был расстрелян, его прах – в земле Бутовского полигона.)

Судьба разграбленного архива Сергея Калмыкова сродни тому, как исчезали картины у арестованных художников в 1937–1938 годах, их родственники обращались в соответствующие органы начиная с 1939 по 1990 год – картины пропали бесследно, будучи незаконно реквизированными (см.: [Шафранская, 2021, 204]).

С. Маслов вспоминает, как грабили квартиру художника: «Когда Калмыков умер (“от истощения” [Минченков, 2003, 52]), а это случилось в 1967 году, первыми поехали выбирать для себя картины члены Политбюро, потом руководители управлений и отделов ЦК, потом министры. А у него дядя работал каким-то начальником в аппарате ЦК и подарил своему брату, который в детстве мечтал стать художником, две картины – одну фантастическую, другую реалистическую. Потом из Дирекции художественных выставок вызвали искусствоведов. Они произвели опись имущества. Картины и рисунки передали в Государственный художественный музей, а рукописи, ноты и артефакты – в Архив; кое-что оставили для себя» [Маслов, 1998, 114].

Вот эти реальные кражи превратились у Д. Маркиша в частные владения, которые по всему миру выискивают его персонажи Стеф Рунич и Мирослав Коробкович-Матусинский: в частном диване в Нью-Йорке, у врача, лечившего в Кзылграде художника, в зале кзылградской бани, в телевизионной мастерской... – не столько для того, чтобы пополнить кельнскую галерею, сколько для того, чтобы поправить свое материальное положение и жить безбедно.

Имя главного героя. Еще раз подчеркнем, что прототип главного героя-художника – Сергей Калмыков, каждая глава романа оформлена виньетками, на которых изображены его работы, почти на всех имя художника является деталью картины, напоминающей читателю, о ком этот роман. Однако в самом романе художник носит не просто другое имя – у него еврейское имя: Матвей Кац. «...Это ведь еврейская фамилия?» – спрашивает его Леднев. «Сугубо, – сказал Кац» [Маркиш, 2004, 155]. «Тут этих Кацев...», – слышит в Израиле Коробкович [Маркиш, 2004, 219].

У героя не только еврейское имя, автор создает ему родословную: жизнь его предков проходила в местечке Кривокляки. «...Кривокляки – говорит вам что-нибудь это слово?» – спрашивает художника следователь. «Да, – сказал Матвей, – это наше местечко. Отцовская родня оттуда» [Маркиш, 2004, 229]. Себя он не причисляет ни к какой национальности, его «национальность» – гений. «Сумасшедшие вроде меня не приписаны к какой-нибудь нации: мы сами по себе нация. Но если б у меня был сын, он, наверно, был бы еврей – хотя бы для милиции» [Маркиш 2004, 155]. Матвей Кац причисляет себя «к людям Космоса» [Маркиш, 2004, 94], говоря: «Я – гений» [Маркиш, 2004, 91].

Для чего автор романа принимает такое неординарное и, казалось бы, лишенное логики решение? Ответом отчасти может быть диалог между Ледневым и Матвеем Кацем. Они задаются вопросом, почему многие из художников-авангардистов – евреи и все они не рисовали людей. Наверное, потому, предполагает Матвей Кац, что все они вышли из местечек, где «никому бы и в голову не пришло рисовать человека или хотя бы козу так, чтоб было “похоже”: нельзя, запрещено!» [Маркиш, 2004, 156]. Если местечко – это резервация, гетто, то вышедший из него на свободу Матвей Кац обретает еще более несвободное существование, еще более регламентированное и табуированное. Единственный выход – убежать, скрыться, надеть маску, жить «под прикрытием».

В интервью журналу «Огонек» Д. Маркиш говорит: «После того, как Малевича второй раз из тюрьмы в Ленинграде выпустили, он даже само слово “супрематизм” забыл. А Калмыков сразу оказался там, куда ссылали. Так что вроде как опередил своих потенциальных врагов, его уже наказывать было не за что. Он сам себя наказал. Он городским сумасшедшим прикинулся» [Минченков, 2003, 53].

Уже высказано мнение, ставшее общим местом, что гонимость – «историческая характеристика евреев. Она, с точки зрения автора, увеличивает градус отверженности героя Маркиша. <...> Маркиш, сделав своего героя евреем, усиливает его экзистенциальную обреченность» [Шафранская, 2020, 39]. Хотелось бы дополнить: это как бы «дабл-прием», усиление – гонимый авангардный художник, да еще еврей, в государстве, которое казнило, в частности художников, не только за социальное (из бывших дворян), но и за «неправильное» этническое происхождение. Ко всему набору характеристик героя романа добавлено подозрение в безумии – это уже не вымысел Д. Маркиша, а бэкграунд Сергея Калмыкова. Этот мотив набирает обороты в критическом, публицистическом дискурсе о художнике.

Безумие. Врач-психиатр В.Е. Каган не был знаком с Сергеем Калмыковым. Через два года после смерти художника состоялась его первая выставка (1969). На нее Каган попал по совету своей старшей коллеги, врача, которая лечила Калмыкова, впервые незадолго до смерти попавшего в лечебницу.

«Первая посмертная персональная выставка – многие помнят ее! – вызвала возмущенно-восторженный резонанс, отразившийся в книге отзывов: от пресловутого “это непонятно и не нужно народу” до – “почему от нас скрывали гения”... Выставка тогда была скоростигжно свернута велением деятелей “от культуры”. Работы художника надолго переместились в хранилище» [Карпенко, 1989, 143].

Экспозиция настолько заинтересовала Кагана, что немало лет после выставки он потратил на изучение архива художника, из-под его пера появилась одна из первых версий биографии Калмыкова («Амур на носороге» [Каган, 2002, 52–68]), наряду со статьей А. Бренера [Бренер, 1986]. «Весь в

искусстве и своих исканиях – он вел странную, сумбурную и малопонятную для других жизнь, выделяясь даже на фоне богемно-студенческой среды тех лет» [Каган, 2002, 59]. Каган выносит диагноз: «Судя по всему, шизофренический процесс не просто идет – он скачет» [Каган, 2002, 61].

Этот диагноз оспаривается в романе. Хозяйка кельнской галереи, поклонница Калмыкова, дочь той девочки Мири, которая спаслась от Холокоста бегством из Польши в Сибирь, а по пути, размещенная в одном из детских приютов в Кзылграде, познакомилась с художником Матвеем Кацем, получив от него в подарок картинку-треугольник, пронесла ее через всю свою жизнь. Теперь этим треугольником и еще несколькими десятками картин Матвея Каца владеет Магда. Когда у нее берут интервью, задав вопрос о возможном психическом заболевании Каца, Магда отвечает: «Вы хотите знать, не был ли он безумцем? – отважно заострила вопрос Магда. – Нет, не был. Маргиналом – да, пожалуй. Он выбрал для себя роль городского сумасшедшего и добросовестно ее играл, чтобы спастись от преследований тоталитарной коммунистической власти. Это требовало отваги и бесконечного нервного напряжения. В сумасшедший дом он попал накануне смерти – впервые в жизни» [Маркиш, 2004, 224].

В этот диалог незримо вмешивается повествователь, цепляясь за слово «впервые»: впервые было в Оренбурге, откуда Матвей Кац ретировался в Кзылград со справкой, выданной психиатром, которая спасла его от расстрела. К пятилетию Октябрьской революции Матвей Кац принял участие в подготовке города к празднованию. По его инициативе одна из центральных улиц была раскрашена в три цвета: мостовая – в голубой, дома, перемежаясь, – в красный и белый. Каца вызвали в ЧК, вменяя ему диверсию – превращение улицы в царский флаг. «Но это же картина! – дерзко возразил Кац. – Какая еще картина? – зловеще спросил усач. <...> – Весь наш город – картина, – сказал Кац. – Карнавал улиц и домов. На нас смотрит сверху, – Кац указал пальцем в потолок, и усач проследил за его жестом, – сам Главный Костюмер и еще миллионы глаз, и видят: праздник!» [Маркиш, 2004, 226].

Пошла очередная порция вопросов: кто такой Костюмер? Ты от природы дурак или тебя подучили? Угрозу расстрела Кац безмятежно парирует упоминанием древневавилонской традиции приносить человеческую жертву к празднику. По случаю или везению очередной следователь оказывается однофамильцем Каца, вероятно, из того же местечка, что и отец художника, – это он спасает Каца, он дает ему путевку – жить, но отныне с диагнозом: «Шапиро – психиатр, он возьмет вас на день-другой к себе в больницу и даст справку, что вы цудрейтер. С этой справкой я вас выпущу. И оставайтесь цудрейтером – для вашей же пользы, это я вам говорю» [Маркиш, 2004, 229] (*цудрейтер* – на идише «ненормальный»). Этот новый вектор в его жизни еще больше укрепляет веру Матвея Каца в покровительство Костюмера, или Бога, который выдал ему охранную грамоту – теперь у него не смогут отнять краски и палитру. Калмыков порой задавал себе вопрос:

«“А может быть, мне лучше было бы завести семью, жить нормально... Я мог бы быть хорошим отцом”. <...> Становится не по себе от той открытости, щедрости художника, дарящего нам столько света, красок, звезд, парящих зданий и идеальных женщин с крылышками – ту самую Красоту, призванную очистить душу. Спасти – Мир. Но для этого необходимо <...> принимать жертвенность гениев» [Карпенко, 1989, 146].

Итак, мы рассмотрели соотношение вымысла и реальности в романе «Белый круг» Д. Маркиша, попытались осмыслить довольно радикальные подмены реальных фактов: они необходимы для авторского замысла – усилить экзистенциальное впечатление о судьбе художника, о его непохожести на обычных людей, о его гениальности. Если представить себе «шкалу» мытарств и мучений, то на ней автор романа выбирает для своего героя самую крайнюю позицию – нежизнеспособные условия, включая и немотивированное еврейство.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабаназарова М.М. Игорь Савицкий: художник, собиратель, основатель музея. Лондон: Silk Road Publishing House, 2011. 88 с.
- Бабаназарова М.М. Воспоминания о Савицком. Ташкент: Baktria press, 2022. 240 с.
- Боровская Е.Р. Герой-Художник в русской прозе начала и конца XX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 193 с.
- Бренер А. «Необычайные абзацы» Сергея Калмыкова // Простор. 1986. № 11. С. 198–206.
- Бучинская В.С. Сергей Калмыков: Альбом. Алматы: Онер, 1991. 161 с.
- Гарипова Г.Т., Шафранская Э.Ф., Кешфидинов Ш.Р. Современная литература. Виды искусства в литературном тексте: учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2025. 242 с.
- Геллер Л. Экфрасис, или обнажение приема. Несколько вопросов и тезис // «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте: сб. статей / сост. и науч. ред. Д.В. Токарева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 44–60.
- Гинзбург Л.Я. О документальной литературе и принципах построения характера // Вопросы литературы. 1970. № 7. С. 62–91.
- Домбровский Ю.О. Факультет ненужных вещей: роман. М.: Новая газета, 2011. 720 с.
- Дубкова М.В. Трансформация жанра биографии в творчестве Питера Акройда: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 178 с.
- Иванова Е.А. Жанр «новой биографии» в творчестве Эмиля Людвиг: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2014. 220 с.
- Каган В.Е. Понимая себя: взгляд психотерапевта. М.: Смысл, 2002. 268 с.
- Казанцева Г.В. Беллетризованные жизнеописания В.П. Авенариуса в контексте эволюции биографической прозы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 45 с.
- Карпенко В. Возвращение Сергея Калмыкова // Простор. 1989. № 9. С. 143–147.
- Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 376 с.
- Лебедева Е.В., Шафранская Э.Ф. Алма-Ата как локальный текст // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 3. С. 272–282.
- Маркиш Д. Белый круг: роман. М.: Изографус, 2004. 256 с.
- Маслов С. Воспоминания о Сергее Калмыкове // Художественный журнал. 1998. № 19–20. С. 114–115.
- Минченко Д. Недостоящий гений: Интервью // Огонек. 2003. № 11. С. 52–55.
- Омарова Е. Звездная чаша Сергея Калмыкова // Простор. 2019. № 4. С. 187–192.

Павлова Л.В., Романова И.В. Созвучие Сарьяна и Армении в восприятии русских поэтов // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 1(61). С. 5–18. DOI: 10.35785/2072-9464-2023-61-1-5-18.

Павлова Л.В., Романова И.В. Образно-мотивные ситуации «сарьяновского» корпуса русской поэзии // Известия Смоленского государственного университета. 2024. № 1(65). С. 20–34. DOI: 10.35785/2072-9464-2024-65-1-20-34.

Проскурин В.Н. Алма-Атинские дворики: краеведческие статьи, эссе, рассказы. Алматы: Искандер, 2009. 396 с.

Смекалов И.В. Сергей Калмыков. Оренбургский период (1893–1937). Оренбург: М.Ф. Коннов, 2012. 256 с.

Смекалов И.В. Новые материалы к творческой биографии Сергея Калмыкова // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 5(166). С. 74–78.

Ушакова Е.В. Литературная биография как жанр в творчестве П. Акройда: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 197 с.

Фушери С. Сергей Калмыков / пер. с фр. Б. Садыковой // Простор. 2019. № 4. С. 165–172.

Чудиновская Т.Г. «На острове Патмос»: отшельник С.И. Калмыков // Искусство Евразии. 2021. № 1(20). С. 76–87. DOI: 10.46748/ARTEURAS.2021.01.006.

Шафранская Э.Ф. Вруны и фантазеры как паттерн локальных текстов XX века // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 1. С. 22–29.

Шафранская Э.Ф. Этническая травестия в романе Давида Маркиша «Белый круг» // Iudaica Russica. Польша, 2020. № 2(5). С. 28–44. DOI: 10.31261/ir.2021.05.02.

Шафранская Э.Ф. Бутовский полигон vs Нукусский музей имени И.В. Савицкого // Знамя. 2021. № 7. С. 180–205.

Шафранская Э.Ф. Усто Мумин: превращения. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2023. 304 с.

Шмелева Т.В. Анахронизм как погрешность и как стилистический прием // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 1. С. 146–159.

Шубина А.В. Проблема биографического жанра в творчестве Питера Акройда: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 30 с.

V.S. Kosenko

*PhD in Philology, Associate professor,
Russian Institute of Theater Arts (GITIS)
Moscow, Russia*

A Novel about the Artist Sergey Kalmykov: The Relationship between Fiction and Reality

The subject of the article's analysis is a comparison of real facts from the biography of the artist Sergei Ivanovich Kalmykov (1891–1967), the historical and cultural context of the 20th century and their reinterpretation in the novel «White Circle» by David Markish. The author of the article sees a radical case in the writer's approach to the facts: not only the hero's locations have been changed (which run counter to historical facts), but also the hero's name and his ethnic origin. The purpose of the presented material is to discover these «substitutions» in the plot of the novel and find the author's motivation for such a technique as anachronism, which performs not only a stylistic function, but also an emotional one, addressed to the reader's reception. The real and fictional city (Alma-Ata – Kyzylgrad), the real and

fictional museum (Savitsky Museum in Nukus – museum in Kyzylgrad), characters, real and fictional, personifying these museums (Savitsky – Lednev) are compared, the logic of the name change (from Sergey Kalmykov – to Matvey Katz) is revealed, the points of view on madness/game of madness are presented – a real doctor and a narrator, relying on the mythology that accompanies the personality of Kalmykov. The article contains a digest of scientific research focused on the possibility or impossibility of turning to fiction in a literary biography when it comes to a real person.

Keywords: *Sergey Kalmykov; David Markish; artist; Savitsky Museum; anachronism.*

REFERENCES

- Babanazarova M.M. Igor Savitsky: Artist, Collector, and Museum Founder [Igor' Savickij: hudozhnik, sobiratel', osnovatel' muzeja]. London: Silk Road Publishing House, 2011. 88 p. (in Russian).
- Babanazarova M.M. Memories of Savitsky [Vospominanija o Savickom]. Tashkent: Baktria press, 2022. 240 p. (in Russian).
- Borovskaja E.R. The hero-Artist in Russian prose of the early and late 20th century [Geroj-Hudozhnik v russkoj proze nachala i konca XX veka]. *Dissertation ... Candidate of Philology*. Moscow, 2000. 193 p. (in Russian).
- Brener A. "Extraordinary Paragraphs" by Sergey Kalmykov ["Neobyčajnye abzacy" Sergej Kalmykova]. *Scope*, 1986. No. 11. Pp. 198–206 (in Russian).
- Buchinskaja V.S. Sergey Kalmykov: Album [Sergej Kalmykov: Al'bom]. Almaty: Oner, 1991. 161 p. (in Russian).
- Chudinovskaya T.G. "On the Island of Patmos": Hermit S.I. Kalmykov ["Na ostrove Patmos": otshel'nik S.I. Kalmykov]. *Eurasian Art*, 2021. No. 1(20). Pp. 76–87 (in Russian). DOI: 10.46748/ARTEURAS.2021.01.006.
- Dombrovskij Ju.O. The Faculty of Unnecessary Things: Roman [Fakul'tet nenuzhnyh veshhej: Roman]. Moscow: Novaja gazeta, 2011. 720 p. (in Russian).
- Dubkova M.V. The Transformation of the Biography Genre in the Works of Peter Ackroyd [Transformacija zhanra biografii v tvorchestve Pitera Akrojda]. *Dissertation ... Candidate of Philology*. Moscow, 2015. 178 p. (in Russian).
- Fushero S. Sergey Kalmykov [Sergej Kalmykov]. Translated from French by B. Sadikova. *Scope*, 2019. No. 4. Pp. 165–172 (in Russian).
- Garipova G.T., Shafranskaya E.F., Keshfidinov Sh.R. *Modern literature. Types of art in a literary text: A textbook for universities* [Sovremennaja literatura. Vidy iskusstva v literaturnom tekste: Ucheb. posobie dlja vuzov]. Moscow: Jurajt, 2025. 242 p. (in Russian).
- Geller L. Ekphrasis, or the exposure of a technique. A few questions and a thesis [Ekfrasis, ili obnazhenie priema. Neskol'ko voprosov i tezis]. *The Inexpressible Expressible*: *Ekphrasis and the Problems of Visual Representation in Literary Texts: A Collection of Articles*. Compiled and edited by D.V. Tokarev. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. Pp. 44–60 (in Russian).
- Ginzburg L.Ja. About documentary literature and the principles of character development [O dokumental'noj literature i principah postroenija haraktera]. *Questions of Literature*, 1970. No. 7. Pp. 62–91 (in Russian).
- Ivanova E.A. The genre of "new biography" in the works of Emil Ludwig [Zhanr "novoj biografii" v tvorchestve Jemilja Ljudviga]. *Dissertation ... Candidate of Philology*. Ivanovo, 2014. 220 p. (in Russian).
- Kagan V.E. Understanding yourself: the view of a psychotherapist [Ponimaja sebja: vzgljad psihoterapevta]. Moscow: Smysl, 2002. 268 p. (in Russian).

Karpenko V. The return of Sergei Kalmykov [Vozvrashhenie Sergeja Kalmykova]. *Prostor*, 1989. No. 9. Pp. 143–147 (in Russian).

Kazanceva G.V. The fictionalized biographies of V.P. Avenarius in the context of the evolution of biographical prose [Belletrizovannye zhizneopisanija V.P. Avenariusa v kontekste jevoljucii biograficheskoy prozy]. *Abstract of the dissertation ... Doctor of Philology*. Moscow, 2011. 45 p. (in Russian).

Kvjatkovskij A.P. The Poetic Dictionary [Pojeticheskij slovar']. Moscow: Sov. encyclopedia, 1966. 376 p. (in Russian).

Lebedeva E.V., Shafranskaya E.F. Alma Ata as a local text [Alma-Ata kak lokal'nyj tekst]. *Bulletin of Tver State University. Series: Philology*, 2015. No. 3. Pp. 272–282 (in Russian).

Markish D. The White Circle: A Novel [Belyj krug: Roman]. Moscow: Izografus, 2004. 256 p. (in Russian).

Maslov S. Memories of Sergey Kalmykov [Vospominanija o Sergej Kalmykove]. *Art magazine*, 1998, No. 19–20. Pp. 114–115 (in Russian).

Minchenok D. The Missing Genius: An Interview [Nedostajushhij genij: Interv'ju]. *Ogonek*, 2003. No. 11, pp. 52–55 (in Russian).

Omarova E. The Star Bowl by Sergey Kalmykov [Zvezdnaja chasha Sergeja Kalmykova]. *Scope*, 2019. No. 4. Pp. 187–192 (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. The Harmony of Saryan and Armenia in the Perception of Russian Poets [Sozvuchie Sar'jana i Armenii v vospriyatii russkih pojetov]. *Issues of Smolensk State University*, 2023. No. 1(61). Pp. 5–18 (in Russian). DOI: 10.35785/2072-9464-2023-61-1-5-18.

Pavlova L.V., Romanova I.V. Figurative and Motivational Situations in the “Saryanovsky” Corpus of Russian Poetry [Obrazno-motivnye situacii “sar'janovskogo” korpusa russkoj poezii]. *Issues of Smolensk State University*, 2024. No. 1(65). Pp. 20–34 (in Russian). DOI: 10.35785/2072-9464-2024-65-1-20-34.

Proskurin V.N. Alma-Ata Courtyards: Local History Articles, Essays, and Stories [Alma-Atinskie dvoriki: Kraevedcheskie stat'i, jesse, rasskazy]. Almaty: Iskander, 2009. 396 p. (in Russian).

Shafranskaya E.F. Liars and Dreamers as a Pattern of Local Texts in the 20th Century [Vruny i fantazery kak pattern lokal'nyh tekstov XX veka]. *Bulletin of MGPU. Series: Philology. Theory of Language. Language Education*, 2017. No. 1. Pp. 22–29 (in Russian).

Shafranskaya E.F. Ethnic Travesty in David Markish's Novel “The White Circle” [Etnicheskaja travestija v romane Davida Markisha “Belyj krug”]. *Judaica Russica, Poland*, 2020. No. 2(5). Pp. 28–44 (in Russian). DOI: 10.31261/ir.2021.05.02.

Shafranskaya E.F. Butovo Training Ground vs Nukus Museum named after I.V. Savitsky [Butovskij poligon vs Nukusskij muzej imeni I.V. Savickogo]. *Znamja*, 2021. No. 7. Pp. 180–205 (in Russian).

Shafranskaya E.F. Usto Mumin: transformations [Usto Mumin: prevrashheniya]. Moscow: “Garage” Museum of Modern Art, 2023. 304 p. (in Russian).

Shmeleva T.V. Anachronism as an error and as a stylistic device [Anahronizm kak pogreshnost' i kak stilisticheskij priem]. *Ecology of language and communicative practice*, 2015. No. 1. Pp. 146–159 (in Russian).

Shubina A.V. *The Problem of the Biographical Genre in the Works of Peter Ackroyd*: [Problema biograficheskogo zhanra v tvorchestve Pitera Akrojda]. *Abstract of the dissertation ... Candidate of Philology*. Saint-Petersburg, 2009. 30 p. (in Russian).

Smekalov I.V. *Sergej Kalmykov. The Orenburg Period (1893–1937)* [Sergej Kalmykov. Orenburgskij period (1893–1937)]. Orenburg: M.F. Konnov, 2012. 256 p. (in Russian).

Smekalov I.V. New materials for the creative biography of Sergey Kalmykov [Novye materialy k tvorcheskoj biografii Sergeja Kalmykova]. *Bulletin of Orenburg State University*, 2014. No. 5(166). Pp. 74–78 (in Russian).

Ushakova E.V. Literary Biography as a Genre in the Works of P. Ackroyd [Literaturnaja biografija kak zhanr v tvorchestve P. Akrojda]. *Dissertation ... Candidate of Philology*. Moscow, 2001. 197 p. (in Russian).

Л.В. Леванцевич

Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина
Брест, Республика Беларусь

УДК 811.161.3'373.21(476.7)

DOI 10.35785/2072-9464-2026-74-2-69-83

ДИАЛЕКТНЫЕ АПЕЛЛЯТИВЫ КАК ОСНОВА МИКРОПОНИМОВ (русско-белорусский диалектный континуум)

Ключевые слова: микропоним; диалектное слово; апеллятив; диалектоноситель; региональная ономастика.

Предметом изучения в статье стали микропонимы неустановленной мотивации. Цель анализа состоит в выяснении значения апеллятивов, которые могли стать основой для образования микропонимов. В основном это диалектные архаические лексемы, которые не употребляются в современном диалектном языке. Используя данные диалектных словарей, автор устанавливает семантику микропонимов путем сопоставления их с лексикой, обозначающей реалии и понятия. Для определения значения диалектной лексики использованы словари XX–XXI веков, фиксирующие диалектную лексику Беларуси, а также Смоленской и Брянской областей России. Торговые, экономические, исторические и культурные связи Брянщины, Смоленщины и Беларуси обусловили наличие в говорах ряда слов из старобелорусского, а затем и белорусского языка, что подтверждают данные диалектных словарей.

Изучение региональных микропонимов позволяет провести сравнительный анализ и выявить особенности топонимии в каждом из регионов, а также определить влияние и взаимовлияние на каждый из региональных ономастиконов. Анализ микропонимов, которые соотносятся с архаическими апеллятивами, позволяет реконструировать значение образующей основы, или тех лексем, которые находятся в пассивном словарном запасе диалектоносителей либо совсем вышли из употребления.

Результаты нашей работы могут быть использованы в ономастических исследованиях, посвященных проблемам словообразования и деривации, а также при изучении региональных ономастиконов.

На территории Беларуси выделяются следующие физико-географические регионы: Белорусское Поозерье, Белорусское Полесье и Центральный регион. Нами исследуется часть Белорусского Полесья – Брестско-Пинское Полесье. Оно выделяется самобытной культурой, историей, языком, что нашло свое отражение в языковых единицах. Выбор региона обусловлен

и отсутствием комплексных научных исследований ономастического и этнолингвистического характера. В говорах Брестско-Пинского Полесья удерживается много «лингвоспецифических» слов (безэквивалентной лексики, прозвищ, микропонимов), которые не переводятся на литературный язык без потери смысла. Такие единицы важны при изучении национальных особенностей языка.

Как отмечает А.М. Мезенко, «одним из приоритетных направлений развития современной лингвистики, ономастики в частности, становится регионалистика, под которой понимают междисциплинарную науку, изучающую объективные процессы регионализации (географической, политической, экономической, культурной)...» [Мезенко, 2016, 28].

Интерес к региональной лингвистике вырос в связи с активной глобализацией, которая наблюдается в последнее время в европейских странах. Что касается лингвострановедческого изучения регионов, то ускоряет процесс изучения и потеря носителей местных говоров, народной культуры, традиций, и уменьшение количества сельского населения в целом. Усложняет сбор качественного материала и то, что под влиянием литературных (белорусского и русского) языков произошли изменения в живой речи, и то, что большинство информаторов не знают или уже не помнят происхождение микропонимов, мотивацию прозвищ, значение некоторых слов, что употребляются в устойчивых выражениях или стали основой для образования онимов.

Мы живем в эпоху межкультурных контактов, поэтому изучение особенностей языкового сознания человека и лингвокультуры как Беларуси в целом, так и ее регионов в частности является актуальным.

Сбор топонимического материала в Полесье начался в XIX веке этнографом, географом, археологом, фольклористом, топонимистом З. Даленга-Ходаковским (1784–1825). Активное изучение топонимического материала относится ко второй половине XX века (У.А. Жучкевич, И.Я. Яшкин, В.П. Лемтюгова, Н.В. Бирила, В.М. Емельянович, А.М. Мезенко, Н.Р. Якубук, Т.Н. Олиферчик, В.А. Шкляр и др.).

На сегодняшний день языковеды имеют и словари микропонимов, и научные статьи по микропонимии определенных регионов. Отдельные публикации посвящены структурно-тематической классификации микропонимов, анализу единиц с конкретной образовательной базой (колоронимы, земельные участки, земледельческая лексика, природно-географическая терминология, ойконимы, антропонимы и др.), определению словообразовательных моделей, выявлению национально-культурной семантики (Ж.С. Сипливеня, В.А. Шкляр, Н.Р. Якубук, С.С. Клундук, В.М. Емельянович, В.П. Лемтюгова, И.Л. Копылов, Л.В. Леванцевич и др.).

В.М. Емельянович исследовала микропонимы Брестчины с позиции основных словообразовательных типов. Автор анализировала особенности образования микропонимов отантропонимического и отаппелятивного происхождения [Емельянович, 1983].

В этнолингвистическом аспекте топонимы и микропонимы Брестчины анализируются Т.Н. Олиферчик. Автор монографии (Тапанімія Заходняга Палесся: этналінгвістычны аспект, Мінск, 2013) путем семантико-мотивационного анализа и этнолингвистической интерпретации исследует мотивирующие основы и реконструирует мотивационные отношения апеллятивов и топонимов, определяет основные принципы топонимической номинации. Исследователем реконструирована ландшафтная модель в топонимии Западного Полесья [Аліферчык, 2013].

Микропонимы, собранные на территории Брестчины и надлежащим образом систематизированные, стали основой тематической классификационной схемы, приведенной в статье «Мікратапанімы Брэстчыны: да пытання класіфікацыі» (авторы Л.В. Леванцевич, Н.Р. Якубук) [Леванцэвіч, Якубук, 2019, 25–36].

Среди объемных сборов микропонимов нужно назвать изданные словари: «Мікратапаніміка Івацэвіччыны» (автор А.Ф. Зайка; Минск, 2019) [Зайка, 2019] и «Мікратапанімія Брэстчыны» (авторы-составители – Л.В. Леванцевич, Н.Р. Якубук, Т.А. Кисель; Брест, 2022) [МБ, 2022]. Ценными являются материалы, представленные в книге «Палескі архіў» (автор В.Л. Веренич, Минск, 2009) [Вярэніч, 2009], где среди лингвистических, этнографических и исторических материалов представлены и микропонимы Брестчины.

Среди ученых-топонимистов нет однозначности в выборе термина для именования диалектных географических названий объектов. Российскими исследователями употребляются термины «диалектные», «номенклатурные», «нарицательные», «местные», «народные». Словарь Н.В. Подольской приводит термины «местный географический термин МГТ» и «народный географический термин». Автор отмечает, что МГТ – условное обозначение традиционного названия, это не термин, а географический номен [Подольская, 1988, 45].

Полемика ведется вокруг термина «микропоним». В.С. Картавенко уточняет значение дефиниции следующим образом: «Под микропонимом мы понимаем имя собственное небольшого географического объекта, отражающее особенности местного ландшафта, имеющее узкую сферу применения и употребления, часто образованное от диалектных слов» [Картавенко, 2012, 13–14].

Российскими топонимистами работа проводится в разных направлениях: в когнитивном направлении нижегородская микропонимия анализируется Л.А. Климковой, топонимия Краснодарского края и Республики

Адыгея – Е.Ф. Ковлакас, Тюменской области – И.С. Карабулатовой. Культурологический подход прослеживается в работах Е.Л. Березович. Традиционный, структурно-семантический подход является основным в работах А.М. Мезенко, Л.Н. Давлекутовой и О.О. Махмаджанова. Лингвокультурологический анализ топонимов проводится в исследованиях Л.А. Климковой и Л.Н. Давлекутовой. Этнолингвистический подход прослеживается в работах Е.Л. Березович и И.А. Воробьевой.

Проанализировав научную литературу, Е.Ф. Ковлакас определяет следующие парадигмы исследования: 1) изучение когнитивных механизмов, на основе которых происходит номинация объектов [Дмитриева, 2007; Доржиева, 2011]; 2) исследование топонимических концептов и их репрезентация географическими наименованиями [Доржиева, 2011]; 3) ментальный образ человека, вербализованный в топонимических концептах [Березович, 1991, 75–90; Голомидова, 1998]; 4) изучение топонимов как ядра виртуального ономастического пространства [Луговая, 2006]; 5) изучение роли топонимов в научных текстах [Пак, 1993]; 6) исследование региональной ономастики [Щербак, 2008]; 7) изучение топонимической картины мира [Климкова, 2008; Ковлакас, 2021].

Материалы из белорусских говоров представляют ценность для литературной ономастики. Многие из ономастических названий образовывались на основе диалектных нарицательных имен соответствующего региона, поэтому происхождение и внутренний смысл имен собственных может быть раскрыт только исходя из значений имен нарицательных. В данной ситуации на помощь приходят материалы диалектных региональных словарей. На основе диалектных слов возникли и многочисленные микротопонимические названия. Таким образом, связь онима и лексической единицы очевидна: многочисленные микротопонимические названия входят в систему национальной лексики и бытуют в живом говоре. С одной стороны, микротопонимы, образованные от диалектных слов, дают богатый и надежный материал при изучении исторической лексикологии, с другой – диалектное слово помогает выявить источник возникновения того или иного микротопонима.

Цель работы – определение значения микротопонимов неустановленной мотивации путем соотношения их с диалектными апеллятивами.

В статье анализируются микротопонимы, основой которых стали архаические диалектные слова. Большинство из них уже не употребляется диалектоносителями, и значение этих слов они не помнят. Для выявления семантики таких апеллятивов нами взяты белорусские диалектные словари, изданные на протяжении XX–XXI веков, кроме словаря И.И. Носовича (1870). Мы используем словари П.А. Расторгуева [Расторгуев, 1973] и В.Н. Добровольского [Добровольский, 1914], в которых фиксируется диалектная лексика Смоленщины и Брянщины. Важным является тот факт, что лексика, представленная в них, была известна диалектоносителям в начале

XX века, когда еще литературный русский язык не оказывал такого влияния на разговорный. Также привлекаются материалы диалектных словарей Брянщины и Смоленщины, изданные в конце XX – начале XXI века.

Территория Смоленщины и Брянщины граничит с Беларусью и образует своеобразный диалектный континуум. Как отмечали П.А. Расторгуев, В.Н. Добровольский и авторы «Словаря смоленских говоров» (70-е годы XX века), на этой территории были распространены белорусские говоры. Понятно, что сегодняшняя диалектная речь уже значительно отличается от той, которая была в начале XX века. Изменения вызваны индустриализацией, социальными процессами, развитием школ, более тесной связью деревни с городом, ростом городов, радио, кино, периодической прессой, интернетом, развитием науки и техники и т.д.

Говоры западной Смоленщины в начале XX века (начиная с 1903 года) исследовал П.А. Расторгуев (монография «Говоры на территории Смоленщины», Москва, 1960). Ученый отмечал: «Основа говоров белорусская, но говоры нельзя в настоящее время назвать белорусскими: начиная с XVI века их основа испытала и теперь испытывает сильное влияние русских говоров, причем русские и белорусские черты встречаются рядом в одном и том же говоре, и даже в говоре одного и того же лица» [Расторгуев, 1973, 10].

В отношении говоров восточно-славянской территории, где соприкасаются зоны белорусского и русского языков, автор отмечал, что воздействие южновеликорусских народных говоров на говоры Западной Брянщины началось с XVIII века и «особенно усиливается оно после Великой Октябрьской социалистической революции: постепенно говоры современной Западной Брянщины утрачивают черты старой своей основы и в непрерывном изменении приобретают южновеликорусский характер» [Расторгуев, 1973, 19].

Микропонимический материал, анализируемый в статье, собирался автором в населенных пунктах Брестско-Пинского Полесья начиная с 2007 года. В работе также использованы материалы диалектологических экспедиций, организованных во время учебных диалектологических практик для студентов белорусского отделения филологического факультета Брестского государственного университета на протяжении последних десяти лет. Руководителем экспедиций являлся автор работы. Практическим результатом полевой работы стал микропонимический словарь, из которого и взяты микропонимы для анализа в статье [МБ, 2022].

Используя данные диалектных словарей попробуем восстановить значение апеллятивов, которые стали основой для образования микропонимов, собранных на территории Брестско-Пинского Полесья.

Балонне – поле в низине; *Булонне* – название имеют разные микрообъекты: луг, на котором косят траву, поле, сенокос, пастбище. Похожие

микротопонимы существуют и на другой территории Беларуси, о чем свидетельствуют топонимические справочники: *Балонне, Болонне, Абалонне, Оболонне* [МБМ, 1974, 292; Иванов, 2007, 17]. Аппеллятивом для микротопонима стала, скорее всего, лексема *болонь* 1) ‘низкая луговая равнина у реки, озера, заливаемая водой’, 2) ‘низкое, болотистое место; болотце’ [ССГ, 1974, 1, 217] или *балонне* ‘оболочка (реки)’ [МДСГ, 1975, 26]; ‘край леса’; ‘болото, трясина’; ‘низкий заливной луг возле реки’ [РСВ, 2012, 1, 67]; ‘луг, ровное пространство, покрытое многолетней травянистой растительностью’ [РС, 2001, 348]; ‘опушка’ [МСММГ, 1977, 26] и фонетические варианты *болонье* ‘пастбище, приречный луг перад деревней’ [СГ, 2010, 348]; *абалонье* ‘верхний слой древесины, вокруг сердцевины ствола’ [Станкевич, 1989, 24]. На Смоленщине бытовали также слова *болоня* 1) ‘верхний слой под корой – дерева’, 2) ‘горбыль; половина отрезанного бревна’, 3) ‘устар. наволочка на подушку’; *болонина* ‘то же, что болоня в 1 значении’; *болонка* 1) ‘устар. маленькое окно в избе’, 2) ‘устар. оконная рама со стеклом’, 3) ‘устар. задвижной ставень волокового оконца’, 4) ‘устар. приставной зимний ставень для тепла, иногда обитый войлоком’, 5) ‘стекло в окне’ [ССГ, 1974, 1, 215–216]; *болонь* 1) ‘верхний молодой слой древесины под корой дерева’, 2) ‘грудобрюшная преграда’, 3) ‘пленка, в которой находятся внутренности животного’ [Там же, 217].

Бандурына Дарога – дорога, которая проходит возле хутора, где жил Бандура. Вероятно, оним *Бандура* происходит от названия человека по его умственным способностям: *бандура* 1) ‘о тупом человеке’, 2) ‘о толстой неповоротливой женщине’ [Там же, 119]; ‘бранное слово – великорослый дурак’ [Носович, 1870, 21]; ‘большой, но тупой, дурной человек’ [НР, 1977, 225]. Словари фиксируют и производные слова, в основном глаголы, которые удерживают негативный компонент в своей семантике: *обандурировать* ‘обмануть’ [ССГ, 1974, 107]; *разбандурывание* ‘разрушение’; *разбандурывать* ‘разрушать’ [Юрчанка, 1998, 10]; *прабандурыць, прабандурыцца* ‘проболтать (обычно о былом)’ [Юрчанка, 1983, 267].

Барткі – лес. В словаре смоленских говоров присутствует слово *бартыль* ‘инструмент для обмера земельных площадей’, которое вполне могло стать аппеллятивом для микротопонима [ССГ, 1974, 1, 127]. На территории Беларуси зафиксированы и другие микротопонимы, имеющие корень *барт-*: *Барткі* – лес [Зайка, 2018, 20]; *Барткава Балота* – сенокос (принадлежал Бартку); *Барткаў Груд* – холм [АСГ, 2005, 1, 35].

Бар’як – большой сосновый лес возле деревни, *Бар’які* – сосновый лес, *Бар’ячкі* – меленькая сосновая посадка. Бесспорно, микротопоним соотносится с аппеллятивом *бар’як* 1) ‘сосна’, 2) ‘сосновое бревно’ [ДСБ, 1989, 20]. Слово было известно говорам Брестчины. В других говорах Беларуси этим словом называется ‘бревно, которое кладется в последнем венке сруба’ [ЖС, 1978, 102].

Бато́гы – сенокос. В говорах существует слово *бато́г* и его родовые и фонетические варианты: *бато́г* 1) ‘короткая палка, служащая опорой при ходьбе’, 2) ‘кнутовище’, 3) ‘стебель крупного травянистого растения (о щавеле)’ [ССГ, 1974, 1, 132]; ‘быстрое течение реки’ [Там же, 306]; *бато́г* (*бату́г, биту́х*) 1) ‘кнут, которым погоняют лошадей, волов’; *бато́га* ‘бизун, бич, кнут, дуга’, ‘ременная или веревочная часть такого кнута’ [Толстой, 1968, 163]; *бато́г* (*бото́г*) ‘палка, трость’ [БОС, 2011, 22]; *бато́ги* ‘лытка’, ‘часть ноги от стопы до колена’ [ССГ, 2005, 11, 252]. В основном все названные значения объединяются семей ‘продолговатый, как правило, круглый в поперечном сечении предмет’.

Ба́ха – возвышенное место, *Бахору́вка* – сенокос. В смоленских говорах были известны слова *ба́хур* ‘устар. распорядитель на святочных играх’; *ба́хура* ‘устар. человек, играющий роль жениха на святочных играх’ [ССГ, 1974, 1, 134–135]; *ба́хур* ‘главный распорядитель праздничных игр’ [Станкевич, 1989, 104]. Семантически связаны с ними и слова, зафиксированные на территории Беларуси: лексема *ба́хар* входит в состав устойчивого выражения *бахара жаниць* ‘представление на «святоточным ігрышчу» («Бацька» принуждает мужчин и женщин, девушек и парней целоваться)’. Слово также имеет значение ‘любовник’ [Там же, 104]. Если предположить, что микропонимы образованы от прозвища человека, который имел какое-то отношение к названной территории, то возможно соотношение онима и с глаголами *бахнуць, бэхнуць*, которые имеют значение 1) ‘упасть’, 2) ‘выстрелить’, 3) ‘ударить’, 4) ‘побежать (о животных)’. Не исключено образование наименований и от слов *бахма́чы, бахма́ты* ‘косматый, пушистый’; *бахмачы* ‘кожаные лапти’; *перабахтурыць* ‘набивать чью-либо голову бреднями’; *ба́хур* ‘волокита’ [Там же, 104].

Блуквы́ – поле. Лексемы с корнем *блук-* зафиксированы только в словаре смоленских говоров: *блуканя́га, блуканя́ка, блукуня́ка* ‘неодобр. бездельник (бездельница)’, ‘бродяга’; *блуканя́ть, блукуня́ть* 1) ‘ходить’, ‘слоняться без цели и дела’, ‘бродяжничать’, ‘бродить’ [ССГ, 1974, 1, 193–194].

Бозо́к – поле. Апеллятив *обозо́к* был известен в ряде местных говоров в значении ‘густые наросты веток на сосне либо березе’ [Иванов, 2007, 114]; ‘ветвистая сосна’ [ПС, 2000, 87]. Вероятно, на месте поля когда-то росли такие деревья.

Ботви́нка – часть леса, поле, *Ботви́нык* – болото. В смоленских говорах известен глагол *ботве́ть* ‘зреть, созреть (о зерновых культурах)’ [ССГ, 1974, 1, 236]. Возможно, на этих участках когда-то произрастали зерновые культуры.

Бры́шча – заболоченное поле, где водилось много змей, *Брышкúвкы* – поле, *Брышчанка* – поле. На территории Мозырского Полесья также существуют микропонимы *Бры́шча, Бры́шчэ*. В качестве основы микропонима, по всей вероятности, послужил апеллятив *брышчэ* ‘место,

заросшее луговыми злаками, местное *брицей* [Иванов, 2007, 35] Диалектные словари приводят следующее объяснение, как выглядит растение *брыца*: *Брыца – шырокі ліст і каласом цвет выходзіць; Брыца пахожая на проса; Брыца – трава така, у гародах расце, яна глушыць усе, што пасадзіш* [СБГПЗБП, 1979, 1, 231].

Бузя́нтно – болото. Возможно, название болота связано с апеллятивом *бузяны* (*бузяный*) ‘топкий’ [СБГПЗБП, 1979, 1, 235], ‘грязный, с илом’ [СГЦРБ, 1990, 1, 45], ‘вязкий, болотистый, топкий’ [МС, 2015, 1, 81], а также с *бузяно* ‘топко’ [ТС, 1982, 1, 91]. В словарях зафиксированы слова с общей семой ‘засоренный’: *забузяніць, забузяніцца, забузянець, забузянецца* 1) ‘зарости сорняками (о посевах)’, 2) ‘смешать с сорняками (о семенах)’ [Юрчанка, 1981, 154–155]; *бузяный* 1) ‘содержащий сорняки, оторосы (бузу)’, 2) ‘мутный, загрязненный, взбаламученный (о жидкости)’, 3) ‘скандальный, взбалмошный человек’ [ССГ, 1974, 1, 282]; *бузяніць* ‘мутить’; *набузяніць* ‘загрязнить’; *бузяністы* 1) ‘илистый’, 2) ‘мутный’, 3) ‘засоренный’ [Станкевич, 1989, 175]. В отношении к мотивации микропонима интерес вызывает значение ‘вязкий, болотистый, топкий’. В диалектных словарях лексемы с корнем *бузян-* приводятся как синонимы: *мутный, заму́тнённый, бузя́ный* [Анічэнка, 1999, 243]; *баламу́тный, брудный, брудя́ный, бузя́ный* [ССГ, 1974, 1, 294].

Бурданывка – поле, хозяином которого был Бурда, *Бурдуковэ* – часть озера, которое находится в конце деревни; название происходит от прозвища Бурда, *Бурды* – урочище, где раньше жила большая семья по фамилии Бурда, *Бурдэльскі Городок* – часть деревни; *Городок* называется потому, что тут жил пан и его слуги, а *Бурдэльскі* потому, что крестьянам запрещалось приходить сюда и отдыхать в корчмах (*бурдэлях*). В говорах Беларуси употреблялось слово *бурдыль* со значением ‘маленькая постройка’ [НС, 2008, 120]. Существуют лексемы с корнем *бурд-*, которые также могли стать апеллятивом для образования прозвища неопрятного, прищавого человека или человека, который говорит неправду («мутит»): *бурдя́ненький, бурдя́ный* 1) ‘грязный, мутный, с осадком’, 2) ‘водянистый, слабого навару (о пище)’; *бурдя́нить* ‘мутить, взбалтывать’; *бурдя́нчик* ‘человек, который мутит (бурдит) воду’; *бурду́ль* 1) ‘пузырь на воде’, 2) ‘прыщ, волдырь на коже’ [ССГ, 1974, 1, 292]; *бурды́канне* ‘падение, опрокидывание’ [НС, 2008, 120].

Бурліны – часть пружанской пуци. Смоленский диалектный словарь приводит лексемы *бурколье* ‘лягушечья икра’; *бурлять* 1) ‘смешивать, соединять разнородные предметы’, 2) ‘копать, перекапывать’ [ССГ, 1974, 1, 295]. Возможно, название образовано от глагола *бурлять*.

Буч – сенокос, *Буч’е* – поле. Вероятно, мотиватором названия стал характер местности – с водой, впадинами (язами), в которых когда-то водилась рыба. В говорах существовали лексемы *буча* ‘глубокое место в реке’, ‘водоворот’; ‘отпаривание белья в буче’; *бучело* ‘бочка с дырявым дном, в

которой отпаривали белье перед стиркой или отбеливали холсты'; *бучельня* 'кадка для выпаривания белья'; *бученый* 'отпаренный в кадке (буке), чисто вымытый' [ССГ, 1974, 1, 301–302]; *буч* 'ловушка для рыбы, раков из лозы конусоподобной формы, которая ставится в канаве' [ЖНС, 2001, 244]; 1) 'рыболовная снасть, сделанная из лозы или нитяной сети и обручей: *Буч плялі з лозы ці лямчынніку і ставілі на глыбокая месца міжды ягоў*', 2) 'короб из лозы и соломы', 3) 'кош', 4) 'перен. неуваж. неповоротливый человек' [СБГПЗБП, 1979, 1, 249].

Бэрва – лес, *Бэрво́лока* – поле, *Бэрвы* – поле и лес возле реки Вислица (название происходит от слова *бэрва* 'кладка (мосток) из бревна через речку'); часть деревни в заболоченном месте, где люди выкладывали мостки. Лексема *бэрва* присутствует в диалектных словарях с разными значениями: 'кладка' [ДСБ, 1989, 28]; *бэрва*, *бэрва* 1) 'плывущее бревно', 2) 'материал для мощения', 'бревна', 3) 'мосток из бревен, помост через болото', 4) 'тяжелое переживание, сокрушение, несчастье' [СБГПЗБП, 1979, 1, 184]. Микропонимы с компонентом *бэрва* зафиксированы по всей территории Беларуси: *Бэрва*, *Сусно́ва Бэрва*, *Осо́ва Бэрва* [МБМ, 1974, 270].

Бэрлѐнэ – поле. Микропоним может соотноситься с апеллятивом *бэрла*, зафиксированного со значениями 1) 'смесь зерна с различными отходами', 2) 'невеселая рожа' [СБГПЗБП, 1979, 1, 257]. Среди микропонимов Беларуси существует и наименование *Бэрлены* 'сенокос' [МБМ, 1974, 37]. Возможно, что микропонимы образованы от прозвища человека, которому принадлежал какой-то участок. Белорусы неуклюжего человека, лишённого грациозности, ловкости в руках, называли *бэрла* [Ч, 2006, 233].

В семантической структуре слова содержится информация о системе ценностей народа, носителя языка, сохраняется его культурный и исторический опыт, передается особенное восприятие и осмысление окружающего мира. В этом отношении интерес представляют архаические диалектные слова, которые выделяются особенностью значений, словообразования и деривации. В говорах Брестско-Пинского Полесья удерживается много «лингвоспецифических» слов (безэквивалентной лексики, прозвищ, микропонимов), которые не переводятся на литературный язык без смысловых потерь. Такие лексические единицы важны для реконструкции национальной языковой картины мира.

В «лингвоспецифических» словах заключаются важные для данного языка понятия, которые в большинстве случаев являются ключевыми для понимания национального языка и культуры. Они несут в себе определенные стереотипы языкового, национального и культурного сознания. Особенная система взглядов на окружающую неязыковую действительность, особенное мировидение содержатся не только в семантике лексических единиц западно-полесских говоров, но и в оформлении морфологических и синтаксических конструкций, в разнообразии словообразовательных моделей и деривации.

Одним из способов репрезентации региональных микротопонимов является их языковое оформление, поэтому важно обратить внимание на разнообразие рефлексов гласных звуков в западнополесских говорах, которые «внешне» изменяют апеллятив, ставший основой микротопонима.

Анализ микротопонимов, которые соотносятся с архаическими апеллятивами, позволяет реконструировать значение образующей основы, или тех лексем, которые находятся в пассивном словарном запасе диалектоносителей или совсем вышли из употребления.

Торговые, экономические, исторические и культурные связи Брянщины, Смоленщины и Беларуси обусловили наличие в говорах ряда слов из старобелорусского, а затем и белорусского языка, что подтверждают данные диалектных словарей.

ЛИТЕРАТУРА

Аліферчык Т.М. Тапанімія Заходняга Палесся: этналінгвістычны аспект. Мінск: Беларус. навука, 2013. 255 с.

АСГ – Анамастычны слоўнік Гродзеншчыны. У 2 ч. Ч. 1. Мікратапонімы / пад рэд. П.У. Сцяцко. Гродна: ГрДУ, 2005. 347 с.

Анічэнка У.В. Выход літаратурна-дыялектнага слоўніка беларускай мовы. Гомель, 1999. 488 с.

Березович Е.Л. Семантические микросистемы топонимов как факт номинации // Вопросы ономастики. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. Вып. 19: Номинация в ономастике. С. 75–90.

Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 532 с.

БОС – Брянский областной словарь / ред. Н.И. Курганская. Брянск, 2011. 364 с.

Вярэніч В.Л. Палескі архіў: лінгвістычныя, этнаграфічныя і гістарычныя матэрыялы / пад нав. рэд. Ф. Клімчука, Э. Смулкавай і А. Энгелькінг. Мінск: ІП Варахін, 2009. 692 с.

Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 1998. 232 с.

Давлеткулова Л.Н. Топонимы в лингвокультурологическом аспекте (на примере географических названий графства Оксфордшир и Челябинской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2014. URL: <http://imja.name/novostionomastiki/avtoreferaty-ponomastike-3.shtml> (дата обращения: 19.09.2020).

Дмитриева О.А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 40 с.

Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь. Смоленск: Типография П.А. Сирина, 1914. 1034 с.

Доржиева Г.С. Топонимия Квебека как отражение франкоязычной культуры региона (этнолингвистический аспект): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 590 с.

ДСБ – Дыялектны слоўнік Брэстчыны / рэд. Г.М. Малажай. Мінск: Навука і тэхніка, 1989. 294 с.

Емельянович В.М. Земляробчая лексіка як крыніца мікратапаніміі паўночна-заходняй часткі Брэсцкай вобласці // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. 1983. № 2. С. 107–114.

ЖНС – Жывое наша слова: дыялекталаг. зб. / рэд. І.Я. Яшкін, Л.П. Кунцэвіч. Мінск: Беларус. навука, 2001. 352 с.

ЖС – Жывое слова / пад рэд. І.Я. Яшкіна, Ю.Ф. Мацкевіч. Мінск: Навука і тэхніка, 1978. 288 с.

- Зайка А. Мікратапаніміка Івацэвіччыны. Мінск: Тэхналогія, 2018. 227 с.
- Иванов А.А. Микротопонимия Мозырского Полесья: монография. Мозырь: УО МГПУ им. И.П. Шамякина, 2007. 220 с.
- Карабулатова И.С. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2002. 502 с.
- Картавенко В.С. Становление региональной топонимической системы (Западный регион России): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2012. 46 с.
- Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 65 с.
- Ковлакас Е.Ф. К вопросу изучения топонимов в когнитивном аспекте // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13, № 4. Ч. 2. С. 326–347.
- ПС – Кучук І.М., Малюк А.К. Палескі слоўнік: Лельчыцкі раён. Мазырь: МазДПП імя Н.К. Крупскай, 2000. 156 с.
- Леванцэвіч Л.В., Якубук Н.Р. Мікратапонімы Брэстчыны: да пытання класіфікацыі // Весн. Брэст. ун-та. Серыя 3. Філалогія. Педагагіка. Псіхалогія. 2019. № 1. С. 25–36.
- ЛП – Лексика Полесья: материалы для полесского диалектного словаря / ред. Н.И. Толстой. М.: Наука, 1968. 477 с.
- Луговая Е.А. Топоним виртуального пространства как культурно-историческая категория (на материале эпопеи Дж. Р.Р. Толкиена «Властелин колец»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2006. 22 с.
- МДСГ – Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны / склад.: В.І. Мядзведзева [і інш.] // Беларуская мова і мовазнаўства: міжвузаўскі зборнік. Вып 3. Мінск: БДУ, 1975. С. 134–272.
- МСММГ – Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак / пад рэд. М. Жыдовіч. Мінск: Выд-ва БДУ, 1977. 144 с.
- Махмаджонов О.О. Историко-лингвистическое исследование топонимии Гиссарской долины Таджикистана: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Душанбе, 2010. URL: <http://imja.name/novostionomastiki/avtoreferaty-po-onomastike-5.shtml> (дата обращения: 19.09.2020).
- Мезенко А.М. Именослов Белорусского Поозерья в кругу ономастических исследований: проблемное поле, подходы, перспективы // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. ст. / под науч. ред. А.М. Мезенко. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2016. С. 27–30.
- МБМ – Мікратапанімія Беларусі. Матэрыялы / рэд. М.В. Бірыла, Ю.Ф. Мацкевіч. Мінск: Навука і тэхніка, 1974. 328 с.
- МБ – Мікратапанімія Брэстчыны: слоўнік / склад.: Л.В. Леванцэвіч, Н.Р. Якубук, Т.А. Кісель. Брэст: БрДУ, 2022. 296 с.
- МС – Мова Сенненшчыны: дыялектны слоўнік. У 2 т. Т. 1 / рэд. В.М. Курцова, Л.П. Кунцэвіч. Мінск: Беларус. навука, 2015. 424 с.
- НЛ – Народная лексіка / рэд. Ю.Ф. Мацкевіч, А.А. Крывіцкі. Мінск: Навука і тэхніка, 1977. 288 с.
- НС – Народныя скарбы: Дыялекталагічны зборнік / рэд. Л.П. Кунцэвіч. Мінск: Права і эканоміка, 2008. 388 с.
- Носович И.И. Словарь белорусскаго наречия. Санктпетербургъ, 1870. 766 с.
- Пак С.М. Топонимы в аспекте функциональной гетерогенности речи / текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 16 с.
- Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 199 с.
- РС – Раслінны свет: тэматычны слоўнік / рэд. Л.П. Кунцэвіч, А.А. Крывіцкі. Мінск: Беларуская навука, 2001. 655 с.
- Расторгуев П.А. Словарь народных говоров западной Брянщины. Минск: Наука и техника, 1973. 296 с.

- РСВ – Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны. У 2 ч. Ч. 1 / рэд. Л.І. Злобін. Віцебск: ВДУ імя П. М. Машэрава, 2012. 304 с.
- СГ – Сельская гаспадарка: Тэматычны слоўнік / рэд. Л.П. Кунцэвіч, А.А. Крывіцкі. Мінск: Беларус. навука, 2010. 527 с.
- ССГ – Словарь смоленских говоров. 11 вып. Смоленск, 1974. Вып. 1. 314 с.; 2005. Вып. 11. 273 с.
- СБГПЗБП – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. У 5 т. Т. 1 / пад рэд. Ю.Ф. Мацкевіч. Мінск: Навука і тэхніка, 1979. 513 с.
- СГЦРБ – Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі. У 2 т. / рэд. Е.С. Мяцельская. Мінск: Універсітэцкае, 1990. Т. 1. 290 с.
- Станкевіч Я. Беларуска-расійскі (Вялікалітоўска-расійскі) слоўнік. Нью-Ёрк, 1989. 1324 с.
- ТС – Тураўскі слоўнік. У 5 т. Т. 1 / А.А. Крывіцкі, Г.А. Цыхун, І.Я. Яшкін. Мінск: Навука і тэхніка, 1982. 255 с.
- Ч – Чалавек: тэматычны слоўнік / пад рэд. Л.П. Кунцэвіч, А.А. Крывіцкага. Мінск: Беларус. навука, 2006. 573 с.
- Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2008. 319 с.
- Юрчанка Г.Ф. Народнае вытворнае слова. Т. 2. Мінск: Навука і тэхніка, 1983. 304 с.
- Юрчанка Г.Ф. Сучасная народная лексіка: 3 гаворак Мсціслаўшчыны. Т. 3. Мінск: Беларус. навука, 1998. 351 с.
- Юрчанка Г.Ф. Народнае вытворнае слова: 3 гаворак Мсціслаўшчыны. Мінск: Навука і тэхніка, 1981. 280 с.

L.V. Levantsevich

*PhD in Philology, Associate Professor,
Chair of Belarusian and Russian Linguistics,
Brest State A.S. Pushkin University
Brest, Belarus*

Dialect Appellative as the Basis of Microtoponyms (Russian-Belarusian Dialect Continuum)

The article focuses on microtoponyms with unknown motivation. The goal of the analysis is to determine the meaning of appellatives that could serve as the basis for the formation of microtoponyms. These are mostly dialectal archaic lexemes that are not used in modern dialectal language. Using data from dialectal dictionaries, the author establishes the semantics of microtoponyms by comparing them with vocabulary that denotes realia and concepts. To determine the meaning of dialectal vocabulary, we used dictionaries from the 20th and 21st centuries that record the dialectal vocabulary of Belarus, as well as the Smolensk and Bryansk regions of Russia. The trade, economic, historical, and cultural ties between Bryansk, Smolensk, and Belarus have led to the presence of a number of words from the Old Belarusian and later the Belarusian language in the dialects, as confirmed by dialectal dictionaries. The study of regional microtoponyms allows for a comparative analysis and identification of the features of toponymy in each region, as well as the determination of the influence and interdependence of each regional onomasticon.

The analysis of microtoponyms that correspond to archaic appellatives allows us to reconstruct the meaning of the forming base, or those lexemes that are in the passive vocabulary of dialect speakers or have completely fallen out of use.

The results of this study can be used in onomastic research on word formation and derivation, as well as in the study of regional onomastics.

Keywords: *microtoponym; dialect word; appellative; dialect speaker; regional onomastics.*

REFERENCES

- Oliferchik T.M. Toponymy of Western Polesie: an ethnolinguistic aspect [Tapanimiia Zakhodniaga Palessia: etnolingvistychny aspekt]. Minsk: Belorusskaya nauka, 2013. 255 p. (in Belarusian).
- ASG – Onomastic dictionary of the Grodno region: in 2 parts. Part 1. Microtoponyms [Anamastychny slounik Grodzenshchyny: u 2 ch. Ch. 1. Mikrataponimy]. Edited by P.V. Stetsko. Grodno: GrSU, 2005. 347 p. (in Belarusian).
- Anichenko V.V. The experience of literary and dialectal dictionary of the Belarusian language [Vopyt litaraturna-dyialektnaga slounika belaruskai movy]. Gomel, 1999. 488 p. (in Belarusian).
- Berezovich E.L. Semantic microsystems of toponyms as a fact of nomination [Semanticheskie mikrosistemy toponimov kak fakt nominatsii]. *Questions of onomastics*. Sverdlovsk: Ural Publishing House. University, 1991. Issue 19: Nomination in onomastics. Pp. 75–90 (in Russian).
- Berezovich E.L. Russian toponymy in the ethnolinguistic aspect [Russkaia toponimiia v etnolingvisticheskom aspekte]. Yekaterinburg: USU Publishing House, 2000. 532 p. (in Russian).
- BOS – Bryansk Regional Dictionary [Brianskii oblastnoi slovar']. Edited by N.I. Kurganskaya. Bryansk, 2011. 364 p. (in Russian).
- Verenich V.L. Polessky Archive: linguistic, ethnographic and Historical materials [Paleski arkhiu: lingvistychnyia, etnagrafichnyia i gistorychnyia materyialy]. Edited by F. Klimchuk, E. Smulkova and A. Engelking. Minsk: IP Varaksin, 2009. 692 p. (in Belarusian).
- Golomidova M.V. Artificial nomination in Russian onomastics [Iskusstvennaia nominatsiia v russkoi onomastike]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 1998. 232 p. (in Russian).
- Davletkulova L.N. Toponyms in the linguistic and cultural aspect (on the example of geographical names of Oxfordshire county and Chelyabinsk region) [Toponimy v lingvokul'turologicheskom aspekte (na primere geograficheskikh nazvanii grafstva Oksfordshir i Cheliabinskoi oblasti)]. *Abstract of the dissertation ... Candidate of Philology*. Chelyabinsk, 2014. Available at: <http://imja.name/novostionomastiki/avtoreferaty-po-onomastike-3.shtml> (accessed on September 19, 2020) (in Russian).
- Dmitrieva O.A. Linguistic and cultural types of Russia and France of the XIX century [Lingvokul'turnye tipazhi Rossii i Frantsii XIX v.]. *Abstract of the dissertation ... Doctor of Philology*. Volgograd, 2007. 40 p. (in Russian).
- Dobrovolsky V.N. Smolensk Regional Dictionary [Smolenskii oblastnoi slovar']. Smolensk: Printing house of P.A. Silin, 1914. 1034 p. (in Russian).
- Dorzhieva G.S. Toponymy of Quebec as a reflection of the Francophone culture of the region (ethnolinguistic aspect) [Toponimiia Kvebeka kak otrazhenie frankoiazychnoi kul'tury regiona (etnolingvisticheskii aspekt)]. *Dissertation ... Doctor of Philology*. Moscow, 2011. 590 p. (in Russian).
- DSB – Dialect dictionary of Brest region [Dyialektny slounik Brestchyny]. Edited by G.M. Malazhay. Minsk: Science and Technology, 1989. 294 p. (in Belarusian).
- Yemelyanovich V.N. Agricultural vocabulary as a source of microtoponymy in the north-western part of the Brest region [Zemliarobchaia leksika iak krynitsa mikratapanimii paunochna-zakhodniai chastki Brestskai voblastsi]. *Bulletin of the Academy of Sciences of the BSSR. A series of social sciences*. 1983. No. 2. Pp. 107–114 (in Belarusian).
- ZhNS – Our living word: dialectologist collection [Zhyvoe nasha slova: dyialektalag. zb.]. Edited by I.Ya. Yashkin, L.P. Kuntsevich. Minsk: Belorusskaya nauka, 2001. 352 p. (in Belarusian).

ZhS – Is a Living word [Zhyvye slova]. Edited by I.Ya. Yashkin, Yu.F. Matskevich. Minsk: Science and Technology, 1978. 288 p. (in Belarusian).

Zaika A. Microtoponymy of Ivatsevichchina [Mikratapanimika Ivatsevichchyny]. Minsk: Technology, 2018. 227 p. (in Belarusian).

Ivanov A.A. Microtoponymy of Mozyr Polesie: monograph [Mikrotoponimiia Mozyrskogo Poles'ia: monografiia]. Mozyr: I.P. Shamyakin Moscow State Pedagogical University, 2007. 220 p. (in Russian).

Karabulatova I.S. Russian toponymy in the ethnolinguistic aspect [Russkaia toponimiia v etnolingvisticheskom aspekte]. *Dissertation ... Doctor of Philology*. Krasnodar, 2002. 502 p. (in Russian).

Kartavenko V.S. Formation of the regional toponymic system (Western region of Russia) [Stanovlenie regional'noi toponimicheskoi sistemy (Zapadnyi region Rossii)]. *Abstract of the dissertation ... Doctor of Philology*. Smolensk, 2012. 46 p. (in Russian).

Klimkova L.A. Nizhny Novgorod microtoponymy in the linguistic picture of the world [Nizhegorodskaya mikrotoponimiia v iazykovoii kartine mira]. *Abstract of the dissertation ... Doctor of Philology*. Moscow, 2008. 65 p. (in Russian).

Kovlaka E.F. On the issue of studying toponyms in the cognitive aspect [K voprosu izucheniia toponimov v kognitivnom aspekte]. *Modern studies of social problems*. 2021. Vol. 13. No. 4. Part 2. Pp. 326–347 (in Russian).

PS – Kuchuk I.M., Malyuk A.K. Polessky dictionary: Lelchitsky district [Paleski slounik: Lel'chytski raen]. Mozyr: Mazdpi named after N.K. Krupskaya, 2000. 156 p. (in Belarusian).

Levantsevich L.V., Jakubuk N.R. Microtoponyms of Brest region: on the issue of classification [Mikratapanimiy Brestchyny: da pytanniia klasifikatsyi]. *Bulletin of Brest University*. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology, 2019. No. 1. Pp. 25–36 (in Belarusian).

LP – Vocabulary of Polesie: materials for the Polesie dialect dictionary [Leksika Poles'ia: materialy dlia poleskogo dialektogo slovaria]. Edited by N.I. Tolstoy. Moscow: Nauka, 1968. 477 p. (in Russian).

Lugovaya E.A. Toponym of virtual space as a cultural and historical category (based on J.R.R. Tolkien's epic «The Lord of the Rings») [Toponim virtual'nogo prostranstva kak kul'turno-istoricheskaya kategoriia (na materiale epopei Dzh.R.R. Tolkiena «Vlastelin kolets»)]. *Abstract of the dissertation ... Candidate of Philology*. Stavropol, 2006. 22 p. (in Russian).

MDSG – Materials for the Homel region dialect dictionary [Materialy dlia dyialektnaga slounika Gomel'shchyny]. Compiled by V.I. Medvedeva [et al.]. *Belarusian language and Linguistics: Interuniversity collection*. Issue 3. Minsk BSU, 1975. Pp. 134–272 (in Belarusian).

MSMMG – Materials for the dictionary of Minsk-Molodechno Dialects [Materialy dlia slounika minka-maladzechanskih gavorak]. M. Zhidovich. Minsk: BSU Publishing House, 1977. 144 p. (in Belarusian).

Makhmadzhonov O.O. Historical and linguistic study of the toponymy of the Gissar valley of Tajikistan [Istoriko-lingvisticheskoe issledovanie toponimii Gissarskoi doliny Tadzhikistana]. *Abstract of the dissertation ... Doctor of Philology*. Dushanbe, 2010. Available at: <http://imja.name/novostionomastiki/avtoreferaty-po-onomastike-5.shtml> (accessed on September 9, 2020). (in Tajik).

Mezenko A.M. The namesake of the Belarusian Lake District in the circle of onomastic research: problem field, approaches, perspective [Imenoslov Belorusskogo Poozer'ia v krugu onomasticheskikh issledovani: problemnoe pole, podkhody, perspektivy]. *Regional onomastics: problems and prospects of research: collection of scientific articles*. Edited by A.M. Mezenko. Vitebsk: Masharov Moscow State University, 2016. Pp. 27–30 (in Belarusian).

MBM – Microtoponymy of Belarus. Materials [Mikratapanimiia Belarusi. Materialy]. Edited by M.V. Birilo, Yu.F. Matskevich. Minsk: Science and Technology, 1974. 328 p. (in Belarusian).

MB – Microtoponymy of Brest region: Dialect Dictionary [Mikratapanimiia Brestchyny: slounik]. Edited by L.V. Levantsevich, N.G. Yakubuk, T.A. Kisel. Brest: BrGU, 2022. 296 p. (in Belarusian).

MS – Sennenshchyna language: Dialect Dictionary [Mova Sennenshchyny: dyialektny slounik]. In 2 vols. Vol. 1. Edited by V.N. Kurtsov, L.P. Kuntsevich. Minsk: Belorusskaya nauka, 2015. 424 p. (in Belarusian).

NL – Folk vocabulary [Narodnaia leksika]. Edited by Yu.F. Matskevich, A.A. Krivitsky. Minsk: Science and Technology, 1977. 288 p. (in Belarusian).

NS – Folk treasures: Dialectological collection [Narodnyia skarby: Dyialektalagichny zbornik]. Edited by L.P. Kuntsevich. Minsk: Law and Economics, 2008. 388 p. (in Belarusian).

Nosovich I.I. Dictionary of the Belarusian dialect [Slovar' belarusskago narechiia]. Saint-Petersburg, 1870. 766 p. (in Russian).

Pak S.M. Toponyms in the aspect of functional heterogeneity of speech/text [Toponimy v aspekte funktsional'noi geterogenosti rechi/teksta]. *Abstract of the dissertation ... Candidate of Philology*. Moscow, 1993. 16 p. (in Russian).

Podolskaya N.V. Dictionary of Russian onomastic terminology [Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii]. Moscow: Nauka, 1988. 199 p. (in Russian).

RS – Plant world: a thematic dictionary [Raslinny svet: tematychny slounik]. Edited by L.P. Kuntsevich, A.A. Krivitsky. Minsk: Belorusskaya nauka Publ., 2001. 655 p. (in Belarusian).

Rastorguev P.A. Dictionary of folk dialects of the Western Bryansk region [Slovar' narodnyh govorov zapadnoi Brianshchiny]. Minsk: Science and Technology, 1973. 296 p. (in Belarusian).

RSV – Regional dictionary of Vitebsk region [Regiional'ny slounik Vitsebshchyny]. In 2 parts. Part 1. Edited by L.I. Zlobin. Vitebsk: Educational Institution of Higher Education named after P.M. Masherov, 2012. 304 p. (in Belarusian).

SG – Agriculture: a thematic dictionary [Sel'skaia gaspadarka: Tematychny slounik]. Edited by L.P. Kuntsevich, A.A. Krivitsky. Minsk: Belorusskaya nauka, 2010. 527 p. (in Belarusian).

SSG – Dictionary of Smolensk dialects [Slovar' Smolenskih Govorov]. 11 issue. Smolensk, 1974. Issue 1. 314 p. 2005. Issue 11. 273 p. (in Russian).

SBGPZBP – Dictionary of Belarusian dialects of North-Western Belarus and its borderlands [Slounik belaruskikh gavorak paunochna-zahodniai Belarusii iae pagranichcha]. In 5 vols. Vol. 1. Edited by Yu.F. Matskevich. Minsk: Science and Technology, 1979. 513 p. (in Belarusian).

SGCRB – Dictionary of Dialects of the central regions of Belarus [Slounik gavorak tsentral'nykh raenau Belarusi]. In 2 vols. Edited by E.S. Metelskaya. Minsk: universitetskoe publ., 1990. Vol. 1. 290 p. (in Belarusian).

Stankevich Ya. Belarusian-Russian (Great Lithuanian-Russian) dictionary [Belaruska-rasiiski (Vialikalitoŭska-rasiiski) slounik]. New York, 1989. 1324 p. (in English).

TS – Turov dictionary [Turauski slounik]: in 5 volumes. Vol. 1. Compiled by A.A. Krivitsky, G.A. Tsyhun, I.Ya. Yashkin. Minsk: Science and Technology, 1982. 255 p. (in Belarusian).

Ch – Human a thematic dictionary [Chalavek: tematychny slounik]. Edited by L.P. Kuntsevich, A.A. Krivitsky. Minsk: Belorusskaya nauka, 2006. 573 p. (in Belarusian).

Shcherbak A.S. Cognitive foundations of regional onomastics [Kognitivnye osnovy regional'noi onomastiki]. *Abstract of the dissertation ... Doctor of Philology*. Tambov: Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2008. 319 p. (in Russian).

Yurchenko G.F. Folk derivative word [Narodnae vytvornae slova]. Vol. 2. Minsk: Science and Technology, 1983. 304 p. (in Belarusian).

Yurchenko G.F. Modern folk vocabulary: from the dialects of the Mstislav region [Suchasnaia narodnaia leksika: Z gavorak Mstislaushchyny]. Vol. 3. Minsk: Belorusskaya nauka, 1998. 351 p. (in Belarusian).

Yurchenko G.F. Folk derived word: from the dialects of the Mstislav region [Narodnae vytvornae slova: Z gavorak Mstislaushchyny]. Minsk: Science and Technology, 1981. 280 p. (in Belarusian).

И.А. Королева, С.Р. Фомина

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 811.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2026-74-2-84-96

КЛЮЧЕВЫЕ ОНИМЫ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОЛЕГА ЕРМАКОВА «РАДУГА И ВЕРЕСК», СВЯЗАННЫЕ С НАЗВАНИЕМ РОМАНА

Ключевые слова: *ключевые онимы; художественный текст; Олег Ермаков; «Радуга и Вереск»; антропоним; топоним.*

Статья посвящена анализу ключевых онимов романа Олега Ермакова «Радуга и Вереск». Проведенное исследование опирается на выделенные Н.А. Николиной и З.Ю. Петровой особенности понятия «ключевые слова», а понятие «ключевые онимы» рассматривается как частный случай функционирования ключевых слов в тексте.

Предполагается, что ключевые имена собственные обладают теми же функциями в художественном тексте, что и ключевые слова. На примере функционирования онимов, связанных с заглавием романа, показывается, что ключевые именованья способны аккумулировать смыслы художественного произведения, направлять читательское восприятие в нужное автору русло, а также эффективно декодировать авторский замысел.

Детально исследуются онимы «Радуга», «Вереск» и «Веселуха». Предпринимается попытка доказать, что рассматриваемые имена собственные не только выполняют номинативную функцию, но и образуют единый семантический комплекс. Особое внимание уделяется анализу топонима «Веселуха», который играет важную роль при описании современного плана романа Олега Ермакова: становится ключевым инструментом раздвоения художественного пространства – деления его на реальное и ирреальное.

Результаты исследования могут быть использованы в научно-исследовательской деятельности, связанной с изучением функционирования ключевых онимов в художественном тексте.

Художественный текст представляет собой сложно организованную структуру, смысловая глубина которой раскрывается в процессе его прочтения и декодирования читателем. Одним из ключей к пониманию текста читателем можно считать способность языковых единиц к семантическому преобразованию в определенном контексте.

При однократном употреблении в художественном тексте слово может приобретать дополнительные смыслы благодаря контексту. При повторе в различных контекстах происходит накопление различных контекстуальных приращений. Этот процесс ведет к формированию уникальных

для каждого слова, функционирующего в определенном тексте, семантических структур. Такие коннотации и созданные в тексте семантические структуры заметны при анализе ключевых слов [Кухаренко, 1988, 48–49].

Н.А. Николина определяет данное понятие следующим образом: «Ключевые слова – знаки, направляющие читательское восприятие и раскрывающие авторские интенции» [Николина, 2014, 187].

Как отмечает В.А. Кухаренко, значение ключевых слов в тексте не статично и подвергается семантическим преобразованиям, так как они являются одними из единиц целостного текста, которые, претерпевая изменения, создают глубину художественного произведения.

Актуальность исследования ключевых слов и их основных характеристик, а также функционирования в тексте обусловлена их важной ролью в структуре художественного текста, потому что они могут служить смысловыми узлами, фиксирующими и раскрывающими авторский замысел, обеспечивающими связность текста и помогающими читателю декодировать текст.

Ключевые слова, выполняющие функцию знаков, направляющих читательское восприятие, обладают набором важных признаков, таких как частота употребления, способность к свертыванию информации, участие в создании образности текста при соотнесении фактологического и концептуального уровней, создание многоплановости текста. Поэтому ключевые слова в художественном произведении могут как обозначать реально существующие объекты, или реалии действительности, так и подвергаться метафоризации, приобретая символические смыслы. Вокруг ключевых слов формируются семантические комплексы, состоящие из синонимичных, словообразовательных и ассоциативно связанных единиц, что обычно усиливает смысловую насыщенность текста [Николина, Петрова, 2023, 331–333].

На основании этих характеристик Н.А. Николина и З.Ю. Петрова в статье «Семантические преобразования ключевых слов в современном прозаическом тексте» рассматривают следующие разновидности ключевых слов.

1. Ключевые слова в позиции заглавия. У данных единиц соотнесение реального и образного планов выделяется наиболее ярко. Такие слова одновременного могут являться прямыми обозначениями и характеризоваться дополнительными (метафорическими) смыслами.

2. Ключевые слова в позиции заглавия, которые не подвергаются метафоризации. Осложняется новыми смыслами их окружение, то есть связанные с ними единицы текста.

3. Ключевыми словами могут быть любые лексические единицы, не вынесенные в заглавие [Николина, Петрова, 2023, 333–337].

Следовательно, выделение ключевых слов и их семантическое преобразование реализуется по нескольким направлениям: метафоризация самого слова; метафоризация окружения данного слова; установление множественных денотативных связей вне метафоризации.

Таким образом, ключевые слова в тексте произведения могут формировать значимые смысловые узлы. Важнейшую роль среди них играют имена собственные, которые, обладая многоаспектной природой онимов, закономерно могут быть рассмотрены как особая разновидность ключевых слов. Поэтому можно говорить о том, что «ключевой оним» – это частный случай функционирования понятия «ключевое слово».

Имя персонажа, являясь устойчивым знаком, имеющим определенную семантику, в тексте произведения может семантически трансформироваться, приобретая новые значения благодаря контекстам, в которых оно встречается, на всем протяжении текста.

Поэтому можно говорить о том, что к описанию ключевых онимов в полной мере возможно применить все характеристики, выделяемые для ключевых слов, так как они являются важнейшим средством раскрытия и воплощения авторского замысла.

Понятие «ключевые онимы» в современных филологических исследованиях рассматривают с разных сторон. Чаще всего эти смыслы определяют привычным нам образом: слова, «выполняющие роль ключа для целой группы связанных с ними идей и представлений» [Федотова, 2015, 39]. Сопоставляют онимы и с «ключевыми словами текущего момента», рассматривая их не в структуре художественного текста, а в медиатекстах [Нефлящева, 2008; Федотова, 2015; Прокофьева, 2022]. Ключевые имена в художественном тексте были проанализированы, например, Р.И. Воронцовым в статье «Ключевые имена и “вечные образы” в русском языке и литературе XIX века», но они описываются с точки зрения их функционирования не в конкретном тексте художественного произведения, а в историческом и аксиологическом контексте эпохи.

Следовательно, сам подход исследователей к рассмотрению ключевых ИС может различаться из-за отличий самих текстов.

В художественном тексте ключевые имена собственные, как уже отмечалось выше, участвуют в создании индивидуальной структуры произведения, создавая смысловые доминанты и маркируя ключевые сюжетные узлы.

В медиатексте ключевые онимы, обладая уже обозначенными функциями ключевых слов, выступают одним из инструментов выражения функции публицистического стиля, связанной с потребностью в социально-оценочной характеристике актуальных понятий и явлений.

В таких текстах группы ключевых онимов также могут подвергаться модификации – словарный состав таких групп может меняться (словарный состав группы ключевых слов в художественном тексте всегда постоянен), а сами «ключевые слова текущего момента» могут подвергаться модификации: трансформироваться в прецедентные имена или переходить в разряд нарицательных [Федотова, 2015, 39]. В художественном тексте ключевые слова редко подвергаются таким сильным изменениям.

Исходя из этого, можно говорить о том, что рассмотрение ключевых онимов в структуре художественного текста – актуальная тема, ранее редко привлекающая внимание исследователей. Анализ ключевых онимов в художественном произведении способен обеспечить целостное и многомерное понимание смысла художественного произведения читателем, так как раскрывает глубинные смысловые слои и помогает в декодировании авторского замысла.

В данной работе ключевые онимы будут рассмотрены на примере функционирования имен собственных в тексте романа Олега Ермакова «Радуга и Вереск».

Стоит сразу же отметить, что ключевые онимы в данном романе будут не однородны при употреблении в течение всего текста, так как роман построен на соотношении двух временных планов: исторического (Смоленск 1632 года) и современного (Смоленск 2015 года).

Понятия «исторический план» и «современный план» употребляются в данном исследовании достаточно условно, так как события, рассматриваемые в них, описывают соответствующие временные вехи, но текст не построен только на исторических фактах. Основные персонажи и рассматриваемые события художественного произведения – авторский текст.

Первая выделенная группа ключевых онимов романа «Радуга и Вереск» связана с именами, вынесенными в заглавие текста, – Радуга и Вереск, а также с некоторыми другими онимами, представленными в таблице.

Рассмотрим оним Радуга, соотносящийся с именем одного из центральных персонажей романа – русской девушки Вяселки, которую читатель встречает при прочтении исторических частей романа. Поэтому первоначально рассматриваемую группу ключевых онимов мы будем относить к ключевым именам исторического плана текста.

Детальный анализ этого онима показывает, что он характеризуется семантической двуплановостью: выступает в качестве прямого денотата, но также приобретает метафорические коннотации, что согласуется с теоретической базой, отмеченной ранее. Например, оним Радуга тесно связан с онимами *Vaivorykštė* (с литов. «радуга»), *Tęcza* (с польск. «радуга»), Вяселка (с бел. «радуга»). Употребление онима сразу в нескольких вариациях на разных языках может указывать на определенную связь культур и важность данного имени собственного. «С тем, что им удалось увидеть внезапно, перекликалось и ее прозвание. Николаус перебирал его на разных наречиях. Вяселка по-литовски – *Vaivorykštė*. По-польски *Tęcza*. Но более всего по душе ему прилась латынь» [Ермаков, 2018, 231]. Латинское название, к слову, вынесено в название главы – «*Et iris*» [Ермаков, 2018, 231], оно также указывает на связь рассматриваемого имени с радугой, так как дословно «*et iris*» переводится как радуга.

Именование Вереск, на наш взгляд, является ключевым онимом, находящимся в позиции заглавия, который не является прямым денотатом, но подвергается метафоризации. Прямого именованного Вереск в тексте не встречается, но выделяется ряд онимов, которые осложняют его смысл. Так, например, данное имя собственное связано с одним из главных персонажей романа, возлюбленным Вяселки, Николаем Вржосеком. Wtżos в переводе с польского – «вереск». Как видим, фамилия персонажа очень созвучна с названием «вереск». На связь Вереска и Николая также указывает название и описание герба его рода: «...невидимая печать на родовых гербах: у одного – подкова и месяц, у другого – вереск и стрела» [Ермаков, 2018, 604]. У Вржосека «вереск и стрела».

Подробно анализ этих имен собственных приведен в статье «Характеристика именованных персонажей романа Олега Ермакова “Радуга и Вереск”» [Королева, Фомина, 2023, 38–44], поэтому в настоящей работе данные онимы подробно не были рассмотрены.

Таблица 1

Варианты имен собственных, связанные с ключевыми онимами, вынесенными в заглавие романа

Радуга	Вереск
<i>Антропонимы</i>	
Вяселка Vaivorykštė Tęcza Et iris	Николай Николаус Мікалай Микола Вржосек Wrzos Heather
<i>Топонимы</i>	
Веселуха Veselyha / Veseluha	—
<i>Другие онимы</i>	
«Башня Веселуха» «Башня Веселуха, или Смоленск и жители его двести тридцать лет назад» («...и жители его шестьдесят лет назад»)	герб Вржос «ПОВѢСТЬ ВРЕМЕННЫХЪ ЛѢТЪ ЧЕРНОРИЗЦА ФЕДОСЬЕВА МАНАСТЫРЯ ПЕЧЕРЬСКАГО, ОТКУДУ ЕСТЬ ПОШЛА РУСКАЯ ЗЕМЛЯ... И ХТО В НЕЙ ПОЧАЛЪ ПЪРВЪЕ КНЯЖИТИ, И ОТКУДУ РУСКАЯ ЗЕМЛЯ СТАЛА ЕСТЬ»

Важную роль в романе играет оним Веселуха. Его можно рассматривать как имя собственное, связанное с заглавием романа (конкретно именованном Радуга) и с именем Вяселка. Также его можно анализировать как топоним, имеющий особое значение для повествования романа и описания его топоса.

Всего ИС «Веселуха» (Veselyha / Veseluha) встречается в тексте 57 раз. Среди них выделяются следующие варианты употребления данного онима:

- варианты, встречающиеся при упоминании в тексте названия романа Ф.А. Эттингера «Башня Веселуха»;
- варианты, связанные с именованьем персонажей романа;
- название башни Смоленской крепостной стены (записанное кириллицей);
- название башни Смоленской крепостной стены (записанное латиницей);
- варианты, встречающиеся в эпитафье;
- вариант, значение которого рассматривается как «радуга» (классификация вариантов с количественным указанием употребления онима представлена на рисунке 1).

Рис. 1. Классификация вариантов употребления онима «Веселуха» в романе «Радуга и Вереск»

Варианты, связанные с именами персонажей романа, на наш взгляд, отражают связь данного онима с заглавием романа. Во-первых, Вяселка, как мы уже отмечали, может переводиться как «радуга». Во-вторых, сам оним «Веселуха» также связан с именованьем «радуга» (у слов схожий корень). На это в тексте указывает и сам автор:

«— Что это означало?

– Веселуха? Радуга. А может, девка с расписным коромыслом. Такой обычай был: приносить градостроительную жертву. Мужики, что строили крепость, условились: кто первый подвернется, того и замуруем» [Ермаков, 2018, 90].

В-третьих, из исторической части произведения мы узнаем, что мать де-вушки, которую тоже звали Вяселка, «сгинула раньше, еще при строительстве стены. Пропала, пошла за водой мимо строителей и исчезла. И говорят, что

строители ее в башню замуровали, порешили меж собой, кто первый сегодня попадется из горожан на глаза – его и возьмем. А это оказалась молодая женщина с рыжей косой и столь сочными зелеными глазами, что ее-то и звали Вяселкой. Вот в чем секрет имени и ее дочери» [Ермаков, 2018, 402].

Другой вариант этой легенды встречается и в современной части романа: «Но все-таки хороший сюжет для лирической песни. Парень той девушки по имени Веселуха, то есть Радуга, ходит всюду, ищет. Слышал о жертве. Но не знает точно, где она была. И ходит от башни к башне, зовет, прислушивается. Пристывает к строителям с расспросами, грозит им...» [Ермаков, 2018, 96].

«Таких крепостей не много на свете. А в каждой башне – своя девица Веселуха» [Ермаков, 2018, 92].

Эта история пересказывает знаменитую легенду о возможном возникновении названия башни «Веселуха» Смоленской крепостной стены, а также указывает на связь личного имени «Вяселка» и топонима «Веселуха».

Все это, на наш взгляд, доказывает, что связь между этими онимами есть и что оним «Веселуха» действительно связан с заглавием романа.

Отдельно хотелось бы рассмотреть функционирование онима «Веселуха» как ключевого топонима. В этом качестве данный оним встречается 47 раз:

- в главах романа, связанных с современностью – 41 раз,
- в главах романа, связанных с историей – 6 раз (5 употреблений, записанных латиницей, 1 употребление, записанное кириллицей).

Латинские варианты данного употребления, как видно из анализа количественного соотношения употреблений данного онима, встречаются только в исторической части романа в речи поляков. Топоним используется для сообщения о месте действия или какой-либо информации о башне Смоленской крепостной стены.

«Ну а круглая башня под нами, продолжал Войтех, именуется так: Veselyha» [Ермаков, 2018, 206]. «И они поскакали дальше, но перед самой церковью монастыря бернардинцев свернули на мост через ров, дальше вдоль стены, мимо башен и мимо башни Veseluha, вниз и дальше вдоль стены...» [Ермаков, 2018, 656].

Вариант онима, записанный кириллицей, встречается в тексте при таких же обстоятельствах: «Квотермистром Веселухи был назначен пан Войтех, а не его отец, впавший в немилость у воеводы Гонсевского за отлучку перед осадой» [Ермаков, 2018, 504].

Стоит отметить, что варианты употребления рассматриваемого ИС, встречающиеся в исторической части романа, являются также своеобразными маркерами данного контекста, что показывает соотношение латинских и кириллических употреблений.

В исторических главах топоним функционирует как элемент художественного пространства, обозначающий определенное место действия романа.

В главах, описывающих современный Смоленск, топоним Веселуха играет более значимую роль: не просто является названием башни или указывает на место действия, а приобретает в контексте определенную смысловую нагрузку, часто подчеркивая двойственность действия романа.

Так, топоним Веселуха в современной части романа относится не к одной башне, а сразу к двум: «Нет, – сказал Косточкин. – Это я не с той Веселухи, а с другой Веселухи. <...> Мне ваш знаток это и сообщил, что, мол, та Веселуха стала Веселухой позже, а самая первая Веселуха – другая, с которой я и съехал» [Ермаков, 2018, 283].

Нами было выделено 18 употреблений данного именованного, которые относятся к описанию «современной Веселухи», той башни, которая действительно в настоящий момент носит такое название: «...он включился в сеть по мобильному телефону, запросил местную крепость <...> Приводились названия башен. Была там и Веселуха, “угловая шестнадцатигранная башня”» [Ермаков, 2018, 57].

При описании этой башни автор использует различные ориентиры, которые указывают на то, что имеется в виду именно современная Веселуха: «Слева возвышалась зеленая церковь, за нею виднелась башня, которую и называют Веселухой» [Ермаков, 2018, 77]. Зеленая церковь – это «Смоленская Православная Духовная Семинария Смоленской Епархии Русской Православной Церкви», рядом с которой действительно находится шестнадцатигранная башня, которая на большинстве современных карт Смоленской крепостной стены именуется как Веселуха.

В тексте также описывается и «настоящая / истинная Веселуха» – современная башня «Орел» (23 употребления): «Путаница в головах – наше обычное состояние. Была Веселуха, теперь – Орел» [Ермаков, 2018, 90]. Она находится между башней Поздняковой и башней, называющейся сейчас «Авраамиевские ворота» (Авраамиевская башня).

Стоит отметить, что в части романа, описывающей исторические события, Веселухой названа именно эта башня: «Вот по левую руку – башня Pozdniakova, наверное, был такой стрелец или строитель. А направо – башня с вратами: Авраамова. Се – от монастыря, в котором когда-то жил святой сего града Авраам. Или Авраамий. Сейчас в нем братья доминиканцы. Ну а круглая башня под нами, продолжал Войтех, именуется так: Veselyha» [Ермаков, 2018, 206].

Интересен факт, что об истинной Веселухе знают не все, а иногда это знание, которым обладает один из центральных персонажей части романа,

Павел Косточкин, и некоторые другие действующие лица, откровенно высмеивают: «Ой, умора!.. Их же одна, молодой человек, а не две. После падения двоится?» [Ермаков, 2018, 283]

Уникальность данного знания может указывать на его связь с какой-то другой реальностью. Существование такой реальности подтверждает и контекст:

«– Вот там за руиной и Веселуха, – сказала Яна.

Косточкин присматривался сквозь лобовое стекло.

– С шатровой крышей? – спросил он.

– Ну да.

– Хм, а была без крыши... Меня и преследует в последнее время такое впечатление...

– Какое?

– Чего-то двоящегося. Раздвоение сознания. Как будто я фотографирую сразу в двух местах. А?» [Ермаков, 2018, 498]

Таким образом, данный топоним является ключевым инструментом, позволяющим автору выстраивать особенную систему пространства текста и его восприятия читателем.

Обозначение реальной башни иным вариантом названия (историческим, которое знают не все) может указывать на соединение двух планов повествования: современного, сотнесенного с реально существующим объектом, и исторического (для современной части – чего-то ирреального), связанного с именованьем данного объекта, известного немногим. На основании этого мы можем говорить о том, что события, связанные с «истинной Веселухой», «переносят» действие современной части романа в какой-то ирреальный мир.

На это указывает описание Веселухи как одушевленного объекта: «Веселуха стояла в снегу, как будто распахнув объятиями прясла стены» [Ермаков, 2018, 501]. «Стена молчала своими красными кирпичами, мокрыми, словно вспотевшими. Башню впереди скрадывал туман» [Ермаков, 2018, 617].

Интересно, что эта ирреальность ярко выражена не только при описании действий Павла Косточкина, но и при изображении его взаимодействия с Яной, вторым центральным персонажем современной части произведения (возлюбленной Косточкина). Особенно наглядно это видно при упоминании Веселухи в качестве топонима, употребляемого в другом произведении – романе Ф.А. Эттингера «Башня Веселуха»: «И вдоль стены, вдоль стены до башни Орел, на которую еще можно подняться. А вообще-то капитан с провожатым дядюшкой поручиком и своим другом шли в те времена по стене от самых Днепровских ворот, если я ничего не путаю.

– О чем там вообще речь? – спросил Косточкин.

– Как о чем? – удивилась Яна. – О любви. И чертовщине в башне Веселухе.

– Куда же мы пойдем? Назад?

– Нет, – возразила Яна. – Предлагаю идти навстречу героям. По схеме маршрут заканчивается в Никольских воротах. Мы их сейчас пройдем и двинемся против часовой стрелки. Это интереснее, чем возвращаться тем же путем. Переиначим немного Эттингера?» [Ермаков, 2018, 613].

В этом контексте обращает на себя внимание оппозиция названий одной и той же башни: Орел и Веселуха. Орел – реально существующий объект; к башне идут герои, а также указывается, что на нее можно подняться. Веселуха – что-то эфемерное; упоминаются события текста другого произведения. И здесь также привлекает внимание, что Павел и Яна выбирают путь иной, «против часовой стрелки» – еще одно указание на что-то нереальное.

Вероятно, автор таким образом хотел показать, что чувства влюбленных – это то, что невозможно в реальном мире, так как Яна не просто девушка, с которой повстречался Косточкин. Яна – невеста, свадьбу которой должен был снимать Павел, для чего и приехал «на рекогносцировку в Смоленск» [Ермаков, 2018, 19]. Какие-либо чувства между персонажами не должны были возникнуть в реальности, так как Косточкин приехал просто выполнить свою работу – снять свадьбу Яны и ее жениха. Но место действия как бы раздвоилось, что мы видим при анализе вариантов употребления топонима «Веселуха». Пространство стало существовать в двух реальностях: в одной из них были реальны чувства героев, в другой – нет. Реальность, в которой возможны отношения Павла и Яны, связана с ирреальной Веселухой, а та реальность, в которой эти чувства невозможны, «победила»: «Нет, другая, да, – круглая башня Веселуха. Башня, где Косточкин был счастлив. А потом его счастье украл банкир. Или... купил?» [Ермаков, 2018, 710].

Возвращаясь к исторической части романа, стоит отметить, что топоним «Веселуха» понимается здесь только как реально существующее место – часть крепостной стены, что подчеркивает разные функции одного онима в двух временных пластах.

В XVII веке Веселуха – статичный элемент, обычный топоним, семантика которого в тексте лишена двоения, но уже приобретает ирреальные черты (легенда о замурованной в башне девушке). При этом в данной части романа важны другие онимы – Радуга (Вяселка) и Вереск. Поэтому фокус читателя здесь смещается с топонима на антропонимы. Их функционирование в тексте создает первичный событийный пласт, над которым, на наш взгляд, события современности надстраиваются.

Таким образом, проведенный анализ позволяет предположить, что оним «Веселуха» является ключевым для данного текста. Он не только является указателем на место действия, но и делит пространство современной части произведения на реальное и ирреальное. Топоним маркирует пространство, связанное с «истинной Веселухой», как ирреальное, что удивительно, так как сам вариант названия понимается как исторический, ранее существовавший, но утраченный.

Все онимы, рассмотренные нами в данной статье, выходят за рамки обычной номинативной функции. Они образуют единый символический комплекс «Радуга – Вереск – Веселуха», где Радуга и Вереск – символ одних возлюбленных, Радуга / Веселуха переносит внимание на отношения других возлюбленных и указывает на связь времен (например, через включение в текст легенды о Веселухе). Через систему данных ключевых онимов автор вводит возможность существования иной реальности в тексте, отличной от общепринятой.

Выделенные ключевые онимы не только помогают читателю лучше понять авторский замысел, но и активно участвуют в формировании новых смыслов текста, выполняют роль элементов, связывающих части романа. Их комплексный анализ позволяет рассматривать художественный текст как целостную систему, раскрывающую глубинные связи между его структурными и смысловыми элементами.

ИСТОЧНИКИ

- Ермаков О.Н. Радуга и Вереск. М.: Время, 2018. 736 с.
Королева И.А., Фомина С.Р. Характеристика именований персонажей романа Олега Ермакова «Радуга и Вереск» // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2023. № 4. С. 38–44.

ЛИТЕРАТУРА

- Воронцов Р.И. Ключевые имена и «вечные образы» в русском языке и литературе XIX века // Актуальные вопросы зарубежной филологии, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, методики преподавания иностранных языков (Кострома, 14–16 сентября 2015 года). Кострома: Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, 2015. С. 61–68.
Кухаренко В.А. Интерпретация текста: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
Нефляшева И.А. Ключевой оним в современном дискурсе и его словообразовательный потенциал // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008. № 10. С. 55–61.
Николина Н.А. Филологический анализ текста. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.
Николина Н.А., Петрова З.Ю. Семантические преобразования ключевых слов в современном прозаическом тексте // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2023. № 2. С. 331–339.
Прокофьева Н.А., Щеглова Е.А. Ключевые слова текущего момента: проекции и отражения // Язык – текст – дискурс: дискурсивное измерение языковых процессов: сборник научных

статей по материалам VIII международной научной конференции (Самара, 28–30 марта 2022 года). Самара: Самарская гуманитарная академия, 2022. С. 208–217.

Федотова Т.В. Динамика ключевых имен собственных в аспекте их прецедентности и деонимизации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 39–41.

I.A. Koroleva

*PhD in Philology, Doctor, Professor,
Chair of the Russian Language,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

S.R. Fomina

*Applicant for PhD in Philology,
Chair of the Russian Language,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

Key Onyms in Oleg Ermakov's Novel «Rainbow and Heather» Related to its Title

The article analyzes the key onyms in Oleg Ermakov's novel Rainbow and Heather. This study builds upon the features of the concept of «key words» as defined by N.A. Nikolina and Z.Yu. Petrova, and treats the notion of «key onyms» as a specific manifestation of key words within a literary text.

It is posited that key onyms perform the same functions in a literary text as key words. By examining the functioning of onyms related to the novel's title, the article demonstrates that key onyms can accumulate the semantic layers of a literary work, guide the reader's interpretation in the direction intended by the author, and effectively decode the author's creative intent.

The onyms «Rainbow», «Heather», and «Veselukha» are examined in detail. The analysis seeks to prove that these onyms not only perform a nominative function but together form a unified semantic complex. Particular focus is placed on the analysis of the toponym «Veselukha», which plays a unique role in depicting the contemporary layer of Ermakov's novel. It becomes a key instrument for bifurcating the artistic space – dividing it into the realms of the real and the unreal.

The findings of this research can be applied in scholarly investigations related to the study of how key onyms function within literary texts.

Keywords: *key onyms; literary text; Rainbow and Heather; proper name; anthroponym; toponym.*

REFERENCES

Ermakov O.N. Rainbow and Heather [Raduga i Veresk]. Moscow: Vremya, 2018. 736 p. (in Russian).

Koroleva I.A., Fomina S.R. Characteristics of character naming in Oleg Ermakov's novel «Rainbow and Heather» [Kharakteristika imenovanii personazhei romana Olega Ermakova «Raduga i Veresk»]. *Bulletin of Donetsk National University*. Series D: Philology and Psychology, 2023, No. 4. Pp. 38–44 (in Russian).

Kukhareno V.A. Text interpretation [Interpretatsiya teksta]. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie, 1988. 192 p. (in Russian).

Neflyasheva I.A. Key onym in modern discourse and its word-forming [Klyuchevoi onim v sovremennom diskurse i ego slovoobrazovatel'nyi potentsial]. *Bulletin of Adyghe State University*. Series 2: Philology and Art History, 2008, No. 10, pp. 55–61 (in Russian).

Nikolina N.A. Philological analysis of text [Filologicheskii analiz teksta]. Moscow: Academy, 2003. 256 p. (in Russian).

Nikolina N.A., Petrova Z.Yu. Semantic transformations of key words in modern prose text [Semanticheskie preobrazovaniya klyuchevykh slov v sovremennom prozaicheskom tekste]. *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2023. No. 2. Pp. 331–339 (in Russian).

Prokofyeva N.A., Shcheglova E.A. Key words of the current moment: projections and reflections [Klyucheveye slova tekushchego momenta: proektsii i otrazheniya]. *Language – Text – Discourse: The Discursive Dimension of Linguistic Processes*. Samara: Samara Academy of Humanities, 2022. Pp. 208–217 (in Russian).

Vorontsov R.I. Key names and «eternal images» in Russian language and literature of the 19th century [Klyucheveye imena i «vechnye obrazy» v russkom yazyke i literature XIX veka]. *Current issues in foreign philology, linguocultural studies, intercultural communication, and methods of teaching foreign languages*. Kostroma: N.A. Nekrasov Kostroma State University, 2015. Pp. 61–68 (in Russian).

Fedotova T.V. Dynamics of key proper names in terms of precedence and deonymization [Dinamika klyuchevykh imen sobstvennykh v aspekte ikh pretsedentnosti i deonimizatsii]. *Proceedings of Voronezh State University*. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2015. No. 4. Pp. 39–41 (in Russian).

Е.Г. Малышева, О.С. Рогалева

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Омск, Россия

УДК 81.42+070.1

DOI 10.35785/2072-9464-2026-74-2-97-117

ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ПРОПАГАНДИСТСКИЙ ИНФОТЕЙНМЕНТ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ПРАГМАСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ

Ключевые слова: поликодовый медиатекст; медиадискурс; пропагандистский медиадискурс; пропагандистский инфотейнмент; концептуальная доминанта.

В фокусе исследования в статье находятся пропагандистские дискурсивные практики современного российского телевидения. Изучаются феномен «пропагандистского инфотейнмента», его ключевые характеристики и специфика использования этого медиаформата в телевизионной программе «Международная пилорама» (НТВ, 2016–2024).

Предлагаемая методика анализа включает три уровня.

Структурно-композиционный анализ телевизионного медиатекста позволил заключить, что проект можно охарактеризовать как пародийное информационно-аналитическое обозрение с игровыми элементами. Приемы политической сатиры в данном проекте используются в качестве инструмента государственной идеологии и пропаганды.

Концептуальный анализ выявил содержательные доминанты телепроекта: архетипическую оппозицию «свои» / «чужие», медиаобразы президента РФ, России и недружественных государств и их лидеров. Для объективации доминант используются приемы стереотипизации, гиперболизации, примитивизации. Одна из целей «Международной пилорамы» – создать образ «идеального» президента России («начальника», который «у России один»), наделенного такими концептуальными характеристиками, как «мудрый», «самый главный», «справедливый», «влиятельный».

Использование метода прагмастилистического анализа позволило охарактеризовать базовые когнитивные стратегии и тактики, а также лексико-стилистические и грамматические средства их языкового воплощения в поликодовом медиатексте. Экспликация основной когнитивной стратегии журналиста-пропагандиста – посредством медиаформата пропагандистского инфотейнмента дискредитировать деятельность политиков и представителей органов власти иностранных государств, сформировать у адресата устойчивый негативный образ президентов и высокопоставленных чиновников недружественных для России стран, а также

комический образ глав государств, которые сегодня признаются дружественными, – осуществляется с помощью приемов комического, иронического и сатирического в речи ведущего, в закадровых текстах программы; речевых жанров издевки, насмешки и др.; лексико-стилистических средств выразительности (стилистической многослойности, языковой игры, интertextуальных отсылок, стилизации и диалогизации).

Очевидные для всех экстралингвистические причины, связанные с событиями, начавшимися в России 24 февраля 2022 года, актуализируют для теоретиков медиа (когнитологов, стилистов, лингвистов) проблему осмысления дискурсивных практик, эксплицирующих сложнейший лингвистический феномен – политический пропагандистский дискурс масс-медиа (медиадискурс), под которым предлагается понимать «систематический и повторяющийся процесс производства медиатекстов, направленный на внедрение в массовое сознание однозначных и безальтернативных представлений об идеологических доминантах, базовых принципах и идеях определенных политических субъектов» [Малышева, Рогалева, 2023, 550–551].

Ранее мы отмечали, что отчетливо выделяется две поляризованные разновидности политического пропагандистского медиадискурса – государственный и оппозиционный, и обосновывали выбор данных терминов [Там же, 550–551].

Основные направления современной государственной пропаганды в России описаны в [Кравцов, 2022]. Исследование пропагандистского и контрпропагандистского контента, типологизация инструментов и методов формирования современного пропагандистского дискурса представлены в коллективной монографии [Пропагандистский дискурс в условиях цифровизации, 2023].

Очевидно, что сегодня уже можно говорить о существовании устойчивых трендов, определяющих форматы политических пропагандистских телевизионных медиапродуктов. Так, в настоящее время на российском телевидении доминируют политические ток-шоу, информационно-аналитические и авторские программы, которые все чаще становятся объектом научного осмысления [Выжлаков, 2012; Черепова, 2015].

В фокусе нашего исследования находятся разнообразные пропагандистские дискурсивные практики на современном российском телевидении, которые демонстрируют в том числе активный поиск субъектами изучаемого дискурса медиаформатов и медиажанров, а также стилистических характеристик медиатекстов, позволяющих «упаковать» информацию пропагандистского характера для адресата.

В целях достижения иллюкативной цели адресантами дискурса применяются различные методы и приемы пропаганды, прежде всего манипулятивные [Выжлаков 2012; Копылова, 2021]. И в этом смысле важнейшим оказывается вывод, что во времена «шоу-цивилизации» [Ильченко, 2012,

55] информация поставляется адресату и оформляется по законам зрелища, развлечения.

Сегодня в российской журналистике актуализировалось сочетание информирования, развлечения и пропаганды, призванное удержать внимание зрителя и сформировать или рефреймировать важные фрагменты картины мира массового адресата. Иными словами, современные пропагандистские практики используют такой способ подачи и интерпретации информации, как инфотейнмент – явление, которое впервые возникло в США в 80-е годы XX века.

Авторы учебного пособия «Инфотейнмент в современных массмедиа» Н.А. Захарченко и Т.В. Карелова констатируют, что на российской почве «пионером» инфотейнмента стал проект телеканала НТВ «Намедни» с Леонидом Парфеновым, где основным принципом является «эkleктика новостей», а «соединение несоединимого чрезвычайно оживляет сам ход парфеновского повествования, не оставляет равнодушным зрителя ни даже самая маленькая новость, ни событие мирового уровня [Захарченко, Карелова, 2020, 18].

В отечественной теории медиа подробно описаны генезис инфотейнмента и становление данного научного понятия [Щербаль, 2021] и существует несколько взаимодополняющих определений инфотейнмента, в которых подчеркиваются различные стороны изучаемого феномена.

Итак, инфотейнмент – это «обладающий собственными уникальными жанровыми и стилевыми особенностями способ подачи информации с применением игровых развлекательных элементов с целью рекреации и облегчения восприятия информации для массовой аудитории» [Захарченко, Карелова, 2021, 103]; «идеология, производная от идеологии постмодернизма», провозглашающая свободу от авторитетов, ироничное восприятие штампов и культ парадоксов» [Гмызина, 2018, 77].

Еще более важной считаем квалификацию инфотейнмента как «прагматической медиастратегии», которая отвечает природе массмедиа – «совмещению информирования / пропаганды с развлечением» [Сурикова, 2021, 163].

Специфика инфотейнмента сегодня изучается применительно к утренним информационно-развлекательным [Булгакова, 2023] и новостным программам [Быков, 2022; Долгова, Шептуха, 2023], а также к печатным СМИ [Карпенко, 2023].

Реже в поле зрения исследователей попадают элементы аттрактивности в политической медиакommunikации: ирония [Бинштейн, 2020], образные единицы [Тань, 2024], речевая агрессия, проявленная на различных языковых уровнях, прежде всего на лексическом [Матюшенко, 2023; Вологина, Сомова, 2024], как следствие – акцентируется внимание на нарушении журналистами профессионально-этических норм [Олешко, Шурко, 2022].

Исследователи констатируют, что приемами реализации инфотейнмента могут выступать как вербальные (отбор лексических единиц, включение в речь прецедентных феноменов, а также использование языковых тактик, облегчающих восприятие информации), так и невербальные (технические, структурные, художественные) средства: имиджевые (имеющие отношение к оформлению студии, отбору ведущих и их поведению в кадре), структурные (фрагментарность, склейка сюжетов, стилистическая неоднородность и др.), технические (графика, монтаж, визуальные и звуковые эффекты) и художественные (детали, метафоры и т.п.) (см. об этом в [Использование метода инфотейнмента, 2017; Карпенко, 2023]).

В последнее время активно используется термин «политейнмент», содержание которого отчасти пересекается с понятием инфотейнмент: под политейнментом понимается «разновидность политической коммуникации, для которой характерно использование публичности политиков, медиатехнологий, эмоциогенности для создания удобной и легкой формы контента о политической сфере, рассчитанной на массовую аудиторию» [Грошева, 2023, 101].

Таким образом, наличие любых интерактивных элементов в политических медиатекстах, в том числе иронии и насмешки, относящихся к агрессии и развлечению одновременно, рассматривается с позиций возможности применения термина «политейнмент» [Алексеев, 2023].

Тем не менее подчеркнем, что необходимо разграничивать понятия политейнмента и инфотейнмента, поскольку в первом случае речь идет о применении игровых и развлекательных технологий прежде всего в политическом дискурсе, который также может быть объективирован в медиапространстве. Однако инфотейнмент описывает стратегию использования игровых, развлекательных способов и приемов подачи и интерпретации информации в массмедийном дискурсе, субъектами которого являются журналисты, блогеры и т.п.

В настоящее время под воздействием современной военно-политической ситуации и обострившейся фазы информационной войны именно инфотейнмент активно используется в пропагандистских дискурсивных медиапрактиках. Таким образом, одной из важнейших специфических черт современного политического пропагандистского медиадискурса мы считаем применение инфотейнмента как прагматической медиастратегии или способа подачи информации.

В связи со сказанным введем понятие **пропагандистского инфотейнмента**, который может быть определен как медиаформат, где посредством использования приемов комического и сатирического, элементов шоу и игры достигаются цели политической пропаганды, такие как формирование и/или рефреймирование идеологической и политической картин мира массового адресата, включая обоснование сценариев его политического поведения и побуждение к соответствующим политически мотивированным действиям.

Заметим, что до настоящего времени пропагандистский инфотейнмент остается на периферии научного осмысления и рефлексии в теории медиа, медиадискурсологии, медиастилистике. Именно это обуславливает актуальность и новизну предпринятого исследования.

Пропагандистский инфотейнмент, на наш взгляд, характеризуется следующими особенностями:

- политически и идеологически значимая информация подается в развлекательном и юмористическом ключе;

- в вербальном субкоде такого медиатекста используются разнообразные приемы комического и сатирического, в том числе политической сатиры, которые направлены не на обличение социальных пороков и негативных явлений внутри государственной системы, а на внедрение в массовое сознание идеологических доминант политической пропаганды;

- доминантная коммуникативная интенция пропагандистского инфотейнмента детерминирует черты дискурсивной личности субъекта данного типа дискурса, который может быть отнесен к журналистам / блогерам-пропагандистам, использующим речевые маски сатириков, ироников, что позволяет им эксплицировать оценки и интерпретацию политических событий, персон, базовых идеологем с точки зрения конституирующих пропагандистских идей.

Нельзя не отметить, что «предтечей» пропагандистского инфотейнмента в массмедийном дискурсе стала аудиовизуальная политическая сатира, прежде всего анимационная («Куклы», «Тушите свет», «Мультличности» и др.), получившая популярность с середины 1990-х годов XX века.

Тенденция ослабления позиций сатиры на отечественном телевидении наблюдается с середины 2000-х, а итогом стало своеобразное перерождение телевизионной политической сатиры в телевизионный политический пропагандистский инфотейнмент, где формы подачи информации и используемые приемы комического / сатирического совпадают, но принципиально иными являются коммуникативные интенции телевизионного текста, содержательные доминанты, транслируемые массовому адресату, субъекты и объекты высмеивания и обличения.

Разумеется, в данном случае речь идет о государственной политической пропаганде и об использовании телевизионного политического пропагандистского инфотейнмента в качестве инструмента государственной идеологии.

Заметим, что сегодня бо́льшая часть пропагандистских медиатекстов с использованием инфотейнмента представлена не на телевидении, а на различных интернет-платформах, в мессенджерах и социальных сетях («Шах и мат» Михаила Шахназарова, «Осторожно: Собчак», «Кровавая барыня», «Абзац», «Дымов», «Збигнев», «Быху Москвы» и мн. др.). Собственно телевизионный продукт такого рода достаточно редко производится российскими федеральными каналами. В качестве примера можно

назвать программы «Здравствуйте, товарищи!» (телеканал «Звезда») и «Международная пилорама» (телеканал НТВ). Примыкают к этому явлению телевизионные проекты в жанре расследования «Шокирующие гипотезы» с Игорем Прокопенко и «Тайны Чапман» (телеканал РенТВ), которые сменили тематический вектор с псевдонаучного на политический с явным пропагандистским уклоном.

Итак, цель настоящей статьи – выявить содержательную и коммуникативно-прагматическую специфику медиатекстов, репрезентирующих формат пропагандистского инфотейнмента в качестве доминирующей медиастратегии, и описать, какие когнитивные и языковые механизмы используются для достижения базовых интенций государственного политического пропагандистского медиадискурса.

Объектом настоящего исследования является российская сатирическая телепередача «Международная пилорама» с Тиграном Кеосаяном, выходившая в эфир еженедельно по субботам в прайм-тайм с сентября 2016 по январь 2025 года. В эмпирическую базу исследования вошли фрагменты выпусков программы 2016–2024 годов.

Предлагаемая в данной статье методология исследования детерминирована сформулированной выше целью.

Структурно-композиционный анализ телевизионного медиатекста позволяет выявить особенности концепции программы, ее форматообразующие признаки, которые «работают» на экспликацию содержательной специфики медиапродукта.

Методика анализа концептуальных доминант, эксплицированных в рассматриваемых медиатекстах, дает основания охарактеризовать их содержательные особенности и векторы интерпретации базовых понятий идеологической картины мира.

Наконец, метод прагматистического анализа позволяет выявить специфику объективации в различных субкодах телевизионного поликодового текста названных концептуальных доминант (в том числе архетипических оппозиций, когнитивных стереотипов и т.п.), а также базовых коммуникативных стратегий и тактик и способов их языкового воплощения.

Структурные и композиционные особенности телевизионного пропагандистского проекта. Программу «Международная пилорама» можно отнести к жанру сатирического обозрения. Тигран Кеосаян обозревает новости в свойственной ему язвительной манере, ориентируясь на такого зрителя, чье мировоззрение не вступает в противоречие с представлениями журналиста, и, безусловно, на такого адресата, который способен «считать» смысл, заложенный в тексте, а также «разгадать» его иронические коды.

Отметим, что некоторые исследователи относят данную программу к числу «низкопробных продуктов, основанных на откровенном трэше»

[Щербаль, 2021, 258]. Критикуя, автор пишет: «Ирония и стеб стали типологическими признаками передач в формате инфотейнмента, а игра с ее диалогичностью и карнавальностью – концептуальной основой. Более того, инфотейнмент в реинкарнации политейнмента, искусно мимикрируя под современные модели политического дискурса, проник и в общественно-политическое вещание отечественного ТВ» [Там же].

На наш взгляд, «Международная пилорама» – это своего рода пародия на информационно-аналитическую программу советского ТВ «Международная панорама» (выходила с 1969 по 2012 год, ее слоган – «События недели: хроника, факты, комментарии!»), к которой отсылает фонетическая «перекличка» лексем *панорама* и *пилорама* и в которой серьезные журналисты-международники анализировали, комментировали, интерпретировали и оценивали для советского зрителя произошедшие за неделю политические события в мире (о функции пародии в изучаемой программе см. в [Синегубова, Шишкина, 2020]).

«Пилорама» – метафора, представленная в программе как вербально, так и визуально в виде соответствующей заставки и видеоперебивок, что позволяет адресату настроиться на развлекательно-юмористическую тональность программы и в то же время осознать задачу ее ведущего – «разрезать», «расчлениить» события международной жизни, произошедшие за неделю, а также раскрыть сущность субъектов международного политического поля и явлений международной политики.

Начало программы пародирует информационные и информационно-аналитические передачи, поскольку в нем используются такие компоненты, как антишпигель (*Сегодня в программе вы не увидите...*), резюме предыдущего выпуска (*В нашем предыдущем выпуске вы уже видели...*) и классический шпигель (*И наконец, в сегодняшнем выпуске...*).

Основным структурным элементом программы выступает новостной сатирический сюжет. Он, как правило, предваряется подводкой ведущего, в которой используются разнообразные приемы диалогизации, например вопросно-ответная форма изложения: *На этой неделе Путин попрощался с Обамой: коротко и по-мужски, без лишнего слез. Встретились они в Перу. Почему в Перу? Знаете, у Обамы в Белом доме переезд, бардак, а Путин холостяк. Представляете холостяцкое жилье? В доме не прибрано, холодильник пустой...*

Кроме того, может использоваться малый информационный жанр тележурналистики – устное сообщение, или войс, сопровождаемый комментарием ведущего и интершумами, создающими эффект присутствия зрителей:

Папа римский отслужил мессу на полупустом стадионе в Грузии. Я понял, это когда им чеснок не помог отпугнуть, и они решили позвать Папу Римского. Окурить территорию, вдруг поможет. Как-то неловко вышло с пустым стадионом... Серьезно! Представляю, как потирал руки Стас Михайлов! (смех в студии. – Е. М., О. Р.).

В данном тексте комический эффект достигается сопоставлением Папы Римского с российским поп-певцом Стасом Михайловым, для которого нет проблемы собрать стадион слушателей и который при этом отчетливо эксплицирует приверженность православию.

В целом в данной программе очень сильно игровое начало: помимо телевизионной хроники реальных политических событий, в передачу включены скетчи в формате «телемостов», где ведущий общается с политиками в исполнении актеров, пародируются голоса и речевое поведение реальных политических деятелей. Кроме того, в передачу введены специальные рубрики, названия которых создаются с помощью прецедентных имен (Поэт *Петрушка*), языковой игры на фонетическом и лексико-семантическом уровнях («*Случайный* корреспондент Ирады *Змейналова*», «Международный обозреватель Сергей *Крембрюлев*», «Здравствуй, *песец*»), использования лексем разных стилистических пластов, в том числе с метафорическим значением, понятным массовому адресату («*Настучали*», «*Красавелла* недели»).

Так, базовым структурообразующим элементом программы являются «сатирические репортажи случайного корреспондента Ирады Змейналовой», комически отсылающие к новостному жанру специального репортажа и к имени в недавнем прошлом известного российского репортера и телеведущей Ирады Зейналовой.

Фрагменты протокольных видеосъемок в таких репортажах комментируются с полным отрывом от происходящего. Сатирический эффект создается за счет наложения на кадры спародированного голоса президента РФ и других политиков, а также придуманных комментариев о героях роликов. Так, например, обозревают заседание правительства: *Министр сельского хозяйства Патрушев размышлял, а не засадить ли рукколой вечную мерзлоту? У Мишустина был вид человека, способного собрать налоги даже с опадающих листьев.*

Факультативная рубрика «Красавелла недели» – своеобразный антирейтинг поступков политических персон, где в названии использован стилистически маркированный синоним лексем «красавец», «молодец», подчеркивающий ироничность присуждаемого «звания».

Дональд Трамп: как президент США острит и обострял. На конференции Союза американских консерваторов Дональд Трамп вновь продемонстрировал свои теплые чувства к американскому флагу (новость от 7.03.2020).

Типичный для президента США Д. Трампа жест – обнять американский флаг – Тигран Кеосаян прокомментировал, отсылая зрителей к постоянно обсуждаемой связи Трампа с российскими спецслужбами: *Мы-то с вами знаем, к какому флагу* (на экране показывают российский флаг. – Е. М., О. Р.) *он испытывает настоящие теплые чувства...*

К факультативным рубрикам программы относится также «Роском-Базар», название которой – ироническая отсылка к организации под названием «Роскомнадзор». В данной рубрике представлены мемы, демотиваторы и иные изображения с юмористическими комментариями, созданные интернет-пользователями. Именно так, по замыслу создателей программы, очевидно, выглядит «глас народа», и этот прием позволяет продемонстрировать, что у авторов и массовой аудитории общая когнитивная база, общая система ценностей и оценок происходящих в стране и в мире событий.

Рубрика «Настучали», как, впрочем, и другие композиционные части программы, позволяет создать сатирические портреты мировых политических лидеров и стран, сведенные к одной яркой особенности или характеристике. Политики ведут диалоги в секретном чате под шутливым названием «Всем Чмоки». В программе от 16.04.2022 они щедро делились советами с канцлером Австрии Карлом Нехаммером в преддверии его встречи с Путиным:

Нехаммер: Так, коллеги, я еду к Путину. Какие советы, подсказки, подводные камни?

Меркель: Перед походом к Путину сходи в баню.

Израиль: Вложи записочку с желанием в Кремлевскую стену.

Польша: Никаких уступок! Оказывай давление!

Зеленский: Если вы будете улыбаться Путину, мы вычеркнем вас из друзей Украины.

В данном случае используется прием «навешивания ярлыков», а многократная апелляция к создаваемому стереотипному портрету того или иного политика или целого государства «работает» на закрепление такого образа в сознании массовой аудитории.

Заключение программы содержит прямое обращение-призыв ведущего к аудитории, которое всегда неизменно и со временем превратилось в своеобразный финальный слоган-мем: *Берегите себя и страну, сограждане.*

Концептуальные и прагматистические доминанты «Международной пилорамы». Концептуальной доминантой анализируемой программы является архетипическая оппозиция «Свой / Чужой».

В позиции «своего» в программе выступает, прежде всего, президент РФ и Российское государство, которое он олицетворяет; при этом действия и слова президента и характеристики России наделены, безусловно, положительным аксиологическим модусом.

Кроме того, в семантическое поле «свое» включен создаваемый авторами телепередачи собирательный образ «русского» и транслируемые, часто имплицитно, обобщенные представления о менталитете россиян, о базовых морально-нравственных и этических ценностях российского общества, о взгляде русских на свою историю, на политическое место России в мире.

В свою очередь, в качестве «чужого» и даже «чуждого», характеризующегося безусловно отрицательным аксиологическим модусом, в программе выступают враждебные России государства – США и страны Западной Европы, их политические лидеры, граждане этих стран с чуждыми россиянам ценностями и менталитетом.

Лидеры государств и сами эти государства, которые не оцениваются как враждебные России, тем не менее как «свои» не позиционируются, однако их образ создается иными средствами, нежели образ «чужого».

Интересно в этом смысле мнение, которое высказала исследователь институционального политического дискурса Т.В. Романова: «распространенным и эффективным способом реализации идеологием и аксиологием» является, например, прием «ассоциации, в результате чего качество аксиологического модуса переносится с ассоциирующего на ассоциируемый объект (например, “русский = правильный”»)» [Романова, 2020, 269].

Репрезентация оценки «своих» и «чужих» осуществляется в исследуемой программе за счет языковой экспликации поляризованных когнитивных речевых стратегий и соответствующих им тактик.

Выделим стратегии, позволяющие закрепить в сознании массового адресата характеристики президента РФ, России, россиян и их роли в современных политических процессах:

- стратегия безусловного одобрения действий президента Российской Федерации и российского государства на международной арене;
- стратегия экспликации поддержки президента Российской Федерации гражданами страны;
- стратегия создания образа президента Российской Федерации как самого сильного политического лидера в мире.

Подчеркнем, что медиаобразы политиков, в том числе В.В. Путина, постоянно находятся в фокусе внимания исследователей: [Михневич, 2021; Шрамко, 2024; Закиева, 2024; Присяжных и др., 2024] и мн. др.

Что касается медиаобраза президента России В.В. Путина, создаваемого в «Международной пилораме», то он, безусловно, идеализирован.

Медиаобраз президента коррелирует, прежде всего, со стереотипным представлением массового адресата о *начальнике* – именно так ведущий называет В.В. Путина. В структуре медиаобраза президента разнообразными вербальными и невербальными средствами актуализируются такие концептуальные признаки, как «самый главный», «самый влиятельный», «самый сильный», «самый мудрый», «самый справедливый», наконец, даже «самый здоровый»: *Начальник пошел бодрой походкой человека, который отпразднует и тысячелетие Москвы; Прямо за пресс-папье на столе располагался кран, повернув который начальник мог отключить от газа вообще всю Европу; Потому что вакцин со дня на день у нас будут сотни, а любимый начальник у россиян*

один; В какой-то момент начальник так сильно сжал кулак, что у остальных глав государств сжалось кое-что другое.

Медиаобраз президента в «Международной пилораме» создается посредством тактик прямой похвалы, гиперболизации, гротескового сравнения и противопоставления, а также тактики визуального иллюстрирования. Именно в образе всемогущего «начальника» персонифицирована власть в России, а иногда и во всем мире: (закадровый текст, визуальный ряд – стол президента РФ. – Е. М., О. Р.) *Стол начальника переливался всеми гранями блестящего будущего России.*

Гротеск используется при характеристиках иностранных политических деятелей, которые на фоне образа В.В. Путина выглядят смешно и ущербно. Гипербола подчеркивает неограниченные возможности российского президента. Например, после закадрового текста *Кроме того, Путин в очередной раз опроверг слухи о переходе на дистанционное обучение* Тигран Кеосаян произносит: *При желании Путин мог бы опровергнуть все три закона Ньютона.*

Чрезвычайно показательным выглядит поздравление В.В. Путина с днем рождения, в котором содержится интертекстуальная отсылка к известной фразе президента, ставшей мемом: «Мы, как мученики, *попадем в рай*, а они просто *сдохнут*» (<https://ria.ru/20181018/1530999011.html>). Ведущий в эфире произносит следующее: *Что пожелать человеку, который единолично решает, кто с нами в рай, а кто просто сдохнет?*

Политическая сатира в изучаемой программе направлена исключительно на «чужих» и реализуется в следующих когнитивных речевых стратегиях и тактиках:

- стратегия дискредитации и унижения «чужих»;
- стратегия дискриминации «чужих»;
- стратегия закрепления негативных стереотипных представлений о «чужих»;
- стратегия формирования общей негативной оценки «чужих».

Частотными тактиками, позволяющими реализовать выделенные когнитивные речевые стратегии, являются ироническое высмеивание, насмешка, издевка, оскорбление, унижение, создание образа врага, игра на понижение и т.п.

Конечная цель использования такого рода стратегий и тактик – формирование и закрепление в сознании массового адресата биполярной модели восприятия мира, где правда, справедливость и сила всегда характеризуют только «своих», а в представлении о «чужих» доминирует негативный аксиологический модус.

Заметим, что используемые стратегии и тактики универсальны и применяются в медиа различных стран для достижения подобных целей (см. подробнее о стратегии дискредитации политического противника на примере формирования медиаобраза США в китайских СМИ: [Нагибина, Экзархова, 2023]).

Проиллюстрируем реализацию одной из базовых стратегий государственного политического пропагандистского медиадискурса – стратегии закрепления негативных стереотипных представлений о «чужих».

В «Международной пилораме» частотно эксплуатируется стереотипное суждение, что все жители Европы – представители сексуальных меньшинств и что европейские традиции – это традиции ЛГБТ¹.

Приведем в пример следующий диалог ведущего с актером в образе героини сюжета – королевы Елизаветы II:

Т. Кеосаян: *Вашему сыну 71 год. Это нормально, что он до сих пор живет с мамой?*

Елизавета II: *Вы же в курсе, что у нас в стране что ни гей, то трансгендер. Страшно из дома нормального мальчика отпускать.*

И еще пример.

Закадровый текст: *Макрон призвал защитить светские ценности страны от радикального исламизма.*

Т. Кеосаян: *Жаль только, что сейчас в Европе такие ценности, что вообще непонятно, стоит ли их защищать.*

Тема нетрадиционной сексуальной ориентации поднимается практически в каждом выпуске программы. Экспликация данного стереотипа позволяет формировать в сознании адресата образ России как государства, пропагандирующего и сохраняющего традиционные ценности.

Так, в одной из программ ведущий отмечает, что *писавший мальчик скоро останется последним натуралом в Бельгии*, в то время как в России единственный *транс* – это *Транссибирская магистраль*.

Стратегии дискредитации и унижения, дискриминации «чужих» и закрепления негативных стереотипных представлений о них связаны с такими характеристиками политических субъектов, как внешность, привычки, манеры, сексуальная ориентация, возраст, национальность и т.п.

Приведем примеры:

Посол Шри-Ланки выглядел в точности как его страна – маленьким и потеряннным; Британец не скрывал радости, что после ухода Трампа он останется единственным мировым лидером с дебильной прической; Увидев на экране нового японца, все поняли, что и этот острова у России не заберет; У Байдена еще свежи воспоминания о Великой депрессии, хотя уже тогда ему было под восемьдесят; Вы видели министра обороны Германии? Не удивлюсь, если она не отражается в зеркале и не отбрасывает тень; Макрон был, как всегда, прекрасен и все время теребил кольцо, чтобы все обратили внимание на его прекрасный утренний маникюр.

¹ Пропаганда ЛГБТ-движения и ЛГБТ-идеологии в Российской Федерации запрещена законом.

Любопытно отметить, что в программах, вышедших до 2022 года, образ президента России противопоставлялся даже образам политических лидеров, которые не относились к категории «чужих»: тактики высмеивания и экспликации уничижительного отношения могли распространяться не только на оценку субъектов, но и на страны, которые они представляли.

Так, сюжет о встрече Владимира Путина с теперь уже бывшим президентом Молдовы Игорем Додоном начинался так: *Путин вошел в зал, и всем сразу стало понятно, кто тут царь, а кто – Додон.*

Интертекстуальная отсылка к царю Дадону – герою «Сказки о золотом петушке» А.С. Пушкина – позволила авторам программы при использовании антитезы актуализировать, с одной стороны, значение лексемы «царь», а с другой – не только фонетически обыграть имена литературного персонажа и политического деятеля, но и семантически сопоставить фамилию Додон с просторечием «долдон» («то же, что оболтус» [Ожегов, Шведова, 1995, 169]). Более того, в комментарии ведущего репрезентировано представление о гражданах Молдовы как о людях, которые приезжают в Россию только в качестве строителей: гость слушал хозяина Кремля, а сам *рассматривал стены и потолок, пытаясь найти места, требующие ремонта.*

Очевидно, что, кроме стратегии унижения, в данном случае использована стратегия стереотипизации, которая апеллирует к сложившимся стереотипам относительно характеристик представителей различных национальностей.

Приведем примеры реализации такой стратегии в отношении дружественных России стран и их политических лидеров:

Увидев украинское Евровидение, Беларусь так разжалобилась, что отправила в / на Украину туалетную бумагу. Давайте, во-первых, поздравим Беларусь: страна наконец-то нашла кого-то беднее себя. Как говорится, чем богаты, тем и подтирайтесь.

Однако в изменившейся политической ситуации при создании образов А.Г. Лукашенко и др. используются приемы уже не сатирические, а комические, что позволяет адресату оценивать их в целом положительно, но, разумеется, демонстрируется, что любые другие политики, как и их государства, не могут встать в один ряд с президентом РФ и Россией.

Прагматилистическими доминантами анализируемой программы становятся разные виды и приемы комического, что акцентировано в подводке ведущего: *«Международная пилорама» уверенно ложится на курс юмора, виртуозно лавируя в фарватере сатиры.*

Основным средством создания комического на лексическом уровне является «стилистическая многослойность» [Попова, 2017]. Такая многослойность создается благодаря включению в текст стилистически разнородных высказываний, принадлежащих разным культурам (официальной и неофициальной, государственной и народной, интеллектуальной и бытовой),

и их иронического прочтения. Позиция автора выражена имплицитно, она проявляется в тональности всего текста, являющегося реакцией на общественно-политическое явление, которое автор оценивает отрицательно [Там же]. Приведем примеры:

*В то время как Европа захлебывается в собственных **помоях** и русофобии, а совесть американских политиков ушла на зимние каникулы и не думает возвращаться, мы лечим прогрессивное человечество эликсиром сатиры и юмора; На этой неделе случилось страшное. Украинским чиновникам под воздействием Запада пришлось **задекларировать** свои доходы. Такой **подставы** от Запада они не ожидали, а мы, между прочим, предупреждали. Оставались бы с нами, и никто бы не спрашивал про их **нищесбродские** золотые унитазы. Мы у чужих чиновников **денежки** вообще не считаем, да и у своих, впрочем, тоже.*

Таким образом, в близком контексте с целью создания иронического или комического эффектов могут использоваться разговорные, просторечные, жаргонные слова и выражения различной частеречной принадлежности, как правило, с отрицательной или положительной коннотацией (*стырить, попоишиться, гадить, жрать, фыркать, сдохнуть, получка, дитяtko, сукин сын, французишка, фигня, симпатия, везунчик, счастливцев, дядечка, любимец, неделька, хорошенький* и т.п.), и лексемы, стилистически маркированные как книжные, высокие (*господа, дамы, сограждане, уклад, абстрактный, восторгсествовать, вдохновляться, воздвигнуть* и т.п.).

При создании комических образов героев и стран авторы сценария активно используют гротеск, гиперболизируя реальность: *Турки так ждали Путина, что **выкатили трап на две недели раньше** и специально **закатали в асфальт пять полей с помидорами**.*

Кроме того, в речи ведущего встречаются окказионализмы, образованные по продуктивным словообразовательным моделям. Так, Т. Кеосаян в ответ на решение львовских депутатов переименовать Россию в Московию предлагает российским депутатам перед Новым годом «*принять закон о переименовании Украины в **Бескрымию***».

«Оживление» псевдоаналитического нарратива ведущего ярко репрезентировано и на грамматическом уровне – оно осуществляется с помощью разнообразных морфологических и синтаксических средств. Среди них прямые обращения, вопросы и призывы, адресованные как зрителям (*А что, так можно было? Я извиняюсь, а писать им теперь где?; Вы посмотрите только на это! Вы меня извините, сограждане, но не до хрена ли мы с вами жрем яблок?*), так и политикам, странам (*Сдохни, проклятая Америка! Слушай, Украина, уже не морочь голову!*).

Авторские уmozаключения часто стилизуются под бытовой диалог или спор с элементами речевой агрессии: *Да у вас главный кандидат падает с ног посреди дня!; Нигерия! Вот кто заполнит дыру, оставшуюся от запрета российских каналов!*

Кроме того, аналитические рассуждения ведущего часто содержат интертекстуальные отсылки, которые легко «считываются» адресатом, развлекают его и в то же время облегчают восприятие текста: *Кто к нам с санкциями придет, тот от референдума и погибнет* («Кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет» — крылатое выражение, изначально отсылающее к тексту Евангелия, но ставшее известным благодаря пропагандистскому художественному фильму 1938 года «Александр Невский» режиссера С.М. Эйзенштейна); *Эрдоган, как ружье на стене, раз в год стреляет, чаще всего в спину!* (данное высказывание — контаминация трансформированной цитаты из письма А.П. Чехова «Если в первом акте пьесы на стене висит ружье, то в последнем акте оно непременно должно выстрелить» и поговорки «Раз в год и палка стреляет»). Авторское уточнение *чаще всего в спину* актуализирует стереотипное представление массового адресата о коварстве и двуличии турецкого лидера и проводимой им политике).

Действенным средством реализации разнонаправленных когнитивных стратегий — дискредитации и унижения «чужих», с одной стороны, и создания положительного образа президента РФ и России — с другой, является игровая трансформация известных стихотворений классиков. Наиболее частотны при этом интертекстуальные отсылки к произведениям А.С. Пушкина: *Узбечка на ветвях сидит... Пойдешь направо — наркоманы, Налево — гопники стоят»; Я к вам пишу — чего же боле? Что я могу еще сказать? Пишу не Шредеру, не Колю, пишу, Владимир, вам опять. Сначала я молчать хотела, как это принято в ЕС...; Пусть никогда не узаконят наш референдум ни хрена, но на отрезанном хамоне напишут наши имена!*

Более сложными являются примеры совмещения в речи ведущего языковой игры на лексико-словообразовательном уровне и интертекстуальной отсылки к русской скороговорке.

Закадровый текст: *Михаил Саакашвили, занимающий пост губернатора Одесской области, заявил, что хочет вернуться на Родину* (смех в студии. — Е. М., О. Р.).

Т. Кеосаян: *Саакашвили на Украине саакашвилится, осаакашвилел, да не высаакашвилел. Решил опять посаакашвилить в Грузии!*

Обобщая сказанное, констатируем: «Международная пилорама» являлась примером реализации медиаформата телевизионного пропагандистского инфотейнмента, соответствующего целям государственного политического пропагандистского дискурса массмедиа.

Достижение базовой целевой установки пропагандистского медиа-текста обусловлено:

- структурно-композиционными и форматообразующими признаками медиапроекта;
- вербальной и визуальной объективацией концептуальной оппозиции «свой» / «чужие» в медиатексте;
- экспликацией многочисленных когнитивных стереотипов, закрепляющих в сознании массового адресата определенный набор характеристик политических субъектов и объектов;
- выбором базовых когнитивных стратегий и тактик, лексико-стилистических и грамматических средств их языкового воплощения;
- использованием приемов комического, иронического и сатирического в речи ведущего, в закадровых текстах программы.

Названные способы, средства и приемы направлены на решение доминирующей когнитивной стратегии журналиста-пропагандиста – дискредитировать деятельность политиков и представителей органов власти иностранных государств, сформировать у адресата устойчивый негативный образ президентов и высокопоставленных чиновников недружественных для России стран, а также создать безусловно положительный образ президента РФ и России в целом.

Полагаем, что целевой аудиторией изученной программы являются не те адресаты, в отношении которых необходима филигранная пропагандистская деятельность, что позволило бы изменить картину мира «колеблющегося». Думается, деятельность такого рода журналистов-пропагандистов, как Т. Кеосаян, адресована «своим», то есть, прежде всего, тем, чье мировоззрение в целом не вступает в противоречие с формируемой в таких форматах картиной мира. Напротив, такого рода медиатексты укрепляют убежденность адресата в адекватности его представлений о политической ситуации в мире; усиливают его веру в правильность внешней политики России и в силу и мудрость ее политических лидеров; укореняют его «бинарное» восприятие мира в архетипической парадигме «свой / чужой».

Проведенный анализ медиапроекта, прекратившего свое существование в конце 2024 года, на наш взгляд, не утратил актуальности, поскольку медиатексты в формате пропагандистского инфотейнмента, представленные в современном российском медиaprостранстве в целом, характеризуются единой пропагандистской целью, схожим набором содержательных и коммуникативно-прагматических доминант, отличаясь при этом дискурсивными и личностными характеристиками журналистов-пропагандистов.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А.Б. Агрессивизация и людизация политического дискурса в свете изучения политейнмента // Вестник МГПУ. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2023. № 4(52). С. 170–185.

Бинштейн М.М. Функции иронии в политическом дискурсе (на материале ток-шоу «60 минут») // Устойчивое развитие науки и образования. 2020. № 11(50). С. 188–195.

Булгакова А.А. Инфотейнмент как принцип организации утренних информационно-развлекательных программ на национальных телеканалах «Россия 1» и «Беларусь 1»: содержательные особенности и технические характеристики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. 2023. Т. 9(75), № 3. С. 61–75.

Быков Д.В. Телевизионные новости: от информации к развлечению // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11, № 3. С. 528–544.

Вологина Е.В., Сомова Е.Г. Виды речевой агрессии в телевизионных политических ток-шоу // Казанская наука. 2024. № 10. С. 531–533.

Выжлаков М.В. Манипуляция сознанием в аналитических передачах российского телевидения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2012. № 1. С. 153–156.

Гмызина Э.В. Инфотейнмент как инструмент создания новой идеологии // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 4(12). С. 74–78.

Грошева А.В. Политейнмент-дискурс как актуальная трансформация массмедийного политического дискурса: теоретический аспект // Динамика медиасистем. 2023. Т. 3, № 1. С. 97–104.

Долгова Ю.И., Шептуха К.В. Инфотейнмент в вечерних новостях ведущих российских телеканалов // Наука телевидения. 2023. № 19(4). С. 119–147.

Закиева Т.М. Динамичность образа Дональда Трампа в британском аналитическом медиатексте // Политическая лингвистика. 2024. № 1(103). С. 50–56.

Захарченко Н.А., Карелова Т.В. Инфотейнмент в современных массмедиа: учебное пособие. Самара: Изд-во Самарского университета, 2020. 88 с.

Захарченко Н.А., Карелова Т.В. Инфотейнмент как перспективный способ презентации видеoinформации // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2021. Т. 1, № 4. С. 102–111.

Ильченко С.Н. Трансформация жанровой структуры отечественного телеконтента: актуализация игровой природы телевидения: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012. 591 с.

Использование метода инфотейнмента в практике современного российского телевидения / И.И. Карпенко [и др.] // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2017. № 28(277). С. 97–105.

Карпенко И.И. Структурно-композиционные приемы инфотейнмента в медиатекстах региональных печатных СМИ // Неофилология. 2023. Т. 9, № 3. С. 641–656.

Копылова О.Ю. Методы, приемы и способы манипуляций в телевизионных ток-шоу // Вестник МГЭИ (online). 2021. № 3. С. 180–191.

Кравцов В.В. Политическая пропаганда и СМИ // Вестник Академии медиаиндустрии. 2022. № 1(29). С. 135–146.

Малышева Е.Г., Рогалева О.С. Русский политический пропагандистский медиадискурс: определение понятия, структура и границы, характеристика субъектов // Вопросы теории и практики журналистики. 2023. Т. 12, № 3. С. 544–561.

Матюшенко Е.Е. Некодифицированные средства речевой агрессии в политических ток-шоу // Русский лингвистический бюллетень. 2023. № 7(43). URL: <https://rulb.org/archive/7-43-2023-july/10.18454/RULB.2023.43.3> (дата обращения: 13.07.2025).

Михневич О.И. Метафорические образы президентов Грузии Э. Шеварднадзе и М. Саакашвили: универсальные и персонифицированные метафорические модели // Политическая лингвистика. 2021. № 4(88). С. 52–60.

Нагибина И.Г., Экзархова А.С. Медиаобраз США в китайских СМИ: стратегия дискредитации политического противника // Terra Linguistica. 2023. Т. 14, № 4. С. 109–118.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.

Олешко В.Ф., Шурко И.И. Пропагандистский дискурс современного телевидения // Известия УрФУ. Проблемы образования, науки и культуры. 2022. Т. 28, № 1. С. 5–15.

Попова Т.И. Стилистическая многослойность сатирического политического креолизованного текста как средство создания иронии // Медиалингвистика. 2017. № 4(19). С. 7–17.

Присяжных В.Г., Нагибина И.Г., Ли Я.А. Медиаобраз В.В. Путина в китайском кросс-медийном пространстве // Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 11(59). URL: <https://rulb.org/archive/11-59-2024-november/10.60797/RULB.2024.59.14> (дата обращения: 17.08.2025).

Пропагандистский дискурс в условиях цифровизации / под ред. В.А. Ачкасовой, Г.С. Мельник. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2023. 424 с.

Романова Т.В. Институциональный политический дискурс: лингвистический анализ // Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей IV Международного симпозиума. В 2 т. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2020. Т. 1. С. 263–270.

Синегубова К.В., Шишкина Н.Е. Функция пародии в программе Т. Кеосаяна «Международная пилорама» // Коммуникативные исследования. 2020. № 1. С. 138–148.

Сурикова Т.И. Инфотейнмент как медиастратегия в лингвоэтических координатах современного медиадискурса // Актуальные проблемы стилистики. 2021. № 7. С. 155–165.

Тань Ц. Образные единицы в коммуникативных практиках медиатизированного политического дискурса // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2024. Т. 13, № 2. С. 52–59.

Черепова Т.Н. Роль телевизионных политических ток-шоу в пропаганде новой российской идеологии // Журналистский ежегодник. 2015. № 4. С. 54–56.

Шрамко Л.И. Стратегии и тактики создания имиджа политика в современных медиа (на примере англоязычной качественной прессы) // Terra Linguistica. 2024. Т. 15, № 3. С. 99–108.

Щербаль С.С. Инфотейнмент как метод создания телевизионного контента // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2021. Т. 1, № 4(36). С. 247–261.

E.G. Malysheva

*PhD in Philology, Doctor, Associate Professor,
Head of the Chair of Journalism and Media Linguistics,
Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russia*

O.S. Rogaleva

*PhD in Philology, Associate Professor,
Chair of Journalism and Media linguistics,
Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russia*

Television Propaganda Infotainment: Conceptual and Pragmastylistic Dominants

The focus of this study is propaganda discourse practices. The aim of the paper is to study «propaganda infotainment» phenomena, its key characteristics and usage in TV program «Mezhdunarodnaya Pylorama» (NTV, 2016–2024). Methodological basis consists of three levels. Compositional and structural analysis of media text considers the project as satirical, informational and analytical

review with game elements. Moreover political satire is used as a tool of state ideology and propaganda. Conceptual analysis reveals content dominants which include archetypical opposition «ours»/»others», media image of the Russian Federation president, unfriendly states and their leaders. Apart from that stereotyping, hyperbolization and primitivization are used to objectify the dominants. Based on the research creating an image of ideal president is one of the aims of «Mezhdunarodnaya Pylorama». The image contains some conceptual characteristics, for example «wise», «main», «fair», «influential». Pragmastylistic analysis demonstrates basic cognitive strategies and practices as well as lexico-stylistic and grammar means in polycode media text. The paper concludes major strategy used by the propagandist journalist. Propaganda infotainment format discredits activity of politicians and government representatives from foreign states. As a result it forms stable negative image of unfriendly country representatives and top officials. Besides the research defines comical image. It is formed by comical, ironical and satirical techniques that can be found in the presenter speech and voiceover alongside with ridicule speech genre, lexico-stylistic means (stylistic layering, language game, intertextual references, stylization and dialogization).

Keywords: *polycode media text; media discourse; propaganda media discourse; propaganda infotainment; conceptual dominant.*

REFERENCES

- Alexeyev A.B. Aggressivization and ludization of political discourse in the light of politainment studies [Agressivizatsiya i lyudizatsiya politicheskogo diskursa v svete izucheniya politeynmenta]. *Bulletin of MGPU. Series: Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2023. No. 4 (52). Pp.170–185 (in Russian).
- Binshtein M.M. The functions of irony in the political discourse (based on the talk-show «60 minutes») [Funktsii ironii v politicheskom diskurse (na materiale tok-shou «60 minut»)]. *Sustainable development of science and education*, 2020. No. 11 (50). Pp. 188–195 (in Russian).
- Bulgakova A.A. Infotainment As a Principle of Organizing Morning Information and Entertainment Programs on National TV Channels «Russia 1» and «Belarus 1»: Content Features and Technical Characteristics [Infoteynment kak printsip organizatsii utrennikh informatsionno-razvlekatelnykh programm na natsionalnykh telekanalakh "Rossiya 1" i "Belarus 1": sodержatelnyye osobennosti i tekhnicheskkiye kharakteristiki]. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 2023. Vol. 9(75). No. 3. Pp. 61–75 (in Russian).
- Bykov D.V. TV News: from Information to Entertainment [Televizionnyye novosti: ot informatsii k razvlecheniyu]. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2022. No. 11 (3). Pp. 528–544 (in Russian).
- Cherepova T.N. The Role of Television Political Talk Shows in the Promotion of New Russian Ideology [Rol televizionnykh politicheskikh tok-shou v propagande novoy rossiyskoy ideologii]. *Journalistic Yearbook*, 2015. No.4. Pp. 54–56 (in Russian).
- Dolgova Y.I., Sheptuha K.V. Infotainment in the Evening News of Russian TV Channels [Infoteynment v vechernikh novostyakh vedushchikh rossiyskikh telekanalov]. *The Art and Science of Television*, 2023. No. 19(4). Pp. 119–147 (in Russian).
- Gmyzina E.V. Infotainment as a tool for creating a new ideology [Infoteynment kak instrument sozdaniya novoy ideologii]. *Bulletin of Humanitarian Education*, 2018. No. 4(12). Pp. 74–78 (in Russian).

Grosheva A.V. Politainment Discourse as a Current Transformation of Massmedia Political Discourse: Theoretical Aspect [Politeynment-diskurs kak aktualnaya transformatsiya massmediynogo politicheskogo diskursa: teoreticheskiy aspekt]. *Dynamics of media systems*, 2023. No. 3(1). Pp. 97–104 (in Russian).

Ilchenko S.N. Transformation of the genre structure of domestic TV content: actualization of the game nature of television (Doctoral dissertation) [Transformatsiya zhanrovoy struktury otechestvennogo telekонтента: aktualizatsiya igrovoy prirody televideniya]. Moscow: Academy of Media Industry, 2012. (in Russian).

Karpenko I.I. Structural and compositional techniques of infotainment in media texts of regional print media [Strukturno-kompozitsionnyye priemy infoteynmenta v mediatekstakh regionalnykh pechatnykh SMI]. *Neophilology*, 2023. No. 9(3). Pp. 641–656 (in Russian).

Karpenko I.I., Lobanovskaja E.Ju., El'nikova O.E., Gorborukova L.S. Using the infotainment method in the practice of modern Russian television [Ispolzovaniye metoda infoteynmenta v praktike sovremennogo rossiyskogo televideniya]. *Issues of Journalism, Education, Linguistics*, 2017. No. 28(277). Pp. 97–105 (in Russian).

Kopylova O.Yu. Methods, techniques and methods of manipulation in TV talk shows [Metody, priemy i sposoby manipulyatsiy v televizionnykh tok-shou]. *Bulletin of MHEI (on line)*, 2021. No. 3. Pp. 180–191 (in Russian).

Kravtsov V.V. Political propaganda and media [Politicheskaya propaganda i SMI]. *Bulletin of the Academy of media industry*, 2022. No. 1. Pp. 135–146 (in Russian).

Malysheva E.G., & Rogaleva O.S. Russian Political Propaganda Media Discourse: Definition of the Concept, Structure and Boundaries, Characteristics of Subjects [Russkiy politicheskii propagandistskiy mediadiskurs: opredeleniye ponyatiya, struktura i granitsy, kharakteristika subyektov]. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2023. No. 12 (3). Pp. 544–561 (in Russian).

Matiushenko E.Y. Non-Codified Means of Speech Aggression in Political Talk Shows [Nekodifitsirovannyye sredstva rechevoy agressii v politicheskikh tok-shou]. *Russian Linguistic Bulletin*, 2023. No. 7(43). Available at: <https://rulb.org/archive/7-43-2023-july/10.18454/RULB.2023.43.3> (accessed on July 13, 2025) (in Russian).

Mel'nik G.S. (Ed.). Propaganda Discourse in the Context of Digitalization [Propagandistskiy diskurs v usloviyakh cifrovizatsii]. Saint-Petersburg: SPbGU, 2021. 424 p. (in Russian).

Mihnevich O.I. Metaphorical images of the presidents of Georgia E. Shevardnadze and M. Saakashvili: universal and personalized metaphorical models [Metaforicheskiye obrazy prezidentov Gruzii E. Shevardnadze i M. Saakashvili: universalnyye i personifitsirovannyye metaforicheskiye modeli]. *Political linguistics*, 2021. No. 4(88). Pp. 52–60 (in Russian).

Nagibina I.G., Ekzarhova A.S. Media image of the US in Chinese mass media: a strategy to discredit a political opponent [Mediaobraz SShA v kitayskikh SMI: strategiya diskreditatsii politicheskogo protivnika]. *Terra Linguistica*, 2023. No. 14(4). Pp. 109–118 (in Russian).

Oleshko V.F., Shurko I.I. Propaganda Discourse of Modern Television [Propagandistskiy diskurs sovremennogo televideniya]. *Issues of Ural Federal University. Series 1: Issues in Education, Science and Culture*, 2022. No. 28 (1). Pp. 5–15 (in Russian).

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (1995). Explanatory dictionary of the Russian language [Tolkovyy slovar russkogo yazyka]. Moscow: AZPubl. (in Russian).

Popova T.I. Stylistic layering of satirical political creolized text as an instrument of creating irony [Stilisticheskaya mnogosloynnost satiricheskogo politicheskogo kreolizovannogo teksta kak sredstvo sozdaniya ironii]. *Media Linguistics*, 2017. No. 4 (19). Pp. 7–17 (in Russian).

Prisyazhnyh V.G., Nagibina I.G., Lee Y.A. Media image of V.V. Putin in the Chinese cross-media space [Mediaobraz V. V. Putina v kitayskom krossmediynom prostranstve]. *Russian Linguistic Bulletin*, 2024. No. 11(59). Pp.19. Available at: <https://rulb.org/archive/11-59-2024-november/10.60797/RULB.2024.59.14> (accessed on August 17, 2025) (in Russian).

Romanova T.V. Institutional Political Discourse: a Linguistic Analysis [Institutsionalnyy politicheskii diskurs: lingvisticheskii analiz]. *Russian language in a multicultural world. Collection of scientific articles of the IV International Symposium*. Simferopol: V.I. Vernadsky Crimean Federal University, 2020. Pp. 263–270 (in Russian).

Shcherbal S.S. Infotainment as a Method of Creating Television Content [Infoteynment kak metod sozdaniya televizionnogo kontenta]. *Bulletin of Volzhsk University after V.N. Tatischev*, 2021. No. 1 (4). Pp. 247–261 (in Russian).

Shramko L.I. Strategies and tactics of creating a politician's image in the modern media (on the example of English-speaking quality press) [Strategii i taktiki sozdaniya imidzha politika v sovremennykh media (na primere angloyazychnoy kachestvennoy pressy)]. *Terra Linguistica*, 2024. No.15 (3). Pp. 99–108 (in Russian).

Sinegubova K.V., Shishkina N.E. The function of parody in T. Keosayan's program «International Sawmill» [Funktsiya parodii v programme T. Keosayana «Mezhdunarodnaya pilorama»]. *Communication Studies*, 2020. No.1. Pp. 138–148 (in Russian).

Surikova T.I. Infoteynment kak mediastrategiya v lingvoeticheskikh koordinatakh современного mediadiskursa [Infotainment as a media strategy in the linguo-ethical coordinates of modern media discourse]. *Current issues of stylistics*, 2021. No. 7. Pp. 155–165 (in Russian).

Tan Jie. Figurative Units in the Communicative Practices of Mediatized Political Discourse [Obraznyye yedinitsey v kommunikativnykh praktikakh mediatizirovannogo politicheskogo diskursa]. *Scientific research and development. Modern communication studies*, 2024. No. 13(2). Pp. 52–59 (in Russian).

Vologina E.V., Somova E.G. The Types of Verbal Aggression in the Television Political Talk Show [Vidy rechevoy agressii v televizionnykh politicheskikh tok-shou]. *Kazan Science*, 2024. No. 10. Pp. 531–533 (in Russian).

Vyzhlov M. Manipulation of consciousness in analytical programs of Russian Television [Manipulyatsiya soznaniyem v analiticheskikh peredachakh rossiyskogo televideniya]. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 2012. No. 1. Pp. 153–156 (in Russian).

Zakharchenko N.A., Karelova T.V. Infotainment in modern mass media [Infoteynment v sovremennykh massmedia]. Samara: Samara University, 2020. 88 p. (in Russian).

Zakharchenko N.A., Karelova T.V. Infotainment as a Promising Way of Presenting Video Information [Infoteynment kak perspektivnyy sposob prezentatsii videoinformatsii]. *Bulletin of Volzhsk University after V.N. Tatischev*, 2021. No. 1(4). Pp. 102–111 (in Russian).

Zakieva T.M. The Dynamic Nature of the Image of Donald Trump in British Political Media Texts [Dinamichnost obraza Donalda Trampa v britanskom analiticheskom mediatekste]. *Political Linguistics*, 2024. No.1 (103). Pp. 50–56 (in Russian).

Ю.А. Белютина

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 81'42:32

DOI 10.35785/2072-9464-2026-74-2-118-131

ДИСКУРСИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА (на материале высказываний Д. Трампа о военном конфликте с Ираном в 2026 году)

Ключевые слова: дискурс; дискурсивное конструирование; политическая лингвистика; дискурсивные стратегии; образ врага; военный конфликт.

В статье рассматриваются дискурсивные стратегии конструирования образа Ирана в публичных высказываниях Дональда Трампа, сделанных в период военной эскалации 2026 года. Эмпирическую базу составили 147 фрагментов, включающих посты в социальной сети Truth Social, интервью ведущим американским СМИ, израильскому каналу и другим официальным источникам, а также выступления на брифингах и пресс-конференциях. Были выделены и проанализированы четыре ключевые стратегии: конструирование образа врага, осуществляемое через номинативную демонизацию и темпоральное сжатие, апокалиптический сценарий с элементами религиозной трансгрессии и переосмыслением универсальных понятий, тактическая пауза как способ дискурсивной перезагрузки и контроля над нарративом, параллельное конструирование взаимоисключающих реальностей мира и войны. Особое внимание уделяется лингвистическим механизмам реализации указанных стратегий, включая номинативные и предикативные конструкции, модальность, речевые акты, роль экспрессивной лексики и графических средств в гибридном жанре постов в социальной сети. Формулируются основные выводы исследования и обозначаются его дальнейшие перспективы, которые связываются с изучением эволюции дискурсивных стратегий Д. Трампа в сравнении с первым сроком его президентства и с анализом контр-дискурса иранской стороны.

В последние десятилетия лингвистика ознаменована переходом от рассмотрения языка только как средства передачи информации к исследованию его как инструмента конструирования реальности, идентичности, власти и т.п. Неоднократно отмечалось, что дискурс не только воспроизводит социальные структуры, но и участвует в их создании, преобразовании, легитимизации или, наоборот, оспаривает и дискредитирует их [Чудинов, 2013; Fairclough, 2018; Wodak, 2022].

В свете такого подхода к пониманию языка как отражающего реальность феномена особенно актуальным становится метод дискурсивного конструирования, который через совокупность речевых практик, текстов, высказываний позволяет создать системную картину действительности, выраженной в дискурсе, а также сформировать способы восприятия и осмысления реальности. Разработку концепции дискурсивного конструирования связывают с именем британского лингвиста Нормана Фэркло, который с целью изучения роли языка и дискурса в удержании и укреплении власти и идеологии интегрировал социальную теорию в лингвистический анализ и предложил исследовать дискурс в трех измерениях: текст (микроуровень), дискурсивная практика (мезоуровень) и социальная практика (макроуровень) [Fairclough, 2010]. Проблемой применения дискурсивных моделей для создания и интерпретации дискурса с учетом социального контекста, когнитивных механизмов, идеологических факторов занимается и нидерландский исследователь Т. ван Дейк, чье имя также упоминается среди основоположников анализа дискурса [Dijk, 2014]. В целом дискурсивное конструирование как метод исследования языка позволяет проектировать будущее, объективировать настоящий опыт, упорядочивать события прошлого при работе с самыми разнообразными участками действительности – бытовой коммуникацией, медиа- и политическим дискурсом, идеологической коммуникацией и т.д. В совместной работе датского специалиста в области дискурса-анализа М. Йоргенсен и британского профессора психологии Л. Филлипс указывается на способность дискурса не просто отражать реальность, а формировать знания и представления о мире, репрезентировать людей и их отношения. Исследовательницы подчеркивают, что именно участники коммуникации конструируют истины и доказывают друг другу, что подлинно, а что ошибочно [Jorgensen, Phillips, 2002].

В современных условиях цифровизации общения дискурсивный подход обретает особую актуальность, поскольку позволяет в анализ стратегий конструирования реальности интегрировать такие современные медиа, как интернет-платформы и даже социальные сети. Подобные направления развиваются в отечественной лингвистике и затрагивают такие вопросы, как доминантные модели современных российских политических СМИ и создание метафорического образа России в них [Чудинов, Будаев, Солопова, 2023], многоканальный мультимодальный текст [Кибрик, 2018], сочетание визуальной опоры с традиционным текстом в конфликтогенном миромоделировании [Кушнерук, 2025], особенности функционирования цифровой лексической единицы (хэштег) в рамках коммуникации социальной сети [Алексеев, 2024] и др. Зарубежное языкознание фокусируется на анализе трансформационных прототипов коммуникации под влиянием генеративных моделей, новых визуальных языков и цифровых диалектов [Seargeant, 2023], геометрии в создании смыслов в речи через конструирование точки отсчета и по осям координат – пространство, время, модальность [Chilton,

2014], проектировании коллективной идентичности и социальных связей с помощью паразыта и оценочных знаков [Zappavigna, Logi, 2024].

С момента публикации программных работ дискурс-анализ накопил обширный инструментарий для изучения действительности языковыми средствами, однако он разрабатывался преимущественно на материале институциональных жанров (официальные заявления политиков, парламентские дебаты, партийные документы и др.). Цифровая трансформация общественно-политической сферы коммуникации и появление гибридных жанров (блоги, посты в социальных сетях) выявила потребность в адаптации классических моделей дискурс-анализа. Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью дальнейшего развития теоретико-методологического аппарата дискурс-анализа применительно к упомянутым новым жанрам политической коммуникации в условиях военной эскалации.

Цель настоящего исследования – выявление, описание и систематизация дискурсивных стратегий конструирования образа Ирана и его представителей на международной арене в публичных высказываниях, сделанных Д. Трампом в период военной эскалации, а также определение лингвистических механизмов, формирующих одобрительное отношение к военным действиям через гибридный жанр постов в социальной сети и сопутствующих интервью.

Эмпирическую базу исследования составляют публичные высказывания Дональда Трампа, сделанные в период военной эскалации между Ираном с одной стороны и США и Израилем – с другой. Среди использованных источников – посты президента в социальной сети Truth Social, интервью ведущим американским СМИ (Fox News, Axios, The Wall Street Journal, The New York Post и др.) и израильскому телеканалу Channel 12, пресс-конференции, брифинги и выступления. Общий объем корпуса составил 147 высказываний, которые соответствовали следующим критериям: прямое или косвенное упоминание Ирана, наличие предикативной основы, которая характеризовала бы действия сторон, наличие темпоральных маркеров.

Исследование опирается как на общенаучные методы (метод наблюдения, описания, классификации, интерпретации) для сбора, систематизации и классификации материала, так и на частные лингвистические методы, а именно: контекстуальный анализ, компонентный анализ, дискурсивный анализ, прагматический анализ, лингвокогнитивный анализ, стилистический анализ. Применение последних особенно релевантно для экспликации стратегий конструирования образа врага и легитимизации военных действий.

В современной политической лингвистике сложилась устойчивая тенденция изучения языка как неотъемлемой части социального политического контекста. Ведущие представители этого направления указывают на необходимость включения в лингвистический анализ таких экстралингвистических факторов, как историческая обстановка, идеологическая борьба,

политическая культура и прочее. Например, А.П. Чудинов среди основных задач политической лингвистики видит исследование взаимоотношений языка, мышления, коммуникации с субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества [Чудинов, 2013, 10]. Специалист по политической дискурсологии Н.Н. Кошкарлова подчеркивает необходимость связывать языковые единицы с социальными практиками и властными отношениями, указывая на детерминированность коммуникативного поведения политической средой, «в пространстве которой и разворачивается взаимодействие представителей разных социальных и национально-культурных сообществ» [Кошкарлова, 2021, 10]. В анализе метафор в политическом нарративе Э.В. Будаев выделяет два аспекта их сопоставления – синхронический и диахронический, что позиционирует метафору не как автономный феномен языкознания, а как «естественную часть нарратива, который понимается как множество текстов, связанных с определенным политическим событием» [Будаев, 2008, 87]. Этот факт напрямую требует учета временного и политического контекста при описании языковых явлений.

Принимая во внимание такой консенсус в отношении необходимости обращения к социально-политическому контексту для адекватного описания языковых явлений, считаем необходимым уточнить экстралингвистический фон, в котором формировался нарратив Дональда Трампа об Исламской республике Иран. Отношения между Ираном, с одной стороны, США и Израилем – с другой, прошли путь от стратегического партнерства до непримиримой вражды. До 1979 года Иран был одним из ключевых союзников США на Ближнем Востоке и поддерживал связи с Израилем, включая сотрудничество в военной сфере. Переломным моментом стала Исламская революция, в результате которой к власти пришло шиитское духовенство во главе с аятоллой Али Хаменеи и был провозглашен антиамериканский и антиссионистский курс, разорваны дипломатические отношения с Израилем. Началась эпоха прокси-войн, в ходе которых Иран противостоял интересам противника опосредованно через Хезболлу и ХАМАС, а Израиль отвечал кибератаками и точечными ликвидациями. Новый виток конфликта состоялся на фоне ядерной программы Ирана, которую Израиль и Штаты вслед за ним рассматривают как экзистенциальную угрозу. Кульминацией конфронтации стали прямые военные действия в 2025 и 2026 годах, вследствие чего против иранских ядерных объектов была проведена операция «Народ как лев» в 2025, а 28 февраля 2026 года началась операция «Эпическая ярость». Именное последнее событие и сформировало тот экстралингвистический контекст, который породил нарратив Дональда Трампа, проанализированный в данном исследовании.

Анализ высказываний позволил установить, что дискурсивные стратегии можно подразделить на четыре основных направления: конструирование образа врага, религиозная трансгрессия и апокалиптический сценарий, тактическая пауза, параллельное конструирование образа мира и

войны. Надо отметить, что в основном развитие нарратива об Иране в различных источниках происходило в виде эволюции одной стратегии в другую. Сначала подготавливалось общественное мнение о государстве как об опасном противнике, потом акцент делался на необходимости его стереть с лица земли, невзирая на сакральные, религиозные, суверенные и другие границы. Далее в фокусе внимания читателя должно было быть готовящееся перемирие, на фоне которого «обнародовались» его отдельные пункты, делалась пауза в угрозах, пресекались «альтернативные» источники информации. При отсутствии прогресса параллельно формировался образ мира, если условия коалиции будут выполнены, и образ войны, если Иран откажется пойти на уступки.

Подробнее остановимся на этих стратегиях и средствах их реализации.

1. Конструирование образа врага. Дональд Трамп и его партнеры заинтересованы в подготовке аудитории, в легитимизации готовящегося насилия в отношении суверенного государства, с которым одновременно ведутся переговоры. Для этого американский президент представляет Иран в публикациях как нерационального актора, диалог с которым невозможен, который понимает единственный язык – язык силы. Обратимся к некоторым ключевым высказываниям в рамках данной стратегии.

1. «NATO nations have done absolutely nothing to help with *the lunatic nation*, now *militarily decimated*, of Iran. The USA needs nothing from NATO, but 'never forget' this very important point in time» [Truth Social, 26 марта 2026].

2. «They better get serious soon, before *it is too late*, because once that happens, there is *NO TURNING BACK*, and *it won't be pretty*» [Truth Social, 26 марта 2026].

3. «They are 'begging' us to make a deal, which they should be doing since they have been *militarily obliterated*, with *zero chance of a comeback*, and yet they publicly state that they are only 'looking at our proposal'» [Truth Social, 26 марта 2026].

4. «I would only say that we're doing extremely well in that negotiation, but *you never know with Iran* because we negotiate with them and then *we always have to blow them up*» [Борт самолета Air Force One, 29 марта 2026].

С помощью *темпорального сжатия* Трамп создает реальность на грани катастрофы (*soon, before it is too late, NO TURNING BACK, it won't be pretty*), в которой время истекает, окно возможностей вот-вот закроется и промедление равносильно смерти. *Номинация* *lunatic nation* исключает Иран из договороспособных членов мирового сообщества, с которыми можно вести консультации о мире (*you never know with Iran*), и в ситуации цейтнота позволяет действовать агрессивно, захватнически. Одновременно с этим создается ощущение, что только США и есть единственный носитель разума и порядка. *Предикативные конструкции* *militarily decimated, militarily oblit-*

erated, we always have to blow them up рисуют читателю образ уже побежденного противника, который может только рассчитывать на милость оппонента (They are 'begging' us to make a deal). Это же парадоксальным образом легитимизирует начало / продолжение ударов со стороны США, представляет их не как агрессора, а как победителя, силу, добивающую поверженного врага. Образ врага, не имеющего шансов на благополучную жизнь (zero chance of a comeback), но публично заявляющего, что он обдумывает предложение о сделке (they publicly state that they are only 'looking at our proposal'), должен натолкнуть избирателя Трампа на мысль, что противник двуличен, нельзя воспринимать его всерьез, что его заявления – сплошная ложь и дезинформация.

В итоге у читателя новостей сформирован образ Ирана как иррационального агрессора, уже проигравшего в решительной схватке (демонизация), и имидж США как карателя нарушителя всеобщего спокойствия, действующего в условиях неизбежности (принуждение).

2. Религиозная трансгрессия и апокалиптический сценарий. Данная стратегия знаменует переход от угрозы отдельным объектам военной, нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей инфраструктуры к угрозе цивилизационного уничтожения. Д. Трамп использует религиозные и идеологические разногласия, чтобы продемонстрировать отсутствие для США любых сакральных границ, которые невозможно было бы разрушить. Это позволяет сформировать образ абсолютного доминирования, имидж мирового гегемона, который господствует и является движущей силой, в том числе для тотального уничтожения всемирного зла, коим он провозглашает Иран. Рассмотрим некоторые ключевые высказывания в рамках данной стратегии.

5. «*Tuesday will be Power Plant Day and Bridge Day rolled into one in Iran. Nothing like it!!! Open the fucking Strait, you crazy bastards, or you will live in hell — JUST WATCH! Praise be to Allah!*» [Truth Social, 5 апреля 2026].

6. «*Tuesday, 8:00 PM Eastern Time*» [Truth Social, 5 апреля 2026].

7. «*A whole civilization will die tonight, never to be brought back again. I don't want that to happen, but it probably will. However, now that we have Complete and Total Regime Change, where different, smarter, and less radicalized minds prevail, maybe something revolutionarily wonderful can happen, WHO KNOWS? We will find out tonight, one of the most important moments in the long and complex history of the World. 47 years of extortion, corruption, and death, will finally end. God Bless the Great People of Iran!*» [Truth Social, 7 апреля 2026].

8. «*I don't care. You know what a war crime is? Having nuclear weapons*» [White House press conference, 6 апреля 2026].

9. «*An entire country could be taken out in one night and that night might be tomorrow night*» [White House press conference, 6 апреля 2026].

В контексте данной стратегии безотлагательность, незамедлительность также играет роль своеобразного *временного императива* (Tuesday,

Tuesday, 8:00 PM Eastern Time, tonight, tomorrow night), привязка ультиматума к дедлайну создает реальность истекающего времени, неизбежного решения, не оставляя пространства для рационального торга или отсрочки возмездия.

Религиозная трансгрессия (Praise be to Allah, God Bless the Great People of Iran) демонстрирует непризнание США религиозных, сакральных и любых других границ, которые они бы не посмели нарушить. Воздавая хвалу Аллаху и благословляя великий народ Ирана, Трамп лицемерит, ибо параллельно обещает уничтожить эту древнюю цивилизацию, устроить ей ад на земле (you will live in hell). Это тоже способствует созданию образа превосходства над противником. О нарушении границ также свидетельствует и поток нецензурной брани (Open the fucking Strait, you crazy bastards), который американский президент обрушил на руководство Ирана в ответ на блокаду Ормузского пролива, столь важного для поставок нефти, газа, удобрений партнеров и союзников США в регионе – арабов – и для сдерживания цен на минеральные ресурсы. В то же время такое нетерпение свидетельствует об уязвимости позиции гегемона – он, впрочем, это факт не признает. Обращение к Аллаху в контексте нецензурной брани можно интерпретировать как демонстративное неуважение к религиозным чувствам врага или как применение «риторического оружия» с целью дезориентации аудитории.

Существенную роль здесь также играет *пересмотр*, переопределение (redefining) универсально признанных *терминов* и понятий в угоду своей информационной политике. Согласно исследованию М.Г. Михайлеску, формирование нового подхода с помощью переоценки номинативных единиц позволяет агенту не только становиться участником совместного общественного дискурса, но и влиять на коллективное мнение в нем [Mihăilescu, 2024]. Новая *номинация* [You know what a war crime is? Having nuclear weapons] является типичным в дискурсе Трампа примером легитимизации: вместо того чтобы отрицать собственное военное преступление, он перед журналистами таковым называет обладание ядерным оружием, которое, к слову, так и не было доказано. У читателя формируется образ Ирана как нарушителя международного права, международных обязательств. Между тем Декларация Генеральной Ассамблеи ООН запрещает использование ядерного оружия. Переопределение позволяет Трампу сместить референтную рамку с действий США на исходящую от Ирана угрозу, легитимизировать любые, даже превентивные, меры, включая удары по гражданской инфраструктуре.

Еще одно средство, которое Д. Трамп использует в своих высказываниях для конструирования образа побежденного Ирана, – формирование мнения о завершении смены режима аятолл в стране (Now that we have Complete and Total Regime Change...). Он пытается убедить своего избирателя и налогоплательщика, что все будет по-другому, когда на смену прежнему строю придут другие, более умные и менее радикализированные участники

политического процесса, Америке и Израилю удастся построить новое прекрасное будущее на Ближнем Востоке (where different, smarter, and less radicalized minds prevail, maybe something revolutionarily wonderful can happen). Ощущение достигнутой цели создают кванторы total, complete. Заглавные буквы в некоторых словах (Complete and Total Regime Change) не только выполняют функцию эмфазы (декларации победы), но и придают словам силу законодательного акта, конвенционально ассоциируясь с криком (в интернет-коммуникации), особо значимыми понятиями (в официальных документах). Наконец, этот декларатив способствует подавлению конкурирующих дискурсов, будучи противопоставленным иранским заявлениям о том, что никакой смены режима не произошло, напротив, у власти теперь еще более воинственный и радикально настроенный сын аятоллы Хаменеи, потерявший почти все семью в первый день военного конфликта.

Также важную роль в «написании» апокалиптического сценария играет смена онтологического *статуса угрозы* (An entire country could be taken out in one night and that night might be tomorrow night), переход от уничтожения инфраструктуры к уничтожению цивилизации – событию исторического масштаба. Пассивный залог деиндивидуализирует агента угрозы, что представляет ее не как политическое решение, которому можно сопротивляться, а как природную катастрофу, неизбежную и неотвратимую. Это снимает с США всякую ответственность перед мировым сообществом и одновременно сохраняет угрозу, заставляя Иран быть сговорчивее. Говоря о темпоральном компоненте, уточним, что неопределенность (in one night and that night might be tomorrow night) создает состояние перманентного ожидания удара, в то же время с вероятностью апокалиптической внезапности (in one night). Пример является многоцелевым речевым актом: он вербализует угрозу, демонстрирует силу и превосходство, предупреждает и обещает одновременно. Иран должен интерпретировать его как метод кнута и пряника, где перемирие и перспектива сделки – пряник, вероятность исчезновения с лица земли – кнут, который будет довлеть над ним в момент переговоров на случай неверного движения. Не последнюю роль в конструировании того метода играет модальный глагол со значением возможности (could be taken out).

3. Тактическая пауза. Целью данного стратегического решения является своеобразная дискурсивная перезагрузка: Трамп имеет шанс выйти из апокалиптического сценария, который не оценили ни его соратники по партии, ни избиратели, ни мировое сообщество в целом, и сохранить давление на Иран через альтернативные каналы, не признавая поражение и непоследовательность предшествующей риторики. Президент Америки продолжает пытаться сохранить контроль над информационным полем через делегитимизацию других источников и стремится приписать себе сразу две

взаимоисключающие роли: миротворца, объявляя перемирие, и воина, уточняя, что все ядерные объекты Ирана уничтожены. Рассмотрим некоторые ключевые высказывания.

10. «*We have agreed to a two-week mutual ceasefire with Iran, brokered by Prime Minister Shehbaz Sharif and General Asim Munir of Pakistan. The Strait of Hormuz will be fully opened. This is a great achievement for peace. A great day for world peace! Iran wants it to happen; they've had enough! So is everyone else! The United States of America will help by increasing traffic in the Straits of Hormuz. There will be many positive actions! A lot of money will be made. Iran can start the reconstruction process*» [Truth Social, 2026, 7 апреля].

11. «*Numerous agreements, lists, and letters are being sent out by people that have absolutely nothing to do with the USA/Iran negotiation. They are fraudsters and charlatans*» [Truth Social, 2026, 8 апреля].

12. «*There is only one group of meaningful 'points' that are acceptable to the United States, and we will be discussing them behind closed doors*» [Truth Social, 2026, 8 апреля].

13. «*Iran, it seems, does not realize that it has no real trump cards, except for a short-term leverage over the world community by closing international waterways. The only reason they are alive today is negotiations*» [X, 2026, 9 апреля].

14. «*I am not offering Iran ANYTHING, unlike Obama. Nor am I even talking to them since we totally OBLITERATED their Nuclear Facilities*» [Truth Social, 2026, 14 апреля].

В период объявленного прекращения огня Трамп выстраивает образ перемирия как великого достижения (*a great achievement for peace, a great day for world peace*). Перемирие как дискурсивный конструкт дистанцирует Трампа от апокалиптических угроз, негативно сказавшихся на его репутации, и играет роль тактической паузы. Здесь же усматривается позитивная самопрезентация и негативная презентация противника. Ирану приписывается состояние истощения, желания капитуляции, сломленного и побежденного врага (*Iran wants it to happen; they've had enough! Iran [...] has no real trump cards. The only reason they are alive today is negotiations. I am not offering Iran ANYTHING*). Образ войны теперь трансформируется в образ процветания Ближнего Востока, чьим архитектором будет сам Трамп (*The Strait of Hormuz will be fully opened. There will be many positive actions! A lot of money will be made. Iran can start the reconstruction process*).

Параллельно с этим Трамп осуществляет делигитимизацию альтернативных источников. Стратегия контроля нарратива в СМИ не дает возможность создания «параллельной реальности», в которой Иран уже не выглядит низверженным и диктует свои условия США в обнародованных письмах, проектах соглашений, списках (*Numerous agreements, lists, and letters [...] have absolutely nothing to do with the USA / Iran negotiation*). Номи-

нация *fraudsters and charlatans* апеллирует к невозможности доверять непроверенным источникам, тогда как реальные переговоры происходят за закрытыми дверями (*behind closed doors*) и не допускают утечки. Непроверяемость фактов становится не слабостью, а инструментом власти.

В общей динамике дискурсивного конструирования роль этой стратегии состоит в том, что трансформирует неизбежность поражения (если бы обещаемый апокалипсис не наступил) в доказательство силы, способность даровать мир и жизнь врагу, которого можно было еще совсем недавно уничтожить. Такое превращение поражения в риторическую победу – один из центральных механизмов дискурсивного конструирования в анализируемом корпусе.

4. Параллельное конструирование образа мира и войны. Основной целью стратегии является трансформирование ультиматума в перманентное состояние неопределенности, которое максимизирует давление на Иран без необходимости реализовывать угрозу. Параллельное конструирование двух взаимоисключающих реальностей лишает оппонента возможности выбрать адекватную стратегию реагирования, заставляет Иран тратить ресурсы на опровержение абсурдных утверждений. Конфликт сводится к одному вопросу – недопущению ядерного оружия, что легитимизирует любые действия США, морально оправдывает их и отвлекает внимание от других требований, которые видятся как невыполнимые и неудовлетворение которых может запятнать репутацию гегемона. Обратимся к некоторым ключевым высказываниям.

15. *«I think it's close to over. I view it as very close to over». «We could take out every one of their bridges in one hour»* [Fox Business Network, 2026, 15 апреля].

16. *«They've agreed to give us back the nuclear dust that's way underground because of the attack we made with the B2 bombers»* [White House press conference, 2026, 16 апреля].

17. *«We're going to get it by going in with Iran, with lots of excavators. [...] We're going to take it back home to the USA very soon»* [конференция Turning Point USA, в Финиксе, штат Аризона, 2026, 17 апреля].

18. *«They have no navy, they have no air force, they have no leaders. They have no nothing. Actually ... it is regime change»* [Oval Office, White House, 2026, 18 апреля].

19. *«Then lots of bombs start going off»* [PBS News, 2026, 20 апреля].

20. *«We've done a great job, and we'll get it closed out, and everybody's going to be happy». «They're going to negotiate, and if they don't, they're going to see problems like they've never seen before». «Hopefully they'll make a fair deal, and they'll build their country back up, but when they do it, they will not have a nuclear weapon. They will have no access to, no chance of having a nuclear weapon».* [Anadolu Ajansi, 2026, 21 апреля].

Как следует из названия стратегии, Трамп пытается одновременно утверждать две взаимоисключающие реальности – близость мира (*it's close*

to over, very close to over, We've done a great job, everybody's going to be happy, a fair deal) и готовность к тотальному уничтожению (We could take out every one of their bridges in one hour, lots of bombs start going off, if they don't, they're going to see problems). С точки зрения формальной логики, высказывания, конечно, противоречивы. Согласно дискурсивной логике данная контрадикторность не требует разрешения и даже становится инструментом давления. Иран вынужден реагировать на оба тренда в дискурсе Трампа, а он игнорирует опровержения Ирана о недостоверности некоторых сведений, снова отнимая у него на эту информационную работу энергию, заставляя его «догонять» в пропаганде мира и войны.

Как уже говорилось, камнем преткновения в текущем конфликте стали ядерные разработки Ирана, обогащение урана, которое Трамп называет «ядерной пылью» (nuclear dust). Это, по словам президента США, пыль, которая образовалась в результате бомбардировок ядерных объектов Ирана в 2025 году и находится глубоко под землей. Эта же номинация соотносится и с любыми запасами обогащенного урана. Интересно, что конструируемый образ характеризуется научной абсурдностью (уран не превращается в пыль из-за бомбардировок), сопровождается регулярными опровержениями со стороны Ирана (Enriched uranium is as sacred to us as Iranian soil. No direct contact with Washington has taken place. Enriched uranium will not be transferred anywhere under any circumstances) и не останавливает Дональда Трампа в его красноречивых обещаниях экскаваторами извлечь ядерную пыль совместно с Ираном и вывезти ее в Америку (going in with Iran, with lots of excavators, going to take it back home to the USA). Несмотря на то что запасы урана – это дорогой материальный ресурс, Трамп не ведет речи о возмещении стоимости, он вероломно изымет его, чтобы у Ирана больше не было доступа к ядерным разработкам, шанса на производство ядерного оружия (no access to, no chance of having a nuclear weapon). Понятно, что за отказ от сделки Иран заплатит невиданными проблемами (see problems like they've never seen before). Иными словами, так называемая ядерная пыль – это ключевой геополитический артефакт, с помощью которого создается нарратив о тотальном контроле над ядерным наследием Ирана. Кроме того, меняется идеология конфликта: она упрощается до одной-единственной цели – предотвращения создания Ираном ядерного оружия, чего, как кажется Трампу, легче достигнуть.

Таким образом, проведенное исследование показало, что дискурс Дональда Трампа об Иране в период военной эскалации в 2026 году представляет не просто набор риторических приемов, системное целенаправленное конструирование реальности, подчиненное общей задаче легитимизации военной силы и контроля над нарративом о военном конфликте с Ираном. В результате исследования были выделены четыре дискурсивные стратегии: конструирование образа врага, апокалиптический ультиматум с элементами религиозной трансгрессии, тактическая пауза, параллельное конструирование образов

войны и мира. Их анализ позволяет сделать вывод о том, что ключевой особенностью является способность удерживать в фокусе внимания взаимоисключающие реальности (миротворец и воин, мир и война) как инструмент политического давления. Трамп одновременно создает образ Ирана как уничтоженного врага и как партнера по переговорам, войну как трансформирующийся в перемирие процесс и как готовую в любое время вспыхнуть агрессию, себя – как миротворца и как носителя тотальной угрозы врагу. Такой парадоксальный с точки зрения классического способа выстраивания нарратива подход оказывается эффективным именно потому, что лишает оппонента возможности выработать адекватную стратегию реагирования, закрепляет за субъектом тактики статус единственного легитимного носителя информации. Противоречие усугубляется в силу того, что успешность дискурсивного конструирования в политическом дискурсе зависит не от истинности утверждения, а от признания авторитета аудиторией.

Особую значимость имеют механизмы переосмысления общепринятых терминов и понятий, при котором, например, военное преступление определяется не как использование ядерного оружия, а как обладание им.

Гибридный жанр постов в социальной сети Truth Social характеризуется высокой эмоциональной насыщенностью, вплоть до употребления табуированной лексики, использованием заглавных букв с целью эмпазы, короткими синтаксическими конструкциями, отсутствием редактуры. Все это создает эффект непосредственности и аутентичности, снижает порог самоцензуры, позволяет удерживать противоречивые позиции без необходимости их логического согласования. При этом такие высказывания не контрастируют с интервью изданиям и каналам, публичными выступлениями на пресс-конференциях и в Белом доме и другими общественными выходами с учетом импульсивного характера Дональда Трампа.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в сравнительном анализе дискурса американского президента во время его первой и второй каденции, эволюции его дискурсивных стратегий с учетом меняющейся геополитической обстановки. Актуальным было бы сопоставление контрдискурса иранской стороны и механизмов делигитимизации высказываний оппонентов.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А.В. Семантические особенности употребления хештега #PrayforParis и его влияние на международную обстановку в диахронии // Политическая лингвистика. 2024. № 1. С. 21–28.

Будаев Э.В. Метафора в политическом нарративе: эвристики современных сопоставительных исследований // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 59. С. 86–94.

Кибрик А.А. Русский мультимедийный дискурс. Часть I. Постановка проблемы // Психологический журнал. 2018. Т. 9, № 1. С. 70–80.

Кошкарлова Н.Н. Конфликтный и кооперативный виды дискурса в межкультурном политическом пространстве: монография. Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2021. 360 с.

Кушнерук С.Л. Визуальная основа конфликтогенного миромоделирования в телеграм-каналах о трудовой миграции // Политическая лингвистика. 2025. № 4. С. 12–24.

Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии: монография. Екатеринбург, 2013. 176 с.

Чудинов А.П., Будаев Э.В., Солопова О.А. Политическая метафорология: когнитивно-дискурсивное исследование. М.: Флинта, 2025. 236 с.

Chilton P. Language, space and mind: the conceptual geometry of linguistic meaning. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 325 p.

Dijk T. van. Discourse and Knowledge: A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 284 p.

Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. 2nd ed. London: Routledge, 2018. 608 p.

Jorgensen M., Phillips, L. Discourse Analysis as Theory and Method. London: SAGE Publications, 2002. 229 p.

Mihăilescu M.-G. Never Mess With the «Memers»: How Meme Creators Are Redefining Contemporary Politics // Social Media + Society. Vol. 10. Issue 4. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/epub/10.1177/20563051241296256> (дата обращения: 28.02.2026).

Seargeant Ph. The Future of Language: How Technology, Politics and Utopianism are Transforming the Way we Communicate. London: Bloomsbury Publishing, 2023. 256 p.

Wodak R. Legitimizing Crisis Management during COVID-19 // Argumentation et Analyse du Discours. 2022. No 28. URL: <https://journals.openedition.org/aad/> (дата обращения: 07.04.2026).

Zappavigna M., Logi L. Emoji and Social Media Paralanguages. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. 280 p.

Y.A. Belyutina

PhD in Philology, Associate Professor,

Chair of the English Language,

Smolensk State University

Smolensk, Russia

Discursive Construction of the Enemy's Image (Based on Trump's Statements about the Military Conflict with Iran in 2026)

The article examines discursive strategies of constructing the image of Iran in Donald Trump's public statements made during the period of military escalation in 2026. The empirical base comprises 147 fragments including posts on the Truth Social social network, interviews to leading American outlets, an Israeli channel and other official sources, as well as speeches at briefings and press conferences. Four key strategies have been identified and analyzed: construction of the enemy's image realized through nominative demonization and temporal compression; apocalyptic scenario based on religious transgression and the redefinition of universal terms; tactical pause as a means of discursive reset and narrative control; parallel construction of mutually exclusive images of peace and war. Special attention is paid to linguistic mechanisms implementing these strategies, including nominative and predicative constructions, modality, speech acts, and

the role of emphatic vocabulary and graphic means in the hybrid genre of social network posts. The conclusion describes the main findings of the study and outlines its further prospects, which are associated with the study of the evolution of Trump's discursive strategies in comparison with his first term in office, and the analysis of the Iranian

Keywords: *discourse; discursive construction; political linguistics; discursive strategies, enemy's image, military conflict.*

REFERENCES

Alekseev A.V. Semantic specificity of using the hashtag #PrayforParis and its impact on the international situation in diachrony [Semanticheskie osobennosti upotrebleniya xeshtega #PrayforParis i ego vliyanie na mezhdunarodnuyu obstanovku v diaxronii]. *Political linguistics*, 2024. No 1. Pp. 21–28 (in Russian).

Budaev E.V. Metaphor in a political narrative: Heuristics of contemporary comparative studies [Metafora v politicheskom narrative: e'vristiki sovremenny'x сопоставительных исследований]. *Bulletin of the Herzen State Pedagogical University of Russia*, 2008. No. 59. Pp. 86–94 (in Russian).

Kibrik A.A. Russian multi-channel discourse. Part I. Problem statement [Russkij mul'tikanal'ny'j diskurs. Chast' I. Postanovka problemy']. *Psychological journal*, 2018. Vol. 39. No 1. Pp. 70–80 (in Russian).

Koshkarova N.N. Conflict and cooperative types of discourse in intercultural political space: monograph [Konfliktny'j i kooperativny'j vidy' diskursa v mezhkul'turnom politicheskom prostanstve: monografiya]. Chalyabinsk: Biblioteka A. Millera, 2021. 360 p. (in Russian).

Kushneruk S.L. Visual basis for conflict generating world modelling on telegram channels about labour migrants [Vizual'naya osnova konfliktogennogo miromodelirovaniya v telegram-kanalax o trudovoj migracii]. *Political linguistics*, 2025. No 4. Pp. 12–24 (in Russian).

Chudinov A.P. A study on contemporary political metaphorology: monograph [Ocherki po sovremennoj politicheskoy metaforologii: Monografiya]. Yekaterinburg, 2013. 176 p. (in Russian).

Chudinov A.P., Budaev E.V., Solopova O.A. Political metaphorology: A cognitive and discursive study [Politicheskaya metaforologiya: kognitivno-diskursivnoe issledovanie]. Moscow: Flinta, 2025. 236 p. (in Russian).

Chilton P. Language, space and mind: the conceptual geometry of linguistic meaning. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 325 p. (in English).

Dijk T. van. Discourse and Knowledge: A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 284 p. (in English).

Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. 2nd ed. London: Routledge, 2018. 608 p. (in English).

Jorgensen M., Phillips L. Discourse Analysis as Theory and Method. London: SAGE Publications, 2002. 229 p. (in English).

Mihăilescu, M.-G. Never Mess With the “Memers”: How Meme Creators Are Redefining Contemporary Politics // *Social Media + Society*. Vol. 10. Issue 4. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/epub/10.1177/20563051241296256> (accessed on February 28, 2026) (in English).

Sergeant Ph. The Future of Language: How Technology, Politics and Utopianism are Transforming the Way we Communicate. London: Bloomsbury Publishing, 2023. 256 p. (in English).

Wodak R. Legitimizing Crisis Management during COVID-19 // *Argumentation et Analyse du Discours*. 2022. No 28. Available at: <https://journals.openedition.org/aad/> (accessed on May 7, 2026) (in English).

Zappavigna, M., Logi L. Emoji and Social Media Paralanguages. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. 280 p. (in English).

С.А. Артеменко

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 81'38

DOI 10.35785/2072-9464-2026-74-2-132-146

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА В РОМАНЕ И. МАКЬЮЭНА «THE INNOCENT»

Ключевые слова: лексический анализ; литература травмы; образ персонажа; распад личности; семантические поля; травматический опыт; трансформация личности; Иэн Макьюэн.

Статья посвящена анализу процесса становления и деконструкции личности главного героя романа И. Макьюэна «The Innocent». Исследуется репрезентация травматического опыта через эволюцию языковых средств, используемых автором для раскрытия образа персонажа. Методологической основой исследования является семантико-стилистический анализ корпуса лексических единиц, связанных с внутренним состоянием героя. В работе выделяются восемь семантических полей, последовательно сменяющих друг друга по мере развития сюжета, каждое из которых маркирует определенный этап формирования образа персонажа. В статье подробно рассматривается, как начальный языковой регистр героя, наполненный технической лексикой, сменяется молчанием и эмоциональным опустошением, которые отражают глубокую психологическую травму. Анализ ключевых прилагательных и существительных, связанных с эмоциональным состоянием героя, подтверждает его иллюзорное ощущение взросления, за которым следует столкновение с жестокой реальностью мира. Научная новизна исследования заключается в системном подходе, который позволяет проследить нелинейную трансформацию персонажа на уровне языка, так как лексика является непосредственным выражением состояния героя, пережившего травматический опыт.

Тема травматического опыта является одной из самых мощных в мировой литературе и раскрывается писателями на протяжении многих веков. Однако особое место она занимает в литературе XIX века и рубежа XIX–XX веков [Жучкова, 2024]. «В этот период произошло большое количество катастроф, которые способствовали переосмыслению существующей реальности и изменили представление человека о жизни. Безусловно, это не могло не отразиться на литературе: появляется понятие “постмодернистская чувствительность”, которая связана с ощущением мира как всеобщего хаоса и с изменением поэтического мышления» [Хорева, 2022, 18]. Травматический опыт в художественных произведениях передается не просто через негативное событие, а представляет собой эмоциональное потрясение, в корне меняющее человека, его восприятие мира, речь. Травматическое событие может переживаться одним персонажем (утрата, насилие, предательство) либо представлять собой

коллективную и историческую травму (война, геноцид, рабство) [Хабибуллина, 2025]; оно раскрывается с помощью различных художественных средств: нелинейности повествования, приема «ненадежного рассказчика», изменения речи героев на лексическом уровне [Кухаренко, 2009].

Семантика играет особо важную роль для репрезентации травматического опыта, так как используемая автором лексика позволяет не только описать эмоциональное потрясение персонажей, но и передать тесную взаимосвязь их внутренних изменений и речи. Лексические единицы объединяются в лексико-семантические поля, которые наиболее точно передают языковую картину мира автора и его героев. Для исследования семантических полей был использован метод выделения семантического поля (определение границ семантического поля). М.Д. Урзаев выделяет следующие методы границ семантического поля: 1) логико-семантический метод; 2) антропологический метод; 3) статистический метод [Урзаев, 2024]. Данное исследование основывается на логико-семантическом и статистическом методах. Для анализа травматического опыта лексико-семантические поля имеют особое значение, так как коннотативный компонент отражает эмоционально-психологическую деятельность сознания. В истории литературы к произведениям, затрагивающим данную тематику, можно отнести как произведения, уже ставшие классикой, например «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского [Парилов, 2022], так и современные, например «Пять четвертинок апельсина» Дж. Харрис [Хабибуллина, Романова, 2021] и «Невинный» И.Р. Макьюэна («The Innocent» by Ian McEwan).

Иэн Рассел Макьюэн, британский писатель, сценарист и драматург, обладатель многочисленных наград (в том числе и Букеровской премии), известен созданием психологической прозы, которая держит читателя в напряжении от начала повествования до развязки произведения, используя в нарративе перспективизм. В формировании структуры своих романов он намеренно откладывает фабулу повествования, акцентируя внимание читателя на обстановке и сценах, создающих общий фон событий его произведений. М.А. Розанов полагает, что таким образом И.Р. Макьюэн формирует перспективы главных героев [Розанов, 2024], а также показывает «волю к моделированию и утверждению возможности личности самостоятельно выстраивать границы» [Розанов, 2025, 77]. Стоит отметить, что в своих произведениях И.Р. Макьюэн часто поднимает различные провокационные темы (инцест, международный шпионаж, антивоенные протесты, изменение климата) [Ломакина, 2025].

Роман «The Innocent» был написан в 1990 году. «The Innocent» считается одним из лучших произведений И. Макьюэна и относится к периоду расцвета его творчества: именно после публикации этого романа, который получил положительные отзывы читателей и критиков, писатель обрел популярность [Красавченко, 2024]. «The Innocent» можно отнести к жанру шпионского

романа, так как тематика травмы – это следствие реальных исторических событий (Вторая мировая война), а главные действия романа разворачиваются на фоне «холодной войны». О.А. Приказчикова относит это произведение к сатирическому поджанру шпионского романа [Приказчикова, 2022].

В исследуемом романе И.Р. Макьюэн показывает постепенное становление личности главного героя, переживающего в ходе повествования травматический опыт, который раскрывается не просто как единичное событие, а как состояние, которое только усиливается с развитием сюжета и приводит к полному распаду психики героя, оказывающемуся на грани полной потери рассудка. Стоит отметить, что для наиболее полного раскрытия психологического портрета и образа героев И.Р. Макьюэн использует прием психологизма. П.А. Култышева определяет психологизм как «свойство изображенного мира, отражающее внутренние переживания литературного героя, способ самовыражения автора и наполнения литературы дополнительным смыслом» [Култышева, 2024, 365]. В романе используется как прямой, так и косвенный психологизм. Прямой психологизм выражается в прямой речи персонажей, когда они открыто говорят о своих чувствах. Авторский психологизм подразумевает отказ нарратора и от прямой, и от косвенной речи, выражение чувств персонажей от лица рассказчика [Тарасов, 2025].

Действие происходит в послевоенном Берлине в 1955–1956 годах, в начале холодной войны. Главным героем является двадцатипятилетний Леонард Марнхэм, английский инженер почтового ведомства, которого, несмотря на недоверие к британцам, наняла американская сторона для проведения секретной операции «Золото». Суть операции заключалась в строительстве подземного тоннеля в русский сектор Берлина и подключении американцев к линиям радиопередач советских командующих с целью прослушивания информации.

На работе Леонард знакомится со своим американским руководителем Бобом Глассом и с тридцатилетней немкой Марией. Их встреча стала отправной точкой в трансформации Леонарда как личности.

Процесс трансформации личности главного героя можно разделить на семь этапов, на каждом из которых И. Макьюэн использует большое количество лексических единиц для наиболее полного раскрытия его психологического портрета (см. табл. 1). Проанализировав отобранный корпус лексических единиц, выражающих психологическое состояние героя на разных этапах становления его личности, можно объединить их в следующие семантические поля: 1) технические устройства и чертежи; 2) юношеская нерешительность; 3) чувственное познание; 4) обретение решительности; 5) хладнокровие и жестокость; 6) отчуждение и молчание; 7) преследование и вина; 8) память о травматическом опыте. Так, в начале романа автор показывает Леонарда как незрелого, нерешительного молодого человека. Главный герой понимает, что он не должен выдавать неуверенность в себе, особенно на работе, поэтому тренируется

говорить твердо и решительно. Семантическое поле юношеской нерешительности включает в себя лексические единицы «innocent» (в значении «невинный») (6), «decent» (2), «foolish» (10), «awkward» (3) и показывает главного героя как неопытного молодого человека. Он сравнивает свои поступки с внутренним «кодексом порядочности», а лексика отражает его нерешительность и неуверенность в себе: *He knew how he wanted to sound. Relaxed, purposeful* [McEwan, 2016, 4]. Однако, услышав резкий тон американца, он сразу же теряется на его фоне: *Leonard's manner collapsed into the English dither he had wanted to avoid in conversation with an American* [McEwan, 2016, 4], чувствует смущение и неловкость от своего первого разговора с ним: *He felt foolish. In solitude he blushed. He caught sight of himself in a wall mirror and approached helplessly* [McEwan, 2016, 4].

Таблица 1

Этапы трансформации личности главного героя романа И. Макьюэна «The Innocent»

Этап трансформации личности главного героя	Семантическое поле, характерное для этапа трансформации личности
Нерешительный молодой инженер	Технические устройства и чертежи, юношеская нерешительность
Встреча с Марией и первый опыт близости	Технические устройства и чертежи, юношеская нерешительность, чувственное познание
Полное погружение в романтические отношения	Обретение решительности
Непредумышленное убийство Отто	Обретение решительности, хладнокровие и жестокость
Шок от совершенного преступления	Отчуждение и молчание
Паранойя	Преследование и вина
Разрыв с прошлым и бегство	Память о травматическом опыте

На работе, находясь в окружении американцев, он также чувствует себя глупо, и произвести хорошее впечатление остается для него важной задачей: *Leonard started to wave, then, feeling foolish, let his hand drop and forced a smile* [McEwan, 2016, 16]. Для американцев Леонард остается невидимкой: *Glass did not introduce Leonard to any of the men, and they took no interest in his presence. He was invisible as he moved around the shaft to get a better view* [McEwan, 2016, 18]; они не относятся к нему, как к равному, наоборот, высказывают свое недовольство прямолинейно: *It's incredible. It's beyond belief. You've seen where I live. How does a fucking technical assistant at the Post Office get a place like this?* [McEwan, 2016, 23]. Однако Леонард, ввиду своего положения подчиненного и инфантильности, не может ответить на резкие высказывания: *Leonard had no ready means to respond to an insult. He had not received one in adult life* [McEwan, 2016, 23].

Встреча с Марией происходит в баре, куда Леонард пришел по приглашению Боба Гласса. Она передает ему записку, в которой изъявляет желание потанцевать с ним. В этот момент герой первый раз чувствует свое признание как мужчины: *The message was **hardly a surprise**. Now it was before him, it was **more a matter of recognition for him**, of accepting the inevitable* [McEwan, 2016, 36]. Леонард не воспринимает женщину как воплощение прекрасного, лицо Марии для него – это нечто организованное и структурированное, как схема или чертеж. К семантическому полю лексических единиц, обозначающих технические устройства и чертежи, можно отнести «circuit» (25), «spool» (2), «diagram» (6), «measurement» (1). Речь Леонарда наполнена техническими терминами, рассказчик также подробно использует их при описании событий, так как главный герой воспринимает мир через призму своей профессии. Даже Марию он пытается «прочитать» как схему. Это семантическое поле выражает незрелость и попытку подменить эмоции понятными герою техническими терминами, упорядочить их. В данном случае язык – «зона комфорта» Леонарда: *Years later, Leonard had no difficulty at all recalling Maria's face... In fact there was something **almost two-dimensional** about it... and at the other end of this **long and perfect oval** ... her face appeared as a **disk**, more of a plane than a sphere* [McEwan, 2016, 43]. В общении с Марией он также чувствует себя смущенно и глупо, так как в его жизни она – первая любовь, первая женщина: *He **blushed, fumbled**... Leonard stood **helpless**... It made him feel **foolish, immature**...* [McEwan, 2016, 52]. У него не было романтического опыта, поэтому он не знает, как нужно вести себя с женщиной: *He was telling her he was sorry he had to dash off, and expressing gratitude for the tea again, and offering his hand – a **handshake**!* [McEwan, 2016, 55].

Второй этап трансформации личности Леонарда начинается после его близости с Марией. Семантическое поле чувственного познания включает в себя большое количество лексических единиц, частотность использования которых в тексте сильно превышает лексические единицы двух упомянутых выше семантических полей. С помощью перцептивной лексики И.Р. Макьюэн создает эффект кинематографичности, обеспечивая глубокое погружение читателя в сюжет романа, его включенность и ощущение присутствия при описываемых событиях [Кучер, 2023]. К лексике этого поля можно отнести «flesh» (6), «warmth» (4), «scent» (5), «touch» (45), «murmur» (12), «taste» (13). По мере развития отношений с Марией профессиональная лексика и слова, показывающие неуверенность в себе, используются реже, так как Леонард начинает познавать себя и мир с помощью чувственного восприятия, в том числе и через близость с женщиной. Переход к использованию такой лексики в повествовании играет роль начала процесса перевоплощения личности Леонарда, который начинает жить в мире чувств, а не строго организованных схем. Он впервые начинает чувствовать себя зрелым мужчиной, что отражается в его поведении и внешности: *He examined his reflection. Here was **the new man*** [McEwan, 2016, 74]. Меняется его взгляд, он становится более серьезным: *But he fancied that **his gaze** now, even*

*in exhaustion, was **steadier*** [McEwan, 2016, 74]. Однако Леонард сам понимает, что все эти изменения – только начало его трансформации: *...Leonard was able to define himself in strictest terms as **an initiate, a truly mature adult at last**. However, the line that divided innocence from knowledge was vague, and rapturously so* [McEwan, 2016, 56].

И. Макьюэн метафорично раскрывает романтическую близость главных героев через политическую ситуацию, которая происходила в послевоенном Берлине. У Леонарда возникают ассоциации, что Мария – это олицетворение Германии, врага, над которым нужно одержать победу. Обретение решительности главного героя также выражается определенными лексическими единицами, которые можно выделить в еще одно семантическое поле. «Decision» (4), «capable» (1), «confident» (4), «action» (8) указывают на растущую уверенность в себе. Герой уже не просто является пассивным наблюдателем, а сам планирует и предпринимает действия: *...she was **the defeated, she was his by right, by conquest, by right of unimaginable violence and heroism and sacrifice*** [McEwan, 2016, 77]. Мысль о том, что Мария – завоеванный трофей, придает Леонарду силу и чувство мужественности: *He was **powerful and magnificent... He was victorious and good and strong and free*** [McEwan, 2016, 77]. Однако все эти мысли противоречат его натуре и здравому смыслу в его понимании: *They were **alien to his obliging and kindly nature, they offended his sense of what was reasonable*** [McEwan, 2016, 77]. К Леонарду приходит осознание, что он не завоеватель, а Мария не трофей. Именно Мария, а не Леонард, управляет их любовной игрой: *One only had to look at her to know **there was nothing defeated about Maria... And was she not, at least in their game, his guide?*** [McEwan, 2016, 76].

После близости героев Мария отдаляется от Леонарда, так как его чрезмерная мужественность и жестокость завоевателя заставили ее чувствовать себя жертвой, завоеванным трофеем, а не любимой женщиной. Главный герой приходит к осознанию, что его поведение в тот момент абсолютно несвойственно ему, будто это делал совершенно другой человек: *It was as if he were remembering **the actions of another man, or of himself transformed in a dream*** [McEwan, 2016, 88]. Он пытался ее вернуть: приходил к ее дому с цветами, ездил в город, где жили ее родители, но нигде не смог найти Марию.

Когда о его романтических отношениях с немкой узнал Боб Гласс, он потребовал адрес Марии, так как было необходимо проверять всех людей, связанных с членами секретной операции «Золото». Леонард понимал, что этим он мог подвергнуть Марию опасности, поэтому отказался говорить. Однако Гласс открыл ему глаза на их любовную игру, потому что он был свидетелем, как именно Мария выбрала Леонарда, а не он ее: *She's chosen you, not you her. Right?* [McEwan, 2016, 90]. Она могла стать угрозой всей операции, поэтому Леонарду пришлось назвать ее адрес.

Леонард испытывал вину за то, что заставил Марию чувствовать себя его трофеем, за то, что предал ее. Он был уверен, что она его простит, когда узнает, насколько сильно он любит ее. Леонард старался думать лишь о своих чувствах к Марии, но вина за свой поступок не давала ему покоя. Его инфантильность взяла верх над «взрослым» осознанием всей ситуации, и Леонард уснул с мыслью о том, что его просто неправильно поняли: *For the rest, the deed and its causes, the guilt, the evasion, he tried hard not to brood... and fell asleep just past midnight with tolerable ease, faintly comforted by a sense of being misunderstood* [McEwan, 2016, 94].

После долгих поисков Леонард все же обнаружил Марию дома. Их разговор не был долгим, но оказал большое влияние на героя, так как до этого момента он никогда не признавал в себе серьезных «взрослых» эмоций и тем более не мог о них говорить. Вся его эмоциональность заканчивалась на обыденном впечатлении от просмотра фильма или его предпочтений в еде. Однако, испытав на себе стыд, отчаяние, любовь, он начал говорить о своих чувствах: *In fact, until now, it was as though he had never really had any serious feelings* [McEwan, 2016, 100]. Автор сравнивает путь Леонарда к познанию своих чувств и самого себя с движением сквозь туман: *Now that he could name the fog he had been moving through, he was at last visible to himself* [McEwan, 2016, 100].

На этой стадии трансформации личности Леонарда читатель понимает, что он находится на грани между невинной глупостью инфантильного молодого человека и черствой грубостью, свойственной мужчине, прошедшему через войну: *...Leonard was not malicious or brutal, and that it was an innocent stupidity...* [McEwan, 2016, 103].

Когда Леонард осознает, что находится на периферии между юностью и «взрослой» жизнью, он начинает чувствовать, что притворяется кем-то другим или только тренируется быть «взрослым»: *He could never read a paper, especially this one, without feeling he was imitating someone else, or in training for adulthood* [McEwan, 2016, 108]. Несмотря на это, в отношениях с Марией он чувствует себя зрелым, позволяет себе быть сдержанным и в некоторой степени холодным по отношению к ней: *It was a luxury to ignore her. He felt settled, proud, truly grown up at last* [McEwan, 2016, 109]. Возникает противоречие между его ощущением себя: в обычной жизни он не понимает, как он должен себя вести; серьезность и сдержанность зрелого мужчины кажется ему чуждой, но в романтических отношениях он не может позволить себе проявить слабость и инфантильность, потому что понимает, что он – мужчина в этих отношениях.

Это противоречие показано в эпизоде, когда герой двое суток провел у себя в служебной квартире. Во время разлуки с Марией он продолжал размышлять об их отношениях и о том, как он изменился. С одной стороны, в Берлине он стал любимым и зависимым в отношениях с Марией и в то же время чувствовал себя очень повзрослевшим: *In Berlin he had grown so fond, so dependent, and at the same time had felt so grown-up* [McEwan, 2016, 116].

Однако его размышления были прерваны кошмаром о том, как он покинул Берлин, потеряв того Леонарда, которого он здесь обрел, и снова вернулся к привычной жизни, где так и остался ребенком. Этим эпизодом автор показывает, что трансформация героя сопровождается размышлениями на подсознательном уровне. Для Леонарда жизнь в Берлине – это свобода, поиск себя, неизбежный этап взросления; его привычная жизнь – это возвращение к начальной точке его трансформации. Он боится потерять черты взрослого человека, которые обрел в Берлине.

Следующая встреча с Марией стала еще одним этапом трансформации главного героя. Он находит ее дома, избитую бывшим мужем Отто, военным в отставке, которого все считали героем и закрывали глаза на его жестокость по отношению к жене. Эпизод играет важную роль, так как именно в этой части романа к Леонарду приходит понимание того, каким мужчиной он должен стать. Однако этот образ – это не идеал самого героя, а желание стать таким мужчиной, каким его хочет видеть Мария. Она раздражена внешним спокойствием Леонарда, который, на первый взгляд, не может постоять за любимую женщину: *And why are you so peaceful? Why aren't you angry?... You should be breaking the furniture. And what are you doing? Scratching your head and saying nicely we should get the police!* [McEwan, 2016, 135]. Она так сильно привыкла к грубости и жестокости своего бывшего мужа, что не может принять иного поведения мужчины. Именно в этот момент Леонард осознает, каким мужчиной он должен быть в понимании Марии. Ему казалось, что она права во всем, что говорит, но его это раздражало, так как она обвиняла его в том, что он не мужчина, а всего лишь инфантильный молодой человек, которые не может постоять за свою женщину: *It seemed to him that everything she was saying was correct. At the same time, it irritated him, what she was saying. She was accusing him of not being a man* [McEwan, 2016, 136].

Леонард больше не мог сдерживать эмоций и дал Марии то, чего она желала, – грубость и жестокость мужчины, который разочарован в себе: *«Shut up! For God's sake, shut up for one minute!»... She had wanted him to be a little angry with her; well he would be, for a bit* [McEwan, 2016, 136].

Когда Отто приходит к Марии, чтобы шантажировать ее отказом давать согласие на развод ради получения квартиры, они начинают ругаться, кричать. Леонард становится свидетелем борьбы Марии за свою свободу, и в этот момент к герою приходит осознание, что он начинает уподобляться Отто, замечает сходные с ним черты и понимает, почему они оба безразличны Марии: *The same taste exercised. He and Otto had both appealed to her, they had that in common – aspects of personality, appearance, fate, something* [McEwan, 2016, 137]. От этой мысли Леонард злится на Марию, потому что натура Отто полностью противоречит его личности, и он не хочет становиться ради нее таким же жестоким, как ее бывший муж: *Now he did feel angry with her... Yes, now he really was angry* [McEwan, 2016, 138].

Переломным моментом в трансформации личности главного героя является непредумышленное убийство Отто при самообороне. Во время драки двух мужчин Мария, увидев, что Леонард явно уступает по силе ее бывшему мужу, который мог убить главного героя, нанесла ему смертельный удар по голове. И Леонард, и Мария понимали, что они просто защищались, но полиция им бы не поверила, так как была бы на стороне Отто, героя войны. Тогда они придумали план, который заключался в том, чтобы вывезти тело в ящиках для техники, которые Леонард привез из тоннеля, и сбросить их в озеро. Однако для этого им пришлось разделить его на части.

В этот момент происходит резкое изменение в речи главного героя. Леонард использует грубую лексику, короткие слова. Семантическое поле, выражающее хладнокровие и жестокость, обозначает окончательное исчезновение «невинного» человека, включает в себя такие лексические единицы, как «crack» (3), «blood» (15), «bone» (12), «murder» (4), «kill» (9), «manslaughter» (3), «body» (21), «dismember» (3). Леонард борется со своей натурой, понимая, что в большом жестоком мире нужно стать циничнее и хладнокровнее: *«I have to stop!» he shouted, but he did not. He kept going... «Oh no!» he shouted. «Oh God!» And he was through* [McEwan, 2016, 163]. Читатель наблюдает, как рушатся представления героя о том, что такое «хорошо» и «плохо». Теперь Леонард относится к Отто не как к человеку, а как к объекту, багажу, вещи, поэтому в дальнейшем повествовании человек описывается через части тела, органы, как нечто разрозненное. Только при описании вещей герои упоминают имя Отто как символ того, что они когда-то принадлежали кому-то, кто теперь стал просто объектом: *Take his jacket off... untucked Otto's shirt* [McEwan, 2016, 167]. Весь процесс описан И. Макьюэном с хирургической точностью, и это не черта натурализма, а отражение психологической травмы и раскола личности Леонарда, так как такое жестокое обращение с телом требует подавления сострадания, жалости, ужаса от всего происходящего. Событие глубоко травмирует главного героя, разрушая его личность.

После сцены убийства трансформация Леонарда происходит не мгновенно, а разделяется на несколько стадий. Сначала он испытывает шок, происходит отчуждение от самого себя. Лексика, связанная с чувствами и действиями, сменяется словами, обозначающими эмоциональное опустошение. Лексические единицы «empty» (3), «silence» (17), «nothing» (43) можно объединить в еще одно семантическое поле, которое показывает, что невинность Леонарда не просто исчезла, она заменена на пустоту внутреннего эмоционального состояния и отчуждения. Он не мог смотреть на себя в зеркало, не мог смотреть на свои руки, которыми он совершил нечто ужасное; ему казалось, что он никогда не сможет отмыться от совершенного преступления и вернуться к прежней жизни: *The contact with clean water was a reminder of another life. No matter that he had not yet finished, he had to be clean, now* [McEwan, 2016, 169].

Затем у героя начинается паранойя, во всех взглядах людей он видит подозрение и осуждение. В момент, когда собака одной из прохожих начинает принюхиваться к ящикам, это чувство усиливается: *The woman's disapproval lingered, it was infecting the glances of other passers-by* [McEwan, 2016, 174]. В мыслях он начинает оправдывать себя, представлять, как он предстанет перед судом. Его разум мутнеет, и он не осознает, что прокручивает одно и то же снова и снова: *Every conscious minute he was explaining, refining, clarifying, barely aware that nothing was actually taking place, or that he had been through it all ten minutes before. Yes, gentlemen, I plead guilty to the charge as described, I killed, dismembered, lied and betrayed* [McEwan, 2016, 201]. Героя переполняют чувства ужаса, страха, вины, заполняя все его сознание настолько, что в нем больше не остается места для других эмоций: *And he could not bear one more emotion* [McEwan, 2016, 204].

Леонард перестает испытывать чувства к Марии: *Naturally he was not jealous, because he did not feel anything for her* [McEwan, 2016, 204]. Герой опустошен, и у него нет желания ее видеть, однако он приходит к ней, чтобы дать ей понять: он закончил начатое вместе с Марией, но намерен жить дальше без нее. Автор лишь предполагает, что Леонард уедет без нее, но герой уже принял решение, и читатель это видит: *In a few days he would be leaving Berlin, probably without her, and he was talking like this* [McEwan, 2016, 204].

Финальная сцена в аэропорту является кульминацией романа, так как она показывает полное уничтожение юношеских иллюзий Леонарда: он принимает всю жестокость реального мира, понимает, что взросление – это не обретение контроля, а лишь принятие собственного бессилия. Он больше не «невинный», и именно в этой части романа читатель понимает, что герой обрел подлинную зрелость, а не ее иллюзию, которая сохранялась на протяжении всего произведения. Леонард улетает в Англию не героем, а сломленным человеком, который понимает, что такое «взрослая» жизнь. Финал романа характеризуется лексикой, связанной с тяжелым бременем, которое вечно сопровождает главного героя. Травматический опыт – это тайна, которую нельзя никому рассказать, но и забыть ее тоже невозможно. Семантическое поле, обозначающее память, включает в себя такие лексические единицы, как «burden» (3), «secret» (4), «memory» (6), «carry» (12).

Травматический опыт остается с героем на всю жизнь, и это подтверждается эпилогом. Действия разворачиваются 30 лет спустя, в 1987. Леонард – владелец небольшой фирмы, его жизнь наполнена стабильностью. Вернувшись в Берлин, он внезапно получает письмо от Марии, в котором она пишет о том, как жила все эти годы после их расставания в аэропорту. После прочтения Леонард отправляется на место тоннеля, где проходила операция «Золото», и представляет себе, каким бы он был, если бы не уехал в Лондон. В эпилоге читатель видит, что, несмотря на теперь уже совер-

шенно другую жизнь, герой все еще вспоминает то эмоциональное потрясение, которое не дает ему покоя даже спустя 30 лет. Травматический опыт нельзя забыть, с ним можно только продолжать жить.

Таким образом, И.Р. Макьюэн использует разные языковые регистры для того, чтобы показать Леонарда как молодого человека, находящегося на грани юношества и взрослой жизни. Например, происходит столкновение технической лексики и слов эмоционального регистра в ходе развития отношений с Марией, так как главный герой хочет «прочитать» отношения, как чертеж, но терпит неудачу, что отражается в частом использовании лексики, выражающей эмоции.

Большую роль для понимания становления личности Леонарда также играет лексика семантических полей чувственного познания и жестокости. Главный герой постепенно начинает воспринимать мир как нечто телесное и материальное. Отношения с Марией – это романтизированная телесность, в то время как убийство Отто – материальный аспект, описанный Макьюэном с хирургической точностью, что подчеркивает столкновение Леонарда не с метафорой смерти, а физической, грубой реальностью мира.

В романе И.Р. Макьюэн использует множество лексических единиц для передачи внутреннего состояния героя, чтобы помочь читателю понять и почувствовать его психологическое состояние. Среди лексического разнообразия преобладают прилагательные, которые можно разделить на две большие группы: положительной и отрицательной коннотации.

Прилагательные, описывающие негативные чувства героя, преобладают. Например, «foolish», «helpless», «violent», «angry» встречаются в тексте более сотни раз. К этой группе также можно отнести «guilty» (2) и «brutal» (3). Прилагательные положительной коннотации также встречаются часто: «mature» (2), «proud» (8), «innocent» (9), но И.Р. Макьюэн использует их гораздо реже, чтобы сконцентрировать внимание читателя на сложном процессе становления личности героя и влиянии травмирующего опыта на него. Леонард строит иллюзии по поводу своего «взросления», поэтому прилагательные позитивной и негативной коннотации сменяют друг друга в ходе повествования, но последние преобладают, показывая исход внутреннего конфликта героя.

Прилагательное «innocent» встречается в тексте романа девять раз. Такое нечастое использование связано с желанием автора привлечь к нему внимание, так как название романа является его производным. И.Р. Макьюэн использует его только в начале романа и после травмирующего героя события. В первых главах «innocent» выражает юношескую невинность, неопытность Леонарда, в то время как в последних главах оно показывает невинность человека в преступлении, которое он совершил, хотя и непредумышленно.

Р.А. Файзуллина предлагает иную интерпретацию названия романа, которая связана не с понятием «вина», а с определением «насилие»: «Писа-

тель противопоставляет две ситуации насилия: Леонард невинен, когда методично расчлняет труп Отто, и виновен, когда допускает фантазии о сексуализированном насилии над Марией» [Файзуллина, 2024, С. 343].

Еще одной большой группой лексических единиц, используемых автором, являются существительные. И.Р. Макьюэн использует большое количество существительных, связанных с чувствами и эмоциями: «feeling» (11), «emotion» (6). Они служат в тексте определенным знаком, что изменения происходят не только в жизни героя (чужая страна, новая работа, первая любовь), но и в его внутреннем состоянии. Частотность этих существительных в тексте увеличивается с приближением кульминации и по мере становления личности главного героя, показывая его отношение к эмоциям под разными углами: замкнутый в себе молодой человек, который ввиду своей юности не испытывал серьезных эмоций; мужчина, который понимает себя и свои чувства; человек, который получил настолько травматический опыт, что не может испытывать ни одну эмоцию. Это также показывается глаголами «feel» и производным «feeling», которые встречаются в повествовании более пятидесяти раз.

Лексика играет большую роль в понимании состояния героя; на семи этапах становления его личности можно выделить восемь семантических полей, позволяющих наиболее полно раскрыть каждую часть (см. рис. 1). Семантические поля частично плавно перетекают из одного в другое, но в некоторых эпизодах лексика резко сменяется с одного языкового регистра на другой (убийство Отто).

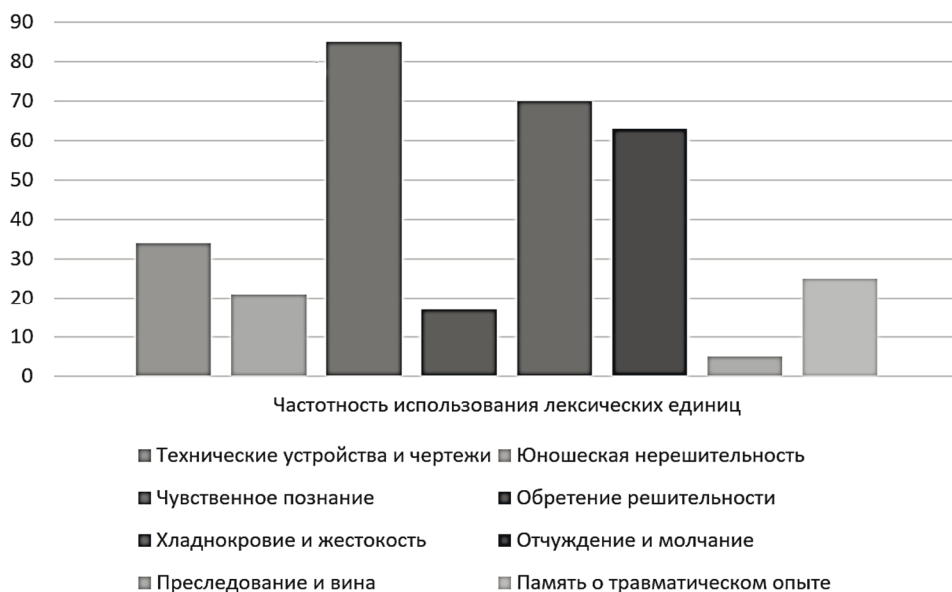

Рис. 1. Соотношение размера семантических полей, описывающих этапы трансформации героя, в романе И. Макьюэна «The Innocent»

Трансформация Леонарда Марнхэма в романе И.Р. Макьюэна «The Innocent» проходит несколько этапов, каждому из которых соответствует определенное семантическое поле. Писатель показывает нетипичную картину становления личности – это не прогресс, не движение к обретению целостности и силы, а полная деконструкция личности, обретение травмированной идентичности человека, путь от «невинного» юноши до травмированного «взрослого».

ЛИТЕРАТУРА

Жучкова А.В. Автофикшн vs. «Литература травмы» // Вестник славянских культур. 2024. № 74. С. 163–181. DOI: 10.37816/2073-9567-2024-74-163-181.

Красавченко Т.Н. Шекспировская традиция в современном британском романе: Йен Макьюэн // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 3. С. 198–215. DOI: 10.22455/2500-4247-2023-9-3-198-215.

Култышева П.А. Понятие психологизма в литературе // Advances in Science and Technology: сборник статей LX международной научно-практической конференции (Москва, 30 апреля 2024 года). М.: Актуальность.РФ, 2024. С. 364–365. EDN DMGGUC.

Кухаренко В.А. Практикум по стилистике английского языка. Seminars in Stylistics: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 184 с.

Кучер В.В. Языковые средства создания кинематографичности в репродуктивном регистре англоязычного художественного текста // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 4(64). С. 143–156. DOI: 10.35785/2072-9464-2023-64-4-143-156. EDN UEZZWT.

Ломакина И.Н. Современная англоязычная литература. Литература Великобритании: учебно-методическое пособие для обучающихся по направлению подготовки 45.03.01 Филология направленности Английский язык и литература. Симферополь: Ариал, 2025. 112 с. EDN YGXJMS.

Парилов О.В. Ф.М. Достоевский: метафизический смысл «преступления» и «наказания» // Русско-Византийский вестник. 2022. № 3(10). С. 27–35. DOI: 10.47132/2588-0276_2022_3_27.

Приказчикова О.А. Теоретико-литературные аспекты изучения жанра шпионского романа // Современные проблемы и перспективные направления инновационного развития филологической науки: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Стерлитамак, 8–9 ноября 2022 года). Стерлитамак: Уфимский университет науки и технологий, 2022. С. 155–160. EDN KOSVNV.

Розанов М.А. Иронический перспективизм И. Макьюэна // Культура и текст. 2024. № 3(58). С. 189–205. DOI: 10.37386/2305-4077-2024-3-189-205. EDN VYPYLR.

Розанов М.А. Формирование творческого перспективизма И. Макьюэна // Семиотические исследования. 2025. Т. 5, № 2. С. 70–78. DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-2-70-78. EDN CMFPFB.

Тарасов М.И. Психологизм в литературе. Формы языкового выражения // Риторика. Лингвистика. 2025. № 20. С. 119–126. EDN DHRRTJ.

Уразаев М.Д. Обзор методов анализа семантического поля // Современный ученый. 2024. № 5. С. 35–44. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-35-44. EDN XVQFST.

Файзуллина Р.А. Тема насилия в романе «Невинный» Й. Макьюэна // Иностранный язык: традиции, опыт и инновации: материалы II Международной научно-практической заочной конференции (Казань, 12 декабря 2024 года). Казань: Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, 2024. С. 342–344. EDN NQVFXX.

Хабибуллина Л.Ф. Английская литература о травме рубежа XX–XXI вв. М.: Директ-Медиа, 2025. 172 с. EDN KJWLZW.

Хабибуллина Л.Ф., Романова Н.В. Проблема травматического опыта в романе Дж. Харрис «Пять четвертинок апельсина» // Филология и культура. 2021. № 3(65). С. 153–159. DOI: 10.26907/2074-0239-2021-65-3-153-159. EDN OTURPN.

Хорева Л.Г. Дискурс травмы в литературе: к истории вопроса // Языки истории и языки литературы: коллективная монография / отв. ред. Т.А. Шарыпина, М.К. Меньщикова. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2022. С. 14–22. EDN PQWXON.

McEwan I. *The Innocent*. London: Penguin Random House UK, 2016. 227 с.

S.A. Artemenko

Assistant,

Chair of English and Translation Studies,

Smolensk State University

Smolensk, Russia

Semantic Fields as an Instrument for Analyzing the Character Image in «The Innocent» by I. McEwan

The article deals with the analysis of the process of formation and deconstruction of the personality of the main character in Ian McEwan's novel «The Innocent». The article explores the representation of traumatic experience through the evolution of the linguistic means used by the writer to reveal the character's image. The methodological basis of the study is the method of semantic and stylistic analysis of the corpus of lexical units related to the character's emotional state. The article identifies eight semantic fields that successively change each other as the plot progresses, each marks a specific stage in the formation of the character's image. The article examines how the hero's initial linguistic register, filled with technical vocabulary, turns into silence and emotional emptiness, reflecting a deep psychological trauma. The analysis of key adjectives and nouns related to the character's emotional state confirms his illusory sense of maturity, followed by facing harsh reality.

Keywords: *Ian McEwan; lexical analysis; trauma literature; character's image; personality deconstruction; semantic fields; traumatic experience; personality transformation.*

REFERENCES

Zhuchkova A.V. Autofiction vs. "Literature of Trauma" [Avtofiksion vs. "Literatura travmy"]. *Bulletin of Slavic Cultures*, 2024. No. 74. Pp. 163–181. DOI 10.37816/2073-9567-2024-74-163-181 (in Russian).

Krasavchenko T.N. The Shakespearean tradition in the modern British novel: Ian McEwan [Shekspirovskaya tradiciya v sovremennom britanskom romane: Jen Makyuen]. *Studia Litterarum*, 2024. Vol. 9. No. 3. Pp. 198–215. DOI 10.22455/2500-4247-2023-9-3-198-215 (in Russian).

Kulytsheva P.A. The Concept of Psychologism in Literature [Ponyatie psixologizma v literature] *Advances in Science and Technology: Collection of Articles LX International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 30, 2024*. Moscow: LLC ACTUALITY.RF, 2024. Pp. 364–365. EDN DMGGUC (in Russian).

Kukharensko V.A. Seminars in Stylistics: Textbook. [Praktikum po stilistike anglijskogo yazyka]. Moscow: Flinta: Nauka, 2009. 184 p (in English).

Kucher V.V. Linguistic Means of Creating Cinematographic Effects in the Reproductive Register of English-Language Fiction Texts [Yazy'kovye sredstva sozdaniya kinematografichnosti v reproduktivnom registre angloyazy'chnogo xudozhestvennogo teksta]. *Bulletin of Smolensk State University*, 2023. No. 4(64). Pp. 143–156. DOI 10.35785/2072-9464-2023-64-4-143-156. EDN UEZZWT (in Russian).

Lomakina I.N. Modern English-Language Literature. Literature of Great Britain: Educational and Methodological Guide for Students in the Field of Study 45.03.01 Philology: English Language and Literature [Sovremennaya angloyazy'chnaya literatura. Literatura Velikobritanii: uchebno-metodicheskoe posobie dlya obuchayushhixsya po napravleniyu podgotovki 45.03.01 Filologiya Napravlenosti Anglijskij yazy'k i literature]. Simferopol: LLC "Publishing House "Arial", 2025. 112 p. ISBN 978-5-908076-06-7. EDN YGXJMS (in Russian).

Parilov O.V. F.M. Dostoevsky: The Metaphysical Meaning of "Crime" and "Punishment" [F.M. Dostoevskij: metafizicheskij smysl "prestupleniya" i "nakazaniya"]. *Russian-Byzantine Bulletin*, 2022. No. 3(10). Pp. 27–35. DOI 10.47132/2588-0276_2022_3_27 (in Russian).

Prikazchikova O.A. Theoretical and Literary Aspects of Studying the Spy Novel Genre [Teoretiko-literaturnye aspekty izucheniya zhanra shpionskogo romana]. *Modern Problems and Promising Directions of Innovative Development in Philology: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Sterlitamak, November 8–9, 2022*. Sterlitamak: Ufa Univeristy of Science and Technology, 2022. Pp. 155–160. EDN KOSVNV (in Russian).

Rozanov M.A. I. McEwan's Ironical Perspectivism [Ironicheskij perspektivizm I. Mak'yue'na]. *Culture and Text*, 2024. No. 3(58). Pp. 189–205. DOI 10.37386/2305-4077-2024-3-189-205. EDN VYPYLR (in Russian).

Rozanov M.A. Formation of Creative Perspectivism by I. McEwen [Formirovanie tvorcheskogo perspektivizma I. Mak'yue'na]. *Semiotic Studies*, 2025. Vol. 5. No. 2. Pp. 70–78. DOI 10.18287/2782-2966-2025-5-2-70-78. EDN CMFPFB (in Russian).

Tarasov M.I. Psychologism in Literature. Forms of linguistic expression [Psixologizm v literature. Formy yazykovogo vyrazheniya]. *Rhetoric. Linguistics*, 2025. No. 20. Pp. 119–126. EDN DHRRTJ (in Russian).

Urazayev M. D. Review of methods for analyzing the semantic field [Obzor metodov analiza semanticheskogo polya]. *Modern Scientist*, 2024. No. 5. Pp. 35–44. DOI 10.58224/2541-8459-2024-5-35-44. EDN XVQFST (in Russian).

Fayzullina R.A. The Theme of Violence in Ian McEwan's Novel "The Innocent" [Tema nasiliya v romane Nevinnyy'j I. Mak'yue'na]. *Foreign Language: Traditions, Experience, and Innovations: Proceedings of the II International Scientific and Practical Correspondence Conference, Kazan, December 12, 2024*. Kazan: Volga State University of Physical Culture, 2024. Pp. 342–344. EDN NQVFXK (in Russian).

Habibullina L.F. English Literature on Trauma at the Turn of the 20th and 21st Centuries [Anglijskaya literatura o travme rubezha XX–XXI vv]. Moscow: Direct-Media LLC, 2025. 172 p. ISBN 978-5-4499-5193-9. EDN KJWLZW (in Russian).

Habibullina L. F., Romanova N. V. The Problem of Traumatic Experience in J. Harris "Five Quarters of an Orange" [Problema travmaticheskogo opyta v romane Dzh. Xarris Pyat' chetvertinok apel'sina]. *Philology and Culture*, 2021. No. 3(65). Pp. 153–159. DOI 10.26907/2074-0239-2021-65-3-153-159. EDN OTURPN (in Russian).

Khoreva L.G. The Discourse of Trauma in Literature: A Historical Perspective [Diskurs travmy v literature: k istorii voprosa]. *Languages of History and Languages of Literature: A Collective Monograph*. Edited by T.A. Sharypina and M.K. Menshchikova. Nizhny Novgorod: National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 2022. Pp. 14–22. EDN PQWXON (in Russian).

McEwan I. *The Innocent*. London: Penguin Random House UK, 2016. 227 p. (in English).

Р.В. Белютин

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 81'27

DOI 10.35785/2072-9464-2026-74-2-147-157

МЕТАФОРЫ БЕЛОЙ ОЛИМПИАДЫ 2026

Ключевые слова: спортивный дискурс; дискурс зимней Олимпиады; метафора; метафорическая модель; этнолингвокультура.

Статья посвящена выявлению особенностей метафорической репрезентации концептов, организующих немецкое спортивное дискурсивное пространство, именно ту его часть, которая посвящена описанию, обсуждению и оценке событий зимней Олимпиады 2026 года. Отмечается возрастающая роль спорта в обществе, его особый статус, способствующий формированию во многих этнолингвокультурах, в том числе немецкой, термина «спортизация» (*Versportung*). Указывается на многомерность метафоры, ее когнитивный, языковой, культурный и эмоциональный потенциал, позволяющий соединять разные области опыта (область-источник и область-цель), структурировать мышление, представлять явления одной концептуальной сферы в терминах другой через упрощенные, узнаваемые, во многом конвенциональные образы. Выявлены базовые метафорические модели (Спорт – это Религия, Спорт – это Борьба, Спорт – это Искусство и др.), участвующие в объективации, интерпретации и оценке фактов, событий, явлений, личностей, связанных с Олимпиадой; продемонстрированы особые проекции метафоризации – т.е. внутридискурсивный импорт концептов, обращение к прецедентным реалиям и др. Обозначены перспективы исследования, которые могут быть направлены на сопоставление метафорических парадигм в олимпийском нарративе в разных языках, анализ метафорического участка в дискурсе летних Олимпиад и др. Основными методами исследования были выбраны дискурсивный анализ, компонентный анализ, моделирование, классификация, лексикографический метод, концептуальный и фреймовый анализ, сравнительный и сопоставительный методы.

Спортивный дискурс продолжает оставаться в фокусе внимания отечественных и зарубежных исследователей, в том числе лингвистов, сразу по нескольким причинам.

Во-первых, непреходящей остается социальная значимость спорта; спорт давно считается неотъемлемой частью общественной, культурной, экономической, политической жизни многих стран. Ср.: «Элементы спорта все больше влияют на различные стили жизни и проникают во все сферы

общества. Спортивные практики являются показательным примером социокультурных форм формирования личности» [Logos, URL]. «In der kultur- und sozialwissenschaftlichen Literatur ist ... von einer "*Versportlichung*" der Gesellschaft die Rede. ... Diese Dimension kann als die Folge einer Intensivierung dieser Wechselwirkungen zwischen dem Sport und der Gesellschaft betrachtet werden» [de Grazia, 2021, URL].

Во-вторых, специалистов подкупает многоаспектность и сложность спортивного дискурса, который включает в себя различные виды коммуникации между его участниками – спортсменами, тренерами, болельщиками, спортивными функционерами, судьями, журналистами и др. Как правило, границы между субдискурсами размыты, достаточно часто приходится наблюдать их смешение, наплаивание, гибридизацию, миграцию концептов одной спортивной концептуальной зоны в другую и т.д. Спортивный дискурс выгодно отличается от некоторых дискурсивных формаций и то, что это «открытая коммуникативная площадка, которая является не только важнейшим каналом трансляции тематической информации и мощнейшим инструментом воздействия на массовую аудиторию, но и образцом ораторского искусства и эффективным средством пополнения национального языка терминами, сленгизмами, идиомами и другими лексемами» [Стефановская, 2023, 74].

В-третьих, все больший интерес ученые проявляют к изучению ментальности спортивного дискурса, его рассмотрению через призму отражения в нем глубинных ментальных структур (картины мира, ценностей, стереотипов), закрепленных в той или иной этнолингвокультуре, часто в сопоставлении с аналогичными пространствами спортивного дискурса в других языках. Ср.: «Спортивный дискурс стоит в одном ряду с понятием "национального менталитета", которое в широком смысле понимается как национальный способ восприятия действительности, подкрепленный стереотипами (определенными стандартами поведения и коммуникации)» [Дзюбенко, Грищенко, 2021, URL].

Принимая во внимание тот факт, что специфика спортивного дискурса все еще нуждается в уточнении (см., например: [Ровинская, 2024]), мы тем не менее вслед за О.С. Рогалевой придерживаемся точки зрения, что «значительное количество субдискурсов спортивного дискурсивного пространства выявляется на базе двух критериев: тематической специализации по видам спорта и канала передачи информации (печать, радио, телевидение, Интернет); такого рода субдискурсы имеют специфические содержательные, тематические, жанровые, лексико-семантические особенности, которые должны становиться и уже становятся предметом подробного изучения» [Рогалева, 2025, URL].

В данной статье объектом лингвистического изучения является *олимпийский дискурс*, который мы понимаем как совокупность речевых практик,

нарративов, коммуникативных паттернов, символических значений, которые формируются вокруг Олимпийских игр и связанных с ними – прямо или опосредованно – событий. Для рассмотрения выбраны Зимние Олимпийские игры 2026 года в Италии.

Отметим, что интерес к анализу олимпийского дискурса через лингвистические проекции, ресурсы теории коммуникаций и т.п. в последние годы значительно возрос. Наиболее привлекательными для научной рефлексии, на наш взгляд, можно считать публикацию О.Ф. Русаковой об особенностях функционирования и репрезентации дискурса политики впечатлений на Олимпиаде-2024 в Париже [Русакова, 2025], работы В.Е. Буденковой, И.О. Краевской, посвященные выявлению маркеров конструирования образов «Свой» и «Чужой» в текстах об Олимпиаде-2024, размещенных в медиапространстве российской, китайской и др. этнолингвокультур [Буденкова, Краевская, 2024; Краевская, 2025].

В данной работе мы высвечиваем пока малоразработанный в контексте олимпийского дискурса профиль, связанный с освоением его метафорического участка, на котором выявляются образы, ассоциации, аналогии, привлекаемые для представления фактов, событий, явлений, лиц, тем или иным образом вовлеченных в коммуникацию об Олимпиаде 2026 года.

Подчеркнем, что, говоря о недостаточной вовлеченности метафорического индикатора в исследование спортивного дискурса, мы имеем в виду исключительно *олимпийский* дискурс. На многих других направлениях метафоризация спортивного дискурса исследуется достаточно интенсивно и многоаспектно (см., например: [Алексеев 2022; Белютин 2022; Meier-Vieracker 2022; Стефановская 2025 и др.]).

Метафора рассматривается нами не только как языковой механизм, но и как когнитивное явление, относящееся к универсальным гносеологическим категориям, которые ««запускают» процессы понимания и структурирования опыта, помогают моделировать сложную действительность через более простые ассоциативные связи. Таким образом, метафоре отводится существенная каталитическая роль в формировании концептуальной и далее – языковой картины мира. «Сливаясь с концептуальной системой отражения мира, метафора определенным образом структурирует действительность, “навязывая” говорящим на данном языке особый, специфичный взгляд на мир, как правило, в соответствии с национально-культурными традициями социума» [Белютин, 2005, 11].

Материалом для исследования послужили публикации об Олимпиаде 2026 года, размещенные в популярных немецких электронных и печатных изданиях. Помимо этого, были конвертированы в тексты и проанализированы немецкоязычные подкасты (общая длительность звучания – более десяти часов), посвященные этому спортивному событию.

Метафоры, относящиеся к одной тематической области, были объединены в крупные блоки – метафорические модели. Метафорическое моделирование, по нашему мнению, есть не что иное, как реализация функции метафоры обеспечивать доступ к осмыслению конвенциональных проекций систематизации опыта и профилированию взаимосвязей между имеющимися в человеческой когнитивности концептами, фреймами, сценариями и другими ментальными образованиями.

Обратимся к примерам, демонстрирующим потенциал разных источников областей в метафорическом представлении нарратива Белой Олимпиады.

Религия

*zwei Kuhglocken und »Odi«-Rufe begleiten die Fahrt des Weltcupführenden Marco Odermatt. Die Schweizer Fanmehrheit in Bormio hofft auf **Erlösung** ihres Lieblings nach bisher schwierigen Spielen* (1).

*Ilia Malinin (21), der **Vierfach-Gott**, wie er genannt wird, hat die Nerven verloren. In der Eiskunstlauf-Entscheidung bei den Olympischen Spielen in Mailand läuft er wohl eine der schlechtesten Küren seiner Karriere. Ein absolutes Drama!* (2).

*Eiskunstlauf-**Ikone** Katarina Witt (60) in der ARD: «Dass er so auseinanderfällt, habe ich nicht erwartet»* (3).

*Die **Göttin** der Skijagd, falls es sie gibt, hatte Team Deutschland an diesem Tag übersehen* (4).

Театр

*In der Vorrunde muss Deutschland außerdem noch gegen Frankreich (Montag) und Italien (Dienstag) ran. Die Spielerinnen wollen die olympische **Bühne** vor allem dafür nutzen, mehr Aufmerksamkeit zu bekommen* (5).

*Raimund im ARD-Interview: «Ich habe noch keinen einzigen Weltcup gewonnen, aber jetzt auf der ganz großen **Bühne**, das ist unglaublich»* (6).

*Das Preuß-**Drama** bei diesen Olympischen Spielen ist eines **in mehreren Akten*** (7).

Война, борьба

*Weltmeisterin Preuß und Voigt wird es mit ihrem Rückstand voraussichtlich alles andere als leicht haben, in der Verfolgung am Sonntag die Podestplätze **anzugreifen*** (7).

*Aber jetzt **greift** nochmal die Französin Michelin **an**, die plötzlich auf Platz 2 liegt! Das wird nochmal spannend* (8).

Экономика

*Alex Vinatzer aus Italien sucht nun nach der besten Linie. Doch auch er bekommt ein dickes Brett: 2,39 Rückstand stehen am Ende auf der Uhr. Eine große **Hypothek** für Durchgang* (9).

*Es wäre ein Rennen für die Ewigkeit, hätte es zuvor ein, zwei Nachlader weniger gegeben. So aber ist die **Hypothek** zu hoch* (10).

Кулинария

*Der Sieg war für sie die ideale Retourkutsche. Als man sie fragte, ob der Triumph deshalb besonders gut **schmecke**, kam von ihr nur: Karma, ja, genau! (11).*

*Hennig Dotzler meinte: Ich habe schnell gemerkt, dass ich nicht meinen **Sahnetag** erwischte hatte. Und wir waren materialtechnisch im Klassischen auch nicht 100 Prozent dabei (12).*

Метеорология

*Biathlon, Eiskanal: **Regnet es** heute deutsche Medaillen? (13).*

*Sein Vorsprung **schmilzt** (14).*

Фауна

*Unser Biathlon-**Küken** ist aktuell hinter Franziska Preuß und Vanessa Voigt die drittbeste deutsche Athletin im Weltcup (15).*

*Ich habe hier kein Konzept gefunden. Das **wurmt** mich schon brutal (16).*

Путь, дорога, путешествие

*Es schwingt Enttäuschung mit. Jedes Rennen Rekordweltmeister Francesco Friedrich **peilt** sein drittes Gold-Double in Serie **an** (17).*

*Preuß bekam sogleich zwei Minuten Strafzeit auf ihre Gesamtzeit addiert und hatte so keine seriösen Chancen mehr, das olympische **Treppchen** zu **erklimmen** (18).*

*Der Vorteil bleibt mit 7:5 aber bei den Schweizerinnen, die im letzten End zudem den Hammer haben. Für Tobias Wendl und Tobias Arlt wurde die Teamstaffel zu einer Triumph**fahrt** in die Geschichtsbücher (19).*

*Dominik Kahun schickte mit einem wunderbaren Pass Lukas Reichel **auf die Reise**, und der NHL-Stürmer aus Vancouver ließ Arturs Silovs im lettischen Tor keine Abwehrmöglichkeit (20).*

Предметы

*Vor vier Jahren erreichte das deutsche Team Platz zwei im Medaillens**piegel** (21).*

*Kalinin wurde heftigst vom **Thron** gestoßen (22).*

Материал, вещество

*Am Ende wird es wieder einmal die **Holz**medaille für das deutsche Team (23).*

*Zwei Jahre lang war Ilia Malinin ungeschlagen, er beherrscht als einziger Eiskunstläufer den schwierigsten Sprung der Welt. Doch in Mailand zerbricht seine Kür wie **Glas**. «Ich habe es verbockt», sagt er – und versucht, eine Erklärung zu (24).*

*«Da spielt uns eben die Psyche manchmal auch einen Streich und macht das unmöglich, dass man eben sein Bestes zeigen kann, weil man aus dem Aktivitätslevel rausfällt, welches man braucht, um optimal zu performen. Man ist dann nämlich zu nervös, zu aufgeregt, zu gestresst», erklärte Sulprizio. Ryuichi Kihara heulte und hörte gar nicht mehr auf. Aus seinem Gesicht flossen Tränen-Sturzbä**che** des Glücks und der Erleichterung (25).*

Техника

Ihre Karriere wollen sie unbedingt in ihrer Heimat am Königssee beenden, um Familien und Freunden etwas zurückzugeben. Der Bahn-Neuaufbau sollte zur WM 2028 abgeschlossen sein, steht aber auf der Kippe. «Das ist unser Ziel. Und wir wollen zum Abschluss in diesem Winter noch die große Kristallkugel im Gesamt-Weltcup holen», sagte Arlt. Nach sieben von neun Stationen führt der Bayern-Express souverän» (26).

Интересны случаи так называемого внутридискурсивного импорта концептов, когда спортивные концепты одной тематической сферы (например, «Шахматы», «Бокс» и др.) используются для репрезентации событий, явлений, связанных с другой спортивной областью.

Так, например, в контекстах (27), (28) шахматная метафорика задействуется при описании хоккейных и биатлонных баталий Белой Олимпиады 2026 года.

Im Duell mit den Asiatinnen steht das DEB-Team bereits unter Zugzwang, wenn es mit den ersten drei Rängen und der damit verbundenen Viertelfinalqualifikation etwas werden soll (27).

In der Staffel war sie extra an Position zwei aufgeboden worden, um sie nicht der Druck-Situation der Schlussläuferin auszusetzen. Ein Schachzug, der nicht aufging. Im Massenstart am 21. Februar hat Preuß die letzte Chance auf eine Medaille (28).

Не менее эффективна в создании образов метафора бокса, ср.:

Die Athletin vom RC Ilmenau weiter: Wenn wir an letzten Winter denken, wie wir gekämpft haben, um uns gegen die starken Teams durchzuboxen (29).

Dänemark konnte erst im letzten Gruppenspiel gegen Lettland gewinnen, nahm daraus aber wichtiges Selbstvertrauen für die K.-o.-Phase mit (30).

Обращает на себя внимание еще одна особенность – использование антропоморфной метафоры не для представления в терминах человека какой-либо иной области, а для нетривиального описания действий, поступков спортсменов-олимпийцев. Примечательно, что наиболее часто подобный перенос осуществляется через концептуализацию семейных отношений, ср.:

Raimund im ARD-Interview: Ich habe noch keinen einzigen Weltcup gewonnen, aber jetzt auf der ganz großen Bühne, das ist unglaublich. Den Endboss habe ich besiegt, so viel ist sicher. Das Date (mit der Medaille) nehme ich gerne. Da gehe ich gerne fremd für (lacht) (31).

Es ist wie eine Ehe, die letzten Jahre haben uns zusammengeschweißt, in guten wie in schlechten Zeiten, und das verbindet uns jetzt für immer – sagte Coletta Rydzek in einem Interview (32).

Отдельного рассмотрения, на наш взгляд, заслуживают метафоры, в которые инкорпорированы прецедентные реалии, являющиеся интегративной частью (немецкой) национальной картины мира.

В примере (33) мы имеем дело практически с двойной аллюзией – референцией к знаменитой поэме Г. Гейне «Германия. Зимняя сказка» и так полубившейся немцам после домашнего чемпионата мира по футболу в 2006 году метафоре «Deutschland. Ein Sommermärchen», в которой немцы выразили гордость за успешно проведенное масштабное мероприятие и достойное выступление своей национальной сборной. По мнению немецких СМИ, Олимпиада в Италии не смогла повторить успех организаторов Мундиаля 2006.

Die Italiener erleben gerade keinen kollektiven Rausch, kein Wintermärchen. Stattdessen zeigt sich: Auch solch ein Sportereignis kann die Teilung zwischen Nord und Süd nicht überbrücken (33).

В другом примере (34) наблюдается отсылка к знаменитому «баварскому экспрессу», что, как мы полагаем, вполне резонно: во-первых, оба спортсмена-саночника являются выходцами из Баварии, во-вторых, их «двойка» разогнала на соревнованиях такую скорость, которая помогла Вендлу и Арльту завоевать олимпийские медали.

Für den «Bayern-Express» Wendl/Arlt war das Rennen auch die Jagd nach dem ewigen deutschen Olympia-Rekord. Beide standen zuvor bei sechsmal Olympia» (34).

Для создания ярких метафор с этноспецифической маркированностью могут привлекаться константы других культур, ср.:

Frust über ein Rennen, das sie nahezu perfekt gestaltet hatte, bis auf wenige Sekunden bei diesem verflixten letzten Schießen. «Es hat gar nicht mehr gestimmt vom Timing zwischen Abzug und Zielen», sagte Preuß danach in der ARD: «Es war so ein klassisches Harakirischießen und gar nicht mehr im Rhythmus» (35).

Попутно заметим, что аналогичный вектор просматривается в отечественном медийном дискурсе, через который освещались события Белой Олимпиады – 2026, ср.:

Наташа Ростова от фигурного катания. Путь Аделии Петросян к Олимпиаде (36).

Итак, проведенное исследование выявило высокую частотность и коммуникативную плотность метафор, используемых в олимпийском дискурсе для репрезентации и оценки спортивных и околоспортивных реалий. Данный факт свидетельствует о том, что метафора продолжает оставаться одним из ведущих механизмов объективации действительности и структурирования картины мира человека.

Метафоризация олимпийского нарратива происходит практически на всех его участках: в метафорических проекциях представлены такие значимые концептуальные зоны дискурса, как «Подготовка к соревнованиям», «Соперничество», «Результат», «Эмоциональное состояние спортсмена», «Взаимоотношения с другими спортсменами», «Планы на будущее» и др.

В качестве сферы-источника – поставщика концептуальных и языковых ресурсов для создания образности – выступают самые разные тематические области: «флора», «фауна», «религия», «техника», «природа», «искусство» и мн. др. Выявлена также способность спортивного дискурса обеспечивать себя метафорическим контентом за счет собственных возможностей – через внутридискурсивное заимствование и обмен.

Помимо того, что все обнаруженные метафоры выражают определенную аксиологическую модальность, некоторые из них «привязаны» к национальной картине мира и участвуют таким образом в формировании и организации того, что принято называть ментальностью дискурса.

Перспективным представляется дальнейшее изучение феномена метафоры в рамках спортивного дискурса, в частности с привлечением материала с профилем других крупных международных соревнований (например, чемпионаты мира, Европы, летние Олимпийские игры и др.). Интересные результаты можно получить в ходе сопоставительного анализа олимпийского дискурса в разных языках, например в немецком и русском. Это позволит сделать определенные выводы о степени универсальности метафорического мышления и этнолингвокультурной специфике создания переносных смыслов для решения тех или иных коммуникативных задач.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А.Б. Дискурс смешанных единоборств в аспекте его развлекательности и метафоричности // Вестник НГУ Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 4. С. 146–159. DOI: 10.25205/18187935-2022-20-4-146-159.

Белютин Р.В. Метафорическая репрезентация абстрактных концептов «Gedanke» и «Wort»: когнитивный аспект: на материале немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2005. 21 с.

Белютин Р.В. О, Спорт. Ты – метафора. К вопросу о спортизации языков и культур // Известия Смоленского государственного университета. 2022. № 2(58). С. 73–82.

Буденкова В.Е., Краевская И.О. Конструирование образов «Свой» – «Чужой» в постах об Олимпиаде-2024 в китайских соцсетях // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2024. № 55. С. 23–34.

Дзюбенко А.И., Грищенко А.В. Лексико-семантические особенности британского и американского спортивного дискурса // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10, № 2(35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksiko-semanticheskie-osobennosti-britanskogo-i-amerikanskogo-sportivnogo-diskursa> (дата обращения: 14.03.2026).

Краевская И.О. «Свой» среди «других»: финал женского одиночного разряда по теннису Олимпиады-2024 в комментариях российских пользователей соцсетей // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2025. № 59. С. 65–77. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=84472168> (дата обращения: 17.03.2026).

Рогалева О.С. Спортивный дискурс на «Ютьюб»: структура и специфика контента // Неофилология. 2025. № 11(1). С. 148–159. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sportivnyy-diskurs-na-yutub-struktura-i-spetsifika-kontenta> (дата обращения: 08.03.2026).

Ровинская Ю.В. Русский спортивный дискурс: к уточнению специфики // Актуальные проблемы языкознания: материалы Тринадцатой межвузовской научно-практической конференции с международным участием (г. Санкт-Петербург, 17–18 апреля 2024 года). СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2024. С. 112–117.

Русакова О.Ф. Структурный дискурс-анализ политики впечатлений на примере церемонии открытия Олимпиады-2024 // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22, № 1. С. 104–119.

Стефановская Е.И. Современный спортивный дискурс: структурный и функционально-прагматический аспекты // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. 2023. Т. 13, № 1. С. 68–76.

Стефановская Е.И. Функционирование спортивной коммуникации через призму тенденции метафоризации // Перевод как профессия, наука, творчество: сборник трудов II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М., 2025. С. 155–162.

De Grazia, O. Der Sport «mit anderen Augen». Kritik eines modernen Leitbildes nach der Ausdruckstheorie Helmuth Plessners. URL: <https://edoc.hu-berlin.de/server/api/core/bitstreams/3e034207-7d71-4143-b775-2d35a048b072/content>

Logos. Социология спорта. Телесные практики субъективации и самоинсценировки / пер. с нем. В. Калиниченко. URL: <https://magazines.gorky.media/logos/2006/3/socziologiya-sporta-telesnye-praktiki-subektivaczii-i-samoinscenirovki.html> (дата обращения: 12.03.2026).

Meier-Vieracker S. Fußballwortschatz digital – Korpuslinguistische Ressourcen für den Sprachunterricht // Zeitschrift Korpora Deutsch als Fremdsprache. 2022. Jahrgang 2, Nummer 1. URL: <file:///C:/Users/%D1%80%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%8E%D0%BB%D1%8F/Downloads/kordaf-3485-meier-vieracker.pdf>.

ИСТОЧНИКИ

<https://www.dosb.de/>.

<https://www.sportschau.de/olympia>.

<https://sport.sky.de/olympia/artikel/olympia-2026-zeitplan-uebertragung-tickets-und-co/13322647/35800>.

<https://www.kicker.de/>.

R.V. Belyutin

*PhD in Philology, Doctor, Associate Professor,
Head of the Chair of the German Language,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

Metaphors of the White Olympics 2026

This article is dedicated to identifying the features of metaphorical representation of concepts that organize the German sports discursive space, specifically the part, which is connected with the description, discussion, and evaluation of the events of the 2026 Winter Olympics. The article highlights the growing role of sport in the society and its special status contributing to the emergence of the term «sportization» (Versportung) in many ethnic and linguistic cultures, including the German one. The multidimensional nature of metaphor is emphasized, along with its cognitive, linguistic, cultural, and emotional potential, which allows to connect different areas of experience (source domain and target domain), structure our thinking, and represent phenomena of one conceptual sphere in terms of another through simplified, recognizable, and largely conventional images. Basic metaphorical models (Sport is Religion, Sport is Struggle, Sport is Art, etc.) involved in the objectification, interpretation, and evaluation of facts, events, phenomena, and personalities related to the Olympics are identified. Special projections of metaphorization are demonstrated,

i.e., intra-discursive import of concepts, reference to precedent phenomena, etc. the article also outlines prospects for further research, which may be directed at comparing metaphorical paradigms in Olympic narratives across different languages, analyzing the metaphorical component in the discourse of Summer Olympics, and so on. The main research methods selected were discourse analysis, component analysis, modeling, classification, lexicographic method, conceptual and frame analysis, and comparative and contrastive methods.

Keywords: *sports discourse; Winter Olympics discourse; metaphor; metaphoric model; ethnic and linguistic culture.*

REFERENCES

Alexeyev A.B. Mixed Martial Arts Discourse from the Perspective of its Entertaining Nature and Figurativeness [Diskurs smeshannyh edinoborstv v aspekte ego razvlekatel'nosti i metaforichnosti]. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022. No. 4. Pp. 146–159 (in Russian).

Belyutin R.V. Metaphorical representation of abstract concepts «Gedanke» and «Wort»: cognitive aspect: based on the German language [Metaforicheskaya reprezentatsiya abstraktnykh kontseptov «Gedanke» i «Wort»: kognitivnyy aspekt: na materiale nemetskogo yazyka]. *Abstract of the dissertation ... Candidate of Philology*. Smolensk, 2005. 21 p. (in Russian)

Belyutin R.V. Oh, Sport! You are a Metaphor! On Sportization of Languages and Cultures [O, Sport. Ty – metafora. K voprosu o sportizatsii yazykov i kul'tur]. *Bulletin of Smolensk State University*, 2022. No. 2. Pp. 73–82 (in Russian).

Budenkova V.E., Kraevskaia I.O. Constructing images of “own/alien” in posts about the 2024 Olympics in Chinese social networks [Konstruirovaniye obrazov «Svoj»–«CHuzhoj» v postah ob Olimpiade-2024 v kitajskih socsetyah]. *Bulletin of Tomsk State University. Series of Cultural Studies and Art History*. 2024. 55. Pp. 23–34 (in Russian).

Dzyubenko A.I. Lexical and semantic specifics of British and American sports discourse [Leksiko-semanticheskie osobennosti britanskogo i amerikanskogo sportivnogo diskursa]. *Baltic humanitarian journal*, 2021. Vol. 10. No. 2(35). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksiko-semanticheskie-osobennosti-britanskogo-i-amerikanskogo-sportivnogo-diskursa> (accessed on March 14, 2026) (in Russian).

Kraevskaia I.O. “Ours” among “Others”: the women's singles tennis final at the 2024 Olympics in the comments of Russian social media users [«Svoj» sredi «drugih»: final zhenskogo odnochnogo razryada po tennisu Olimpiady–2024 v kommentariyah rossijskih pol'zovatelej socsetej]. *Bulletin of Tomsk State University. Series of Cultural Studies and Art History*. 2025. No. 59. Pp. 65–77. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=84472168> (accessed on March 17, 2026) (in Russian).

Rogaleva O.S. Sports discourse on “YouTube”: structure and specificity of content [Sportivnyj diskurs na «YUt'yub»: struktura i specifika kontenta]. *Neophilology*, 2025. 11(1). Pp. 148–159. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sportivnyy-diskurs-na-yutyub-struktura-i-spetsifika-kontenta> (accessed on March 08, 2026) (in Russian).

Rovinskaya J.V. Russian sports discourse: refining its specific features [Russkij sportivnyj diskurs: k utocnениyu specifik]. *Proceedings of the Thirteenth Interuniversity Scientific and Practical Conference "Actual Problems of Linguistics", Saint-Petersburg, April 17-18, 2024*. Saint-Petersburg, 2024. Pp. 112–117 (in Russian).

Rusakova O. F. Structural Discourse Analysis of Impression Management: A Case Study of the 2024 Olympic Opening Ceremony [Diskurs politiki vpechatlenij Olimpiada 2024 v Parizhe. Strukturnyj diskurs-analiz politiki vpechatlenij na primere ceremonii otkrytiya Olimpiady-2024]. *Discourse-P*, 2025. Vol. 22. No. 1. Pp. 104–119 (in Russian).

Stefanovskaya E.I. Modern sports discourse: its structural, functional and pragmatic aspects [Sovremennyy sportivnyj diskurs: strukturnyj i funkcional'no-pragmaticheskij aspekty]. *Bulletin of the Yanka Kupala State University of Grodno*. Vol. 13. No. 1. 2023. Pp. 68–76 (in Russian).

Stefanovskaya E.I. Unctioning of sports communication in terms of metaphorization [Funkcionirovanie sportivnoj kommunikacii cherez prizmu tendencii metaforizacii]. Translation as vocation, science, creative work: collection of works of the II All-Russian scientific and practical conference with international participation, Moscow. 2025. Pp. 155–162 (in Russian).

De Grazia O. Der Sport «mit anderen Augen». Kritik eines modernen Leitbildes nach der Ausdruckstheorie Helmuth Plessners Available at: <https://edoc.hu-berlin.de/server/api/core/bitstreams/3e034207-7d71-4143-b775-2d35a048b072/content> (in German).

Logos. Sociology of sport. Bodily practices for objectification and self-dramatization [Sociologiya sporta. Telesnye praktiki sub"ektivacii i samoinscenirovki]. Translated from German by V. Kalinichenko. Available at: <https://magazines.gorky.media/logos/2006/3/socziologiya-sporta-telesnye-praktiki-subektivaczii-i-samoinscenirovki.html> (accessed on March 12, 2026) (in Russian).

Meier-Vieracker, S. Fußballwortschatz digital – Korpuslinguistische Ressourcen für den Sprachunterricht // *Zeitschrift Korpora Deutsch als Fremdsprache*, 2022. Jahrgang 2, Nummer 1. Available at: <file:///C:/Users/%D1%80%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%8E%D0%BB%D1%8F/Downloads/kordaf-3485-meier-vieracker.pdf> (in German).

Ю.О. Замятина

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

УДК 93/94

DOI 10.35785/2072-9464-2026-74-2-158-171

ПРОСТРАНСТВО ДОМА: ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ И СЕМЕЙНЫЙ УКЛАД СТОЛИЧНОЙ ДВОРЯНСКОЙ СЕМЬИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

(по материалам личных дневников семьи А.В. Половцова)

Ключевые слова: дворянство; дворяне; дворянская семья; повседневность; история повседневности; история детства; социальная история; модернизация; дневники; детские дневники.

Статья посвящена исследованию повседневных практик в дворянской семье конца XIX – начала XX века через призму организации домашнего пространства. Особое внимание уделено восприятию понятия «дом», семейному времяпрепровождению, церемониалам, трапезе и досугу петербургской семьи. Повседневные практики структурировали частную жизнь, определяли границы между публичным и интимным, а также конструировали внутрисемейную иерархию. На основе анализа корпуса документов личного происхождения, таких как личные дневники и частная переписка, хранящихся в Российском государственном историческом архиве и Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, были реконструированы некоторые аспекты повседневности: распределение обязанностей между членами семьи, распорядок дня, организация приемов, праздников и семейного досуга, практики воспитания детей. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что взаимодействие членов семьи А.В. Половцова происходило в условиях демократизации семейных отношений и расширения сферы досуга в рамках модернизации российского общества на рубеже веков. Дом Половцовых представлял собой сложный социальный микрокосм, где переплетались публичные светские функции высокопоставленного чиновника и приватная жизнь семьи.

Среди гуманитарных исследований наблюдается заметный рост публикаций, характеризующихся расширением междисциплинарных границ. В фокус исследовательского интереса попадают феномены, прежде воспринимавшиеся как незначительный контекст человеческой жизни. Аспекты

повседневности находят отражение в пространстве дома с присущими ему атрибутами обыденности и обособленностью от публичной сферы [Семенникова, 2011; Беловинский, 2007], что открывает новые перспективы для комплексного анализа. В контексте междисциплинарных подходов дом и сопряженные с ним повседневные практики превращаются в значимый объект научного изучения, а исследование рутинных действий и взаимодействий позволяет рассматривать их как индикатор изменений в период ускорившейся модернизации общества. Со второй половины XIX века самооценność семейных отношений признана [История частной жизни, 2019]. Помимо этого, пространство дома приближает к пониманию формирующихся в обществе социальных моделей поведения и механизмов конструирования идентичности. Данный ракурс анализа предоставляет возможность преодолеть разрыв между макротеоретическими построениями и микроуровнем индивидуального опыта и позволяет выявить, как глобальные социальные трансформации преломлялись в частной жизни. Цель данной статьи – комплексная реконструкция и анализ повседневных семейных практик, опосредованных пространством дома, на примере семьи А.В. Половцова в 1890–1900-е годы.

Исследование охватывает грани повседневной жизни семьи Анатолия Викторовича Половцова (1849–1905), человека разносторонних интересов: историка, литературного критика, археолога, публициста. Анатолий Викторович Половцов с 1883 года нес службу в кабинете его императорского величества. Супруга, Екатерина Николаевна (1860–1933), занималась благотворительной, переводческой и литературной деятельностью. В семье было двое детей: Ксения Анатольевна (1886–1949) и Кирилл Анатольевич (1889–1973). Детские дневники Ксении и Кирилла, как и другие мемуарные записи, представляют собой источник исключительной ценности для исторической науки, культурологии, социологии и др. Через призму жизни одной, хотя и весьма репрезентативной, семьи можно изучать ключевые процессы эпохи: демократизацию семейных отношений, расширение форм досуга, поиск новых форм социальной активности, трансформацию семейных моделей. В тексте сохранена специфика детских записей, обозначение «//» показывает разделение на абзацы в оригиналах текста.

Повседневные практики можно представить в качестве пространства. Согласно теоретической модели пространства Мишеля де Серто, пространство является физическим миром, где действия воспринимаются как речь. Общество проходит стадии осмысления и присвоения места посредством противопоставления и сопоставления понятий «здесь» – «там» [Де Серто, 2013, 197]. Пространство рассматривается как понятие, зависящее от множества различных факторов и зафиксировавшееся как акт в настоящем (или в прошедшем) времени, который изменяется в ходе транс-

формаций, вызванных сменой контекстов. В противоположность месту пространство не обладает однозначностью и стабильностью «истинного» [Де Серто, 2013, 193–194]. Его можно представить в качестве измерения, среза повседневных практик, а также как плоскость, имеющую границы, координаты, временные параметры.

Пространство дома определяет не столько территориальное физическое пространство, огражденное от улицы и чужих глаз, сколько взаимоотношения между членами семьи, потребность в защите и взаимопонимании со стороны близких людей, церемониалы, домашние традиции и т.д. О.Ю. Малинова-Тзиафета отмечала, что со второй половины XIX века в городах ускорился ритм жизни, особенно в столице Российской империи, Санкт-Петербурге. Это вызывало постоянное беспокойство, «зудящее напряжение» у населения, что стало одной из причин распространения неврозов [Малинова-Тзиафета, 2013, 164–168]. Французский историк Анна Мартен-Фюжье подчеркивала, что «с ходом XIX в. уверенность в ценности и незаменимости семьи растет. Только она может дать счастье. Дети становятся главными действующими лицами» [История частной жизни, 2019, 220]. Значимость дома возросла, обозначилась большая необходимость в проявлении рекреационной и защитной функций семьи.

Понятие «дом» многогранно, оно охватывает частную сторону жизни семьи, формы совместного взаимодействия, такие как семейные вечера, игры, совместное чтение, трапеза. Пространственный порядок организуется как набор возможностей и запретов, которые существуют благодаря этому пространству. В семье Половцовых между родителями и детьми были выстроены близкие взаимоотношения, они проводили большое количество времени вместе, много общались, делились впечатлениями и мнениями. Присутствие родителей в жизни детей со второй половины XIX века не было эпизодическим и не ограничивалось учебными занятиями: родители интересовались их мнением, прислушивались к просьбам, не были равнодушными к проблемам детей, что выразилось в тенденции демократизации семейных отношений. Это подтверждается записью в дневнике, когда Екатерина Николаевна должна была поехать в театр, но «осталась для нас (для детей. – Ю. З.), и послала билеты Струковым, но те не могли так, что мама и Адель уехали в театр, а я была так уверена, что мама никуда не уедет, что заплакала» [РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 2038, 65–65 об.]. В моменты, когда Екатерина Николаевна отлучалась от семьи, уезжала за границу, дети ей писали: «Милая мамочка мы очень соскучились приезжай, пожалуйста, поскорей» [ОР РНБ, ф. 601, оп. 1, д. 1720, 48].

Родители все больше уделяли свое свободное время взаимодействию с детьми, предпочитая его иному досугу. А.В. Белова подчеркивает, что в конце XIX века сменился тип отцовства (с отчужденного до внимательного), таким образом, проявляется как осознанное материнство, так и отцов-

ство [Белова, 2014, 150–152]. Часто в дневниках встречаются нежные и трепетные записи Анатолия Викторовича: «Я поспал $\frac{3}{4}$ часа. Разбудили меня детки причем Кир. взял за нос, а Кс. поцеловала руки» [ОР РНБ, ф. 601, оп. 1, д. 66, 82 об.]. Семья Половцовых является примером прогрессивного родительства и демократической семьи, в которой ответственность за воспитание и обучение детей возложена на обоих родителей, ведь воспитательный процесс начинался в семье, затем уже в обществе. В обществе, в особенности в столице, происходила демократизация семейных отношений, отступали от авторитарной модели [Веремченко, Жукова, 2020, 28]. Ксения и Кирилл обращались к родителям на «ты», ласково называя «папочка», «папуся», «мамочка», «мамуся», «мулинька», Анатолий Викторович называл Екатерину Николаевну – Катя, «любимая женушка», «кукс», она его – Толя, «букс». Анатолий Викторович в разлуке писал жене: «Пересчитываю по пальцам, что Буксу осталось коротать еще 12 ночек без Кукса» [ОР РНБ, ф. 601, оп. 1, д. 197, 184]. Родители также ласково обращались к детям (к дочери – Ксеничка, к сыну – Киря, Кирюша) [ОР РНБ, ф. 601, оп. 1, д. 1720, 123; ОР РНБ, ф. 601, оп. 1, д. 65, 18]. Взаимодействие в семье между родителями и детьми уже не носило эпизодического характера.

Детям разрешалось играть во всем доме. В дневниках многократно упомянуто понятие «возня», которое обозначает резвые подвижные игры, в которых участвовали и взрослые (упоминаются не только родители, но и няня, и родственники, и близкие друзья семьи). Ксения записывает: «Дома вечером мы ужасно возились, бегали и бесились с мамой так, что даже пастор испугался», «возилась с ним (братом. – Ю. З.) ужасно на диване в кабинете. Я лежала на диване, а Кирилл старался меня свалить оттуда», «перед обедом я глядела, как мама ездила на велосипеде, папа держал. Бедному папочке приходилось все время бегать, и он очень устал, а мама совсем не устала. Но мама решила его не просить ее больше держать потому, что это папе вредно» [РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 2042, 240 об.; 67; РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 2041, 221 об. – 222]. В игровом пространстве появляется множество возможностей использования физического пространства, социального опыта, собственной фантазии, что позволяет реконструировать важнейшие аспекты игровой деятельности. Также пространство предполагает способы перехода в нечто иное (*manières de passer à l'autre*) [Де Серто, 2013, 190–195]. Необходимо подчеркнуть, что игры предстают как социальная реконструкция внешнего мира, преобразованного в ирреальном измерении. Содержание игр («кавалеры и дамы», «король и слуги», игра «в пароходы», «в казарму», «в карету», «в лавку», «в пограничную стражу», «в извозчики», «в секретари») воспроизводит реалии и действительность XIX века, но в игровом процессе преобладают интерпретационные воззрения участников игры.

Игровая деятельность также имеет «фоновый характер», расшифровывает семейное взаимодействие. Л. Витгенштейн определял фоновый ха-

рактен как структуру, придающую осмысленную определенность изучаемому объекту [Волков, Хархордин, 2008, 18]. «Задний план» (background) виден во взаимовлиянии действий (деятельностный контекст) [Волков, Хархордин, 2008, 18–21]. При этом сам фон не является первостепенным предметом – он размыт, составляя матрицу действий и предметов, исследователь замечает его с помощью остранения [Волков, Хархордин, 2008, 43], фон игровых практик не является скрытым (он сокрыт, но видим), на первый план выступают непосредственно действующие фигуры, фон также выполняет означенную функцию. Игры стали зеркалом жизненных процессов, действий и ритуалов, которые они вбирают в себя из окружающей среды, бесед, разговоров. В особенности дети воспроизводили действия, копируя реакцию, поведение, манеры, жесты взрослых и таким образом закрепляли норму поведения, которая была характерна для дворянской среды.

Помимо подвижных игр, таких как пятнашки, догонялки, жмурки, в семье разыгрывали военные парады, включая в игру миниатюрных игрушечных солдатиков [РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 2038, 38 об.]. Анатолий Викторович помогал строить детям шалаш, где последние представляли себя военными, на которых возложено выполнение служебных поручений [РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 2037, 136]. Окружение, в частности родители, зачастую неосознанно поощряет подобное игровое поведение. Дети, конструируя модель окружающего их реального мира, тем самым усваивали культурно-предметную среду. Родители почти на каждый праздник дарили солдатиков, во время англо-бурской войны в семье даже были приобретены фигурки буров. Таким образом, реальные события, происходившие в мире, влияли на игровой репертуар. События, впечатлившие семью, новые знания и разговоры отражались в играх [РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 2036, 56 об.].

Помимо этого, в письмах и дневниковых записях взрослых и детей часто фигурируют выражение эмоций смехом, проявление радости: «Мы все сидели в кабинете с бабушкой и ужасно смеялись», «Мама сказала нам что-то смешное, а мы до того расхохотались, что не могли ни как удержаться, а папа тут сердится, что мы мешаем говорить», «После обеда я дурила с папой, а у меня во рту была половина сливочной конфеты. Я начала смеяться и проглотила; когда я начала запивать, папа делал вид, что испугался и, в тоже время, делал гримасы. Я опять засмеялась, и вода у меня пошла через нос. Когда папа потом рассказывал про конфету, то мы все ужасно смеялись» [РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 2045, 7 об., 6 об.; РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 2041, 138]. Безусловно, внутрисемейные конфликты также случались. В тексте записей упоминаются разногласия между старшими и ссорами младших: «До завтрака мама с бабушкой ужасно поссорились так, что мы их еле успокоили. Потом бабушка ушла наверх, а мама, когда успокоилась, говорила с Женей», «Кирилл пролил на скатерть чуть не пол черниль-

ницы. Я скорей позвала Варю, и мы вместе отмыли благодаря только лимону. Когда пятно вышло, скатерть была совершенно мокрая. Что делать? Мы к няне выгладить, а в это время наши подъезжают. Скорее мы постелили еще не много сырую скатерть, и, когда мама пошла в гостиную, все было уже готово. Я ужасно сердилась на Кирилла. Он же пролил и, между тем, даже книг не может снять со стола» [РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 2045, 8 об.; РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 2044, 86 об.].

Екатерина Николаевна и Анатолий Викторович между собой не ругались, расхождения в некоторых вопросах урегулировались обсуждениями и компромиссами. Исключительный случай произошел, когда Кирилл выпил половину стакана молока за ужином, а другую половину вылил опять в кувшин. Екатерина Николаевна рассердилась и выслала его из-за стола, потому что несколько раз выговаривала ему за подобные выходки. В это время вошел в комнату папа, увидел, что Кирилла нет за столом, расспросил маму. Анатолий Викторович «по своей вспыльчивости» позвал Кирилла и подошел с кувшином в руке, нагнул Кириллу голову и вылил полкувшина на него [РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 2041, 64]. Ксения признается: «Мы все ахнули, а мама встала и вышла. Позвонили Веру Михайловну (кухарку), и она вытерла пол и Кирилла. // Помоему, папа поступил слишком строго. Ведь папа вместе с ним наказал и других. Кирилл пошел на верх спать, потому что уже не стоило переодеться. Когда папа ушел, мама не могла удержаться от смеху. Нам было и грустно, и смешно. Ведь папа вылил целый пол большого кувшина на Кирилла» [РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 2041, 64 об. – 65]. На следующий день Анатолий Викторович свой поступок пояснил в воспитательных целях: «Папа объяснил Кириллу, что он облил его вчера, хотя ему очень неприятно, но потому, что это надо было чтобы он помнил. В немецкой опере “Валькирии” тоже Вотан отец окружает огнем свою дочь Брунгильду за непослушание. И потому папа сочинил такую эпиграмму: // “Вотан наказал Брунгильду, // Окружив ее огнем, // Киря-же попался проще // Он был облит молоком”» [РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 2041, 65].

Отметим, что физическое пространство дома в представлении детей и взрослых было символически разделено на «верх» и «низ». «Верх» предназначался под детскую, спальные комнаты, зачастую дети проводили большую часть времени именно наверху, там отдыхали, болели. «Низ» представлял публичную сферу домашнего пространства (гостиную, столовую и кабинет) [РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 2038, 125 об.]. В доме Половцовых проводились лекции, тем самым он играл роль публичного пространства. В части дома, которая относилась к «низу», существовали правила, установленные обществом, которые следовало соблюдать, например, быть опрятно одетым на случай прихода посетителей, принимать пищу в столовой. Если за столом собирались гости, детей могли попросить отобедать на кухне: «Сегодня у нас обедают А.Ф. Кони и пастор; нам очень хотелось есть, и мы тоже обе-

дали, но в маленькой комнате за маленьким столиком», «Сегодня у нас обедают Кони и Грингмут, и потому мы тоже обедали вместо ужина в маминой комнате» [РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 2041, 13 об.; там же, 26]. Безусловно, в домашнем порядке существовали запреты, санкционированные взрослыми. Например, детей могли не допускать в кабинет Анатолия Викторовича, если там велись рабочие обсуждения или шел прием посетителей, в остальном дети туда могли заходить за бумагой, книгами, даже играть там. Однако проводниками в пространство кабинета все равно были взрослые, без разрешения детей не подпускали к этому помещению. Также можно проследить деление именно Кириллом пространства на «дом» и «двор», последнее довольно часто (почти ежедневно) фигурирует в его дневниках [РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 2132, 78]. Во дворе Кирилл с мальчишками бегал, играл в лапту, в солдаты, в войну и т.д.

Одним из направлений культурно-образовательного досуга дворянского круга было посещение и проведение лекций, которые проходили в Петербургском университете, в Публичной библиотеке, в домах дворян. В записных книжках Анатолия Викторовича содержится краткий пересказ публичных выступлений, среди которых была лекция П.И. Вейберга о «Фаусте», П.Д. Боборыкина «О красоте», С.М. Волконского «Религиозный конгресс в Америке (Чикаго)», историка В.И. Модестова «Древний и Новый Рим», Л. Саккетти «Задачи искусства» (в пользу благотворительного общества), «О красоте физической и духовной в природе и искусстве» в Педагогическом музее военно-учебного заведения в Соляном переулке. Более подробно Анатолий Викторович раскрывал тезисы и выражал свое мнение в дневнике [ОР РНБ, ф. 601, оп. 1, д. 66, 56 об.]. Не только доклады гуманитарной направленности интересовали Анатолия Викторовича: на страницах записных книжек есть информация, рисунки и схемы про химические реакции, физические наблюдения (электричество, устройство света), записаны тезисы публичной лекции физика И.И. Боргмана об «Х-лучах» в физической аудитории университета [ОР РНБ, ф. 601, оп. 1, д. 60, 24 об. – 27 об., 64 об., 68, 77 об., 87 об, 93.].

Лекции устраивались и в доме Половцовых. Лекция князя С.М. Волконского проходила у них на аудиторию 80 человек [ОР РНБ, ф. 601, оп. 1, д. 66, 66]. С.М. Волконский был единственным представителем от России на конгрессе в Чикаго в рамках Всемирной выставки в 1893 году, в выступлении он высказался об основных результатах своей поездки. К такому массовому действию в доме Половцовых готовились заранее. Дети оказывали практическую помощь, приводили в порядок кабинет, расставляли стулья, разносили фрукты по вазочкам. Анатолий Викторович считал подготовку И.Е. Андреевского образцом выступления (И.Е. Андреевский утверждал, что «лекция всегда должна быть написана целиком и только тогда можно читать ее точно будто бы говоришь свободно, и посматривать в рукопись

лишь иногда, чтобы не пропустить чего-либо существенного») [ОР РНБ, ф. 601, оп. 1, д. 66, 72 об.].

Подобные публичные вечера позволяли устанавливать новые контакты, располагали возможностью установить новые знакомства, быть осведомленным в произошедших событиях в столице и мире. Любопытный эпизод содержится в дневнике Анатолия Викторовича: «В 8 ч. я прилег на диван в кабинете, потушил лампы. Я не спал, но все-таки отдохнул. Мне приходило в голову: а вдруг я засну и проснусь, когда уже будут съезжаться гости. Вдруг дверь открывается и входит Катя с князем Сергеем Михайловичем. // – Толя, вот уже князь. // Я вскочил и стал напяливать венгерскую куртку. <...> Я зажигал лампы, напяливал куртку. // Вдруг входят В.А. Крылов и П.Н. Полевой. Я переконфузился с хохотом пожал им руки и убежал надевать фрак. В передней уже виднелись какие-то дамы. Это было очень забавное начало знакомства с Полевым, которого я прежде не знал. <...> Я давно желал познакомиться с ним как с замечательным знатоком древней русской жизни и Петровского времени» [ОР РНБ, ф. 601, оп. 1, д. 66, 66 об. – 70].

Немаловажное внимание отдавали костюму. Анатолий Викторович отметил, что «бывшие во фраках были довольны своим туалетом, бывшие в сюртуках конфузились и извинялись» [ОР РНБ, ф. 601, оп. 1, д. 66, 70]. Женщины были в основном в черных платьях, двое – в серых. Оперная певица, подруга семьи Половцовых А.И. Абаринова пришла в платье, отделку которого Екатерина Николаевна придумывала для себя, а Антонина Ивановна отсоветовала ей. На это Анатолий Викторович просто высказался: «О, женщины!» [ОР РНБ, ф. 601, оп. 1, д. 66, 68]. Среди гостей были художник И.Е. Репин, фрейлина императрицы Александры Федоровны В.В. Бельгард, писатель Д.С. Мережковский и его жена З.Н. Гиппиус, акварелист и искусствовед А.Н. Бенуа с женой, Н.П. Вагнер, А.Ф. и Г.А. Кони, общественная деятельница Н.В. Стасова, востоковед В.В. Радлов, журналист «Нового времени» В.С. Россоловский, писательница Л.И. Веселитская (публиковалась под псевдонимом В. Микулич, Л. Чернавина), литературовед А.Н. Пыпин, поэты П.И. Вейнберг и А.Н. Майков, художник П.П. Чистяков, драматург М.И. Чайковский, писатель П.Д. Боборыкин и др. [ОР РНБ, ф. 601, оп. 1, д. 66, 66–73]. На самих вечерах происходили знакомства. Вопрос коммуникации гостей ложился на плечи хозяина дома. Сначала «общее настроение было довольно холодное. Общество еще не сплотилось» [ОР РНБ, ф. 601, оп. 1, д. 66, 71 об.]. В антракте образовывались кружки по интересам, подавали чай, шло интенсивное обсуждение и общение. Сам Анатолий Викторович проводил лекцию в 1896 году, посвященную крестьянскому вопросу в России [РГИА, ф. 601, оп. 1, д. 2038, 310]. Подобная форма встреч отвечала духовным и социальным потребностям общества, а также представляла возможность для коммуникации, так как лекции были открытыми и публичными.

В домашнем быту трапеза, несомненно, занимает важное место. Совместный прием пищи был обусловлен не только тем фактом, что в ограниченное количество времени возможно было употребить горячие блюда, поэтому эти приемы служили разделителем времени. Само значение общей трапезы повышалось за счет того, что за столом семья могла беседовать, обсуждать планы на день, назначать предстоящие визиты, делиться своими впечатлениями. По субботним вечерам в семье разворачивался Большой Половецкий обед. На него приглашались родственники («Половчата»). Присутствие детей на этих обедах было важным социализирующим элементом, однако их не всегда допускали. Свое желание находиться за общим столом они обозначили в записных книжках, закрашенный круг означал, что им было не разрешено обедать вместе со взрослыми [ОР РНБ, ф. 601, оп. 1, д. 1571, 66, 87].

Пространство стола является интегрированным полем взаимоотношений всех членов семьи. Расстановка посуды и раскладка столовых приборов, рассадка за столом указывают на положение, отведенное каждому участнику трапезы, подчеркивают его значение. Такой способ организации пространства стола устанавливает определенную модель отношений между участниками и утверждает неприкосновенность семейной структуры. Подтверждением может служить то, что, когда в пространство обеда вовлекались близкие друзья Половцовых, Ксению, привыкшую к семейным обедам, смущало присутствие посторонних: «За обедом у нас было много народу: пастор, Авг. Густ. Михайлова, которую папа пригласил обедать, Серг. Серг. Соломко и Миша. Я сидела рядом с Сергеем Сергеевичем, и он мне клал ужасные порции всего. Потом я смотрела, как Серг. Серг. рисовал красками “ex-libris” папе в маленьком виде; очень хорошо. Меня заставили играть мое “Impromptu” при большом обществе. В местах, где я играла “piano” так я там волновалась, что слышала, как мое собственное сердце билось. Миша оставался у нас долго и рассказывал нам разные анекдоты и истории» [РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 2045, 5 об. – 6].

На «взрослых» обедах дети быстро уставали и утомлялись. Когда в дом Половцовых приехал губернатор Рязанской и Саратовской губерний с дочерью и сыном, детей посадили обедать в девичью, но, когда «все большие сели за стол то оказалось один прибор лишний, накрытый для гувернантки Мар. Ник., но которая не пришла, и мама позвала меня, чтобы я села. Мне ужасно не хотелось, но надо было просидеть за столом весь длинный обед. После я много разговаривала с Марией Николаевной (дочерью нашего губернатора), и Кирилл одевал свой рыцарский костюм» [РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 2042, 6–6 об.]. Ксения отметила: «я должна была еще раз сидеть за столом и держать пастору компанию» [РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 2042, 24 об.]. На обедах часто подавали шампанское, которое разрешали пить даже детям, угощали гостей мороженым, фруктами, шоколадом [РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 2042, 40].

Показателем эпохи является то, что всегда отмечали детские праздники, на которых собирались друзья виновников торжества. На детских праздниках присутствовали и взрослые, и дети (всего около 10–14 человек). При этом дети устраивали между завтраком и обедом свой «детский обед» наверху: «Ксения с Кир. готовились несколько дней. Все блюда были сделаны из сладостей, напр., мозги – крымские орехи, шоколадные рыбы, котлеты – шоколадные большие пластинки и т.д. Бабушка видела и говорит, что это было очень мило. После обеда был театр – “Жизнь за царя” с бумажными фигурами. Миша читал объяснения. Мы пришли с Ан. Влад. к эпилогу и участвовали в исполнении “Славься”. Я изображал колокола, трезвоня в маленькие стаканчики, надетые на ложечки» [ОР РНБ, ф. 601, оп. 1, д. 66, 92].

Не менее значим процесс домашних церемоний, благодаря которым можно реконструировать семейный уклад. Церемониальный торжественный характер был присущ не столько церковным праздникам, сколько внутрисемейным, а именно празднованию именин, дня рождения, годовщин (свадьбы, юбилеи, например «службы» няни) придавалось большое значение в семье. Действо проводилось в кабинете Анатолия Викторовича, виновника торжества сопровождали и усаживали в прабабушкино кресло, выражая почтение. Для придания патетики Анатолий Викторович мог использовать старое оружие. В коллекции семьи были бердыши, меч, шлем [РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 2036, 65]. Чтобы сделать сюрприз, завязывали глаза на подходе к кабинету. Затем шла официальная часть, которая включала в себя речи и поздравления. Обычно дети декламировали стихотворения на русском, немецком и французском, после пожеланий дарили подарки и шли в столовую, где дети могли исполнить произведения на фортепиано [РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 2045, 4 об.]. На праздники члены семьи могли писать собственные стихотворения, в том числе шуточные. Ксения отметила: «Я дала из бумаги книжечку, где сама сделала стихи “Ты моя, дуся, Маленькая ма-муся”. Все очень смеялись» [РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 2037, 90].

Описания церемониалов часто фигурируют в дневниках, приведем одно из них – день рождения Кирилла со слов Ксении: «Я пошла вниз и поставила с Лили и Женей всех конных солдат и еще новые гусары»; когда Кирилла посадили в кресло, «я поднесла Alix (куклу. – Ю. З.) и она дала ему картинку; я дала альбом и карандаш (на нем написано “Кирюша”), няня дала тоже альбом, а Лили немецкую книжку. Папа подвел его к солдатам, а я дола ему коньки, а потом пошла к столу и затрубила в трубу; мама взяла пистолет и выстрелила, Кирюша обрадовался и спросил, как заряжать» [РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 2037, 194–194 об.]. Детям обычно дарили книги, солдат, канцелярские принадлежности, игрушки, конфеты. Дети взрослым дарили самодельные рисунки, вышитые салфетки, закладки, а также маленькие подарочки, купленные на их собственные деньги, которые им выделялись. На день рождения задували свечи и загадывали желания [РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 2045, 3 об.]. В летнее

время в имении Борисовка (Рязанская губерния) после окончания торжественной части могли устраивать праздничное освещение, то есть «иллюминацию», запускать фейерверки.

Вечер отводился для семейного времяпрепровождения. Вечера сопровождалась музицированием, домашними спектаклями, созданием и представлением «живых картин» (вид пантомимы); дети устраивали выставки своих картин, куда могли приглашать даже прислугу. Семейный вечер сопровождался исполнением хора «Славься» из оперы «Жизнь за царя», пели Марсельезу, произведения из оперы «Гугеноты». Во время музицирования слушающие могли так развеселиться, что пускались в пляс: «Вечером мы возились и плясали совсем смешно. Маша все время смеялась, не могла удержаться» [РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 2131, 11 об.]. К семейному времяпрепровождению подключались близкие друзья, такие как художник С.С. Соломко, пастор Гиллот, Струковы, Каменские. Близким друзьям семьи отправляли остроумные поздравления, например: «Боярыне Антоновне, дочери Ивановой из рода Абариновых, Ханы Половецкие бьют челом рыбой стерлядью, рыбой Вожской и Тверской. Хан Наталий с ханшами Аленой, Катькою и Юлькой, с сынишкой Кирилкой и дочуркой Ксенькой. // По безграмотству /их/ грамотку сию писал худой раб Сергей. Лета Господня 7045 в Гекваре!!» [ОР РНБ, ф. 601, оп. 1, д. 1569, 5–5 об.].

Ю. Хабермас отмечал важнейшую коммуникативную функцию досуга [Хабермас, 2000]. Одной из форм повседневного досуга было чтение. Традиция семейного чтения была распространена как повседневная практика многих дворянских семей XVIII–XIX века. В семье Половцовых чтение также являлось частью семейного общения, детям активно прививали культуру чтения, заботились о книжном детском репертуаре. Книжный ассортимент был разнообразный и требует отдельного всеобъемлющего исследования, поэтому данная проблематика вынесена за рамки статьи. Стоит обозначить повседневные механизмы, сопровождающие чтение. Произведения читали как вслух, так и самостоятельно. Анатолий Викторович с Екатериной Николаевной могли читать наедине, а также вместе с детьми; помимо этого, Ксения могла читать Кириллу определенные книги. Отметим, что в библиотеке семьи была различная литература (от детских книг, художественных произведений до исторических трудов, работ по психологии, анатомии, географии, философии и др.). Выписывались журналы «Вестник Европы», «Московские ведомости», «Новое время», для детей «Игрушечка», «Родник». Книги не только могли наставлять молодое поколение, но и удовлетворяли любопытство, исследовательский интерес, формировали читательские предпочтения, систему ценностей и мировоззренческие ориентиры.

Увеличивавшуюся ценность «дома» подтверждает забота о домашних животных (у Половцовых были морская свинка, канарейка, собаки и котята) [РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 2042, 21]. Особую любовь семья питала к

собаке Неро, которая принадлежала близкому другу семьи, пастору голландской церкви Гиллоту. С Неро гуляли по улицам Санкт-Петербурга и Ксения, и Екатерина Николаевна [РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 2042, 21].

Таким образом, повседневные взаимодействия в семье Половцовых отражали расширяющийся семейный досуг в период социальной модернизации общества конца XIX – начала XX века. К концу XIX века произошла трансформация моделей семейных взаимоотношений и была осознана ценность семьи. Анализ организации домашнего пространства, церемониалов, праздника и досуга показал, что повседневность служит ключевым механизмом структурирования частного мира. Домашняя рутина обособляла публичную сферу деятельности от частной жизни, где большая часть свободного времени проводилась в семейном кругу. Повседневные практики дома, отражавшиеся во взаимоотношениях домочадцев, конструировали внутреннюю иерархию, направленную на равенство и взаимную ответственность родителей. Таким образом, понятие «дом» предстает не просто жилищем, а сложным социальным микрокосмом, где переплетаются не только светские представительские отношения, но и семейные интересы, формирующие новые социальные роли и поведение.

Расширяющийся и демократизирующийся семейный досуг, совместное времяпрепровождение всех членов семьи, включая детей, выступают ярким свидетельством процесса демократизации внутрисемейных отношений. Этот процесс был органичной частью общей модернизации российского общества конца имперского периода. Таким образом, изучение повседневности через призму домашнего пространства открывает глубокое понимание того, как глобальные исторические сдвиги преломлялись в приватной жизни, меняя неформальные уклады, ценностные ориентации и дух дворянской семьи накануне новой эпохи начала XX века.

ЛИТЕРАТУРА

- Барина Е.П. История повседневности. Самара: СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2020. 72 с.
- Беловинский Л.В. Культура русской повседневности. М.: Академический Проект, 2016. 716 с.
- Беловинский Л.В. Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа XVIII – начала XX вв. М.: Эксмо, 2007. 783 с.
- Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2014. 480 с.
- Веремёнко В.А., Жукова А.Е. Воспитательные практики в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX в. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. 232 с.
- Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с.
- Де Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
- История частной жизни / под общ. ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. Т. 4: От Великой французской революции до I Мировой войны / под ред. М. Перро. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 672 с.
- Конечный А. Былой Петербург. Проза будней и поэзия праздника. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 672 с.

Кром М.М. Историческая антропология. СПб.; М.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге; Квадрига, 2010. 214 с.

Малинова-Тзиафета О.Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 335 с.

Семенникова Л.И. Российская повседневность: вторая половина XIX – начало XXI века. М.: Кн. дом Университет, 2011. 243 с.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. С.В. Шагин; под ред. Д.В. Складнева; послесл. Б.В. Марков. СПб.: Наука, 2001. 380 с.

Y.O. Zamyatina

Postgraduate Student,

Saint-Petersburg State University;

Museum Researcher,

Museum of the History of the Obukhov Plant

Saint-Petersburg, Russia

The Space of Home: Everyday Practices and Family Life of a Capital Noble Family in the Late 19th – Early 20th Centuries (Based on the Personal Diaries of the A.V. Polovtsov Family)

The article is devoted to the study of everyday practices in a noble family of the late 19th – early 20th centuries through the prism of the organization of domestic space. Particular attention in the article is paid to the perception of the concept of «home», family pastimes of all family members, ceremonies, meals, and leisure of a St. Petersburg family. Everyday practices structured private life, defined the boundaries between public and intimate, and also constructed intra-family hierarchy. Based on the analysis of documents of personal origin, such as personal diaries and private correspondence stored in the Russian State Historical Archive and the Manuscript Department of the Russian National Library, such aspects of everyday life as the distribution of responsibilities among family members, daily routine, organization of receptions, holidays and family leisure, and child-rearing practices were reconstructed. The article concludes that the interaction of the members of the A.V. Polovtsov family was a manifestation of expanding family leisure, demonstrating the process of democratization of relations within the framework of the modernization of Russian society at the turn of the century. The study demonstrates that the Polovtsov's house functioned as a complex social microcosm, where the public secular functions of a high-ranking official and the private life of the family were intertwined.

Keywords: *nobility; nobles; noble family; everyday life; history of everyday life; history of childhood; social history; modernization; diaries; children's diaries.*

REFERENCES

Barinova E.P. The history of everyday life [Istoriya povsednevnosti]. Samara: SF GAOU IN MGPU, 2020. 72 p. (in Russian).

Belovinsky L.V. Culture of Russian everyday life [Kul'tura russkoi povsednevnosti]. Moscow: Academic Project, 2016. 716 p. (in Russian).

Belovinsky L.V. Illustrated encyclopedic historical and household dictionary of the Russian people of the XVIII – early XX centuries [Illyustrirovannyi ehntsiklopedicheskii istoriko-bytovo slovar' russkogo naroda XVIII – nachala XX vv]. Moscow: Eksmo, 2007. 783 p. (in Russian).

Belova A.V. «Four ages of a woman»: the daily life of a Russian provincial noblewoman of the XVIII – mid-XIX centuries [«Chetyre vozrasta zhenshchiny»: povsednevnyaya zhizn' russkoi provintsial'noi dvoryanki XVIII – serediny XIX v.]. Saint-Petersburg: Aleteya, 2014. 480 p. (in Russian).

Veremenko V.A., Zhukova A.E. Educational practices in noble and intellectual families of Russia in the second half of the XIX — early XX century [Vospitatel'nye praktiki v dvoryansko-intelligentskikh sem'yakh Rossii vtoroi poloviny XIX — nachala XX v.]. Saint-Petersburg: LSU named after A.S. Pushkin, 2020. 232 p. (in Russian).

Volkov V.V., Kharkhordin O.V. Theory of practice [Teoriya praktik]. Saint-Petersburg: Publishing House of the European University in Saint-Petersburg, 2008. 298 p. (in Russian).

M. De Certeau. The invention of everyday life. 1. The art of making [Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskustvo delat']. Saint-Petersburg: Publishing House of the European University in Saint-Petersburg, 2013. 330 p. (in Russian).

The History of private life [Istoriya chastnoi zhizni]. Under the general editorship of F. Aries and J. Duby. Vol. 4: from the Great French Revolution to the First World War. Edited by M. Perrault. Moscow: New Literary Review, 2019. 672 p. (in Russian).

Konechnyi A. Former Petersburg [Byloi Peterburg. Proza budnei i poehziya prazdnika]. The prose of everyday life and the poetry of the holiday. Moscow: New Literary Review, 2021. 672 p. (in Russian).

Krom M.M. Historical Anthropology [Istoricheskaya antropologiya.]. Saint-Petersburg; Moscow: Publishing House of the European University in Saint-Petersburg; Quadriga, 2010. 214 p. (in Russian).

Malinova-Tziafeta O.Y. From the city to the country: socio-cultural factors of the development of the suburban area around Saint-Petersburg (1860-1914) [Iz goroda na dachu: sotsiokul'turnye faktory osvoeniya dachnogo prostranstva vokrug Peterburga (1860-1914)]. Saint-Petersburg: Publishing House of the European University in Saint-Petersburg, 2013. 335 p. (in Russian).

Semennikova L.I. Russian everyday life: the second half of the XIX – the beginning of the XXI century [Rossiiskaya povsednevnost': vtoraya polovina XIX – nachalo XXI veka]. Moscow: University House, 2011. 243 p. (in Russian).

Habermas Yu. Moral consciousness and communicative action [Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie]. Saint-Petersburg: Nauka, 2001. 380 p. (in Russian).

А.В. Тихонова

*Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия*

УДК 94(470.332)«18/19»:728.83:379.84

DOI 10.35785/2072-9464-2026-74-2-172-191

**ЛЕТНИЕ УСАДЕБНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ НА СВЕЖЕМ ВОЗДУХЕ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА****(на примере усадьбы Высокое Смоленской губернии
графа А.Д. Шереметева)**

Ключевые слова: досуг российской аристократии в конце XIX – начале XX века; усадьба Высокое графа А.Д. Шереметева; усадебные развлечения; развлечения на свежем воздухе; отдых в усадьбе; развлечения на свежем воздухе в конце XIX – начале XX века.

Усадебный досуг можно условно разделить на занятия на свежем воздухе и в доме. В конце XIX – начале XX века они все больше были связаны со спортом и подразумевали использование технических новшеств. Однако приобретение соответствующего инвентаря и покупка новинок, служивших для развлечения и комфорта, предполагали значительные затраты. Их могли себе позволить лишь очень состоятельные владельцы. Мода часто возникала в аристократическом кругу, приближенном к императорскому двору.

Усадебный отдых на свежем воздухе рассматривается на примере усадьбы Высокое Сычевского уезда Смоленской губернии (ныне территория Новодугинского муниципального округа Смоленской области). В конце XIX – начале XX века это летняя семейная резиденция графа Александра Дмитриевича Шереметева (1859–1931), представителя титулованной знати и обладателя огромного состояния.

Среди многочисленных шереметевских усадеб, включавших и знаменитое Останкино, Высокое занимало особое место, так как было связано с памятью о матери графа – смоленской дворянке Александре Григорьевне, урожденной Мельниковой (Высокое было ее родиной) – и собственными детскими впечатлениями.

Основными источниками настоящего исследования стали описи имущества Высоковской усадьбы, составленные в 1877 и 1910 годах, ныне хранящиеся в Российском государственном историческом архиве. В них упоминаются предметы, связанные с усадебным досугом. Если опись 1877 года отражает детские пристрастия юного графа, то документ 1910 года – увлечения взрослого человека и его близких. Ценность представляют мемуары Н.В. Волкова-Муромцева и П.А. Граббе, членов аристократических семей, имевших усадьбы по соседству и друживших с Шереметевыми.

Развлечения в Высоком, как и в других усадьбах российской знати, к началу XX века сочетали традиционные формы времяпрепровождения (пешие прогулки, катание на лодках, охоту, рыбалку) с применением новаций (игры в крокет и лаун-теннис, поездки на велосипеде и автомобиле).

Развлекательная культура может рассматриваться как одно из направлений истории повседневности [Пушкарева, Любичанковский, 2014; Иллерицкая, 2022] или изучения феномена усадьбы, которая понимается «как мир... своеобразный микрокосм, полноценная в духовном, хозяйственно-культурном и экономическом отношении частица государства, наделенная почти всеми его чертами» [Нащокина, 2028, 12]. Исследовать усадебные развлечения аристократического круга России возможно на конкретном примере, который поможет выявить общие черты в организации летнего досуга богатого владельца, принадлежавшего к старинной титулованной российской знати. В данном случае речь идет о графе Александре Дмитриевиче Шереметеве (1859–1931) в его усадьбе Высокое Сычевского уезда Смоленской губернии. Истории самой усадьбы, ее экономического положения в конце XIX — начале XX века мы уже касались [Тихонова, 2024а; 2024б; 2025], теперь в центре внимания будут усадебные развлечения. Их можно условно разделить по месту проведения (на свежем воздухе и в доме) и в зависимости от участников (взрослые, детские и совместные семейные).

Стоит напомнить, что имение Высокое было родиной матери графа — смоленской помещицы Александры Григорьевны Мельниковой (1825–1874), в 1857 году вышедшей замуж за вдовца, графа Дмитрия Николаевича Шереметева (1803–1871) (подробнее см.: [Тихонова, 2024б]). В это смоленское поместье, расположенное в очень живописном месте на высоком берегу реки Вазузы, Александр Дмитриевич не раз приезжал в детстве в летнее время. В 1886 году корреспондент газеты «Смоленский вестник», выражая надежду, что граф уже как наследник посетит усадьбу, отмечал, что всеобщее внимание привлекал «детский домик графа, где он в летнее время занимался уроками, будучи еще мальчиком» [О селе Высоком Вяземского уезда, 1886, 3]. Строение состояло из двух комнат с мезонином. Оно было украшено «и снаружи, и внутри такой затейливой резьбой, какую едва ли можно еще где-либо встретить. Резьба очень изящно исполнена» [О селе Высоком Вяземского уезда, 1886, 3].

Александр Дмитриевич приехал в имение Высокое летом 1889 года, после 17-летнего перерыва, уже со своей собственной семьей [М-ч. В-ч. Сычевский уезд, 1889, 3]. В 1883 году он женился на графине Марии Федоровне, урожденной Гейден (1863–1839). Позже, в 1894 году, ее родственники приобрели усадьбу Хмелита Вяземского уезда (в 17 верстах от Высокого): двоюродный брат Марии Федоровны — Петр Александрович Гейден (1840–1907) купил ее для своей дочери Варвары в качестве подарка

к свадьбе с Владимиром Александровичем Волковым-Муромцевым [Волков-Муромцев, 2016, 11]. Шереметевы и Волковы-Муромцевы были дружны [Волков-Муромцев, 2016, 21].

Визит семейства Шереметевых в Высокое в 1889 году ознаменовался большим праздником. Корреспондент газеты «Смоленский вестник» сообщал читателям, что «22 июля в селе Высоком было редкое для деревенских жителей торжество. В этот день Россия празднует тезоименитство Государыни Императрицы Марии Федоровны, в этот же день именинница и супруга графа М.Ф. Шереметева. В ознаменование этих событий – всероссийского и семейного – в с. Высоком и было устроено празднество. Началось оно литургией в Высоковской церкви при участии хора певчих Гривского сельского училища под управлением учителя И.Г. Недачина, причем этим прекрасно поставленным хором, в котором участвуют одни крестьянские мальчики, были стройно исполнены песнопения Бортнянского и Виноградова; после литургии отслужен был благодарственный молебен. Вечером же устроена была иллюминация и сожжен блестящий фейерверк, стоивший, говорят, более 1000 рублей. Во время иллюминации пели русские песни несколько хоров из окрестных крестьян. В заключение зажжены были повсюду разноцветные бенгальские огни; это освещение и фейерверк придавали саду, окружающему барскую усадьбу волшебный вид. Часов около 12 ночи собравшемуся народу предложено было от графа угощение: для мужчин – водка, для женщин – конфеты, орехи, пряники, которыми оделяла сама именинница-графиня. В этот же день один из вяземских граждан И. А. Ер-в поднес сиятельной имениннице вяземский пряник-коврижку (около 8 ф. весом (1 фунт равен 409,5 г, следовательно, 8 фунтов – это 3276 г. – *А. Т.*)) с надписью “Ея сиятельству графине Марии Федоровне Шереметевой. В день ангела”» [М-ч. В-ч. Сычевский уезд, 1889, 3].

Чета Шереметевых решила превратить Высоковскую усадьбу в свою летнюю резиденцию [М-ч. В-ч. Сычевский уезд, 1889, 3]. Возможно, графу хотелось, чтобы и у его детей летний отдых был связан с этим именем. К 1889 году у Александра Дмитриевича и Марии Федоровны было четверо детей: Елизавета (1884–1962), Дмитрий (1885–1963), Александра (1886–1945) и Георгий (1887–1971) [Краско, 2022].

С 1889 по 1902 год граф А.Д. Шереметев осуществил широкомаштабные строительные работы в усадьбе, его супруга занималась обустройством главного дома, большое внимание уделялось правильному ведению хозяйства, что позволило в начале XX века отнести это имение к образцовым (подробнее см.: [Тихонова, 2025]).

Об отдыхе в Высоком позволяют судить сохранившиеся в личном фонде графа А.Д. Шереметева в РГИА описи имущества, составленные в начале XX века (в 1908 и 1910 годах) [РГИА, ф. 1118, оп. 1, д. 2089, 21–32 в; д. 2090, 1–16 об.]. Так как в части, касающейся предмета нашего изучения, они идентичны, в дальнейшем будем опираться на документ 1910 года.

Имеется опись 1877 года [РГИА, ф. 1118, оп. 1, д. 181, 5–8], которая позволяет сопоставить устойчивые предпочтения в проведении досуга и появление новинок. Тот факт, что развлечения членов семьи Шереметевых были типичны для представителей российской аристократии конца XIX — начала XX века, подтверждают источники личного происхождения. Это мемуары людей из близкого окружения Шереметевых, которые также имели усадьбы в Смоленской губернии: «Юность. От Вязьмы до Феодосии (1902–1920)» Николая Владимировича Волкова-Муромцева (1902–1995) [Волков-Муромцев, 2016], сына владельцев Хмелиты Владимира Александровича Волкова и Варвары Петровны, урожденной графини Гейден, и «Окна на Неву» графа Павла Александровича Граббе (1902–1999) [Граббе, 1995], сына графа Александра Николаевича Граббе (1864–1947), владевшего имением Васильевское Гжатского уезда.

Если чету Шереметевых с семьей Волковых связывали родственные узы через графиню Марию Федоровну Шереметеву, урожденную Гейден, то с семейством Граббе — дружба, общие интересы. Александр Николаевич Граббе, так же как и граф Александр Дмитриевич Шереметев, окончил Пажеский корпус, а в дальнейшем являлся командиром конвоя его императорского величества в период Первой мировой войны. Жена А.Н. Граббе Мария Николаевна с детьми по воскресеньям в зимнее время приезжала на службу в домовую часовню шереметевского особняка в Петербурге, имея постоянное приглашение от хозяина — графа А.Д. Шереметева, который сам иногда дирижировал певчими [Граббе, 1995, 72–73]. Чета графов Шереметевых была дружна и с семьей младшего брата графа Александра Николаевича Граббе — Михаилом Николаевичем (1868–1942), также выпускником Пажеского корпуса, в будущем генерал-лейтенантом и последним наказным атаманом Войска Донского [Волков, 2002, 213]. Шереметевы принимали семью М.Н. Граббе в своем имении Ульянка под Петербургом [ЦГАКФФД СПб. Фотоальбом П 273. Снимок 40. Фото из семейного альбома графа М.Н. Граббе: Граф Александр Дмитриевич Шереметев (в центре), его жена Мария Федоровна Шереметева (урожд. Гейден, справа), их дети и гости: граф Михаил Николаевич Граббе и его жена Софья Ивановна Граббе (урожд. Всеволожская) — на крыльце дома в имении Шереметевых «Ульянка». 1894 г.].

Когда речь идет об усадебном досуге на свежем воздухе, то в первую очередь имеются в виду *пешие прогулки* по аллеям парка и по саду. Парк и сад в Высоком были разбиты в середине 1870-х годов, к 1888 году в усадебном саду росло более 300 фруктовых деревьев. Но в 1897 году был разбит новый яблоневый сад, расширенный в 1914–1915 годах. В нем в 1917 году насчитывалось 2200 деревьев разных сортов, в том числе несколько вишен и груш [Тихонова, 2025, 151–152].

В детстве граф А.Д. Шереметев был увлечен бабочками (лепидоптерофилией). Доказательством может служить его «ящик с коллекцией бабочек» [РГИА, ф. 1118, оп. 1, д. 181, 7 об.], который, согласно описи 1877 года,

хранился «в гардеробе и письменном столе Его Сиятельства Графа Александра Дмитриевича» [РГИА, ф. 1118, оп. 1, д. 181, 6] в Высоком. Как известно, это увлечение было свойственно многим представителям аристократии и стало настоящей страстью двоюродного дяди Николая II великого князя Николая Михайловича (1859–1919), собравшего уникальную и очень значительную коллекцию, которую в 1900 году передал в дар Зоологическому музею Императорской академии наук [Слепкова, 2021; Шергалин, 2016; Юсупова, Винарский, 2025].

Прогулки могли совершать *верхом и в экипаже*. Фотографии конных прогулок характерны для усадебного быта рубежа XIX – начала XX века [Граббе, 1995, 49; Деверилина, 2023, 50]. Сохранилась фотография начала XX века, на которой супруги Шереметевы с группой детей запечатлены у коляски, в которой, вероятно, сидят их гости, а кучер вот-вот даст команду лошадям двинуться в путь [РГИА, ф. 1118, оп. 3, д. 227, 5].

Конный завод в Высоком был устроен еще при матери графа А.Д. Шереметева, в 1875 году в нем содержалось 89 лошадей [РГИА, ф. 1118, оп. 3, д. 13, 1]. Любопытно, что в описи 1877 года указаны «шерстяные вязаные детские возжи с бубенчиками» [РГИА, ф. 1118, оп. 1, д. 181, 7 об.], они могли предназначаться как для игрушечной лошадки, так и для пони, на котором могли катать маленького графа. Известно, что на 1 января 1912 года в Высоком помимо 39 рабочих лошадей имелись четыре выездные лошади и пять лошадей в главной конюшне [РГИА, ф. 1118, оп. 3, д. 45, 30 а об. – 30 б об.]. В Справочных и Памятных книжках Смоленской губернии за 1891–1904 годы Александр Дмитриевич значится почетным членом Общества охотников конного бега [Справочная книжка Смоленской губернии на 1891 год, 1891, 35; Памятная книжка Смоленской губернии на 1904 год, 1904, 69], а с 1905 по 1915 год – Общества поощрения коннозаводства [Памятная книжка Смоленской губернии на 1905 год, 1905, 74; Памятная книжка Смоленской губернии на 1915 год, 1915, 83].

На рубеже XIX–XX веков модными становятся прогулки *на велосипеде*. О них в своем детстве в Васильевском вспоминает Павел Граббе [Граббе, 1995, 63]. На усадебной фотографии 1910 года, сделанной в парке, примыкающем к поместью, графы Павел и брат Нильс Граббе в широкополых шляпах с важностью сидят на лавке, придерживая перед собой двухколесный велосипед [Граббе, 1995, 54]. В Высоковской описи 1910 года велосипед не обозначен, но в описи 1877 года, среди вещей юного графа А.Д. Шереметева, указан самокат [РГИА, ф. 1118, оп. 1, д. 181, 8]. Тогда так называли велосипед [Мятнев, 2008, 278]. Современный исследователь истории велосипедного дела А.А. Мятнев утверждает, что «первые велосипеды в России появились в начале 1860-х гг.» именно «в аристократической среде. Это были примитивные двухколесные “костотрясы”, изготовленные из дерева и металла, а такое название они получили из-за твердости колес и отсутствия амортизации» [Мятнев, 2008, 9], по-

этому ими пользовались лишь «в закрытых манежах» [Мятиев, 2008, 10]. Первые велосипеды выписывали из Франции, но, как указывает А.А. Мятиев, «доподлинно известно, что приблизительно в 1865 году самокат появился в Останкине, в усадьбе графов Шереметевых. Он был изготовлен из железа местным кузнецом. Трудно судить, копировал ли мастер какой-либо иностранный образец или сам “изобретал велосипед”. Эта машина чудом сохранилась и после реставрации, проведенной автором этих строк (А.А. Мятиевым. — А. Т.) в 1993–1996 годах, экспонируется в музее-усадьбе “Останкино”» [Мятиев, 2008, 10].

Так называемые «пауки», легкие велосипеды с колесами разной величины, появились в конце 1870-х годов [Мятиев, 2008, 10]. Одно из первых отечественных производств – велосипедная фабрика «Россия» А. Лейтнера, основанная в 1886 году и работавшая в Риге [Мятиев, 2008, 55–56]. В первой половине 1890-х годов появились московская велосипедная фабрика «Дукс» и петербургская мастерская Ю.А. Меллера, а также фабрика «Победа» [Мятиев, 2008, 55–56]. Столичные торговые дома предлагали своим клиентам выписывать велосипеды из-за границы, не только из Европы, но и из США. В Петербурге издавались иллюстрированные еженедельные журналы «Велосипед» (1892–1898) и «Самокат» (1894–1910) [Мятиев, 2008, 282–283]. Одним из первых изданий, посвященных езде на велосипеде, стала книга Г.Т. Сакса и Н.К. Рожановского «Велосипед (Самокат). Теория и практика» (СПб., 1891) [Сакс, 1891]. Она значится в «Каталоге библиотеки графа А.Д. Шереметева» (СПб., 1895) [Каталог библиотеки графа А.Д. Шереметева. Русский отдел, 1895, 121]. Графы А.Д. Шереметев и А.Н. Граббе были в числе учредителей основанного в 1893 году Санкт-Петербургского общества велосипедной езды, августейшим председателем которого стал великий князь Сергей Михайлович [Мятиев, 2008, 27]. В Общество «охотно вступали представители аристократии и высшего света» [Мятиев, 2008, 27], разделяя новое увлечение. В 1894 году это столичное объединение получило собственный зимний велодром «в помещении манежа графа Шереметева на Литейной улице» [Мятиев, 2008, 188]. Так что вполне логично предположить, что велосипеды использовались в Высоком членами семейства графа А.Д. Шереметева.

В начале XX века самой главной и очень дорогостоящей новинкой был *автомобиль*. Н.В. Волков-Муромцев вспоминал, что отец купил в 1909 году бельгийский *Metallurgique*, и это вишневое авто в 20 лошадиных сил приводило детей в восторг, а крестьян в удивление [Волков, 2016, 76]. Мемуарист указывает, что по соседству, включая Вязьму, «было до войны (Первой мировой. — А. Т.) только 5 автомобилей», в том числе Ford у князя Григория Петровича Волконского из вяземского имения Сковородкино [Волков, 2016, 76]. Н.В. Волков среди счастливых смоленских обладателей авто не указал А.Д. Шереметева. Однако граф был одним из учредителей Императорского русского автомобильного общества [Хмельницкая, 2011, 258]. Созданное в

1903 году, оно в декабре 1909 года получило право именоваться «Императорским» [Хмельницкая, 2011, 235]. По утверждению А.А. Мосолова, у самого государя постепенно «образовался один из самых обширных автомобильных парков в Европе» [Мосолов, 1938, 215]. У графа А.Д. Шереметева было даже несколько автомобилей (в его гараже в усадьбе Ульянка под Петербургом находилось четыре машины) [Уханова, Еремина, 2020, 157], но пользовался ли он этим транспортом в Высоком, трудно сказать. Например, Н.В. Волков-Муромцев, когда касается приездов в Хмелиту графа А.Д. Шереметева, пишет, что тот приезжал в коляске и имел с собой набор пожарных инструментов, каску и мундир. За что отец Николая Владимировича прозвал родственника «брандмайорским графом» [Волков, 2016, 21]. Для своих высоковских друзей Александр Дмитриевич купил пожарную машину, что тогда было неслыханным новшеством [ГАСО, ф. 391, оп. 1, д. 5, 67 об.]. Известно, что в документах, связанных с Высоким и датируемых августом 1901 года, упоминается асфальт [РГИА, ф. 1118, оп. 1, д. 2088, 35], а в деле 1902 года покупок для Высокого находится рекламная брошюра петербургской фирмы «Бодо Эгесторф» (Санкт-Петербург, Ждановская улица, контора дом № 10, завод № 27) под названием «Асфальтовое и бетонное производство» [РГИА, ф. 1118, оп. 1, д. 586, 17–22]. Этот факт позволяет предположить возможность посещения Высокого его владельцем и на автомобиле.

Из семейных удовольствий на природе можно назвать *купание и катание на лодках*. На Вазузе архитектор Г.Я. Леви проектировал по заказу графа А.Д. Шереметева павильон у пристани в селе Высоком и занимался укреплением плотины на реке [РГИА, ф. 1118, оп. 1, д. 653, 94]. В числе «дворцовых» строений усадьбы обозначен «док для лодок, деревян., крыт железом» [РГИА, ф. 1118, оп. 1, д. 2089, 8]. Он был построен в 1893 году [РГИА, ф. 1118, оп. 1, д. 2089, 8]. Павел Александрович Граббе с удовольствием вспоминал о том, как они с братом «гребли на лодках», плавая по Вазузе близ своего имения Васильевское [Граббе, 1995, 63].

Отдых на природе мог сопровождаться *пикниками*, которые доставляли удовольствие и взрослым, и детям. О пикниках, которые устраивала для внуков бабушка в Глубоком (еще одной усадьбе Волковых-Муромцевых), с искренней теплотой вспоминал мемуарист [Волков, 2016, 28]. Можно предположить, что и владельцам Высокого такой отдых был приятен.

К числу главным образом мужских занятий на свежем воздухе относится *рыбалка*. Граф Александр Дмитриевич Шереметев был с детства ею увлечен. Среди вещей его гардероба, описанных в 1877 году, упоминается «кожаная сумка с рыболовным прибором» и «складная деревянная удочка» [РГИА, ф. 1118, оп. 1, д. 181, 7 об.]. В 1910 году в библиотеке графа (его приемной) в высоковском дворце находился «рыболовный шкаф с принадлежностями» [РГИА, ф. 1118, оп. 1, д. 2090, 2]. Павел Граббе спустя годы, вспоминая свое детство в имении Васильевском Сычевского уезда на Вазузе

(у реки расположено и Высокое), описывал рыбалку как светлое видение: сидя «на берегу речки... устроившись на дереве, которое свисало над водой. Я забрасываю удочку — клюет. Меня как током ударяет от возбуждения, я делаю подсечку, иногда удается поймать рыбу, иногда она уходит с крючка. Но это не имеет значения. Воздух напоен теплом, вокруг меня ласково шелестит листва — чуть слышно, словно баюкая. И я счастлив просто от того, что сижу на этом дереве» [Граббе, 1995, 48]. Вероятно, счастье от часов «тихой охоты» испытывал и владелец Высокого. Рыбалка, как известно, была среди детских увлечений императора Александра III в Петергофе [Зимин, 2025, 179] и продолжала быть любима государем и во взрослом возрасте.

Еще одним традиционным мужским увлечением в дворянской усадьбе считалась *охота*. В передней Высоковского «старого дома» (речь идет о половине, построенной Н.Л. Бенуа), согласно описи имущества 1910 года, находились два чучела медвежонка и «доска с доспехами» (35 предметов) [РГИА, ф. 1118, оп. 1, д. 2090, 2 об.]. Сложно сказать, коллекция ли это оружия или элемент декора. Далее в документе нет упоминания охотничьих принадлежностей, в отличие, например, от многочисленных предметов пожарного инвентаря [РГИА, ф. 1118, оп. 1, д. 2090, 2–2 об., 8, 10 об., 12 об., 13 об., 16] (как известно, граф был одним из основателей организации системы пожарной безопасности в России и создателем пожарной дружины в Высоком).

Тем не менее в Русском отделе «Каталога библиотеки графа А.Д. Шереметева» (СПб., 1895) есть раздел, посвященный спорту (главным образом, конному) и охоте. В нем, помимо известных произведений С.Т. Аксакова, фигурируют «Мои охотничьи путешествия» Д.П. Вальцова (СПб., 1892), «Дрессировка подружейных собак» Г. Дюваля (пер. с фр. СПб., 1891), «Киевские охотники» М. Огиевского (Киев, 1888), «Ружейная охота на птиц в России» С.И. Романова (М., 1874) и даже «Портреты собак I. II. III и IV очередных выставок Императорского общества правильной охоты» (М., 1879) [Каталог библиотеки графа А.Д. Шереметева. Русский отдел, 1895, 120–121]. В Каталоге значатся также «Правила об охоте» (Ревель, 1892) [Каталог библиотеки графа А.Д. Шереметева. Русский отдел, 1895, 85], «Сборник законов об охоте» [Каталог библиотеки графа А.Д. Шереметева. Русский отдел, 1895, 86] и некоторые периодические издания: «Иллюстрированный журнал охоты и коннозаводства, бегов, скачек, акклиматизации животных, рыболовства и других предметов спорта» за 1873 год [Каталог библиотеки графа А.Д. Шереметева. Русский отдел, 1895, 134], «Журнал охоты» (орган Императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты) за 1875 и 1877 годы [Каталог библиотеки графа А.Д. Шереметева. Русский отдел, 1895, 136], иллюстрированный журнал «Природа и охота» 1878, 1882 годов [Каталог библиотеки графа А.Д. Шереметева. Русский отдел, 1895, 136] и обозрение «Охота» (орган Общества поощрения полевых достоинств охотничьих собак и всех видов охоты) за 1896

год [Каталог библиотеки графа А.Д. Шереметева. Русский отдел, 1895, 135]. Этот факт свидетельствует, что охота и все, что с ней связано, всерьез интересовали графа А.Д. Шереметева.

В Смоленской губернии для этого занятия были все возможности. Так, владелец имения Сковородкино в соседнем Вяземском уезде, друживший с Волковыми-Муромцевыми и общавшийся с графами Шереметевыми, князь Григорий Петрович Волконский (1870–1940) страстно любил охоту. Это было достаточно дорогостоящее занятие, но охота «осознавалась Волконским и его знакомыми в качестве своеобразной аристократической привилегии, доступной далеко не каждому» [Петрова, 2006, 208]. Не случайно этот представитель титулованной знати, тонкий знаток медвежьей охоты, в 1914–1915 годах являлся егермейстером двора его императорского величества [Петрова, 2006, 209]. В фонде князей Волконских в Государственном архиве Смоленской области сохранилось охотничье свидетельство № 2 на 1903 год стоимостью 3 рубля, выданное Вяземским уездным исправником 5 апреля 1903 года князю Г.П. Волконскому «на производство охоты в 1903 году» [ГАСО, ф. 108, оп. 1, д. 3, 10–11 об.]. Согласно высочайше утвержденным 2 февраля 1892 года Правилам об охоте, извлечение из которых содержало свидетельство, в Российской империи разрешалась охота ружейная, псовая (с борзыми или гончими собаками). В документе перечислялись животные, на которых запрещалось охотиться в определенное время. Без ограничений позволялось истреблять хищных зверей, к ним относились: «медведь, волк, лисица, шакал, барсук, песец, хорек, ласка, выдра, норка, горностай, куница, росомаха, рысь, дикая кошка и белка», а также хищные птицы. Это «орел, беркут, сокол, кречет, ястреб, сорока, ворон, галка, сойка, ореховка, сорокопуд, филин, совы и воробьи» [ГАСО, ф. 108, оп. 1, д. 3, 11 об.]. Рассказывая о родной Хмелите, Николай Волков-Муромцев в своих мемуарах упоминает об охоте с гончими на глухаря, рябчиков, зайцев, лис, куниц, а также о том, что в лесу встречались рыси, было много волков и медведей [Волков, 2016, 40–53].

Павел Граббе вспоминал, что в Васильевском в возрасте восьми лет, гуляя по лесу со своим первым маленьким ружьем, подаренным ему отцом, «идя по тропинке ... увидел воробья, примостившегося на дереве. Я прицелился и выстрелил. Сначала мне показалось, что я промазал. Потом заметил, что с ветки капает кровь. Вид ее поразил меня. Воробей-то оказывается был живым. Я вовсе не хотел убить его или даже ранить, я просто испытывал свое новое ружье» [Граббе, 1995, 48, 57]. Типично, что настоящее ружье мальчик из состоятельной дворянской семьи получил уже в детском возрасте. В описи 1877 года в Высоком у юного графа Александра Шереметева нет охотничьих принадлежностей, но упоминаются для тренировки меткости деревянные *мишени и стрела* [РГИА, ф. 1118, оп. 1, д. 181, 8].

Одной из популярных древнейших игр на ловкость и меткость были *стеклянные шарики* – «marbles» (английское название) или «billes» (французское). В описи имущества Высокого в 1877 году среди детских принадлежностей юного графа указан «ящик красного дерева с стеклянными шариками для игр» [РГИА, ф. 1118, оп. 1, д. 181, 7 об.]. Обычно они были «размером с лесной орех» [Макеев, Макеева, 2021, 170]. Согласно правилам, «их катают по поверхности и бросают в цель, чаще всего по другим шарикам. Играть шариками можно в одиночку, но интереснее соревноваться с партнером или несколькими участниками. Это преимущественно мальчишеские игры. Шарики с давних пор считались “детскими сокровищами”, наряду, например, с солдатиками. Они были особенно дороги ребятам еще и потому, что многие были трофеями, добытыми в честной борьбе, ведь в игре в шарики невозможно сплутовать. Играют в шарики на земле или на полу, обычно опускаются на колени, или встают на одно колено, либо садятся на корточки. Бросают с ладони или, как французы, особым щелчком; пальцы ладони сгибают, шарик кладут на сгиб указательного пальца и движением большого пальца посылают шарик в цель. Тут важны и сила щелчка, и меткость, а больше всего тренировка» [Макеев, Макеева, 2021, 170].

Помимо стеклянных шариков граф А.Д. Шереметев имел в детстве для развлечений на воздухе в Высоком (согласно описи 1877 года): два *бумажных воздушных змея*, *подзорную трубу* красного дерева и два *гуттаперчевых мячика* [РГИА, ф. 1118, оп. 1, д. 181, 7 об. – 8], или «гутти». Эти мячики из «гуттаперчи» (смолы малайзийского дерева из семейства сапотовых) были изобретены в 1848 году шотландцем Робертом Адамсом Паттерсоном; в дальнейшем его изобретение с успехом использовалось в гольфе [Golf Ball Inventor Dead, 1904]. Любопытно, что у маленького графа были также «ящик с *детскими столярными инструментами*», три *плотницких скобеля* и собственный *инвентарь для сельхозработ* (две тачки и две железные лопаты, вилы, три грабли, два заступа) [РГИА, ф. 1118, оп. 1, д. 181, 7 об. – 8].

К играм на воздухе, которые были привлекательны и для взрослых, и для детей, можно отнести *крокет*. Ящики «с прибором крокет и других игр» упоминались в описи имущества Высоковской усадьбы в 1877 году. Как известно, главной задачей игры было «проведение деревянных шаров с использованием специальных молотков... через серию расставленных небольших ворот» [Бусько, 2020, 200]. В России крокет получает «известность с 1860-х годов и сразу же становится очень популярным не только в кругу аристократов, но и в императорской семье» [Стать Романовым, 2024, 138]. По свидетельству Н.П. Литвинова, служившего помощником воспитателя великих князей Александра и Владимира Александровичей, они любили играть в крокет с 1861 года. Судя по фотоснимкам, этой игрой были увлечены великий князь Михаил Александрович и великая княжна Ольга Алексан-

дровна [Стать Романовым, 2024, 138]. В 1868 году А.М. Дойников опубликовал русский перевод правил игры [Дойников, 1868]. В конце XIX века площадки для крокета появились и в усадьбах [Бусько, 2020, 200].

Типичной представлялась современникам ситуация из чеховского рассказа «Дом с мезонином» (1896), когда хозяева с гостями «играли в крикет и lawn-tennis, гуляли по саду, пили чай, потом долго ужинали» (цит. по: [Слепцова, 2017, 8]). В крокет или крикет в Высоком могли играть и дети. Павел Граббе упоминает об игре в крокет со своим старшим братом Нильсом в Васильевском [Граббе, 1995, 63].

В начале XX века из новомодных развлечений на свежем воздухе можно назвать *лаун-теннис* (от английского lawn – лужайка и французского tenez – хватайте) [Хмельницкая, 2011, 183]. Из «Описи движимого имущества, находящегося во дворце и других дворцовых зданиях при Высоковском имении Его Сиятельства Графа Александра Дмитриевича Шереметева на 1 января 1910 года» известно, что в помещении «библиотеки старого дома» было 10 лопаток для лаун-тенниса и 12 мячиков [РГИА, ф. 1118, оп. 1, д. 2090, 5 об.]. Судя по расчетным документам, еще в 1902 году в Высоком для этой игры была оборудована специальная площадка, на что истратили 199 рублей [РГИА, ф. 1118, оп. 1, д. 2088, 102].

Лаун-теннис становится довольно популярным среди аристократической публики в конце XIX века [Хмельницкая, 2011, 58; Фоменко, 2010; Мутьев, Феуерман, Грабовская, 2023]. Именно в таком контексте эту игру упоминал Л.Н. Толстой в «Анне Карениной» (роман печатался частями в «Русском вестнике» в 1875–1877 годах и вышел отдельным изданием в 1878 году). Сама игра была известна с эпохи Средневековья, но ее правила описал и запатентовал офицер британской армии Уолтер Клэптон Уингфилд в 1874 году [Хмельницкая, 2011, 183], то есть всего лишь за год до начала публикации романа Толстого. Известно, что и сам писатель, несмотря на преклонный возраст, был игроком в лаун-теннис [Фоменко, 2000, 8].

Одно из первых упоминаний о теннисе в России – дневниковая запись сына Александра II великого князя Сергея Александровича об игре с братьями (в том числе будущим Александром III) от 31 мая 1875 года [Фоменко, 2000, 9]. Специалисты полагают, что важная роль в распространении игры принадлежит «Санкт-Петербургскому крикет и лаун-теннис клубу», который к концу 1870-х годов объединял главным образом состоятельных англичан из дипломатического корпуса, проживавших в Петербурге. С основными правилами «Английской игры в мяч на лугу (lawn-tennis)» своих читателей познакомил журнал «Нива» (№ 19) за 1882 год [Фоменко, 2000, 9]. Первой специализированной литературой, изданной на русском языке, стала брошюра М. Волкова «Лаун-теннис» (СПб., 1890) [Фоменко, 2000, 14].

В 1891 году с утверждением нового своего устава «Санкт-Петербургский крикет и лаун-теннис клуб» находился под покровительством великого князя Владимира Александровича. Среди поклонников лаун-тенниса были и другие члены императорской фамилии, например великий князь Кирилл Владимирович. Как известно, любил играть в лаун-теннис и Николай II. В своем дневнике 2 июня 1896 года он записал: «После чаю пошел играть с другими в lawn-tennis, в первый раз» [Дневники императора Николая II, 1991, 149]. В дальнейшем теннис упоминался в дневниковых записях многократно, игра явно доставляла государю большое удовольствие. В качестве соперников императора выступали «морские офицеры из его obsługi и придворная челядь» [Фоменко, 2000, 43], был случай игры в Ливадии государя с чемпионом России, графом Михаилом Сумароковым-Эльстоном в 1913 году. Этот факт упомянут как в дневнике Николая II, так и в воспоминаниях генерал-лейтенанта А.А. Мосолова [Мосолов, 1938, 206]. Можно согласиться с утверждением, что «модное увлечение императора привлекло к теннису внимание всего двора. Блестящие представители российской знати, политической элиты с азартом играли в теннис» [Мутьев, Феурман, Грабовская, 2023, 36]. Игрой были увлечены и дети государя, в ней принимал участие «даже цесаревич Алексей, несмотря на состояние здоровья» [Стать Романовым, 2024, 139, 141]. Корреспондент журнала «Столица и усадьба» утверждал: «Этот спорт всецело покориł наш высший свет» [Спорт в России, 1914, 19].

С 1900 года в Петербурге начал выходить еженедельник «Спорт», в котором лаун-теннису была посвящена отдельная рубрика [Фоменко, 2000, 16]. Столичная мода постепенно получает распространение, появляются теннисные клубы не только в Петербурге, но и в Москве, и в предместьях этих городов [Фоменко, 2000, 12–13]. Но позволить себе иметь специальную площадку в собственной усадьбе в самом начале XX века могли лишь единицы.

Любопытно, что любимым домашним учителем графа Александра Дмитриевича Шереметева был англичанин Ньюм, его портрет в рамке упомянут «в покоях Его Сиятельства графа Александра Дмитриевича Шереметева» в 1877 году [РГИА, ф. 1118, оп. 1, д. 181, 6]. Фотографии учителя и графа-подростка сохранились в музейном собрании Останкино [Государственный дворцово-парковый музей-заповедник «Останкино и Кусково»: Граф Александр Дмитриевич Шереметев и его воспитатель Ньюм. ГК 28262998, 28263006]. Возможно, англичанин и познакомил своего ученика с лаун-теннисом. Князь Феликс Юсупов (1887–1967), приходившийся двоюродным братом теннисному кумиру Михаилу Сумарокову-Эльстону (1883–1970), упомянул графа Александра Дмитриевича Шереметева в своих воспоминаниях [Юсупов, 2018, I, 90]. Они входили в аристократический круг, были даже в дальнем родстве.

В 1912–1914 годах лаун-теннис уже завоевал русскую публику настолько, что, помимо проведения чемпионатов, печатные пособия по игре

стали распространенным явлением [Шарфе, 1913; Чесноков, 1914]. В 1912–1914 годах выходил специальный журнал «Лаун-теннис» [Фоменко, 2000, 36], а в 1913 году в Одессе увидел свет первый учебник на русском языке «Лаун-теннис. История его развития, техника и тактика» П. Патрона [Фоменко, 2000, 14].

Упомянутые в описи имущества Высокого в 1910 году «лопатки», или ракетки для лаун-тенниса, могли быть иностранного производства (английские «Шлезингер», «Дохерти», «Пресс», французские «Масс», «Дрива» или американские «Пенн» [Фоменко, 2000, 147]). Отечественные ракетки, которые с 1906 года стали изготавливать крестьяне родом из Смоленской губернии – братья Максим и Михаил Матвеевичи Цыганковы, работавшие в Москве, начали пользоваться успехом после 1911 года. Тогда ракетки Максима Цыганкова получили одобрение графа М. Сумарокова-Эльстона и на них появился штамп с автографом чемпиона [Фоменко, 2000, 155]. Лучшие мячи выпускала английская фирма «Шлезингер» [Фоменко, 2000, 147]. Можно не сомневаться, что в Высоком были именно такие мячики для лаун-тенниса.

Зарисовку игры в теннис за городом (на даче в Царицыне под Москвой) оставила в своих воспоминаниях Е.Н. Лист, в замужестве Иванова, представительница семейства Крестовниковых-Морозовых: «Наши дачные гости любили играть в теннис. В 1911–1912 годах он мало походил на современный. Дамы одевали высокие белые шнурованные до щиколоток ботинки, широкие юбки и кружевные блузки с высоким воротником на ребрышках из китового уса. У всех высокие прически и в корсетах. Мужчины в белых фланелевых штанах и накрахмаленных рубашках» [Иванова, 2004]. В Хмелиту к Волковым-Муромцевым до Первой мировой войны на ежегодный летний бал девицы не только наряжались, но и «приезжали с ракетками для тенниса, привозили белые холстяные платья и башмачки без каблуков» [Волков, 2016, 93]. В теннис играла и молодежь, и «старики», например генерал Мезенцев, которому было за 50 [Волков, 2016, 93]. Вероятно, в начале XX века так случалось и в Высоком.

Следовательно, отдых на природе в аристократической усадьбе сочетал как традиционные формы досуга (пешие и конные прогулки, катание на лодках, пикники, охоту и рыбалку), так и модные развлечения, в числе которых были лаун-теннис, катание на велосипеде или даже автомобиле. Наличие титула, высокое социальное положение графа А.Д. Шереметева позволяло ему иметь определенный круг гостей, а богатство давало возможность обеспечить себе и своим близким высокий уровень комфорта, приобретать необходимый дорогостоящий спортивный инвентарь и самые последние технические новинки, не считаясь с их ценой. Потому усадьба Высокое Смоленской губернии может являться примером летней семейной резиденции представителя титулованной российской знати на рубеже XIX–XX веков.

ЛИТЕРАТУРА

Бусько С.И. Развлечение аристократов: крокет и теннис на территории Беларуси в начале XX века // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории. 2020. № 4. С. 199–208.

Волков С.В. Офицеры российской гвардии: опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2002. 562 с.

Волков-Муромцев Н.В. Юность. От Вязьмы до Феодосии (1902–1920). М.: Русский путь, 2016. 464 с.

Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 108. Оп. 1. Д. 3.

ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 5.

Государственный дворцово-парковый музей-заповедник «Останкино и Кусково»: граф Александр Дмитриевич Шереметев и его воспитатель Ньюм. Фотографии. Около 1870 г. 13,5x9,5; картон 14,5x10,5. Номера в Госкаталоге: 28262998, 28263006. Номера по КП (ГИК): ММУО КП-10730/311, ММУО КП-10730/312. Инвентарные номера: Фт-5/1, Фт-5/2.

Граббе П.А. Окна на Неву: Мои юные годы в России / пер. с англ. Н. Карачаровой. СПб.: Иванов и Лещинский, 1995. 206 с.

Деверилина Н.В. Усадьба Троицкое Духовщинского уезда и ее владельцы // Усадьбы Смоленщины, соседних и приграничных территорий как центры хозяйственной и культурной жизни: сборник материалов VIII научно-практической конференции (с международным участием). Смоленск: Свиток, 2023. С. 45–52.

Дневники императора Николая II / общ. ред. и предисл. К.Ф. Шацилло. М.: Орбита, 1991. 736 с.

Дойников А.М. Постановка и правила игры в крокет. М., 1868. 14 с.

Зимин И.В. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. Повседневная жизнь российского императорского двора. М.: Целиполиграф, 2025. 576 с.

Иванова Е. Мемуары принцессы-золушки. URL: <http://ricolor.org> История России/memory/ivanova/2 (дата обращения: 01.08.2016).

Иллерицкая Н.В. «История повседневности» в контексте современной историографии // Вестник РГГУ. Серия: История. Политология. Международные отношения. 2022. № 2. С. 12–20.

Каталог библиотеки графа А.Д. Шереметева. Русский отдел. СПб.: Типо-литография Р. Голике, 1895. 139 с.

Краско А.В. Три века городской усадьбы графов Шереметевых. М.: Центрполиграф, 2022. 446 с.

Макеев С.Л., Макеева Т.А. Книга игр. 300 старинных игр и, забав и развлечений от А до Я. М.: ТЦ «Белый город», 2021. 178 с.

Мосолов А.А. При дворе императора. Рига: Филин, 1934. 230 с.

Мутьев А.В., Феурман В.В., Грабовская Е.Ю. Появление лаун-тенниса в Крыму в начале XX столетия // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2023. Т. 4, № 2. С. 34–42.

М-ч. В-ч. Сычевский уезд. С. Высокое – имение графа А. Д. Шереметева // Смоленский вестник. 1889. 9 августа (№ 92). С. 3.

Мятев А.А. Велосипед в дореволюционной России. СПб.: Русский антиквариат, 2008. 296 с.

Нащокина М.В. Актуальные проблемы изучения русской усадьбы // Русская усадьба. 2008. № 13–14. С. 12. С. 7–16.

О селе Высоком Вяземского уезда // Смоленский вестник. 1886. 25 июля (№ 87). С. 2–3.

Памятная книжка Смоленской губернии на 1904 год. Смоленск: Тип. П.А. Силина, 1904. 239, 47, 36, 122, 86, 44 с.

Памятная книжка Смоленской губернии на 1905 год. Смоленск: Тип. П.А. Силина, 1905. 244, 137, 53, 4, 41, 47с.

Памятная книжка Смоленской губернии на 1915 год. Смоленск: Тип. П.А. Силина, 1915. 22, [2], 23–378, 48, 54, 5 с.

Петрова Ю.В. Светлейшие из Сковородкина: Провинциальная жизнь столичной аристократии // Русская усадьба. Вып. 12. М.: Жираф, 2006. С. 199–216.

Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. № 1. С. 7–21.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1118. Оп. 1. Д. 181.

РГИА. Ф. 1118. Оп. 1. Д. 586.

РГИА. Ф. 1118. Оп. 1. Д. 653.

РГИА. Ф. 1118. Оп. 1. Д. 2088.

РГИА. Ф. 1118. Оп. 1. Д. 2089.

РГИА. Ф. 1118. Оп. 1. Д. 2090.

РГИА. Ф. 1118. Оп. 3. Д. 13.

РГИА. Ф. 1118. Оп. 3. Д. 45.

РГИА. Ф. 1118. Оп. 3. Д. 227.

Сакс Г.Т. Велосипед: [Самокат]: Теория и практика: Опыт руководства для любителей и любителей велосипедистов и военно-велосипедных команд / сост.: инструктор Военно-велосипедной команды 26-й Пехотной дивизии Г.Т. Сакс и той же Команды подпоручик Н.К. Рожанович. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1891. 141 с.

Слепкова Н.В. Об обстоятельствах передачи коллекции бабочек великого князя Николая Михайловича Зоологическому музею в Санкт-Петербурге // Труды Зоологического института РАН. 2021. Т. 325, № 1. С. 113–136.

Слепцова Т.В. Спорт как форма досуга в дворянской культуре второй половины XIX – начала XX вв. (на примере текстов художественных произведений) // Философия и культура. 2017. № 10. С. 1–11.

Спорт в России // Столица и усадьба. 1914. № 2. С. 19.

Справочная книжка Смоленской губернии на 1891 год. Смоленск: Губ. тип., 1891. 224 с.

Стать Романовым. Воспитание и образование в императорской семье / авт.-сост. М.В. Сидорова. М.: ГМЗ «Царицыно»: Кучково-поле Музейон, 2024. 400 с.

Тихонова А.В. К экономической характеристике имения Высокое графа А.Д. Шереметева в конце XIX – начале XX века // Известия Смоленского государственного университета. 2025. № 3(71). С. 139–159.

Тихонова А.В. Усадьба Высокое во владении графа Александра Дмитриевича Шереметева в 1874–1918 гг. По документам Российского государственного исторического архива // Вестник архивиста. 2024. № 4. С. 1228–1239.

Тихонова А.В. Усадьба Высокое графов Д.Н. и А.Г. Шереметевых. По документам Российского государственного исторического архива // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 607–619.

Уханова Е.В., Еремина О.И. Образ усадьбы в фотографиях и воспоминаниях графов Шереметевых. В собрании музея-усадьбы Останкино. М.: Кучково поле Музеон, 2020. 248 с.

Фоменко Б.И. История лаун-тенниса в России. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 223 с.

Фоменко Б.И. Как зародился теннис в России. М.: Алаборг, 2010. 64 с.

Хмельницкая И.Б. Спортивные общества и досуг в столичном городе начала XX века: Петербург и Москва. М.: Новый хронограф, 2011. 335 с.

Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФФД СПб). Фотоальбом П 273. Снимок 40. Граф Александр Дмитриевич Шереметев (в центре), его жена Мария Федоровна Шереметева (урожд. Гейден, справа), их дети и гости: граф Михаил Николаевич Граббе и его жена Софья Ивановна Граббе (урожд. Всеволожская) – на крыльце дома в имении Шереметевых «Ульянка». 1894 г.

Чесноков Б.М. К спорту!: Футбол. Лапта. Городки. Лыжи. Коньки. Лаун-теннис. Плавание / со вступит. ст. А. Мак-Киббина: «В Америке и у нас». М.: Моск. изд-во, [1914]. 48 с. и др.

Шарфе И. Футбол; Лаун-теннис: Руководство для соврем. игр с мячом. СПб.: Сотрудник, [1913]. 80 с.

Шергалин Е.Э. «Белая ворона» или Великий князь Николай Михайлович Романов (1859–1919) и его книга «Наблюдения по охоте на диких гусей» (1917) // Русский орнитологический журнал. 2016. № 1324. С. 3007–3018.

Юсупов Ф.Ф. Князь Феликс Юсупов. Мемуары / пер. Ф.Л. Кассировой; предисл. К. Сфири-Шереметевой. В 2 кн. М.: Захаров, 2018.

Юсупова Т., Винарский М. Коллекционер бабочек: Великий князь Николай Михайлович, энтомолог из династии Романовых. М.: Альпина нон-фикшн, 2025. 350 с.

Golf Ball Inventor Dead // The New York Times. 1904. 26 April.

A.V. Tikhonova

*PhD in History, Doctor, Professor,
Chair of Russian History,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

Estate Entertainment Outdoors in the Late 19th – Early 20th Century (Based on the Example of the Vysokoe Estate in Smolensk Province, Owned by Count A.D. Sheremetev)

Estate leisure activities can be divided into outdoor pursuits and indoor pastimes. In the late 19th and early 20th centuries, they increasingly revolved around sports and involved the use of technological innovations. However, acquiring the necessary equipment and purchasing novelty items designed for entertainment and comfort entailed considerable expenses. Only very wealthy landowners could afford such luxuries. Fashion trends often originated within aristocratic circles close to the imperial court.

Estate recreation outdoors is examined through the example of the Vysokoe estate in Sychyovsky District, Smolensk province (now part of Novoduginsky Municipal District, Smolensk Region). In the late 19th and early 20th centuries, it served as the summer family residence of Count Alexander Dmitrievich Sheremetev (1859–1931), a member of the titled nobility and a man of immense wealth.

Among the numerous Sheremetev estates – which included the famous Ostankino – Vysokoe held a special place. This was due to its connection with the memory of the count's mother, Alexandra Grigorievna (née Melnikova), a Smolensk noblewoman for whom Vysokoe was her birthplace, as well as to the count's own childhood memories.

The main sources for this study are the inventories of the Vysokoye estate's property, compiled in 1877 and 1910, which are now held in the Russian State Historical Archive. These documents mention items related to estate leisure activities. While the 1877 inventory reflects the youthful interests of the young count, the 1910 document reveals the pastimes of the adult man and his family. Of particular value are the memoirs of N. V. Volkov-Muromtsev and P. A. Grabbe, members of aristocratic families who owned neighbouring estates and were friends of the Sheremetevs.

Recreational activities at Vysokoe, like those at other estates of the Russian nobility by the early 20th century, combined traditional forms of leisure (such as walking, boating, hunting and fishing) with new innovations (including games of croquet and lawn tennis, as well as cycling and automobile rides).

Keywords: *leisure of the Russian aristocracy in the late 19th – early 20th century; the Vysokoe estate of Count A.D. Sheremetev; estate entertainment; outdoor recreation; estate leisure; outdoor recreation in the late 19th – early 20th century.*

REFERENCES

Bus'ko S.I. Aristocratic Entertainment: Croquet and Tennis in Belarus in the Early 20th Century [Razvlechenie aristokratov: krocket i tennis na territorii Belarusi v nachale XX veka]. «*The Long 19th Century*» in the History of Belarus and Eastern Europe: Research in Modern and Contemporary History, 2020. No 4. Pp. 199–208 (in Russian).

Volkov S.V. Officers of the Russian Guard: A Martyrology [Oficery Rossijskoj gvardii: opyt martirologa]. Moscow: Russian Way, 2002, 562 p. (in Russian).

Volkov-Muromtsev N.V. Youth. From Vyazma to Feodosia (1902–1920) [Yunost'. Ot Vyaz'my do Feodosii (1902–1920)]. Moscow: Russian Way, 2016. 462 p. (in Russian).

The State Archive of the Smolensk region (GASO) [GASO – Gosudarstvennyj arkhiv Smolenskoj oblasti]. Fund 391. List 1. Record 5 (in Russian).

The State Archive of the Smolensk region (GASO) [GASO – Gosudarstvennyj arkhiv Smolenskoj oblasti]. Fund 108. List 1. Record 3 (in Russian).

The State Palace and Park Museum-Reserve «Ostankino and Kuskovo» [Gosudarstvennyj dvorcovo-parkovyj muzej-zapovednik «Ostankino i Kuskovo»]. GC 28262998, 28263006. KP (GIK): MMOO KP-10730/311, MMOO KP-10730/312. Ft-5/1, Ft-5/2. *Count Alexander Dmitrievich Sheremetev and his tutor Newm. Photographs. Circa 1870. Black and white photographic paper, cardboard, photo printing. 13.5 x 9.5* (in Russian).

Grabbe P.A. Windows on the Neva: My Young Years in Russia [Okna na Nevu: Moi yunye gody v Rossii]. Saint-Petersburg: Ivanov and Leshchinsky, 1995. 206 p. (in Russian).

Deverilina N.V. The Troitskoye Estate in the Dukhovshchinsky District and Its Owners [Usad'ba Troickoe Duhovshchinskogo uezda i ee vladel'cy]. *Estates of the Smolensk Region, Neighboring and Border Territories as Centers of Economic and Cultural Life: A Collection of Materials from the VIII Scientific and Practical Conference (with International Participation)*. Smolensk: Scroll, 2023. Pp. 45–52 (in Russian).

Diaries of Emperor Nicholas II [Dnevniki imperatora Nikolaya II]. Edited by K.F. Shacillo. Moscow: Orbit, 1991. 736 p. (in Russian).

Dojnikov A.M. The Game and Rules of Croquet. [Postanovka i pravila igry v krocket]. Moscow, 1868. 14 p. (in Russian).

Zimin I.V. The Children's World of Imperial Residences. The Life of Monarchs and Their Entourage. Everyday Life at the Russian Imperial Court [Detskij mir imperatorskih rezidencij. Byt

monarhov i ih okruzenie. Povsednevnyaya zhizn' rossijskogo imperatorskogo dvora]. Moscow: Centerpoligraf, 2025. 576 p. (in Russian).

Ivanova E. Memoirs of a Cinderella Princess [Memuary princessy-zolushki]. Available at: <http://ricolor.org/ИсторияРоссии/rs/memory/ivanova/2> (accessed on August 1, 2016) (in Russian).

Illerickaya N.V. "The History of Everyday Life" in the Context of Contemporary Historiography [«Istoriya povsednevnosti» v kontekste sovremennoj istoriografii]. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities*. Series: History. Political Science. International Relations, 2022. No. 2. Pp. 12–20 (in Russian).

Catalog of the Library of Count A.D. Sheremetev. Russian Department [Katalog biblioteki grafa A.D. Sheremeteva. Russkij otdel.]. Saint-Petersburg: Typography and lithography of R. Golike, 1895. 139 p. (in Russian).

Krasko A.V. Three Centuries of the City Estate of the Counts Sheremetev [Tri veka gorodskoj usad'by grafov Sheremetyevykh]. Moscow: Centerpoligraf, 2022. 446 p. (in Russian).

Makeev S.L., Makeeva T.A. Book of Games. 300 Old Games, Fun, and Entertainment from A to Z. [Kniga igr. 300 starinnykh igr i, zabav i razvlechenij ot A do YA]. Moscow: Trading House «White City», 2021. 178 p. (in Russian).

Mosolov A.A. At the Emperor's Court [Pri dvore imperatora]. Riga: Filin, 1934. 230 p. (in Russian).

Mut'ev A.V., Feuerman V.V., Grabovskaya E.YU. [Poyavlenie laun-tennisa v Krymu v nachale XX stoletiya]. *Actual Problems of Pedagogy and Psychology*. 2023. Vol. 4. No. 2. Pp. 34–42 (in Russian).

M-ch. V-ch. Sychevsky District. Vysokoye Village – the Estate of Count A.D. Sheremetev [Sychevskij uезд. S. Vysokoe – imenie grafa A. D. Sheremeteva]. *Smolenskij vestnik*, 1889, August 9 (No. 92). P. 3. (in Russian).

Myatiev A.A. The Bicycle in Pre-Revolutionary Russia [Velosiped v dorevolucionnoj Rossii]. Saint-Petersburg: Russian Antiques Dealer, 2008. 296 p. (in Russian).

Nashchokina M.V. Current Issues in the Study of the Russian Estate [Aktual'nye problemy izucheniya russkoj usad'by]. *Russian Estate*, 2008. No 13-14. Pp. 7–16. (in Russian).

About the Village of Vysokoye, Vyazemsky Uyezd [O sele Vysokom Vyazemskogo uезда]. *Smolenskij vestnik*, 1886, July 25 (No. 87). P. 3. September 12 (No 204). P. 3 (in Russian).

Commemorative book of the Smolensk province for 1904 [Pamyatnaya knizhka Smolenskoj gubernii na 1904 god]. Smolensk: Printing house of P.A. Silin, 1904. 239, 47, 36, 122, 86, 44 p. (in Russian).

Commemorative book of the Smolensk province for 1905 [Pamyatnaya knizhka Smolenskoj gubernii na 1905 god]. Smolensk: Printing house of P.A. Silin, 1905. 244, 137, 53, 4, 41, 47 p. (in Russian).

Commemorative book of the Smolensk province for 1915 [Pamyatnaya knizhka Smolenskoj gubernii na 1915 god]. Smolensk: Printing house of P.A. Silin, 1915. 22, [2], 23–378, 48, 54, 5 p. (in Russian).

Petrova Yu.V. The Most Serene of Skovorodkin: Provincial Life of the Capital's Aristocracy [Svetleishie iz Skovorodkina: Provintsial'naia zhizn' stolichnoi aristokratii]. *Russian Estate*, 2006. No. 12. Pp. 199–216 (in Russian).

Pushkareva N.L., Lyubichankovskij S.V. Understanding the History of Everyday Life in Modern Historical Research: From the Annales School to the Russian Philosophical School [Ponimanie istorii povsednevnosti v sovremennom istoricheskom issledovanii: ot shkoly Annalov k rossijskoj filosofskoj shkole]. *Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin*. 2014. No 1. Pp. 7–21 (in Russian).

Russian State Historical Archives (RGIA) [RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv]. Fund 1118. List 1. Record 181 (in Russian).

Russian State Historical Archives (RGIA) [RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv]. Fund 1118. List 1. Record 586 (in Russian).

Russian State Historical Archives (RGIA) [RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv]. Fund 1118. List 1. Record 653 (in Russian).

Russian State Historical Archives (RGIA) [RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv]. Fund 1118. List 1. Record 2088 (in Russian).

Russian State Historical Archives (RGIA) [RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv]. Fund 1118. List 1. Record 2089 (in Russian).

Russian State Historical Archives (RGIA) [RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv]. Fund 1118. List 1. Record 2090 (in Russian).

Russian State Historical Archives (RGIA) [RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv]. Fund 1118. List 3. Record 13 (in Russian).

Russian State Historical Archives (RGIA) [RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv]. Fund 1118. List 3. Record 45 (in Russian).

Russian State Historical Archives (RGIA) [RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv]. Fund 1118. List 3. Record 227 (in Russian).

Saks G.T. Bicycle: [Scooter]: Theory and practice: Experience of guidance for amateur cyclists and military cycling teams [Velosiped: [Samokat]: Teoriya i praktika: Opyt rukovodstva dlya lyubitelej i lyubitel'nic velosipedistov i voenno-velosipednyh komand]. Compiled by instructor of the Military Cycling Team of the 26th Infantry Division G.T. Saks and second lieutenant N.K. Rozhanovich of the same Team. Saint-Petersburg: Printing house of Trenke i Fyusno, 1891. 141 p. (in Russian).

Slepkova N.V. On the circumstances of the transfer of the butterfly collection of Grand Duke Nikolai Mikhailovich to the Zoological Museum in St. Petersburg [Ob obstoyatel'stvah peredachi kollekcii babochek velikogo knyazya Nikolaya Mihajlovicha Zoologicheskomu muzeyu v Sankt-Peterburge]. *Transactions of the Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 325. No. 1. 2021. Pp. 113–136 (in Russian).

Sleptsova T.V. Sport as a Form of Leisure in the Noble Culture of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (Based on Fiction Texts) [Sport kak forma dosuga v dvoryanskoj kul'ture vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv. (na primere tekstov hudozhestvennyh proizvedenij)]. *Philosophy and Culture*, 2017. No. 10. Pp. 1–11 (in Russian).

Sports in Russia [Sport v Rossii]. *Capital and Estate*. 1914. No. 2. P. 19 (in Russian).

Reference book of the Smolensk province for 1891 [Spravochnaya knizhka Smolenskoj gubernii na 1891 god]. Smolensk: Gubernatorial Printing Type, 1891. 224 p. (in Russian).

Becoming a Romanov. Upbringing and Education in the Imperial Family [Stat' Romanovym. Vospitanie i obrazovanie v imperatorskoj sem'e]. Compiled by M.V. Sidorova. Moscow: GMZ «Cari-cyno»: Moscow: Tsaritsyno State Museum-Reserve: Kuchkovo pole Muzeon, 2024. 400 p. (in Russian).

Tikhonova A.V. On the Economic Characteristics of Count A.D. Sheremetev's Vysokoye Estate in the Late 19th – Early 20th Centuries [K ekonomicheskoi kharakteristike imeniia Vysokoe grafa A. D. Sheremeteva v kontse XIX – nachale XX veka]. *Bulletin of Smolensk State University*, 2025. No. 3, Pp. 139–159 (in Russian).

Tikhonova A.V. The Vysokoye estate in the possession of Count Alexander Dmitrievich Sheremetev in 1874–1918. Based on documents from the Russian State Historical Archive [Usad'ba Vysokoe vo vladenii grafa Aleksandra Dmitrievicha Sheremeteva v 1874–1918 gg. Po dokumentam Rossijskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva]. *Archivist's Bulletin*, 2024. No 4. Pp. 1228–1239 (in Russian).

Tikhonova A.V. The Vysokoye Estate of Counts D.N. and A.G. Sheremetev. Based on Documents from the Russian State Historical Archives [Usad'ba Vysokoe grafov D.N. i A.G. Sheremetevykh. Po dokumentam Rossijskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva]. *Archivist's Bulletin*, 2024. No 2. Pp. 607–619 (in Russian).

Ukhanova E. V., Eremina O. I. The image of the estate in photographs and memoirs of the Sheremetev counts [Obraz usad'by v fotografiyakh i vospominaniyakh grafov Sheremetevykh]. The collection of the Ostankino estate museum. Moscow: Kuchkovo pole Muzeon, 2020. 248 p. (in Russian).

Fomenko B. I. How Tennis Was Born in Russia [Kak zarodilsya tennis v Rossii]. Moscow: Alaborg, 2010. 64 p. (in Russian).

Fomenko B. I. History of Lawn Tennis in Russia [Istoriya laun-tennisa v Rossii]. Moscow: Great Russian Encyclopedia, 2000. 223 p. (in Russian).

Khmelnitskaya I. B. Sports Societies and Leisure in the Capital City of the Early 20th Century: Petersburg and Moscow [Sportivnye obshchestva i dosug v stolichnom gorode nachala XX veka: Peterburg i Moskva]. Moscow: Novy Khronograf, 2011. 335 p. (in Russian).

Central State Archive of Film, Photo, and Sound Documents of St. Petersburg (TsGAKFFD SPb) [CGAKFFD SPb – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv kinofotofonodokumentov Sankt-Peterburga]. Photo Album P 273. Image 40. Count Alexander Dmitrievich Sheremetev (center), his wife Maria Feodorovna Sheremeteva (née Geiden, right), their children, and guests: Count Mikhail Nikolaevich Grabbe and his wife Sofia Ivanovna Grabbe (née Vsevolozhskaya) – on the porch of the house on the Sheremetev estate «Ulyanka». 1894 (in Russian).

Chesnokov B. M. To Sports!: Football. Lapta. Gorodki. Skis. Skates. Lawn Tennis. Swimming / with an introduction by A. McKibbin: «In America and Here» [K sportu!: Futbol. Lapta. Gorodki. Lyzhi. Kon'ki. Laun-tenis. Plavanie / so vstupit. st. A. Mak-Kibbina: «V Amerike i u nas»]. Moscow: Type. JSC «Moscow Publishing House», [1914]. 48 p. (in Russian).

Sharfe I. Football; Lawn Tennis: A Guide to Modern Ball Games [Futbol; Laun-tenis: Rukovodstvo dlya sovrem. igr s myachom]. Saint-Petersburg: Sotrudnik, [1913]. 80 p. (in Russian).

Shergalin E. E. «The White Crow» or Grand Duke Nikolai Mikhailovich Romanov (1859–1919) and His Book «Observations on Wild Goose Hunting» (1917) [«Belaya vorona» ili Velikij knyaz' Nikolaj Mihajlovich Romanov (1859–1919) i ego kniga «Nablyudeniya po ohote na dikih gusej» (1917)]. *Russian Ornithological Journal*, 2016. No. 1324. Pp. 3007–3018 (in Russian).

Yusupov F. F. Prince Felix Yusupov. Memoirs [Knyaz' Feliks YUusupov. Memuary]. Translated by F. L. Kassirova; foreword by K. Sfiri-Sheremeteva. In 2 books. Moscow: Zakharov, 2018 (in Russian).

Yusupova T., Vinarskii M. Butterfly collector: Grand Duke Nikolai Mikhailovich, entomologist from the Romanov dynasty [Kollekcioner babochek: Velikij knyaz' Nikolaj Mihajlovich, entomolog iz dinastii Romanovyh]. Moscow: Alpina Non-Fiction LLC, 2025. 350 p. (in Russian).

Golf Ball Inventor Dead // *The New York Times*. 1904. 26 April (in English).

Д.О. Федотов

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 94(470.318) 1900/1914»

DOI 10.35785/2072-9464-2026-74-2-192-204

РОССИЙСКАЯ ПРОКУРАТУРА В 1900–1914 ГОДАХ: МЕЖДУ ПРАВОПОРЯДКОМ И ПОЛИТИКОЙ (на материалах Смоленской губернии)

Ключевые слова: прокуратура; Смоленская губерния; революция 1905–1907 годов, правопорядок; политизация; аграрные беспорядки; антисемитизм; судебная система; свобода печати; государственный надзор.

В статье анализируется деятельность прокуратуры Смоленской губернии в период с 1900 по 1914 год как пример регионального взаимодействия правового надзора и политической власти в условиях политического кризиса. Цель исследования заключается в выявлении особенностей функционирования прокуратуры на фоне роста социальной напряженности, политизации судебных процедур и революционных событий. В качестве источников использованы архивные материалы, региональная периодика, мемуарные и публицистические свидетельства. Методологической основой служат сравнительно-исторический и институциональный подходы с элементами микроисторического анализа. В статье рассматриваются конкретные эпизоды, связанные с аграрными беспорядками, делами о политической агитации, антисемитскими обвинениями и надзором за печатью. Особое внимание уделено кадровой политике и территориальной структуре прокурорских участков. Сделан вывод о двойственной природе прокуратуры как института правопорядка и политического контроля. Полученные результаты расширяют представления о механизмах правоприменения в условиях модернизационного давления и усиливающегося конфликта между обществом и государством в провинциальной России начала XX века.

В начале XX века российская прокуратура функционировала в условиях нарастающего противоречия между модернизацией общества и сохранением консервативной государственной системы. Период с 1900 по 1914 год стал временем глубоких политических и социальных изменений: рост промышленности, революционные потрясения и ожесточение борьбы между властью и оппозиционными движениями оказали значительное влияние на правовую систему страны.

Роль прокуратуры в этот период была двоякой. С одной стороны, она выполняла свою основную функцию – надзор за законностью и правопорядком. С другой – ее деятельность все чаще приобретала политический оттенок, превращая прокуратуру в инструмент государственного контроля над обществом.

Смоленская губерния, находившаяся на границе Центральной России и будущих индустриальных районов, представляет собой идеальный объект для изучения этой двойственной роли прокуратуры. Анализ ее деятельности позволяет не только осветить характерные для провинции проблемы, но и увидеть, как общегосударственные тенденции отражались на уровне региона.

Цель данной статьи – исследовать, каким образом прокуратура Смоленской губернии взаимодействовала с социальными и политическими процессами и как это влияло на ее работу в контексте растущей нагрузки на судебные органы и политизации их деятельности.

Истоки современного интереса к прокуратуре как к элементу государственного контроля и правового надзора восходят к дореволюционным исследованиям А.Ф. Кони и С.А. Андриевского. А.Ф. Кони в своих мемуарах и публичных выступлениях подчеркивал двойственную роль прокуратуры: с одной стороны, обеспечение законности и правопорядка, а с другой – выполнение функций политического контроля в интересах государства. Эти идеи впоследствии подверглись переосмыслению в советский период, когда исследователи, такие как М.Н. Покровский и А.А. Пионтковский, рассматривали прокуратуру преимущественно как репрессивный инструмент самодержавия, направленный на подавление революционного движения и оппозиционных сил.

Современная историография отошла от упрощенных трактовок и анализирует прокуратуру как ключевой институт правового надзора, функционировавший в условиях социальных и политических трансформаций начала XX века. В этот период наблюдается значительная активизация деятельности прокуратуры: увеличивается количество дел, учащается опротестование судебных решений, что связано с ростом социальной напряженности и кризисами в Российской империи [Горбачев, 2022, 1134–1150]. Однако политические условия начала XX века неизбежно ставят вопрос об участии прокуратуры в политическом процессе. В последние десятилетия особое внимание уделяется региональным аспектам работы судебных и прокурорских органов. Важное место в изучении региональной истории прокуратуры занимают обобщающие труды, посвященные развитию прокурорских органов на локальном уровне. К ним относятся коллективная монография «Прокуратура Смоленской области: от Петровских времен до наших дней» [Прокуратура Смоленской области, 2022, 239], в которой прослеживается институциональная эволюция прокуратуры региона на протяжении длительного исторического периода, а также издание «Смоленские прокуроры: страницы истории, проблемы, судьбы» [Смоленские прокуроры, 2001, 263], акцентирующее внимание на персональном составе и профессиональной деятельности представителей прокурорского корпуса. Эти работы имеют преимущественно описательный и справочно-биографический характер, однако содержат ценный фактический материал, позволяющий уточнить кадровые и организационные особенности функционирования прокуратуры в регионе. Региональные исследования позволяют понять специфику взаимодействия прокуратуры с

местными органами власти и обществом в условиях нарастания политической и социальной напряженности. Тематами исследований ученых становятся прокурорский надзор при производстве дознания по государственным преступлениям, взаимодействие прокуратуры с жандармским корпусом, надзорные функции прокуратуры [Петрищева, Зарубина, 2022, 205–212]. Работа прокуратуры с местной прессой также находит отражение в региональных исследованиях [Задерейчук, 2017, 3, 34–41]. Таким образом, современная историография стремится рассматривать прокуратуру как многозадачный институт, стоящий на пересечении правовых, политических и социальных процессов Российской империи начала XX века. Вместе с тем проблема соотношения ее правовых и политических функций на региональном уровне остается недостаточно изученной.

Прокуратура появилась в результате судебной реформы 1864 года. К началу XX века этот судебный институт накопил значительный опыт работы. В конце XIX века роль прокуратуры в российском обществе становилась все более значимой. В условиях быстрого социального и политического развития Российской империи все большее значение приобретали функции, связанные не только с соблюдением законности, но и с контролем за деятельностью общественных и политических организаций, преследованием преступлений против государственной безопасности и защитой интересов правительства.

Смоленская губерния являлась частью Московского промышленного района. Однако, согласно оценке Министерства юстиции, как Смоленская, так и Калужская губернии по своей сути оставались преимущественно сельскохозяйственными регионами, лишь незначительно затронутыми процессами индустриализации [ЖМЮ, 8, 1905, 2]. В Центральной России также фиксировался общий прирост числа судебных дел, но его темпы были гораздо ниже, в среднем около 11% за десятилетие. В губернии не было такого быстрого роста дел, как в южных районах страны (Одесская и Киевская судебные палаты), в столицах и в Варшавско-Лодзинском промышленном районе [ЖМЮ, 2, 1902, 192].

Работа товарищей прокуроров была крайне многоаспектной. Помимо участия в судебных процессах, они занимались вынесением заключений в гражданских делах, работали в распорядительных заседаниях, оказывали помощь мировым судьям, контролировали следственные действия и участвовали в заседаниях различных административных комиссий. Увеличившийся объем государственных преступлений также требовал повышенного внимания, что создавало дополнительную нагрузку. Необходимость частых и дальних поездок делала службу прокуроров более тяжелой по сравнению с работой членов окружных судов. В 1908 году в ответ на рост нагрузки были увеличены штаты некоторых судебных учреждений, включая Смоленский окружной суд, где создали три новые должности. Прокурор Московской судебной палаты А.В. Степанов в письме от 2 мая 1908 года обратился к прокурору Смоленского окружного суда Н.Н. Чебышеву с просьбой рекомендовать кандидатов на должность членов суда. В первую

очередь он подчеркивал необходимость предложить эту возможность «лицам, утомленным службой в прокурорском надзоре, но вполне достойным для повышения» [ГАСО, ф. 884, оп. 3, д. 47, 109].

Деятельность прокуратуры, несомненно, зависела от кадров и кадровой политики. В начале XX века смоленская прокуратура включала прокурора, восьмерых товарищей прокурора, из которых один наблюдал за дознаниями по государственным преступлениям, и секретаря [ССС М.Ю., 24, 1910, 2–4]. С 1900 по 1906 год Смоленскую прокуратуру возглавлял Дмитрий Петрович Стремоухов, статский советник из дворянского рода Нижнего Новгорода. Он начал карьеру в Министерстве юстиции в 1877 году и был известен не только как юрист, но и как геолог-любитель, опубликовавший 13 международных работ и консультировавший при бурении артезианских скважин в Смоленске [Издание геологического комитета, 1925, 996].

Николай Николаевич Чебышев возглавил прокуратуру в 1907 году и стал широко известен благодаря своей просветительской деятельности, издав свои речи, произнесенные на судебных процессах, в том числе политических и имеющих общероссийское значение [Чебышев, 1916, 7–45]. Одним из таких дел было Фастовское дело (1913), связанное с убийством еврейского мальчика Иоссея Пашкова в местечке Фастов под Киевом [Тагер, 1934, 291–293]. В 1910 году прокуратуру возглавил Михаил Степанович Крюков, известный по расследованию политического «дела лбовцев», важного для Уральского региона [Уральский край, 1909, 70]. С 1911 по 1917 год прокурором был Борис Федорович Брок.

Среди товарищей прокурора Смоленского окружного суда были яркие личности, такие как обвинитель во многих политических процессах и журналист правой периодики Владимир Константинович Кулибин [Пашенный, 1967, 353], поэт-символист Андрей Эдмундович Бугон, Константин Иванович Оленин, известный поэт, автор романсов и участник Белого движения [Янгиров, 2013, 43–49], и Георгий (Юрий) Дмитриевич Урусов, который был близким другом Сергея Львовича Толстого [Унковский, 2007, 6–14, 19].

Всех их объединил высокий профессионализм и образование. Географическая близость Смоленска к Москве и Санкт-Петербургу давала возможность практиковаться в судебном состязательном процессе с известными ораторами. Например, в 1902 году на судебном процессе в Ельне оппонентом товарища прокурора Евгения Григорьевича Полуектова был сам Федор Никифорович Плевако. Существовала практика командирования прокуроров в столичные округа для повышения их квалификации, в том числе при открытии новых судебных должностей. В 1905 году было предложено направить товарищей прокуроров, обладающих «изяществом и логикой формулировок», для участия в судебных заседаниях в Санкт-Петербурге, где они могли бы участвовать в делах с присяжными заседателями. Эти командировки, однако, происходили за счет прокуроров, а возвращение

в округа планировалось после месяца работы в столице. От Смоленского окружного суда в такой стажировке, дающей «значительное улучшение служебного положения», участвовал товарищ прокурора М.Л. Мичурин [ГАСО, ф. 882, оп. 3, д. 47, 106–108].

Успех работы прокуратуры в значительной степени зависел не только от деловых качеств товарищей прокуроров и следователей, но и от хорошей организации работы прокурора на местах. Прокурор окружного суда осуществлял надзор за законностью на территории всего Смоленского окружного суда. Для надзора за «полицейскими чинами», судебными следователями и мировыми съездами товарищи прокурора имели свои участки [ЦХД до 1917 г. (бывший ЦИАМ), ф. 131, оп. 8, д. 1., 73, 73 об; ПСЗ РИ УУС, ст. 250, 255, 261, 263, 277]. В 1868 году губерния была разделена на пять прокурорских участков. На момент введения окружного суда (1870) число прокурорских участков было увеличено до шести. В 1887 году в округе Смоленского окружного суда прибавился еще один участок, и их число достигло семи: Вяземско-Юхновский, Рославльско-Краснинский, Поречско-Духовщинский, Смоленский, Дорогобужско-Ельнинский, Гжатско-Сычевский, Бельский [ЦХД до 1917 г. (бывший ЦИАМ), ф. 131, оп. 8, 1877, д. 1422, 5]. Увеличение числа прокурорских участков явно свидетельствовало об увеличении объема работы смоленских прокуроров в связи с ростом общего числа судебных дел и увеличением объема надзорных функций.

В начале XX века рост нагрузки на прокурорский надзор потребовал пересмотра его организации на территории Смоленской губернии. Прокурор Смоленского окружного суда Николай Николаевич Чебышев провел значительную работу по изменению границ прокурорских участков. С 1 июня 1908 года границы всех семи участков были пересмотрены, в некоторых случаях – радикально. Изменились и названия, кроме Смоленского участка. Новые участки, такие как Юхновско-Рославльский и Дорогобужско-Вяземский, объединяли несколько уездов [ГАСО, ф. 882, оп. 1, д. 1, 230–231]. Таким образом оптимизировали распределение дел, сделав его более равномерным, и уменьшили влияние административного деления на прокурорскую деятельность. Важно отметить, что новое деление прокурорских участков не совпадало с административным делением губернии. Это позволило существенно уменьшить влияние местных властей на деятельность прокуратуры и обеспечило большую независимость в ведении дел.

В начале XX века работа прокуратуры все чаще попадала под влияние политических процессов, что отражало общие тенденции политизации государственных институтов Российской империи. Прокуратура, изначально задуманная как инструмент правового надзора, «око государево», становилась участником политических конфликтов, особенно в период революционных потрясений 1905–1907 годов и последующих аграрных и социальных кризисов. Ее работа в этот период усложнилась: выросло общее

количество дел, потребовался дополнительный контроль над деятельностью судебных следователей, работников судов, периодической печати, политических партий и религиозных групп. В 1905 – начале 1906 года даже организовать доставку судебных повесток было определенным вызовом. Местная периодика горестно констатировала: «Мы живем в безсудной земле» [Смоленская газета, 1906, 273].

В первую очередь прокуратура, как важный инструмент государственной власти, активно участвовала в разрешении конфликтов, связанных с аграрными отношениями. Возросшая политизация таких дел проявлялась в их сложной связи с местными социально-экономическими реалиями, революционными настроениями и интересами центральной и местной властей. Опыт сотрудников правоохранительной системы в делах об аграрных беспорядках играл важную роль при их переводе на новые места службы. Так, запрос от 19 июля 1908 года прокурора Астраханского суда, касающийся характеристики следователя Еленева, акцентировал внимание на его опыте в расследовании аграрных беспорядков. Особое значение придавалось энергичности и результативности его работы, а также ее влиянию на стабилизацию общественной ситуации [ГАСО, ф. 884, оп. 3, д. 47, 158].

Количество аграрных дел в период революции было стабильно высоким и привлекало пристальное внимание общественности. Примером может служить дело о митингах в Гжатском уезде в декабре 1905 года. На этих митингах крестьяне призывали к захвату земель и отказу от уплаты налогов, что привело к снижению налоговых поступлений в Субботинской волости [Смоленский вестник, 1906, 306]. Хотя в суде двое участников были оправданы, двое других получили по два месяца заключения, что отразило попытку властей использовать судебную систему для сдерживания аграрного протеста. По делу двухдневных аграрных беспорядков на ст. Ярцево 9–10 декабря 1905 года были осуждены ораторы – эсеры, имевшие при себе оружие, агитационные материалы и выпуски местной газеты «Днепровский вестник». Однако местные крестьяне были оправданы: сказались положительные показания местного земского начальника [Смоленская газета, 1906, 169]. Это дело показывало всю сложность и запутанность аграрных и политических отношений в российской провинции. Несмотря на поддержку радикальных речей, крестьяне отвергли идею свержения монархии, сохраняя верность царю. Работа авторитетного местного земского начальника, разъяснившего суть Манифеста 17 октября, помогла предотвратить дальнейшую эскалацию конфликта.

Как было уже сказано выше, в качестве агитационных материалов в аграрных беспорядках использовались материалы местных периодических изданий. Во время революции роль газет в политической жизни губернии, несомненно, возросла. Так возникло дело «Днепровского вестника», которое ярко иллюстрирует сложное переплетение вопросов свободы прессы, цензуры и по-

литической борьбы в период революционных потрясений начала XX века. Газета занимала буржуазно-демократическую позицию [Будаев, 1963, 325–335], критиковала правительство и публиковала материалы, которые местные власти считали подстрекательскими. Деятельность редакции, возглавляемой дворянином Л.А. Черевиным, постоянно находилась под пристальным вниманием местных властей и прокуратуры, что привело к многочисленным судебным разбирательствам. Местные власти в лице Смоленского вице-губернатора В.Ю. Фере активно инициировали запросы к прокуратуре о возбуждении уголовных дел против редакции за публикации, которые считались угрожающими общественному порядку [ГАСО, ф. 884, оп. 1, д. 82, 3–5; ГАСО, ф. 884, оп. 1, д. 84, 9–11; ГАСО, ф. 884, оп. 1, д. 86, 4]. Такие запросы были систематическими и касались большинства выпусков Днепровского вестника конца 1905 – начала 1906 года. Прокуратура была вынуждена рассматривать эти дела и принимать решения о законности действий.

Прокуратура пыталась, сохраняя объективность и, оставаясь в рамках закона, доказать наличие в статьях газеты призывов к насильственным действиям, подрыву государственного строя и разжиганию вражды между различными группами населения. Например, статьи из № 332 и № 333 «Днепровского вестника» включали материалы о московском восстании, аграрных вопросах и призывах к политическим реформам. Несмотря на давление, прокуроры часто отказывали в возбуждении дел, если не находили достаточных доказательств призывов к насильственным действиям. Критика избирательного закона из статьи № 339 сопровождалась комментариями прокуроров о ее «развязном тоне» и грубости, но без явного состава преступления [ГАСО, ф. 884, оп. 1, д. 82, 3–5]. Тем не менее видна определенная тенденция. Запись прокурора «Это надо прочесть!» в материалах дела по статье «Рославльские крестьяне о земле» в № 342 и 344 подчеркивает приоритет аграрных вопросов для местной прокуратуры [ГАСО, ф. 884, оп. 1, д. 89, 3–4]. Прокурорские пометки о наличии состава преступления по п. 2 и 3 ст. 129 Уложения о наказаниях свидетельствуют о серьезном отношении к аграрным волнениям как угрозе общественному порядку. Политические вопросы, например критика правительства, не вызывали у прокуратуры такого же беспокойства, что подчеркивает наличие разницы в подходах к различным типам правонарушений. В статье «Бессмысленные мечтания» № 340 выражается резкая критика в адрес правительства, утверждается, что оно неспособно справиться с революционным движением. Однако это не привело к возбуждению уголовного дела, несмотря на «дерзкий тон» [ГАСО, ф. 884, оп. 1, д. 95, 3–5]. Зимой – весной 1906 года товарищ прокурора Смоленского суда В.А. Гунбин вел пять дел, связанных с редактором Днепровского вестника. Данные следствия проводились под особым контролем и с строгим соблюдением процессуальных норм [ГАСО, ф. 884, оп. 1, д. 93, 4]. Большинство дел, связанных с Днепровским вестником, заканчивались либо оправданием, либо мини-

мальными наказаниями (двумя месяцами домашнего ареста), поскольку доказать прямую противоправность материалов зачастую не удавалось [Смоленская газета, 1906, 241]. В случае с «Днепровским вестником» прокуратура, хотя и использовала законы для преследования оппозиционных материалов, в некоторых случаях не могла добиться строгих наказаний из-за недостаточности доказательств. Это свидетельствует о сложности работы прокуратуры в условиях революционных потрясений, когда традиционные правовые нормы часто не соответствовали политическим ожиданиям. Прокуроры, с одной стороны, стремились подавить критику правительства, но, с другой – находились в рамках правовой системы, что снижало их эффективность в борьбе с оппозиционными движениями. Это свидетельствует о сложностях применения законодательства в условиях политической нестабильности и роста общественного напряжения.

Судьба «Днепровского вестника» демонстрирует ограниченность правовых инструментов в борьбе с оппозиционной прессой, а также разрыв между усилиями местной администрации по подавлению «опасных» публикаций и судебной системой, которая не всегда находила основания для сурового наказания. Этот случай подчеркивает важность прессы как инструмента политической борьбы и отражает общий процесс политизации судебной системы в пореформенный период.

В начале XX века антисемитизм как идеология и практика оказал значительное влияние на работу прокуратуры в России, в том числе в Смоленской губернии. Антисемитские настроения, поддерживаемые как определенными слоями общества, так и местными властями, находили отражение в юридических и судебных действиях, включая работу прокуроров.

Одним из ярких примеров антисемитского влияния на правоприменительную практику является дело о погроме в Каменке 20 октября 1905 года. Погром был организован местными криминальными элементами, однако он получил ярко выраженную этническую окраску, так как целью нападения были еврейские купцы и их имущество. Товарищ прокурора В.А. Гунбин, выступая по делу, заявил, что подобные акты насилия являют собой не только преступления, но и проявление «темной племенной вражды». Он выразил уверенность, что каждая попытка погромов в губернии будет строго, но справедливо караться согласно букве закона. В ответ на обвинения защитники погромщиков утверждали, что погром был результатом частного конфликта, а не организованного насилия против еврейского населения. Однако прокуратура все же добилась наказания для участников погрома, акцентируя внимание на «племенной вражде» [Смоленский вестник, 1906, 265].

В начале 1910-х годов века антисемитизм, подкрепленный общественными мифами о ритуальных убийствах и ростом влияния правых партий, стал серьезным вызовом для российской прокуратуры. Такие дела, как дело Абрамовой в Смоленске (1910), были не единичными, а частью целого ряда процессов (дело Бейлиса, Фастовское дело), использовавшихся для поддержания антисемитских настроений в обществе и политической

борьбы. Первоначальное обвинение, выдвинутое Евдокией Абрамовой против еврейской семьи Пинкус, касалось якобы ритуального убийства ее ребенка. В августе 1910 года газета «Русское знамя» опубликовала серию статей, в которых обвинила судебные власти Смоленской губернии в «предательстве христианских ценностей». Несмотря на явную абсурдность обвинений, публикации в газете «Русское знамя» привели к широкому общественному резонансу, вынудив прокуратуру Смоленского окружного суда начать расследование [Тагер, 1934, 34].

Уже на начальном этапе следствие показало, что обвинения Абрамовой лишены оснований. Полицейский врач установил, что раны у ребенка появились из-за антисанитарных условий жизни, а не в результате какого-либо насилия. Тем не менее газета продолжала раздувать историю, публикуя статьи, обвиняющие судебные и надзорные органы в «защите евреев».

В августе 1910 года дело о ритуальном убийстве было прекращено за отсутствием доказательств, однако осенью того же года семья Пинкус подала жалобу на редакторов газеты и других лиц, причастных к распространению клеветы. Предварительное следствие по делу о клевете длилось почти год, а само судебное разбирательство – до 1913 года. В результате Евдокия Абрамова была оправдана, а редактор и авторы статей приговорены к шести месяцам тюрьмы (А. Дубровин – заочно). [Тагер, 1934, 35]. Примечательно, что обвинения в использовании христианской крови суд не рассматривал, поскольку этот вопрос даже не считал достойным внимания, особенно после завершения процесса Бейлиса в Киеве. Смоленское дело стало частью широкой антисемитской кампании, которая вела к подрыву доверия к прокуратуре и суду. Аналогичные примеры в других регионах подтверждают, что давление на правовые институты носило общегосударственный характер.

Появление легальных политических партий добавило еще один аспект деятельности прокуратуры Смоленского окружного суда. В рамках борьбы с оппозиционными партиями прокуратура выступала проводником государственной политики решений местных властей. Например, в ноябре 1905 года были арестованы местные лидеры Конституционно-демократической партии (кадетов), несмотря на то что их активность носила преимущественно мирный характер. Чиновники-кадеты были уволены со своих должностей без судебного разбирательства [Смоленская газета, 1906, 169]. Прокуроры и судьи часто оказывались вовлечены в борьбу местных партий, действуя не только в рамках закона, но и под давлением властей, партийных интересов и общественного мнения.

Ярким примером политического вмешательства в судебную практику является случай, произошедший в Сычевке в феврале 1908 года, когда городской судья стал объектом доноса о якобы агитации за кадетскую партию. Это дело иллюстрирует, как судебные представители могли быть обвинены в политической деятельности, даже если их действия не выходили за рамки должностных обязанностей. В данном случае городской судья утверждал в своем

объяснении прокурору Смоленского окружного суда, что действовал исключительно в рамках избирательной инструкции, утвержденной местными властями, и не занимался агитацией [ГАСО, ф. 884, оп. 3, д. 47, 59–60].

Одной из специфических задач прокуратуры, имевшей политическое значение, было наблюдение за деятельностью религиозных и сектантских групп. В практике работы прокуратуры Смоленского окружного суда религиозных дел было немного. Так, 16 июля 1904 года товарищ прокурора А.В. Хлебников получил ответ на запрос о количестве арестантов в Смоленской городской тюрьме, сидящих за дела против веры. Всего лишь один человек из 362 отбывал наказание за данный вид преступления [ГАСО, ф. 876, оп. 1, д. 9, 18–19]. В Смоленской губернии существовали общины старообрядцев, духоборов и других сектантов, которые находились под пристальным вниманием местных властей. Прокуратура активно действовала против сектантов согласно инструкциям [ГАСО, ф. 884, оп. 2, д. 1, 9], например, в случае с баптистом Янсом Дарьяном, чьи антипатриотические и антиправославные высказывания привели к расследованию и последующему закрытию дела за недостаточностью доказательств [Смоленские епархиальные ведомости, 1906, 10, 598–600]. В целом большинство дел о сектантской деятельности закрывалось за недостаточностью доказательств. Это показывает, что прокуратура, хотя и действовала в рамках законодательства, часто испытывала давление со стороны местных властей, требовавших репрессий [Гавриленков, 2021, 87–88].

Проведенное исследование выявило, что прокуратура Смоленской губернии в 1900–1914 годах играла двойственную роль: с одной стороны, оставалась институтом правового надзора, обеспечивающим соблюдение закона в повседневной практике, а с другой – все более вовлекалась в политические процессы, выступая инструментом государственной власти в борьбе с оппозицией, аграрным протестом, сектантскими движениями и свободной прессой. На конкретных примерах показано, как правовая деятельность прокуратуры пересекалась с политическими задачами, включая дела о революционной агитации, антисемитских обвинениях и цензурной практике. Особое значение имели кадровая политика, профессиональная квалификация и региональная организация прокурорских участков, которые позволяли адаптировать надзорные функции к условиям возрастающей административной нагрузки и общественного напряжения. При этом Смоленская губерния служит показательным примером того, как общегосударственные процессы (революция, правый поворот, цензурная политика) преломлялись в рамках провинциальной судебной практики.

Исследование опыта работы прокуратуры Смоленской губернии помогает глубже понять особенности российской судебной системы того времени, ее политическую ангажированность и роль в управлении кризисами. Этот опыт служит важным примером для изучения эволюции правоохранительных органов в период социальных и политических трансформаций.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Д.И. Заметки о распространении печати в дореволюционной Смоленской губернии // Город-ключ: К 1100-летию Смоленска. Проза. Поэзия. Литературная критика. Смоленск, 1963. С. 325–335.

Гавриленков А.Ф. Православная церковь, сектантство и власть в Смоленской губернии (1905–1917 гг.) // Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии. 2021. № 1. С. 77–89.

ГАСО. Ф. 882. Оп. 3. Д. 47.

ГАСО. Ф. 884. Оп. 1. Д. 82.

ГАСО. Ф. 884. Оп. 1. Д. 84.

ГАСО. Ф. 884. Оп. 1. Д. 86.

ГАСО. Ф. 884. Оп. 1. Д. 89.

ГАСО. Ф. 884. Оп. 1. Д. 93.

ГАСО. Ф. 884. Оп. 1. Д. 95.

ГАСО. Ф. 884. Оп. 2. Д. 1.

ГАСО. Ф. 884. Оп. 3. Д. 47.

Горбачев В.П. Участие прокурора в уголовном производстве по пересмотру судебных решений в Российской империи во второй половине XIX – начале XX столетия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13, № 4. С. 1134–1150.

Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 876. Оп. 1. Д. 9.

Журнал министерства Юстиции. 1902. № 2. С. 446.

Журнал министерства Юстиции. 1905. № 8. С. 518.

Задерейчук И.П. История развития прокуратуры на территории Крыма во второй половине XIX – начале XX века // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Т. 3(69), № 2. С. 34–41.

Издание геологического комитета. Дмитрий Петрович Стремоухов: [Учен. секр. Моск. отд-ния Геол. ком.]: некролог. Л., 1925. С. 996–997.

Пашенный Н.Л. Императорское Училище Правоведения и правоведы в годы мира, войны и смуты. Мадрид, 1967. 457 с.

Петрищева Н., Зарубина К. Роль прокуратуры в расследовании дел политического характера во второй половине XIX – начале XX века (на примере Курской губернии) // Вопросы истории. 2022. № 6(1). С. 205–212.

Прокуратура Смоленской области: от Петровских времен до наших дней. Серпухов, 2022. 239 с.

ПСЗ РИ. Устав уголовного судопроизводства. Ст. 250, 255, 261, 263, 277.

Сборник статистических сведений Министерства Юстиции. Вып. 24. Ч. 1. С. 243.

Смоленская газета. 1906. № 169.

Смоленская газета. 1906. № 241.

Смоленская газета. 1906. № 273.

Смоленские епархиальные ведомости. 1906. № 10. С. 598–600.

Смоленские прокуроры: страницы истории, проблемы, судьбы / Е.А. Агарков [и др.]. Смоленск, 2001. 263 с.

Смоленский вестник. 1906. № 265.

Смоленский вестник. 1906. № 306.

Тагер А.С. Царская Россия и дело Бейлиса. М.: Советское законодательство, 1934. 323 с. Уральский Край. 1909. № 70.

ЦХД до 1917 г. (бывший ЦИАМ). Ф. 131. Оп. 8. 1877. Д. 1422.

ЦХД до 1917 г. (бывший ЦИАМ). Ф. 131. Оп. 8. Д. 1.

Чебышев Н.Н. Обвинительные речи. Петроград, 1916. 188 с.

Унковский Ю.М. Эда Урусова – актриса из княжеского рода. Владимир: Фолиант, 2007. 222 с.

Янгиров Р.М. К биографии поэта Константина Оленина // Право на имя: Биографика XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе: Избранное. 2003–2012. СПб.: Норма, 2013. 638 с.

D.O. Fedotov

*PhD in History, Associate Professor,
Chair of Russian History,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

The Russian Prosecution Service in 1900–1914: Between Law and Politics (Based on Materials from the Smolensk Province)

The article analyzes the activities of the prosecution service in the Smolensk province between 1900 and 1914 as a case study of regional interaction between legal oversight and political power during the late imperial crisis. The aim of the research is to identify the specific features of prosecutorial functioning against the backdrop of growing social tensions, the politicization of judicial procedures, and revolutionary upheavals. The study draws on archival documents, regional periodicals, memoirs, and journalistic accounts. The methodological framework includes a comparative-historical and institutional approach supplemented by elements of microhistorical analysis. The article examines cases related to agrarian unrest, political agitation, anti-Semitic accusations, and press censorship. Special attention is paid to personnel policies and the territorial structure of prosecutorial districts. The study concludes that the prosecution service acted as both a legal supervisory body and a political control mechanism. The findings contribute to a broader understanding of law enforcement practices under conditions of modernization pressure and escalating conflict between society and the state in provincial Russia in the early 20th century.

Keywords: *prosecution service; Smolensk province; 1905–1907 revolution; law and order; politicization; agrarian unrest; anti-Semitism; judicial system; freedom of the press; state oversight.*

REFERENCES

Agarkov E.A., Kononov V.A., Burinskaia L.L., Rakitskaia L.A. Smolensk prosecutors: pages of history, problems, destinies [Smolenskie prokurory: stranitsy istorii, problemy, sud'by]. Smolensk, 2001, 263 p. (in Russian).

Budaev D.I. Notes on the dissemination of printed matter in pre-revolutionary Smolensk province [Zametki o rasprostranении pečati v dorevoliutsionnoi Smolenskoj gubernii]. *Key City: On the 1100th Anniversary of Smolensk. Prose. Poetry. Literary Criticism*. Smolensk, 1963. Pp. 325–335 (in Russian)

Gavrilentov A.F. The Orthodox Church, Sectarianism and Power in Smolensk Province (1905–1917) [Pravoslavnaia tserkov', sektantstvo i vlast' v Smolenskoj gubernii (1905–1917 gg.)]. *Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary*, 2021. No. 1. Pp. 77–89 (in Russian).

State Archive of the Smolensk Region [Gosudarstvennyi arkhiv Smolenskoj oblasti (GASO)]. File 876, list 1, case 9 (in Russian).

SASR, file 882, list 3, case 47 (in Russian).

SASR, file 884, list 1, case 82 (in Russian).

SASR, file 884, list 1, case 84 (in Russian).

SASR, file 884, list 1, case 86 (in Russian).

- SASR, file 884, list 1, case 89 (in Russian).
 SASR, file 884, list 1, case 93 (in Russian).
 SASR, file 884, list 1, case 95 (in Russian).
 SASR, file 884, list 2, case 1 (in Russian).
 SARS, file 884, list 3, case 47 (in Russian).
 Gorbachev V.P. The Role of the Prosecutor in criminal proceedings regarding the revision of judicial decisions in the Russian Empire during the late 19th and Early 20th Centuries [Uchastie prokurora v ugovnom proizvodstve po peresmotru sudebnykh reshenii v Rossiiskoi imperii]. *Bulletin of Saint-Petersburg University. Law*, 2022. Vol. 13. No. 4. Pp. 1134–1150 (in Russian).
 Journal of the Ministry of Justice [Zhurnal Ministerstva Iustitsii]. 1902. No. 2. P. 446 (in Russian).
 Journal of the Ministry of Justice [Zhurnal Ministerstva Iustitsii]. 1905. No. 8. P. 518 (in Russian).
 Zadereychuk I.P. The History of the development of the prosecution service in Crimea in the second half of the 19th – Early 20th century [Istoriia razvitiia prokuratury na territorii Kryma]. *Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal Sciences*, 2017. Vol. 3(69). No. 2. Pp. 34–41 (in Russian).
 Geological Committee Publication. Dmitry Petrovich Stremoukhov: Scientific Secretary of the Moscow Branch of the Geological Committee: Obituary [Dmitrii Petrovich Stremoukhov: Uchen. sekr. Moskovskogo otdeleniia Geol. kom.]. Leningrad, 1925. Pp. 996–997. (in Russian).
 Pashenny N.L. (1967). The Imperial school of jurisprudence and jurists during peace, war, and turmoil [Imperatorskoe Uchilishche Pravovedeniia i pravovedy v gody mira, voyny i smuty]. Madrid. 457 p. (in Russian).
 Petrishcheva N., Zarubina K. The Role of the prosecution service in investigating political cases in the late 19th – early 20th century (A case study of Kursk province) [Rol' prokuratury v rassledovanii del politicheskogo kharaktera]. *Issues of history*, 2022. No. 6(1). Pp. 205–212 (in Russian).
 The Prosecutor's office of the Smolensk region: from the Petrine era to the present day [Prokuratura Smolenskoi oblasti: ot Petrovskikh vremen do nashikh dnei]. Serpukhov, 2022. 239 p. (in Russian).
 Complete collection of laws of the Russian Empire (Digest). Code of criminal procedure [Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Ustav ugovnogo sudoproizvodstva] Article 250, 255, 261, 263, 277 (in Russian).
 Statistical digest of the Ministry of Justice [Sbornik statisticheskikh svedenii Ministerstva Iustitsii]. Issue 24. Part 1. 243 p. (in Russian).
 Smolensk Bulletin [Smolenskii vestnik]. 1906. No. 265. (in Russian).
 Smolensk Bulletin [Smolenskii vestnik]. 1906. No. 306. (in Russian).
 Smolensk Gazette [Smolenskaia gazeta]. 1906. No. 169. (in Russian).
 Smolensk Gazette [Smolenskaia gazeta]. 1906. No. 241. (in Russian).
 Smolensk Gazette [Smolenskaia gazeta]. 1906. No. 273. (in Russian).
 Smolensk Diocesan Bulletin [Smolenskie eparkhial'nye vedomosti]. 1906. No. 1. Pp. 598–600 (in Russian).
 Tager A.S. Tsarist Russia and the Beilis Case [Tsarskaia Rossiia i delo Beilisa]. Moscow: Sovetskoe zakonodatel'stvo, 1934. 323 p. (in Russian)
 Urals Region [Uralskii krai]. 1909. No. 70. (in Russian)
 Central Historical Archive before 1917 (formerly TsIAM) [TsKhD do 1917 g. (byvshii TsIAM)]. File 131, list 8, 1877, case. 1422 (in Russian).
 Central Historical Archive before 1917 [TsKhD do 1917 g.]. File 131, list 8, case 1 (in Russian).
 Chebyshev N.N. Prosecutorial Speeches [Obvinitel'nye rechi]. Petrograd, 1916. 188 p. (in Russian)
 Unkovskii Yu.M. Eda Urusova – an actress of princely origin [Eda Urusova — aktrisa iz kniazheskogo roda]. Vladimir: Foliant, 2007, 222 p. (in Russian).
 Yangirov R.M. On the biography of poet Konstantin Olenin [K biografii poeta Konstantina Olenina]. *Right to a name: twentieth-century biographies. Readings in memory of Veniamin Iofe: Selected Works 2003–2012*. Saint-Petersburg: Norma, 2013, p. 638. (in Russian).

Е.А. Сидорович

Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь

УДК 94(460)

DOI 10.35785/2072-9464-2026-74-2-205-218

ВАРИАТИВНОСТЬ НОМИНАЦИИ МУСУЛЬМАН КОРОЛЕВСТВА КАСТИЛИЯ И ЛЕОН В XI–XV ВЕКАХ

Ключевые слова: *Королевство Кастилия и Леон; мусульманская община; сарацин; мавр; мудехар.*

Статья посвящена сравнительному анализу номинаций мусульман в Королевстве Кастилия и Леон в XI–XV веках, что позволяет раскрыть особенности языкового и социального конструирования образа «чужого» в средневековом обществе. Цель данного исследования – выявление закономерностей изменения номинаций мусульман в письменных источниках указанного хронотопа в контексте социальных, юридических и политических процессов, обусловленных феноменом мудехаризма. Рассматриваются ключевые термины, использовавшиеся для обозначения мусульманского населения: «мавр», «сарацин» и «мудехар», а также их семантическое развитие и контекст употребления. Исследование подчеркивает уникальность социального феномена мудехаризма, когда мусульмане сохраняли свою веру и автономию под юрисдикцией христианского монарха. Работа опирается на ономаσιологический подход, позволяющий выявить, каким образом язык не только отражал, но и формировал правовой, социальный и культурный статус мусульман в христианских королевствах Пиренейского полуострова. В качестве исторических источников выбраны правовые документы, хроники и литературные памятники, где данная терминология использовалась для политической риторики и идеологического закрепления межконфессиональных отношений. Работа основывается на междисциплинарной методологии и вносит вклад в изучение межконфессиональных взаимодействий, а также социальной истории средневековой Испании.

В современном академическом пространстве вопросам истории мусульманской общины Королевства Кастилия и Леон уделяется недостаточно внимания [Echevarría Arsuaga, 2021, 9], несмотря на их значительный исследовательский потенциал: анализ данной группы позволяет глубже понять аспекты социальной истории, концепцию *convivencia* (сосуществования христиан, мусульман и евреев в средневековой Испании), вопросы легализации религиозного анклава и межкультурную коммуникацию. На фоне многочисленных работ, посвященных мусульманам Короны Арагона [Варьяш, 2016; Nierenberg, 2018; Meyerson, 1994; Sánchez, 2002], этот дисбаланс

особенно заметен и затрудняет понимание взаимодействия христианского большинства и мусульманского меньшинства во всем регионе.

Традиционно испанисты определяют конец XI – начало XVI века как период мудехаризма – особого социального, культурного и юридического феномена, когда мусульмане завоеванных христианами территорий оставались под властью монарха, сохраняя свободу, вероисповедание и право на самостоятельное управление своей общиной в обмен на обязательство уплаты дополнительных налогов напрямую в королевскую казну. Присутствие мусульман в социальном и юридическом пространствах христианских королевств Пиренейского полуострова нашло отражение в различных письменных источниках, таких как хроники, фуэро (записи норм местного права), орденамьенто (королевские указы или постановления кортесов), литературные памятники и кодексы общего права. Особый интерес представляет вопрос вариативности номинаций свободных мусульман в документах Кастилии и Леона, поскольку терминология, используемая для их обозначения, не только демонстрирует сложность межконфессиональных отношений, но и указывает на динамические процессы формирования общественного сознания и правовых норм в период Реконкисты. Анализ этих номинаций позволяет проследить, как менялись представления о мусульманской общине под влиянием политических, культурных и религиозных трансформаций, а также как языковые и юридические практики способствовали конструированию образа «чужого» в контексте стремления к унификации общества. Таким образом, объектом данного исследования являются письменные источники Кастильской Короны. В качестве же предмета выступают эволюция и репрезентативность различных номинаций мусульман в юридическом и социальном пространствах Кастилии XI–XV веков.

Цель нашего исследования – выявление закономерностей изменения номинаций мусульман в письменных источниках Королевства Кастилия и Леон в контексте социальных, юридических и культурных процессов, обусловленных феноменом мудехаризма. Актуальность данной проблемы заключается, во-первых, в том, что средневековое европейское общество характеризовалось социальной эклектичностью, когда представители одной веры могли быть разделены в социальном и юридическом пространствах наличием или отсутствием личных прав. Такая демаркация не только отражала сложные иерархические отношения внутри общества, но и определяла взаимодействие различных групп. Во-вторых, конкретные номинации оказывают влияние на современные представления о мультикультурализме, идентичности и религиозной терпимости. Изучение того, как язык формировал восприятие «чужого» в прошлом [Biernacka, 2017], позволяет выявить корни современных стереотипов и проблем, связанных с межкультурным взаимодействием [Сидорович, 2024]. Таким образом, анализ номинаций открывает доступ к более глубокому пониманию политической, социальной и

культурной истории Иберийского полуострова, а также помогает переосмыслить подходы к изучению межкультурных отношений как в историческом, так и в современном контекстах.

Данное исследование требует междисциплинарного подхода, опирающегося на достижения медиэвистики, этимологии, ономазиологии и школы «истории понятий». Еще в первой половине XX века Л. Февр, один из основателей школы «Анналов», призывал историков к сотрудничеству с филологами и семантиками, подчеркивая, что без учета языковых изменений невозможно достоверно реконструировать прошлое [Febvre, 1941, 13]. В рамках этой парадигмы язык рассматривался как социальный феномен, в то время как семантические и номинативные изменения отражали трансформации общества. Ономазиология как теория номинаций, определяя выражение идей, принципов и закономерностей формирования названий предметов и понятий, предоставляет возможность установить, каким образом в языке происходит обозначение вещей и явлений мира [Копач, 2007, 313]. В данном контексте это позволяет нам исследовать, каким образом исторические субъекты через терминологию создавали, закрепляли и трансформировали понятия, отражающие их мировоззрение и социальное устройство.

Как ответ на произошедший лингвистический поворот в гуманитарных и социальных науках, в 1960–1970 годах сформировались два центра исторических исследований, сосредоточенных на изучении понятий, – в Германии и Великобритании. Входящие в число главных теоретиков немецкой школы «истории понятий» Р. Козеллек и Х.Э. Бедекер предложили методологию анализа терминов, подчеркивая их значимость для изучения исторических процессов [Bödeker, 2002b]. Согласно этому направлению, исследование терминов прошлого является неотъемлемой частью исторического анализа, поскольку язык отражает социальные, политические и культурные изменения. Так, Р. Козеллек утверждал, что за словами стоят экстралингвистические, прелингвистические и постлингвистические элементы, которые необходимо учитывать при исследовании терминологии [Koselleck, 1972, XIX]. Х.Э. Бедекер указывал, что формирование терминов сопровождается созданием «семантической матрицы» [Bödeker, 2002a], внутри которой понятие постепенно приобретает или утрачивает значения [Koselleck, 2002]. Аналогично на протяжении Высокого и Позднего Средневековья понятие «мусульманин» в нарративе источников Королевства Кастилия и Леон обозначалось разными терминами, которые в свою очередь имели дуальную природу: с одной стороны, они выполняли номинативную функцию и использовались для описания «чужих», а с другой – имели конкретную коннотацию в текстах, определенную политическим или историческим контекстом.

Обращение к междисциплинарному подходу позволило нам проследить формирование, использование и развитие номинаций мусульманского меньшинства в контексте социальных и культурных процессов. В рамках

герменевтического метода мы применяли ономаσιологический инструмент для инвентаризации понятий в письменных источниках на латинском языке и романсе (самоназвание старо- и среднекастильского языка), чтобы проанализировать термины и их использование в различных нарративах с учетом контекста их создания. Компаративистский и хронологический методы исследования нашли отражение в сопоставлении номинаций мусульман в регионе в разное время, а также при анализе событий, связанных с изменениями в использовании терминов. И наконец, благодаря синтезу как общенаучному методу было осуществлено объединение данных из исторических источников и научной литературы, что позволило выделить ключевые этапы формирования терминологии, обозначающей мусульманское меньшинство в Королевстве Кастилия и Леон.

Проблема терминологии в отношении обозначения представителей мусульманского населения Королевства Кастилия и Леон затрагивалась исследователями лишь фрагментарно и косвенно. Первые шаги в изучении данного вопроса были сделаны на рубеже XIX–XX веков при помощи этимологического подхода, в рамках которого создавались словари для систематизации и анализа происхождения и значений исторических терминов. Например, нидерландский историк-ориенталист Р. Дози установил происхождение арабизма «мудехар» в испанском языке с дефиницией свободного мусульманина, проживающего под юрисдикцией королевской власти [Dozy, 1927, 425; Dozy, Engelmann, 1869, 321]. Существенный вклад в изучение средневековой испанской лексики внес арабист и исламовед Ф.М. Сальгадо, который не только представил последовательную историю возникновения и использования термина «мудехар», но также выявил причины, которые способствовали его последующей конкуренции в текстовом пространстве со словом «мавр» [Salgado, 1985; Salgado, 1996, 159, 160–162]. Первым из испанистов, затронувшим проблему номинации и демаркации мусульман во время Гранадской войны (1482–1492), был М.А. Ладеро Кесада [Ladero Quesada, 1987]. Более обширный компаративистский анализ семантических единиц произвел К. Гонсалес Пас в контексте локальной истории Галисии [González Paz, 2004]. А специализирующаяся на социальном и юридическом положении мусульман в Королевстве Кастилия и Леон А. Арсуага Ечеваррия также в своих работах обращала внимание на генезис номинации «мудехар» как субъекта своих исследований, проводя параллели с лингвистическим опытом соседней Короны Арагона [Echevarría Arsuaga, 2021; Echevarría Arsuaga, 2008].

Взятие Толедо Альфонсо VI (1072–1109) в 1085 году является *terminus post quem* появления мусульманской общины в Королевстве Кастилия и Леон. До этого последователи ислама на христианской территории если и были, то являлись либо пленными, либо рабами. Стоит отметить, что Толедо XI века был крупным поликонфессиональным городом, где наряду с мусульманским большинством проживали иудейская и мосарабская общины на правах «людей договора» (*зимми*, араб. ذمي), платя налог, поскольку считались «людьми Писания»

(*ахль аль-китаб*, араб. *أهل الكتاب*) – последователями монотеистической религии, отличными от язычников. Известно, что после успешного завершения осады города Альфонсо VI разрешил мусульманам свободно покинуть территорию, захватив с собой движимое имущество [Ibn al-Kardabus, 2017, 102–103], или остаться в особом статусе под юрисдикцией короля [Verskin, 2015, 11]. В отношении иноверцев последний вариант предполагал своеобразную адаптацию исламского концепта *зимми*: мусульманам предоставлялись права сохранения вероисповедания, собственной администрации и использования шариата в пределах общины, а взамен они обязаны были платить в королевскую казну налоги. Более того, христианские власти переняли и элементы мусульманской терминологии: под *альхамой* (араб. *الجامع*) начали подразумевать административно-территориальную единицу, обозначавшую инорелигиозную общину с собственным правлением и институциональной структурой. Подобная система статуса иноверцев в Кастилии и Арагоне получила отражение и в арабской правовой мысли. В ряде источников мусульманские общины, проживавшие под властью христианских монархов, характеризуются как «мусульманские зимми» (*зимми муслим*, араб. *مسلم ذمي*) [Al-Wansharisi, 323], что подчеркивало их правовое положение зависимых, но официально признанных королевских подданных.

Особого внимания заслуживает тот факт, что само существование мусульманских общин как в Королевстве Кастилия и Леон, так и в других христианских государствах Пиренейского полуострова противоречило исламскому мировоззрению и религиозно-правовой доктрине. Согласно представлениям мусульманских богословов того времени, правоверным было запрещено проживать на территориях, находящихся вне политического господства ислама (*дар аль-ислам*, араб. *الإسلام دار*) в так называемых «землях войны» (*дар аль-харб*, араб. *الحرب دار*), где они подвергались ограничениям. В подобных условиях мусульмане считались обязанными совершить переселение (*хиджра*, араб. *هجرة*) в исламские страны либо по крайней мере на территории перемирия (*дар ас-сулх*, араб. *الصلح دار*), где их статус был защищен. Исходя из этого, мусульманское население завоеванных христианами городов теоретически должно было покинуть их в массовом порядке. Однако этого не произошло: значительная часть мусульман предпочла остаться, руководствуясь как экономическими, так и личными мотивами. Данная ситуация вызвала острую полемику среди исламских правоведов маликитского мазхаба, часть из которых стремилась обосновать и легитимировать присутствие одноверцев на землях христианских королевств [García Sanjuán, 1997].

Также стоит обратить внимание на то, что отсутствие насильственного изгнания мусульман со стороны христианских властей не только из Толедо, но и из завоеванных впоследствии городов и регионов имело ряд причин. Во-первых, такая политика объяснялась экономическими мотивами: депопуляция плодородных земель Эстремадуры, Андалусии и Кастилии-ла-Манчи привела бы к катастрофическим последствиям в сельском хозяйстве. Политика репопласьон (переселения христианского населения с северных областей Кастилии

на юг) в то время только начала формироваться и требовала огромного количества добровольцев, чтобы сохранить уровень продуктивности сельскохозяйственных угодий. Во-вторых, в контексте отсутствия обязательного требования эмиграции и перехода в католичество некоторые мусульманские города предпочитали сдаться добровольно кастильцам, чтобы избежать ненужных смертей [Estoria de Espanna, 1113]. И наконец, в-третьих, исходя из сформировавшейся идеологии Королевства Кастилия и Леон как преемника Вестготского королевства, такое положение вещей подразумевалось как темпоральное, и считалось, что сами мусульмане по собственной воле перейдут в титульную веру [Las siete partidas, III, 486], поэтому наличие инорелигиозного элемента в социальном пространстве изначально не рассматривалось категорически враждебно.

Поскольку в Средние века латынь сохраняла статус *lingua franca*, именно на этом языке были составлены хронологически первые письменные источники Королевства Кастилия и Леон. Однако уже в документах начала XIII века мы наблюдаем явление макаронического письма: в латинские тексты постепенно проникает лексика так называемого романсе – разговорного идиома кастильцев, который впоследствии станет основой современного испанского языка. При правлении Альфонсо X Мудрого (1252–1284) романсе получил официальный статус государственного языка, и с этого времени преимущественно на нем начинают составляться канцелярские и юридические документы. Эти лингвистические изменения не могли не повлиять на способы обозначения «чужих» в социальном пространстве королевства.

Одним из первых терминов, обозначающих мусульманина, в латинских источниках региона был экзоэтноним «сарацин» (лат. *sarracenum*), который являлся общим названием всех исповедующих ислам [González Paz, 2004, 282]. Первоначально в нарративах под сарацинами подразумевались преимущественно военные противники или пленные, что отражало политический контекст региона. Однако уже с конца XI века начали появляться прецеденты оформления особых отношений между королевской властью и инорелигиозными общинами в рамках капитуляций и подписания королевских грамот, приведшие к значительным изменениям в статусе мусульман. На этом этапе мусульманская община становилась объектом королевской казны (лат. *thesauri regii*), что означало ее включение в систему налоговых обязательств и прямой зависимости от королевской власти [El Cantar de Mío Cid, 92]. Такая трансформация привела к расширению семантического поля экзоэтнонима, что вызвало появление проблемы различия трех дефиниций, решение которой в письменных источниках нашло выражение в употреблении дополнительных уточнений «свободный» (лат. *liber*) или «рабский» (лат. *esclavus*) [Colección de Privilegios, VI, 94; Estoria de Espanna, 1906, 483].

В XIII веке процесс Реконкисты достиг апогея, что привело к квантитативному увеличению упоминания мусульман в канцелярских, законодательных

и литературных источниках. Это в свою очередь вызвало необходимость оформления синонимического ряда в языке, и наряду со словом «сарацин» в латинских источниках начинает встречаться понятие «мавр» (лат. *maurus*) [Los Fueros del Reino de Toledo y Castilla la Nueva, 2017, 99], которое означало арабских завоевателей из Северной Африки [Corominas, 1983, 151], а затем расширилось до обозначения всех мусульман на Пиренейском полуострове. При ономастическом анализе источников заметно преобладание именно этой номинации, которая затем подверглась фонетической ассимиляции и проникла в романсе (*mauro / mouro, moro*). Проблема разграничения «своих» мусульман, гранадцев и рабов, лишенных личных прав, нашла решение также в добавлении различных атрибуций в текстах. Общинные мусульмане в различных письменных источниках могли обозначаться следующим образом: «мавры мирные» (лат. *mauri pacis*, ром. *moros en paz*) [El Cantar de Mio Cid, 1988, 92], «мавры королевские» (лат. *mauri regis / pertinent ad regem*, ром. *moros reales*) [Salgado, 1985, 105; Alvarado Planas, Oliva Manso, 2019, 207], «мавры под договором» (ром. *moro en pleyto*) [Fueros Castellanos, 102], «мавры свободные» (ром. *moros forros*) [Alvarado Planas, Oliva Manso, 2019, 206]. Последователи ислама, лишенные личных прав, упоминались как «мавры пленные» (лат. *mauri capti*, ром. *moros cautivos/prisioneros*) [Salgado, 1985, 105; Las siete partidas, III, 483; Colección de Privilegios, VI, 102] и «мавры привезенные» (ром. *moros traiados*), а гранадцы – как «враги по вере» (ром. *enemigos de Fe*) [Las siete partidas, II, 602; Colección de Privilegios, VI, 187]. Тем не менее это уточнение несло скорее волатильный и факультативный характер, поэтому при определении конкретной семантики необходимо обращение к контексту, который помогает установить, какого именно мусульманина подразумевал христианский автор: например, в законодательных источниках свободный мусульманин упоминался в титулах, где присутствовали также евреи и еретики или же имелось уточнение профессий (торговец, владелец пекарни и пр.) [Ordenamiento de peticiones otorgadas por el Rey Don Enrique II, 378], а если речь шла об имуществе, то это означало, что «мавр» не имел личных прав и был собственностью хозяина [Alvarado Planas, Oliva Manso, 2019, 208].

Мы также встречаем еще две группы номинаций, обозначающих мусульман с промежуточным статусом: освобожденных (лат. *fuert forro; catiuo firmen*) [Alvarado Planas, Oliva Manso, 2019, 206] и пришлых из других земель (лат. *ad alteram terra*) [Alvarado Planas, Oliva Manso, 2019, 207]. В первом случае речь шла о том, что даже освобожденный раб сохранял связь со своим бывшим хозяином: последнему переходило имущество мусульманина при условии отсутствия других наследников. Объяснение же существования в кастильском юридическом дискурсе второй группы имеет экономические и политические причины. Прибытие новой рабочей силы, безусловно, положительно отражалось на состоянии хозяйства, и в этом контексте религиозные предрассудки могли отойти на задний план [Catlos, 2001], поэтому в источниках указывается, что новоприбывшие мусульмане

имеют право жить в определенной местности и искать себе хозяина. С другой стороны, примерно с конца XII века наблюдается поток мигрантов с территории тайфы Мурсия, где дольше всего происходило сопротивление альмохадам. После смены династии не только религиозные меньшинства, населявшие аль-Андалус, но и сами мусульмане, несогласные с установившимися строгими правилами приверженности исламу, были вынуждены искать другие земли для жизни [Alvarado Planas, Oliva Manso, 2019, 141]. Следовательно, юридический дискурс не был статичным, а реагировал на социальные, экономические и политические флуктуации.

Преимущественное употребление термина «мавр» в письменных источниках Королевства Кастилии и Леона контрастирует с соседней Коронай Арагон, где в основном встречаются номинации «сарацин» (кат. *sarraï*, вал. *serrahi*) [Echevarría Arsuaga, 2021, 10] и «королевская сокровищница» (лат. *thesauri regii*) [Verskin, 2015, 11]. Данные региональные различия подтверждают лингвистическую специфику обозначения мусульман в кастильских нарративах, обусловленную географическими, политическими и культурными факторами.

Историческая реальность привела к тому, что в арабских источниках XIV века появляется термин, обозначающий покоренного мусульманина, оставшегося жить на христианской территории Пиренейского полуострова, – «прирученный» (*мудажжан*, араб. *مدجن*) [Dozy, 1927, 425]. Как было уже упомянуто выше, мусульмане обязаны были проживать на территории *дар аль-ислам*, и сам феномен их нахождения под властью королей Кастилии, Португалии или Арагона вызвал дискуссию в интеллектуальном арабском мире. Поэтому в фетвах – мнениях юристов по какому-либо прецеденту – можно найти различные точки зрения на сложившуюся ситуацию: от консервативных до умеренных. В фетве аль-Хаффара впервые происходит попытка демаркации мусульман, проживающих в Гранадском эмирате, как «своих» и в Арагоне как «прирученных» [Miller, 2000, 278–279]. Также последний термин употребляют философ и социолог Ибн Халдун и философ и историк Ибн аль-Хатиб [Salgado, 1985, 105]. Данный арабизм подвергся затем фонетической ассимиляции в романсе, превратившись в «мудехар» (ром. *mudexar*, исп. *mudéjar*), и в письменных источниках регистрируется с конца XV века для разграничения кастильских мусульман и гранадцев в королевской грамоте 1479 года [Echevarría Arsuaga, 2021, 11], а также в Хрониках Католических королей [Valera, 1927, 278; Pulgar, 1943, 153]. Стоит заметить, что сегодня данный термин обладает более расширенным семантическим полем, поскольку во второй половине XIX века в историографии и искусствоведении им начинают обозначать не только мусульманскую общину в христианских средневековых королевствах, но и характерный архитектурный стиль, развивавшийся на их территории [Amador de los Rios, 1859, 6].

Испанский историк и филолог Ф.М. Сальгадо считает, что появление и устойчивое использование арабизма «мудехар» в качестве номинации свободных мусульман христианского королевства обусловлено несколькими причи-

нами. Во-первых, экстралингвистические факторы требовали специального термина, который бы описывал уникальную для того времени ситуацию – особый статус свободных мусульман, проживающих в общине на христианской территории. Во-вторых, отсутствие в лексиконе латинского языка и романсе подобного термина привело к заимствованию такового из арабских источников. Оно обеспечивало терминологическую точность, придавая новому слову статус маркированного понятия, применимого к конкретной социальной и правовой категории мусульманских подданных. В-третьих, законы лингвистической экономики требовали закрепления отдельного термина, поскольку в отличие от понятия «мавр» в этом случае не требовалось уточнять, какой он: пленный, раб, враг, королевский, мирный, освобожденный, пришлый. Следовательно, новое слово упрощало административные, юридические и нарративные практики, обеспечивая однозначность идентификации группы. И наконец, в-четвертых, использование слова другой языковой группы в качестве термина способствовало его нейтральности в отличие от «мавра» и «сарацина», у которых за долгое время их употребления накопилась уничижительная и отрицательная коннотация [Salgado, 1985, 105–106; Corominas, IV, 151; Corominas, V, 167]. В самом же заимствовании лексемы из арабского языка нет ничего удивительного, поскольку романсе, находясь в условиях многокультурного сосуществования, естественным образом впитывал элементы других языков. Этот же механизм лежал в основе вышеописанного формирования номинации административного центра религиозных меньшинств, а также рецепции должностей.

Что касается наиболее распространенного сегодня термина «мусульманин» (*муслим*, араб. *مسلم*, ром. – *muçlîm*), то его использовали на территории Кастилии и Леона как самоназвание сами представители мудехарской общины. Среди источников указанного хронотопа его можно встретить в «Законах мавров» XIV века [Leyes de moros, 1853, 28]. Однако христиане не использовали данную номинацию в исследуемом нами периоде, поэтому этот эндоэтноним мы исключили из анализа.

Стоит отметить, что после первой серии прагматических законов в начале XVI века феномен мудехаризма в Королевстве Кастилия и Леон перестал существовать: мусульмане были вынуждены либо эмигрировать, либо перейти в христианство. Следовательно, вообще упоминание последователей ислама, проживавших на территории Кастильской Короны, исчезает на долгое время, вернувшись лишь в XIX веке уже в трудах испанских медиевистов и ориенталистов.

Таким образом, исследование номинации мусульман в Королевстве Кастилия и Леон позволило выделить несколько важных аспектов. Во-первых, ситуация, когда мусульмане находились под юрисдикцией короля Кастилии и Леона, была уникальной для своего времени. Она не только вызвала дискуссии в арабской интеллектуальной среде, но и потребовала особого оформления в

христианском юридическом пространстве. Во-вторых, на ранних этапах мусульмане в кастильских письменных источниках обозначались как сарацины и мавры, причем последний термин достаточно быстро стал доминирующим. Для демаркации мусульман в текстах использовались атрибутивные выражения, уточняющие статус мусульманина: свободный, раб, враг, королевский, мирный, освобожденный, пришлый. В-третьих, с течением времени в среднекастильский язык проник термин арабского происхождения «мудехар», который наиболее точно отражал суть феномена мусульманской общины в Королевстве Кастилия и Леон. Его использование подчеркивало уникальность ее положения и роли в социальном, культурном и юридическом контексте региона, а также способствовало лингвистической экономии. Прделанный нами анализ эволюции терминологии демонстрирует, как языковые конструкции фиксировали новую социальную реальность и политический контекст средневекового христианского государства, отражая при этом изменения в правовом статусе мусульман, а также способствует более глубокому пониманию политической, социальной и культурной истории Иберийского полуострова.

ЛИТЕРАТУРА

Варьяш И.И. Сарацины под властью арагонских королей. Исследование правового пространства XIV века. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2016. 390 с.

Копач О.И. Теория номинации: история и современность // Sociokultúrna realita a príroda: Zborník recenzovaných vedeckých prác s medzinárodnou účasťou. 2007. S. 313–320.

Сидорович Е.А. Актуальность исследования межрелигиозных отношений в Королевстве Кастилия и Леон XIII–XV вв. в дискурсе межкультурной коммуникации // Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, приуроченной к празднованию 300-летия Российской академии наук. Омск, 2024. С. 759–763.

Alvarado Planas J., Oliva Manso G. El fuero de Madrid. Madrid: Agencia Estatal Boletín. 2019. 329 p.

Al-Wansharisi. The Marbella Fatwa // Leaving Iberia. Islamic Law and Christian Conquest in North West Africa. Cambridge: Harvard University Press, 2021. P. 323–330.

Biernacka M. Maur jako obcy w Hiszpanii? Między swojkością a odmiennością // Przegląd Socjologii Jakościowej. 2017. S. 90–109.

Bödeker H.E. Ausprägungen der historischen Semantik in den historischen Kulturwissenschaften // Begriffsgeschichte, Diskursgeschichte, Metapherngeschichte. Göttingen: Wallstein – Vert., 2002. S. 7–28.

Bödeker H.E. Reflexionen über Begriffsgeschichte als Methode// Begriffsgeschichte, Diskursgeschichte, Metapherngeschichte. Göttingen: Wallstein – Vert., 2002. S. 73–122.

Catlos B.A. Contexto y convivencia en la Corona de Aragón: propuesta de un modelo de interacción entre grupos etno-religiosos minoritarios y mayoritarios // Revista d'Història Medieval. 2001. № 12. P. 259–268.

Colección de Privilegios, Franquezas, Exenciones y Fueros, concedidos á varios pueblos y corporaciones de la Corona de Castilla, copiados de ordene S. M. de los registros del Real Archivo de Simancas. T. VI. Madrid: Imprenta de D. M. de Burgos, 1833. 515 p.

Corominas J. Pascual J.A. Diccionario Crítico Etimológico Castellano e Hispanico: en 6 t. Madrid: Editorial Gredos, 1983. T. 4. 907 p.

Corominas J., Pascual J.A. Diccionario Crítico Etimológico Castellano e Hispanico: en 6 t. Madrid: Editorial Gredos, 1983. T. 5. 847 p.

- Discurso de d. José Amador de los Rios leído ante la Real Academia de Nobles Artes de San Fernando en su recepción pública. Granada: Imprenta y librería de D. José M. Zamora, 1859. 42 p.
- Dozy R. Supplément aux dictionnaires arabes. Layde: Brill, 1927. 864 p.
- Dozy R., Engelmann W.H. Glossaire des mots espagnols et portugais dérivés de l'arabe. Leyde: Brill, 1869. 424 p.
- El Cantar de Mío Cid. Madrid: España-Calpe, 1988. 343 p.
- Echevarría Arsuaga E.A. Los mudéjares de la Corona de Castilla. Poblamiento y estatuto jurídico de una minoría. Granada, 2021. 304 p.
- Echevarría Arsuaga E.A. Los mudéjares: ¿minoría, marginados o «grupos culturales privilegiados»? // Medievalismo. 2008. № 18. P. 45–65.
- Estoria de Espanna. Primera Crónica General o sea Estoria de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuaba bajo Sancho IV en 1289. Madrid: Nueva Biblioteca de Autores Españoles, 1906. 1792 p.
- Febvre L. La sensibilité et l'histoire. Comment reconstruire la vie affective d'autrefois? // Annales d'histoire sociale. 1941. T. 3, № 1/2. P. 5–20.
- Fueros Castellanos de Soria y Alcalá de Henares. Madrid, 1919. 324 p.
- García Sanjuán A. Del Dar al-Islam al Dar al-Harb: la cuestión mudéjar y la legalidad islámica // Archivo Hispalense. 1997. Núm. 243, V. 80. P. 177–187.
- González Paz C.A. Sarracenos, Moros, Mudéjares y Moriscos en la Galicia Medieval // Cuadernos de Estudios Gallegos. 2004. T. LI. P. 281–312.
- Ibn al-Kardabus. Historia de al-Andalus [Kitab al-Iktifa']. Madrid: Akal, 2017. 170 p.
- Koselleck R. Einleitung // Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Bd. 1. Stuttgart, 1972. S. XIII–XXVIII.
- Koselleck, R. Hinweise auf die temporalen Strukturen begriffsgeschichtlichen Wandels // Begriffsgeschichte, Diskursgeschichte, Metapherngeschichte. Göttingen: Wallstein – Vert., 2002. S. 29–48.
- Ladero Quesada M.A. Nóminas de conversos granadinos // Estudios sobre Málaga y el Reino de Granada en el V Centenario de la Conquista. 1987. P. 291–311.
- Las siete partidas del muy noble rey Don Alfonso el Sabio. T. 2. Madrid, 1843. 954 p.
- Las siete partidas del muy noble rey Don Alfonso el Sabio. T. 3. Madrid, 1844. 568 p.
- Leyes de moros // Memorial Histórico Español: colección de documentos, opúsculos y antigüedades. Madrid: Imprenta de la Real Academia de la Historia, 1853. P. 11–246.
- Los Fueros del Reino de Toledo y Castilla la Nueva. Madrid: Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado, 2017. 178 p.
- Meyerson M. D. El musulmans de València en l'època de Ferran i Isabel. Valencia, 1994. 493 p.
- Miller K.A. Muslim minorities and the obligation to emigrate to Islamic territory: two fatwas from fifteenth century Granada // Islamic Law and Society. 2000. № 7/2. P. 256–287.
- Nirenberg D. Muslims in Christian Iberia, 1000–1526 // The Medieval World. London: Partledge, 2018. P. 60–76.
- Pulgar H. Crónica de los señores Reyes Católicos Don Fernando y Doña Isabel. Madrid, 1943. 384 p.
- Salgado M.F. Acerca del uso, significado y referente del término «mudéjar» // Congreso Internacional ENCuentro Tres Culturas. 1985. P. 103–112.
- Salgado M.F. Vocabulario de Historia Árabe e Islámica. Madrid, 1996: Ediciones Akal. 331 p.
- Sánchez S.E. Los mudéjares. Pervivencia del mundo islámico en Aragón // Trébede: Mensual aragonés de análisis, opinión y cultura. 2002. No. 62. P. 43–48.
- Valera M.D. Crónica de los Reyes Católicos. Madrid, 1927. 314 p.
- Verskin A. Islamic Law and the Crisis of the Reconquista. Leiden: Brill, 2015. 241 p.

E.A. Sidorovich

Postgraduate,
Chair of Ancient and Medieval History,
Belarusian State University
Minsk, Belarus

Variability of the Nomenclature of Muslims in the Kingdom of Castile and León in XI–XV Centuries

The article is devoted to a comparative analysis of the designations of Muslims in the Kingdom of Castile and León in the 11th–15th centuries, which reveals the features of linguistic and social construction of the image of the «Other» in medieval society. The aim of this study is to identify patterns of change in the designations of Muslims in written sources of the specified chronotope, in the context of social, legal, and political processes driven by the phenomenon of Mudejarism. The article examines key terms used to refer to the Muslim population: «Moor», «Saracen», and «Mudéjar», as well as their semantic development and contextual usage. The study highlights the uniqueness of the social phenomenon of Mudejarism, where Muslims retained their faith and autonomy under the jurisdiction of a Christian monarch. The research is based on an onomasiological approach, which makes it possible to reveal how language not only reflected but also shaped the legal, social, and cultural status of Muslims in the Christian kingdoms of the Iberian Peninsula. Historical sources include legal documents, chronicles, and literary works where this terminology was used for political rhetoric and ideological reinforcement of interfaith relations. This work employs an interdisciplinary methodology and contributes to the study of interfaith interactions as well as the social history of medieval Spain.

Keywords: *the Kingdom of Castile and Leon; Muslim community; Saracen; Moor; Mudejar.*

REFERENCES

- Al-Wansharisi. The Marbella Fatwa // *Leaving Iberia. Islamic Law and Christian Conquest in North West Africa*. Cambridge, 2021. Pp. 323–330 (in English).
- Alvarado Planas J., Oliva Manso G. The charter of Madrid [El fuero de Madrid]. Madrid, 2019. 329 p. (in Spanish).
- Biernacka M. The Moor as a Stranger in Spain? Between Familiarity and Otherness. [Maur jako obcy w Hiszpanii? Między swojkością a odmiennością]. *Qualitative Sociology Review*, 2017. Pp. 90–109 (in Polish).
- Bödeker H.E. Forms of Historical Semantics in the Historical Cultural Sciences [Ausprägungen der historischen Semantik in den historischen Kulturwissenschaften]. *Begriffsgeschichte, Diskursgeschichte, Metapherngeschichte*. Göttingen, 2002. Ss. 7–28 (in German).
- Bödeker H.E. Reflections on Conceptual History as a Method [Reflexionen über Begriffsgeschichte als Methode]. *Begriffsgeschichte, Diskursgeschichte, Metapherngeschichte*. Göttingen, 2002. Ss. 73–122 (in German).
- Castillian charters of Soria and Alcala [Fueros Castellanos de Soria y Alcalá de Henares]. Madrid, 1919. 324 p. (in Spanish).

Catlos B.A. Context and Coexistence in the Crown of Aragon: A Proposal for a Model of Interaction between Minority and Majority Ethno-Religious Groups [Contexto y convivencia en la Corona de Aragón: propuesta de un modelo de interacción entre grupos etno-religiosos minoritarios y mayoritarios]. *Revista d'Història Medieval*, 2001. No. 12. Pp. 259–268 (in Spanish).

Collection of Privileges, Franchises, Exemptions, and Charters Granted to Various Towns and Corporations of the Crown of Castile, Copied by Order of His Majesty from the Registers of the Royal Archive of Simancas [Colección de Privilegios, Franquezas, Exenciones y Fueros, concedidos á varios pueblos y corporaciones de la Corona de Castilla, copiados de ordine S. M. de los registros del Real Archivo de Simancas]. Madrid, 1833. Vol. VI. 515 p. (in Spanish).

Corominas J., Pascual J. A. Critical Etymological Dictionary of Castilian and Hispanic: In 6 Vols [Diccionario Crítico Etimológico Castellano e Hispanico: en 6 t.]. Madrid, 1983. Vol. 4. 907 p. (in Spanish).

Corominas J., Pascual J. A. Critical Etymological Dictionary of Castilian and Hispanic: In 6 Vols [Diccionario Crítico Etimológico Castellano e Hispanico: en 6 t.]. Madrid, 1983. Vol. 5. 847 p. (in Spanish).

Discourse by D. José Amador de los Ríos, Read before the Royal Academy of Fine Arts of San Fernando at His Public Reception [Discurso de d. José Amador de los Ríos leído ante la Real Academia de Nobles Artes de San Fernando en su recepción pública]. Granada: Printing House and Bookstore of D. José M. Zamora, 1859. 42 p. (in Spanish).

Dozy R. Supplement to Arabic Dictionaries [Supplément aux dictionnaires arabes]. Layde: Brill, 1927. 864 p. (in French).

Dozy R., Engelmann W. H. Glossary of Spanish and Portuguese Words Derived from Arabic [Glossaire des mots espagnols et portugais dérivés de l'arabe]. Layde: Brill, 1869. 424 p. (in French).

Echevarría Arsuaga A.M. The Mudéjars of the Crown of Castile. Settlement and legal status of a minority. [Los mudéjares de la Corona de Castilla. Poblamiento y estatuto jurídico de una minoría]. Granada, 2021. 304 p. (in Spanish).

Echevarría Arsuaga A.M. The Mudéjars: Minority, Marginalized, or "Privileged Cultural Groups"? [Los mudéjares: ¿minoría, marginados o «grupos culturales privilegiados»?]. *Medievalismo*, 2008. No. 18. Pp. 45–65 (in Spanish).

Febvre L. Sensitivity and History: How to Reconstruct the Emotional Life of the Past? [La sensibilité et l'histoire. Comment reconstituer la vie affective d'autrefois?]. *Annales d'histoire sociale*, 1941. Vol. 3. No. 1/2. Pp. 5–20 (in French).

García Sanjuán A. From Dar al-Islam to Dar al-Harb: The Mudéjar Question and Islamic Legality [Del Dar al-Islam al Dar al-Harb: la cuestión mudéjar y la legalidad islámica]. *Archivo Hispalense*, 1997. No. 24. Vol. 80. Pp. 177–18 (in Spanish).

González Paz C.A. Saracens, Moors, Mudéjars, and Moriscos in Medieval Galicia [Sarracenos, Moros, Mudéjares y Moriscos en la Galicia Medieval]. *Cuadernos de Estudios Gallegos*, 2004. Vol. LI. Pp. 281–312 (in Spanish).

Ibn al-Kardabus. History of al-Andalus [Kitab al-Iktifa']. Madrid: Akal, 2017. 170 p. (in Spanish).

Kopach O. I. Nomination Theory: History and Modernity [Teorija nominacii: istorija i sovremennost']. *Sociocultural Reality and Nature: Collection of Peer-Reviewed Scientific Papers with International Participation*, 2007. Pp. 313–320 (in Russian).

Koselleck R. Introduction [Einleitung]. *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Vol. 1. Stuttgart, 1972. Ss. XIII–XXVIII. (in German).

Koselleck R. Notes on the Temporal Structures of Conceptual Historical Change [Hinweise auf die temporalen Strukturen begriffsgeschichtlichen Wandels]. *Begriffsgeschichte, Diskursgeschichte, Metapherngeschichte*. Göttingen: Wallstein-Vert., 2002. Ss. 29–48. (in German).

Ladero Quesada, M. A. Lists of Granadan Converts [Nóminas de conversos granadinos]. *Studies on Malaga and the Kingdom of Granada in the Fifth Centenary of the Conquest*, 1987. Pp. 291–311 (in Spanish).

Laws of the Moors [Leyes de moros]. *Spanish Historical Memorial: collection of documents, pamphlets and antiquities*. Madrid: Imprenta de la Real Academia de la Historia, 1853. Pp. 11–246 (in Spanish).

Meyerson M. D. The Muslims of Valencia in the Time of Ferdinand and Isabella [El musulmans de València en l'època de Ferran i Isabel]. Valencia, 1994. 493 p. (in Catalan).

Miller K. A. Muslim Minorities and the Obligation to Emigrate to Islamic Territory: Two Fatwas from Fifteenth-Century Granada // *Islamic Law and Society*, 2000. No. 7/2. Pp. 256–287 (in English).

Nirenberg D. Muslims in Christian Iberia, 1000–1526 // *The Medieval World*. London: Routledge, 2018. Pp. 60–76 (in English).

Pulgar H. Chronicle of the Catholic Monarchs Ferdinand and Isabella [Crónica de los señores Reyes Católicos Don Fernando y Doña Isabel]. Madrid, 1943. 384 p. (in Spanish).

Salgado, M. F. On the Use, Meaning, and Reference of the Term "Mudéjar" [Acerca del uso, significado y referente del término «mudéjar»]. *Congreso Internacional ENCUESTRO TRES CULTURAS*, 1985. Pp. 103–112 (in Spanish).

Salgado M. F. Vocabulary of Arab and Islamic History [Vocabulario de Historia Árabe e Islámica]. Madrid: Ediciones Akal, 1996. 331 p. (in Spanish).

Sánchez S.E. The Mudéjars: The Persistence of the Islamic World in Aragon [Los mudéjares. Pervivencia del mundo islámico en Aragón]. *Trébede: Aragonese monthly publication of analysis, opinion and culture*, 2002. No. 62. Pp. 43–48 (in Spanish).

Sidorovich E.A. The Relevance of the Study of Interreligious Relations in the Kingdom of Castile and Leon in the XIII–XV Centuries in the Discourse of Intercultural Communication [Aktual'nost' issledovanija mezhhreligioznyh otnoshenij v Korolevstve Kastilija i Leon XIII–XV vv. v diskurse mezhkul'turnoj kommunikacii]. *Collection of materials from the VIII International scientific and practical conference of students, postgraduate students and young scientists, dedicated to the celebration of the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences*. Omsk, 2024. Pp. 759–763 (in Russian).

The Charters of the Kingdom of Toledo and New Castile [Los Fueros del Reino de Toledo y Castilla la Nueva]. Madrid: Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado, 2017. 178 p. (in Spanish).

The First General Chronicle or the History of Spain, Commissioned by Alfonso the Wise and Continued under Sancho IV in 1289 [Primera Crónica General o sea Estoria de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuaba bajo Sancho IV en 1289]. Madrid: Nueva Biblioteca de Autores Españoles, 1906. 1792 p. (in Spanish).

The Poem of the Cid [El Cantar de Mío Cid]. 1988. 343 p. (in Spanish).

The seven parts of King Alfonso the Wise [Las siete partidas del muy noble rey Don Alfonso el Sabio]. Madrid, 1843. Vol. 2. 954 p. (in Spanish).

The seven parts of King Alfonso the Wise [Las siete partidas del muy noble rey Don Alfonso el Sabio]. Madrid, 1843. Vol.3. 568 p. (in Spanish).

Valera M.D. Chronicle of the Catholic Monarchs [Crónica de los Reyes Católicos]. Madrid, 1927. 314 p. (in Spanish).

Var'jash I.I. Saracens under the Rule of the Aragonese Kings: A Study of the Legal Space of the 14th Century [Saraciny pod vlast'ju aragonskih korolej. Issledovanie pravovogo prostranstva XIV veka]. Saint-Petersburg: EVRAZIJa, 2016. 390 p. (in Russian).

Verskin A. Islamic Law and the Crisis of the Reconquista. Leiden: Brill, 2015. 241 p. (in English).

М.Н. Алексеева

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 94(410)

DOI 10.35785/2072-9464-2026-74-2-219-229

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЕКРЕТАРЕЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ГОДЫ ВОЙНЫ ЗА АВСТРИЙСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Ключевые слова: *государственные секретари Великобритании; Северный и Южный департаменты; война за Австрийское наследство; конституционная монархия; дуализм внешнеполитического управления.*

Статья посвящена анализу деятельности государственных секретарей Великобритании и их роли в формировании внешнеполитического курса страны в годы войны за Австрийское наследство. Рассматривается история возникновения политического института государственных секретарей, особенности сформировавшегося дуализма между главами Северного и Южного департаментов, а также их полномочия и соперничество.

Отдельное внимание уделяется периоду после отставки Роберта Уолпола в 1742 году, после которой в кабинете начнется борьба за лидерство. На примере деятельности госсекретарей в разное время занимавших посты в Северном департаменте Картерета: графа Харрингтона, графа Честерфилда – и главы Южного – герцога Ньюкасла показаны противоречия между личным влиянием на короля и необходимостью поддержки парламентского большинства. Конфликты между госсекретарями не только отражали личные амбиции, но и демонстрировали слабости английской политической системы, где юридическое равноправие должностей осложнялось разделением обязанностей по географическому принципу. В статье прослеживается, как внешнеполитические события сопровождалась внутривнутриполитическими интригами, шантажом и отставками. Также свое отражение нашел факт отстранения от принятия решений по вопросам формирования кабинета министров монарха.

Автор приходит к выводу, что в исследуемый период выявились системные противоречия дуалистической системы в подходе к внешней политике. Временные решения, основанные на доминировании одного секретаря над другим или появлении «премьер-министра», только отчасти сглаживали проблему. В конечном итоге назревавшее решение было реализовано в реформе 1782 года и создании единого Министерства иностранных дел.

История британской политической системы XVIII века – это сложный и противоречивый процесс становления принципов парламентаризма и конституционной монархии. Одним из его элементов была деятельность государственных секретарей – должностных лиц в правительстве, отвечавших за внешнеполитический курс страны. Война за Австрийское наследство (1740–1748) стала испытанием для английского государственного аппарата. Как и любое военное время, она требовала четкой координации действий во взаимоотношениях со странами континента, что обостряло внутренние противоречия между членами кабинета министров. На первый план вышли фигуры государственных секретарей, чьи личные качества, связи и политические амбиции оказались не менее важны, чем возложенные на них обязанности.

Цель данной статьи – проанализировать особенности взаимодействия государственных секретарей Великобритании в годы войны за Австрийское наследство, выявить причины конфликтов и оценить влияние этих процессов на развитие британской политической системы. В центре внимания оказались борьба за лидерство, взаимоотношения с монархом и парламентом, элементы дуализма в принятии внешнеполитических решений, которые в итоге стали одним из этапов на пути, подготовившем реформы кабинета в 1782 году.

В Англии должность государственного секретаря появилась в конце правления Елизаветы I, до этого человек, выполнявший данную функцию, назывался «королевский клерк», «королевский секретарь» или «главный секретарь». Со времен Генриха VIII их обычно было два. В 1660 году, после реставрации монархии, хорошо зарекомендовавшая себя практика назначения двух государственных секретарей была возобновлена. Должностные лица получили официальные названия «государственный секретарь Северного департамента» и «государственный секретарь Южного департамента».

Нужно отметить, что полномочия секретарей были идентичны, например, в случае отсутствия одного из сотрудников, его обязанности выполнял второй. Они совместно курировали внутренние дела Англии, но во внешней политике происходило разделение, которое носило до министерской реформы 1782 года географический характер, а также подчеркивало негласное распределение по старшинству. Государственный секретарь Северного департамента отвечал за отношения с Россией, Польшей, Священной Римской империей, Скандинавией и Нидерландами. Государственный секретарь Южного департамента курировал Османскую империю, Португалию, Испанию, государства Апеннинского полуострова, Ирландию, Нормандские острова, Швейцарию, Францию и американские земли до создания в 1768 году отдельной должности госсекретаря по делам колоний. Говоря о распределении старшинства, можно отметить, что первоначально назначение происходило на вполне определенный пост, но в период 1674–1706 годов традицией стало нового человека ставить главой Северного департамента, а предыдущего хозяина кабинета переводить на повышение в Южный, где полагалась большая заработная плата.

Например, одна из выплат, установленная в 1675 году казначейством за секретную службу для госсекретаря Южного департамента, составляла 3000 фунтов стерлингов, а для Северного – 2000 фунтов стерлингов [Thomson, 1968, 145–147]. И только в 1709 году произошло выравнивание денежных выплат и различие в этом компоненте между «старшими» и «младшими» должностными лицами перестало существовать. В том же году был создан пост госсекретаря по делам Шотландии, которой ранее занимался Северный департамент, однако с 1726 до 1742 года он оставался вакантным, а в 1746 году был окончательно упразднен. Вероятно, это связано с подавлением Якобитского восстания в 1745 году. Тем не менее мы можем отметить, что в довольно консервативной Англии подобное разделение по старшинству стало традицией. Но в годы правления Георга I и Георга II она была фактически нарушена, поскольку в ведении секретаря Северного отдела находилась родина монархов, курфюршество Ганновер. Правительственная реформа 1782 года ликвидирует этот дуализм в международных делах, создав из Южного департамента министерство внутренних дел, а из Северного – иностранных.

Вопросы взаимодействия государственных секретарей Великобритании в XVIII веке, в том числе и в годы войны за Австрийское наследство (1740–1748), привлекает внимание историков как на Западе, так и в России, однако отдельных работ, посвященных заявленной нами теме, практически нет. В англоязычной науке важную основу для понимания института государственных секретарей составляет классическое исследование М.А. Томсона [Thomson, 1968], посвященное развитию политической системы Великобритании в период конца XVII – XVIII века. Работы Р. Лоджа [Lodge, 1930], Р.С. Браунинга [Browning, 1993], М.С. Андерсона [Anderson, 1995] по дипломатической истории самой войны анализируют внешнюю политику Англии, затрагивая аспекты взаимодействия госсекретарей и их подчиненных. Современные британские авторы, например Дж. Блэк, рассматривают как единый комплекс внутривнутриполитические противоречия и международный контекст, напрямую связывая дипломатические успехи и неудачи с согласованностью действий кабинета министров [Black, 2004; 2011]. В отечественной науке существует ряд исследований, предоставляющих важный контекст для понимания внешнеполитической деятельности британского правительства в XVIII веке. В монографии А.Б. Соколова «Правь, Британия, морями?» демонстрируется, как партийные позиции и внутривнутриполитические дискуссии отражались на внешнеполитических стратегиях [Соколов, 2015]. Значительный вклад в изучение институциональных основ британской политики внесла М.П. Айзенштат [Айзенштат, 2007]. Ее работы посвящены политической истории Британии Нового времени: взаимоотношениям власти и общества, функционированию парламента и исполнительной власти. Монография А.А. Киселева «Рождение империи» фокусируется на вопросах создания аппарата колониального управления, что позволяет выявить предпосылки для проведения реформ

внешнеполитического ведомства в Англии [Киселев, 2012]. Из последних исследований международных отношений и дипломатии в период войны за Австрийское наследство стоит отметить статьи Т.Л. Лабутиной «Россия в войне за чужие интересы: переговоры британских и российских дипломатов о субсидных конвенциях 1747 года» [Лабутина, 2023] и «Колониальная политика Великобритании в оценках английских интеллектуалов XVIII в.» [Лабутина, 2024]. Таким образом, зарубежные и отечественные исследования, затрагивая вопрос предметно, но опираясь на контекст, дают достаточно материала для понимания процессов, происходивших в британском правительстве в исследуемый нами период.

Война за Австрийское наследство стала для английской политической системы очередным временем испытаний и в некотором роде открытий. Ее сложность и непредсказуемость коснулась именно государственного аппарата управления внешнеполитическими делами, каким мы его нашли в данный период. Главная проблема заключалась в разделении полномочий и влияния в правительстве. Военные действия велись сразу на нескольких фронтах и с совершенно разными противниками (Испания, Пруссия, Франция). Такой же казус был и с союзниками с точки зрения негласного разделения между департаментами (Ганновер, Австрия, Голландия, Пьемонт и Россия). Географическое разнообразие способствовало недостаточной определенности действий госсекретарей.

До начала войны единоличным лидером кабинета был Роберт Уолпол, фактически ставший премьер-министром, или, вернее, единственным министром – «Sole minister». В том числе благодаря ему «происходило укрепление управления страной через кабинет министров, и вырабатывались основные принципы его деятельности...» [Айзенштат, 2007, 54]. Особенности работы политической системы при нем стали взаимодействие с парламентом, поскольку он, по сути, являлся лидером палаты общин; удаление из кабинета всех соперников, претендующих на власть; применение системы патроната (раздачи должностей и пенсий сторонника и колеблющимся) [Айзенштат, 2007, 60]; создание особых доверительных отношений с семьей монарха. Как известно, смерть королевы Каролины в 1737 году, рост оппозиции в парламенте в связи с вынужденным началом войны с Испанией (война из-за уха Дженкинса 1739 год), обвинение в военных неудачах в ходе боевых действий (вполне справедливое), а затем и начало континентальной войны (разрыв с Францией и вступление в войну на стороне Марии Терезии) привели к панике в министерстве и потере Уолполом своих сторонников [Соколов, 2015, 98–100]. В феврале 1742 года он покинул правительство и долгий период затишья в кабинете завершился. Эта отставка стала первым фактом, подтверждающим, что, хотя монархи и сохранили право выбирать своих министров, они больше не могли оставить в должности главы правительства человека, не обладающего большинством голосов в палате общин. Теперь, для того чтобы оставаться на

своим посту, министрам нужно было обладать парламентской, а также королевской поддержкой.

После отставки Уолпола кабинет частично обновился: пост государственного секретаря Северного отдела получил Джон Картерет, с 1744 года граф Грэнвил. Он, прежде всего, обладал поддержкой короля Георга II. Картерет ратовал за активизацию вмешательства в европейские дела, что стало основной его внешнеполитической линии: «Есть такие, кто считает, что нам, окруженным океаном, не следует опасаться внезапного вторжения, а участие в спорах соседних государств, в регулировании раздела территорий на континенте – это проявление излишнего героизма... По их мнению, у нас нет других задач, кроме увеличения нашей морской силы, расширения торговли и накопления богатств, так что мы можем спокойно и безразлично взирать на то, что происходит в европейских странах, со своих берегов и кораблей. Но такая система не просуществует долго, а рухнет с самыми фатальными для нас последствиями» [Cobbett's, 1812, 578–579]. То есть Картерет был человеком действия. Он сопровождал короля в поездке на континент, в том числе и в курфюршество Ганновер. Именно его усилиями было заключено Бреславльское соглашение, обозначившее окончание первой Силезской войны, и Вестминстерское соглашение от 28 ноября 1742 года об оборонительном союзе между Пруссией и Великобританией [Lodge, 1930, 4]. В июне 1743 года австро-англо-ганноверский корпус под командованием Георга II разгромил Французскую армию при Деттингене, а 13 сентября 1743 года при деятельном участии Картерета было подписано Вормское соглашение, сделавшее союзником Марии Терезии короля Пьемонта и Сардинии Карла Эммануила [Jenkinson, 1785, 355–370]. Однако «триумфы дипломатии недолги, и ее результаты редко соответствуют намерениям» [Lodge, 1930, 79]. Думается, что это выражение Р. Лоджа довольно точно характеризует не только Вормское соглашение, но и в целом политическую ситуацию, сложившуюся вокруг госсекретаря. Он столкнулся с жесточайшей критикой своих действий в парламенте, прежде всего по вопросу найма ганноверских солдат. Но важнее для нашего исследования усиление оппозиции в правительстве, где с 1743 года пост первого лорда казначейства занял Генри Пелхам, а его старший брат, герцог Ньюкасл, еще с 1724 года был государственным секретарем Южного департамента. Если, войдя в состав правительства, он поначалу занимал подчиненное положение в отношениях с коллегой виконтом Тауншендом, то в последующем, заручившись дружбой с Уолполом и дочерью Георга II Амалией, играть на вторых ролях он отказывался. Такое же положение было и в «Норфолкском конгрессе», как прозвали триумф братцев Пелхам и Уолпола, собиравшийся для неформальных бесед в имении последнего в Норфолке [Browning, 1975, 78–82]. Заметим, что после правительственного кризиса 1742 года герцог сумел сохранить должность. Ньюкасл был категорически не согласен с потерей влияния, однако его личные отношения с Георгом II не сложились. Так, например, широко известен эпизод,

произошедший на крестинах второго сына Георга, принца Георга Уильяма, в ходе которого произошла ссора и Ньюкасл подумал, что Георг II вызвал его на дуэль. В силу недовольства сложившимся положением герцог Ньюкасл был вынужден действовать против Картерета, имевшего влияние на короля, с помощью других методов.

Согласия в правительстве между госсекретарями, как мы видим, не было изначально, но успехи Картерета привели к полному разладу. Формальным поводом для недовольства стало подписанное Вормское соглашение, поскольку договоренности с Сардинией относились к ведению Южного отдела. 1 ноября 1744 года Ньюкасл отправил королю ультиматум, требуя отставки Картерета и угрожая уходом других членов правительства (первоначально троих, но потом их поддержали еще семь человек) [Соколов, 2015, 105]. Король был вынужден согласиться. Этот период действительно стал временем укрепления конституционного монархизма в Англии, что очень точно характеризует высказывание Георга II: «Министры – короли в этой стране» [Miller, 2017, 344]. Уолпол и Пелхамы достигли своего положения интригами, на которые у графа Грэнвила не было ни времени, ни желания. Герцог Ньюкасл сменил Картерета у руля британской внешней политики, продолжив его линию в том же ключе, как самостоятельно, так и руками нового госсекретаря Северного отдела Харрингтона. Уильям Стэнхоуп, граф Харрингтон, сопровождал короля в Ганновер в 1745 году, когда было заключено соглашение с Пруссией, переросшее в Дрезденский мирный договор, и давал инструкции посланнику в Нидерландах Роберту Тревору по поводу его линии поведения с ведущими переговорами с Францией представителями пенсионария. Естественно, набирающий политический вес новый госсекретарь не мог не волновать Ньюкасла.

Интересный эпизод политических интриг произошел в феврале 1746 года. Когда стало понятно, что восстание якобитов в Шотландии (1745–1746) под руководством Карла Эдуарда Стюарта фактически подавлено, члены правительства, поддерживаемые широкой группировкой в парламенте, решили оказать давление на короля и провести частичную смену своего состава, в том числе предоставить в кабинете место Уильяму Питту. Ими была разыграна многообещающая партия, подробно описанная в письме Ньюкасла Честерфилду от 18 февраля 1746 года: короля сначала по-доброму убеждали, но он, найдя опору в графе Бате, поручил Картерету сформировать новое правительство. Это не удалось, сами члены правительства «из чувства долга перед королем и справедливости по отношению к самим себе подумали, что самый мудрый и честный из возможных вариантов – попросить разрешения покинуть пост. И мы решили, что лорд Харрингтон должен уйти первым, затем я, затем мой брат, а затем милорд канцлер» [Private Correspondence, 1930, 108–112]. В итоге 12 февраля Картерет остался с печатями в одиночку. Король теперь вынужден был просить, чтобы члены старого правительства вернулись на свои

посты, и согласиться почти на все требования. Вот так Георгу II еще раз продемонстрировали возможности ограниченной монархии.

Парадокс же этой победы, одержанной над королем, заключается в том, что Ньюкасл начал пользоваться поддержкой Георга II в противовес своим коллегам по кабинету, ибо, несмотря на то что решения монарха могли быть отменены, именно он оставался главой внешней политики и государственные секретари выполняли его приказы. В ходе кризиса Пелхамы хитроумно передали руководство оппозицией графу Харрингтону. Как и следовало ожидать, именно на лорда Харрингтона обрушилась основная тяжесть королевского недовольства, и его положение в конце концов стало невыносимым. Не имея поддержки короны и столкнувшись с пренебрежением со стороны Ньюкасла, он понял, что больше не может оставаться государственным секретарем.

Интрига, разыгранная герцогом и посланником Англии на переговорах в Бреде графом Сэндвичем, когда последний получал инструкции от обоих секретарей, но выполнять спешил пожелания отнюдь не своего непосредственного начальника, была блестящей. С ведома и согласия короля Ньюкасл организовал тщательно скрываемую переписку с неопытным посланником и, таким образом, вырвал руководство из рук госсекретаря Северного департамента [Lodge, 1930, 173]. Сохранить в тайне отношения Ньюкасла с Сэндвичем не удалось, и Харрингтон после яростных препирательств со своим коллегой обратился с жалобой к королю. При этом он обнаружил, что частная переписка велась с ведома и одобрения Георга II, и немедленно настоял на своей отставке. Ньюкасл, знавший об антипатии короля к Харрингтону, должно быть, предвидел, что его уход рано или поздно неизбежен, и, возможно, понимал, что его собственное поведение способно спровоцировать и ускорить данное событие. Герцог без консультаций с Генри Пелхамом убедил короля передать пост графу Честерфилду [The correspondence, 1984, 234].

Ньюкасл ликовал, и на то были веские причины. Он избавился от оппонента и приобрел в качестве покорного помощника (commis) человека из «партии мира», чьи позиции удачно можно было использовать на дебатах с парламентской оппозицией. Он самоуверенно отказался от предложения короля возглавить Северный департамент, что сделало бы его непосредственным руководителем Сэндвича, обосновывая это тем, что не имеет значения, кто держит перо, поскольку оба пишут с одной и той же целью. Совсем не просто объяснить, почему Честерфилд, зная, что окажется ведомым в отношениях с коллегой, чей ум и рассудительность он оценивал не слишком высоко, занял предложенную должность в результате длительных уговоров [Private Correspondence, 1930, 116–121]. Тем не менее он принял политику и руководство Ньюкасла. Честерфилд все знал о частной переписке с Сэндвичем и благодушно поощрял ее продолжение: «Прошу вас, продолжайте писать письма Ньюкаслу, если рассчитываете на сохранение его расположения, потому что он ревностно относится к документам. Поддерживайте со

мной только дружбу, я очень ей дорожу и готов не считаться с формальностями» [Lodge, 1930, 224]. Однако следует отметить, что со временем сам граф начал тяготиться таким положением: «Я не могу продолжать издавать приказы, которые ухудшают существующее положение. Я больше не могу выносить свою долю общественного негодования или презрения из-за мер, к которым я не имею никакого отношения. Я больше не могу оставаться на посту, на котором, как все знают, я всего лишь помощник, и не способен оказать какую-либо услугу кому бы то ни было, хотя мог бы, ведь тогда кто-то подумает, что у меня есть власть, а у моего коллеги – нет...» [Chesterfield, 1892, 845–846]. В итоге Честерфилд нашел благовидный предлог для того, чтобы покинуть министерство (попытка добиться повышения в звании для своего двоюродного брата), и Северный департамент в ходе мирных переговоров в Аахене в 1748 году возглавил сам Ньюкасл, найдя подходящего человека без амбиций для Южного департамента.

На первый взгляд может показаться, что во время ведения войны политические интриги неуместны, но когда еще к внешнеполитическим должностям приковано столько внимания, как не во время конфликтов! Историки считают, что герцог Ньюкасл не подходил на роль человека, который бы обозначил путь реформ, и его методы были неверными и неоправданными. Однако нельзя не отметить абсурдность и противоречивость английской политической системы, особенно в критические моменты истории, когда два человека, занимающиеся иностранными делами, обладают одинаковыми правами и обязанностями, но сфера их полномочий нелепо разделена географией Европы. Преодоление этой проблемы без коренной реформы возможно либо в случае доминирования одного госсекретаря над другим, либо путем непосредственного контроля чиновника, обладающего большей властью и влиянием, например премьер-министра. В рассмотренный нами период были опробованы оба варианта. С 1729 по 1741 год Уолпол был фактически премьер-министром, и госсекретари подчинялись его решениям. После его отставки безраздельную власть получил Картерет, а потом Харрингтон старался играть такую же роль, по крайней мере в течение 1745 года у него это получалось, но его коллега Ньюкасл оказался прозорливее и сумел перехватить инициативу. В 1746 году в качестве помощника он выбрал Честерфилда, в 1748 году Бедфорда, а в 1751 году Холдернесса. До окончания Семилетней войны (1756–1763) подобная практика подчинения одного госсекретаря другим продолжалась, но с наступлением мира на международной арене затишье воцарилось и в английском внешнеполитическом ведомстве. И только новое обострение в мировой политике, связанное с войной за независимость США (1775–1783), вывело на первый план необходимость проведения давно назревавших реформ, что и было осуществлено в 1782 году.

ЛИТЕРАТУРА

- Айзенштат М.П. Британия Нового времени. Политическая история. М.: КДУ, 2007. 203 с.
- Киселев А.А. Рождение империи. Британское государство и колониализм в XVII–XVIII вв. Волгоград: Изд-во ВОЛГУ, 2012. 332 с.
- Лабутина Т.Л. Россия в войне за чужие интересы: переговоры британских и российских дипломатов о субсидных конвенциях 1747 года. // Новая и новейшая история. 2023. № 3. С. 54–66.
- Лабутина Т.Л. Колониальная политика Великобритании в оценках английских интеллектуалов XVIII в. // История. 2024. Т. 15, вып. 9(143). URL: <https://history.jes.su/s207987840032302-1-1/> DOI: 10.18254/S207987840032302-1 (дата обращения: 15.12.2025).
- Соколов А.Б. «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики. СПб.: Алетейя, 2015. 296 с.
- Anderson M.S. The War of Austrian Succession, 1740–1748. London & New York: Routledge, 1995. 260 p.
- Black J. Parliament and foreign policy in the eighteenth century. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 261 p.
- Black J. Debating Foreign Policy in Eighteenth-Century Britain. London: Routledge, 2011. 266 p.
- Browning R.S. The Duke of Newcastle. New Haven and London: Yale University Press, 1975. 388 p.
- Browning R.S. The War of the Austrian Succession. New York: St. Martin's Press, 1993. 445 p.
- Chesterfield Philip Dormer St. The letters of Philip Dormer Stanhope, Earl of Chesterfield, with the characters. In three volumes. Vol. II. New York: Charles Scribner's sons, 1892. 964 p.
- Cobbett's. Parliamentary history of England. From the Norman conquest, in 1066. To the year, 1803. From which last-mentioned epoch it is continued downwards in the work entitled, «Cobbett's Parliamentary debates». Vol. 13. A. D. 1743–1747. London: printed by T.C. Hansard for Longman, Hurst, Rees, Orme & Brown ... [et al.], 1812. 740 p.
- Jenkinson C. A collection of all the treaties of peace, alliance, and commerce, between Great Britain and other powers, from the treaty signed at Munster in 1648, to the treaties signed at Paris in 1783: To which is prefixed a discourse on the conduct of the Government of Great Britain in respect to neutranations. In 3 vol. / by... Charles Jenkinson. Vol. 2: From 1713 to 1748. London: Debrett, 1785. 413 p.
- Lodge R. Studies in eighteenth century diplomacy 1740–1748. London: J. Murray, 1930. 421 p.
- Miller J.L. Early Modern Britain, 1450–1750. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 490 p.
- Private Correspondence of Chesterfield and Newcastle 1744–46 / ed. by Sir R. Lodge. London: Royal Historical Society, 1930. 200 p.
- The correspondence of the Dukes of Richmond and Newcastle, 1724–1750 / ed. by Charles Lennox Richmond. Trowbridge, 1984. 350 p.
- Thomson M.A. The Secretaries of State, 1681–1782. New York: A.M. Kelley, 1968. 206 p.

M.N. Alekseeva

*PhD in History, Associate Professor,
Head of the Chair of Universal History and International Relations,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

The Interaction of British Secretaries of State during the War of the Austrian Succession

The article analyzes the activities of British Secretaries of State and their role in shaping the country's foreign policy during the War of the Austrian Succession. The article examines the history of the emergence of the political institution of state secretaries, the features of the dualism between the heads of the Northern and Southern departments, as well as their powers and rivalry.

Special attention is paid to the period after the resignation of Robert Walpole in 1742, after which a leadership struggle will begin in the cabinet. Using the example of the work of the Secretaries of State who at various times held positions in the Northern Department of Carteret, Earl Harrington, Earl of Chesterfield and the head of the Southern Department, the Duke of Newcastle, the contradictions between personal influence on the king and the need to support the parliamentary majority are shown. The conflicts between the secretaries of State reflected not only personal ambitions, but also demonstrated the weaknesses of the British political system, where the legal equality of positions was complicated by the geographical division of responsibilities. The article traces how foreign policy events were accompanied by domestic political intrigues, blackmail and resignations. The fact that the monarch was removed from decision-making on the formation of the Cabinet of Ministers was also reflected.

The author comes to the conclusion that during the period under study, systemic contradictions of the dualistic system in the approach to foreign policy emerged. Temporary solutions based on the dominance of one secretary over another or the appearance of a «prime minister» only partially smoothed the problem. Eventually, the looming solution will be implemented in the reform of 1782 and the creation of a unified Ministry of Foreign Affairs.

Keywords: *British Secretaries of State; Northern and Southern Departments; war of the Austrian Succession; constitutional monarchy; dualism of foreign policy management.*

REFERENCES

- Ajzenshtat M.P. Modern Britain. Political History. [Britaniya Novogo vremeni. Politicheskaya istoriya]. Moscow: KDU, 2007. 203 p. (in Russian).
Kiselev A.A. The Birth of Empire. The British State and Colonialism in the XVII–XVIII Centuries [Rozhdenie imperii. Britanskoe gosudarstvo i kolonializm v XVII–XVIII vv.] Volgograd: VOLGU, 2012. 332 p. (in Russian).

Labutina T.L. Russia in war for foreign interests: negotiations between British and Russian diplomats on the subsidy conventions of 1747 [Rossiya v vojne za chuzhie interesy: peregovory britanskikh i rossijskikh diplomatov o subsidnykh konvenciyakh 1747 goda.]. *Modern and contemporary history*, 2023. No. 3. Pp. 54–66 (in Russian).

Labutina T.L. The colonial policy of Great Britain in the assessments of English intellectuals of the 18th century [*Kolonial'naya politika Velikobritanii v ochenkakh anglijskikh intellektualov XVIII v.*]. *History*, 2024. Vol. 15. No. 9(143). Available at: <https://history.jes.su/s207987840032302-1-1/> (in Russian).

Sokolov A.B. «Rule, Britannia! rule the waves»? the political discussions on foreign and colonial affairs in the 18th century in great Britain [«Prav', Britaniya, moryami»? Politicheskie diskussii v Anglii po voprosam vneshnej i kolonial'noj politiki]. Saint-Petersburg: Aletejya, 2015. 296 p. (in Russian).

Anderson M.S. The War of Austrian Succession, 1740–1748. London & New York: Routledge, 1995. 260 p. (in English).

Black J. Parliament and foreign policy in the eighteenth century. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 261 p. (in English).

Black J. Debating Foreign Policy in Eighteenth-Century Britain. London: Routledge, 2011. 266 p. (in English).

Browning R.S. The Duke of Newcastle. New Haven and London: Yale University Press, 1975. 388 p. (in English).

Browning R.S. The War of the Austrian Succession. New York: St. Martin's Press, 1993. 445 p. (in English).

Chesterfield Philip Dormer St. The letters of Philip Dormer Stanhope, Earl of Chesterfield, with the characters. in three volumes. Vol. II. New York: Charles Scribner's sons, 1892. 964 p. (in English).

Cobbett's. Parliamentary history of England. From the Norman conquest, in 1066. To the year, 1803. From which last-mentioned epoch it is continued downwards in the work entitled, «Cobbett's Parliamentary debates». Vol. 13. A. D. 1743-1747. London: T.C. Hansard for Longman, Hurst, Rees, Orme & Brown ... [et al.], 1812. 740 p. (in English).

Jenkinson C. A collection of all the treaties of peace, alliance, and commerce, between Great Britain and other powers, from the treaty signed at Munster in 1648, to the treaties signed at Paris in 1783: To which is prefixed a discourse on the conduct of the Government of Great Britain in respect to neutranations: In 3 vols. Vol. 2: From 1713 to 1748. London: Debrett, 1785. 413 p. (in English).

Lodge R. Studies in eighteenth century diplomacy 1740-1748. London: J. Murray, 1930. 421 p. (in English).

Miller J.L. Early Modern Britain, 1450-1750. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 490 p. (in English).

Private Correspondence of Chesterfield and Newcastle 1744-46. Edited by Sir R. Lodge. London: Royal Historical Society, 1930. 200 p. (in English).

The correspondence of the Dukes of Richmond and Newcastle, 1724-1750. Edited by Charles Lennox. Richmond: Trowbridge, 1984. 350 p. (in English).

Thomson M.A. The Secretaries of State, 1681–1782. New York: A.M. Kelley, 1968. 206 p. (in English).

М.А. Филимонова

*Курский государственный университет
Курск, Россия*

УДК 94(47).081

DOI 10.35785/2072-9464-2026-74-2-230-248

**СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АЛЕКСАНДРА I
В БРИТАНСКОЙ КАРИКАТУРЕ**

Ключевые слова: *Священный союз; Александр I; британская карикатура; общественное мнение; международные конгрессы 1818–1823 годов; англо-русские отношения.*

В центре внимания в данном исследовании – реакция английского общества 1810–1820-х годов на деятельность Священного союза и участие в нем России, а также роль сатирической графики как инструмента формирования общественного мнения. Цель работы заключается в выявлении специфики восприятия российской дипломатии в Великобритании через призму визуальной сатиры. Материалом исследования стали карикатуры Дж. Крукишенка, У. Хита, Ч. Уильямса и анонимные гравюры, созданные в связи с конгрессами в Аахене, Троппау – Лайбахе и Вероне.

Методологической основой выступает историко-семиотический анализ карикатуры, позволяющий рассматривать сатирические образы как источник по истории международных отношений и политической культуры. Автор показывает, что британская карикатура отражала не только критику вмешательства Священного союза в дела других стран, но и нарастающий страх перед усилением России, подозрения в ее стремлении к мировому господству.

Результаты исследования демонстрируют эволюцию образа Александра I: от союзника по борьбе с Наполеоном – к лидеру «Нечестивого союза», воплощению реакции и деспотизма. В карикатурах 1820-х годов российский император изображается как наиболее энергичный и опасный монарх Европы. Выводы работы значимы для изучения механизмов политической пропаганды, трансформации общественных настроений и восприятия России в британской массовой культуре. Материалы исследования могут быть использованы в дальнейшем при анализе визуальной сатиры как исторического источника и при изучении международных отношений первой трети XIX века.

Английская политическая жизнь 1820-х годов была бурной: смерть Георга III (1820), приход к власти Георга IV, скандал вокруг его брака с Каролиной Брауншвейгской, дискуссии о парламентской реформе и католической эмансипации. Не меньшее внимание публики привлекали внешнеполитические вопросы, в том числе и политика Священного союза.

Карикатура становилась своеобразной «народной прессой». Популярность сатирических гравюр была огромной. Их продавали в лавках на Стрэнде и в других оживленных районах Лондона. Часто карикатуры выставлялись в витринах, привлекая толпы зевак.

Центральной фигурой британской сатиры был в это время Джордж Крукшенк (1792–1878), представитель известной династии карикатуристов. В 1820-е годы он прославился острыми политическими карикатурами, а позже стал известен как иллюстратор (в том числе к произведениям Чарльза Диккенса). Его работы сочетали гротеск и тонкие наблюдения. Большой популярностью пользовались карикатуры Уильяма Хита (ок. 1794–1840), который обладал живым чувством комического и умением подмечать нелепости повседневной жизни. Еще один ведущий сатирик эпохи – Чарльз Уильямс (ок. 1797–1830). Его стиль был менее изощренным, чем у Крукшенка, но более понятным широкой публике.

Тема Священного союза в британских СМИ и формирование общественного мнения по этому вопросу – малоизученный аспект истории пропаганды. В западной историографии данная проблематика не была предметом специальных исследований. Отдельные карикатуры рассматриваются в недавнем исследовании Исаака Нахимовского «Священный союз: либерализм и политика федерации» [Nakhimovsky, 2024]. В отечественной историографии тема также не изучалась. Статья А.В. Латоновой «Александр I как глава Священного союза: интерпретация британской прессы» [Латонова, 2023] ориентирована на исследование газет Великобритании и отчасти ее колоний. Однако изучение сатирической графики не входило в задачи А.В. Латоновой. Английская карикатуристика, посвященная исследуемому нами вопросу, отчасти затрагивается в монографии В.М. Успенского, А.А. Россомахина и Д.Г. Хрусталева «Медведи, казаки и русский мороз» [Успенский, Россомахин, Хрусталев, 2016]. Но авторы разбирают лишь одну карикатуру, относящуюся к Аахенскому конгрессу 1818 года.

Как известно, Священный союз был создан в сентябре 1815 года по инициативе Александра I и стал важным элементом российской внешней политики. Российский император видел в новом объединении европейских монархов надгосударственный христианский союз [Полное собрание, 1830, т. XXXIII, 417; Внешняя политика, 1974: серия 1, т. 8, 505].

В историографии существуют полярные трактовки Священного союза. Для советских историков он был частью мировой реакции, последовавшей за завершением наполеоновских войн [Тарле, 1993, 188; Черняк, 1969, 151–152]. Его целью, лишь завуалированной мистической риторикой, считалось предотвращение новых антифеодальных революций [История дипломатии, 1959–1979, т. 1, 503]. По оценке великого американского дипломата Г. Киссинджера, в этом случае «возвышенное название» отвлекало

внимание от сути, которая, как он считал, состояла в поддержании мира в Европе [Киссинджер, 1997, 71].

Современные историки также склонны видеть в Священном союзе предтечу ООН и других международных институтов XX–XXI веков [Безотосный, 2015, 8]. Существует теория, что Священный союз (по крайней мере для Александра I) был прежде всего религиозной идеей [Андреев, 2016, 124]. Интересна концепция И. Нахимовского, который пытается выявить связь идеологии Священного союза с политической философией Просвещения [Nakhimovsky, 2024, 217–286].

Обратимся к реакции английских современников на создание Священного союза. Министр иностранных дел Каслри увидел здесь «проявления возвышенного мистицизма и бессмыслицы» и искал способы «остановить это» [Supplementary despatches, 1858–1872, vol. 11, 176]. Действительно, Великобритания к Священному союзу не присоединилась. Видный советский англовед Н.А. Ерофеев полагал, что фактически английская дипломатия все же участвовала в деятельности Союза [Ерофеев, 1959, 10]. О.В. Орлик, напротив, отмечала, что Каслри приложил немало усилий, чтобы Великобритания оставалась в стороне от таковой [Орлик, 2000, 55].

Манифест Александра I об образовании Священного союза появился в английских газетах в феврале 1816 года [The Times, February 10, 1816, 3]. Как отмечает А.В. Латонова, британские СМИ встретили это событие холодно и скептически [Латонова, 2023, 52–53].

Основные произведения британской сатирической графики на данную тему появились в период конгрессов Священного союза, начиная с Аахенского (1818).

Конгресс в Аахене (Экс-ла-Шапелль) открылся 29 сентября и закончил работу 22 ноября 1818 года. От Великобритании участвовали Каслри и Веллингтон. На повестке дня стоял прежде всего вопрос о выводе войск антинаполеоновской коалиции с территории Франции, который и был решен положительно.

Американский историк П.У. Шредер полагал, что британская дипломатия была направлена на сохранение континентального баланса сил, остерегаясь как возрождения могущества Франции, так и слишком большого распространения российского влияния на центр Европы [Schroeder, 1962, 10]. Английская карикатуристика показывает, что опасения, о которых писал впоследствии Шредер, действительно существовали в 1818 году.

Карикатура Уильяма Хита, посвященная Аахенскому конгрессу, носит название «Русский денди» (рис. 1) [Heath, 1818].

Рис. 1. Уильям Хит. Русский денди. 1818 год

На рисунке друг перед другом стоят Веллингтон и Александр I в одинаковых мундирах. Поводом для карикатуры стало реальное событие: на конгрессе в Аахене Александр I пожаловал Веллингтону чин русского фельдмаршала и подарил ему один из собственных мундиров [The Gentleman's Magazine, 1818, 554]. Эпизод широко разошелся в прессе Великобритании и ее колоний. Об этом писали даже газеты Австралии [The Sydney Gazette and New South Wales Advertiser. September 18, 1819, 3]. На карикатуре Веллингтон предстает в том самом мундире, который ему очевидно узок. Один из русских офицеров комментирует: «Наш господин надел на него смирительную рубашку». Веллингтон на рисунке выглядит всеобщим посмешищем. Хит определенно транслирует и пессимистическую оценку роли английской дипломатии на Аахенском конгрессе, и страх перед Россией, чье внешнее дружелюбие может скрывать коварные замыслы.

Более резким был отклик британских СМИ и карикатуристики на следующий конгресс Священного союза, начавшийся 20 октября 1820 года в Троппау (Опава) и продолжившийся затем в Лайбахе (Любляна). Этот конгресс был реакцией на революцию, начавшуюся в июле того же года в Неаполе. Мемуар австрийского кабинета по этому вопросу был составлен в патетических выражениях. В нем, в частности, говорилось: «Революция в Неаполе – дело рук секты и множества интриганов, которые были связаны с предприятиями этой секты. Все факты свидетельствуют об этом; сам государь подтверждает это. Законная власть находится в плену; речь идет о том, чтобы разорвать ее оковы» [Protokoll, 2018]. Не менее драматически изображал ситуацию Александр I [Николай Михайлович, 1912, т. 1, 242].

Предварительный протокол конгресса в Троппау содержал четкое решение России, Австрии и Пруссии о возможности вторжения в государство, в которых происходит революция [Собрание трактатов, 1874–1909, т. 4, ч. 1, 283]. Англия и Франция эти документы не подписали.

А.В. Латонова показывает, что еще до конгресса в Троппау, на рубеже 1810–1820-х годов, часть британских СМИ заняла резко критическую позицию по отношению к Александру I [Латонова, 2023, 56]. Действительно, в преддверии конгресса «Morning Chronicle» противопоставляла консервативную политику Александра I в 1820-х годах либеральным идеям его молодости [Morning Chronicle. Oct. 3, 1820, 3].

Не только радикально настроенный Байрон клеймил «мерзавцев из Троппау» [Байрон, 1963, 190]. Вигская пресса в Англии писала о «нечестивом союзе» королей против свободы [Morning Post. October 6, 1820, 1; Cobbett's Weekly Political Register. December 2, 1820, 29]. Даже консервативная «Times» возмущалась вмешательством Священного союза в дела других народов [The Times. February 20, 1821, 2]. Именно в это время появилась иллюстрация Джорджа Крукшенка, изобразившего Священный союз в виде чудовища, составленного из пушек и цепей (рис. 2) [Hone, Cruikshank, 1821, 60]. Вокруг его головы кощунственный нимб из обнаженных кинжалов. В руках сабля и факел, которым он намерен поджечь столп свободы, увенчанный фригийским колпаком. Он давит ногами тела поверженных людей. На заднем плане – виселица и палач с отрубленной головой. И. Нахимовский описывает крукшенковский образ Священного союза как «апокалипсис либерализма» [Nakhimovsky, 2024, 23].

Рис 2. Джордж Крукшенк. Божественное право королей властвовать неправо. 1821 год

Каслри не испытывал симпатий к неаполитанской революции [Дебидур, 1947, т. 1, 175–176], но вынужден был реагировать на общественное мнение. В одном из меморандумов Каслри, посвященном революции в Испании в том же 1820 году, говорилось, что антинаполеоновская коалиция – «это был союз для отвоевания и освобождения значительной части Европейского континента от военного владычества Франции... однако он никогда не задумывался как союз для управления миром или для управления внутренними делами других государств» [The Cambridge history, 1922–1923, vol. 2, 626–627].

Одна из первых английских карикатур, посвященных конгрессу в Троппау, появилась в январе 1821 года и принадлежит Уильяму Хиту (рис. 3) [Heath, 1821].

На ней Александр I вместе с прусским королем и австрийским императором пытается прибить плотной тканью пожар революции. Их сабли направлены против Неаполя, Сицилии, Португалии. Но ветры свободы раздувают огонь, и из-под ткани прорывается дым. На заднем плане курится вулкан Южной Америки. Над головами правителей парит Слава, которая трубит: «Берегитесь, тираны, – Дух Свободы вырвался наружу. И горе тем, кто посмеет воспротивиться его продвижению... Россия, Пруссия и Австрия, даже стены Китая не смогут надолго остановить его продвижение».

Посыл карикатуры однозначен: усилия Священного союза по подавлению революционного движения ни к чему не приведут.

Рис. 3. Уильям Хит. Раскрытые секреты Троппау. 1821 год

В феврале 1821 года вышла анонимная карикатура «Призрак Кристофа, бывшего короля Гаити, явился Нечестивому союзу» (рис. 4) [Anonymous, February 1821].

Рис. 4. Призрак Кристофа, бывшего короля Гаити, явился Нечестивому союзу. 1821 год

Рисунок отсылает к событиям на Сан-Доминго (Гаити), где в 1811 году Анри Кристоф провозгласил себя королем. В октябре 1820 года против него вспыхнул военный мятеж. Кристоф застрелился. Сатирик трактовал это событие как предупреждение монархам Священного союза, с которыми он примечательным образом объединил английского короля Георга IV¹. Его оценка мятежа на Гаити сугубо позитивная, что демонстрируется фигурой освобожденного раба на заднем плане слева. На переднем плане призрак Кристофа, одетый в желтую тунику с красной оторочкой и горностаевую мантию. Он протягивает европейским монархам пистолеты со словами: «Недостойные члены проклятой лиги, возьмите это, умрите и, если сможете, последуйте судьбе тирана». Георг IV в ужасе опрокидывает стул и причитает: «Клянусь всеми великолепными точками на моих звездах, клянусь всем великолепием моей тройной короны, мне это не нравится. Черный король, или кто ты там еще, я уйду из Священного союза, я изменю свою жизнь, прогоню своих министров и буду любить свою жену».

В противоположность охваченному паникой Георгу, Франц I Австрийский не желает отказаться от намерения перейти По и таким образом совершить интервенцию в Неаполитанское королевство. Александр также не выказывает страха. Он поднимает правую руку, как у статуи Октавиана Августа из Прима Порты, провозглашая: «Таков конец всенародных выборов. Я буду самодержцем! И весь мир преклонится перед Александром!!!» В руках у него бумага: «План Британской империи в Индии». У его ног лежат «План всеобщего рабства» и «Путь в Индию через Персию». У Георга IV при этом документ, озаглавленный «Русские советы».

Карикатурист явно старается показать предполагаемое влияние Александра I на британскую политику, причем «русские советы» Георгу IV губительны. Он также приписывает русскому императору претензии на всемирное господство и планы похода на Индию. Последняя перспектива была предметом страхов англичан со времен Павла I.

Еще одна анонимная карикатура носит название «Форсирование По, или Падение Нечестивого союза» (рис. 5) [Anonymous, March 1821].

¹ Георга IV часто подозревали в том, что он тайно поддерживает Священный союз. Ср. иллюстрацию Дж. Крукшенка к стихотворению «Священный договор и союз» [Hone, Cruikshank, 1820, 10].

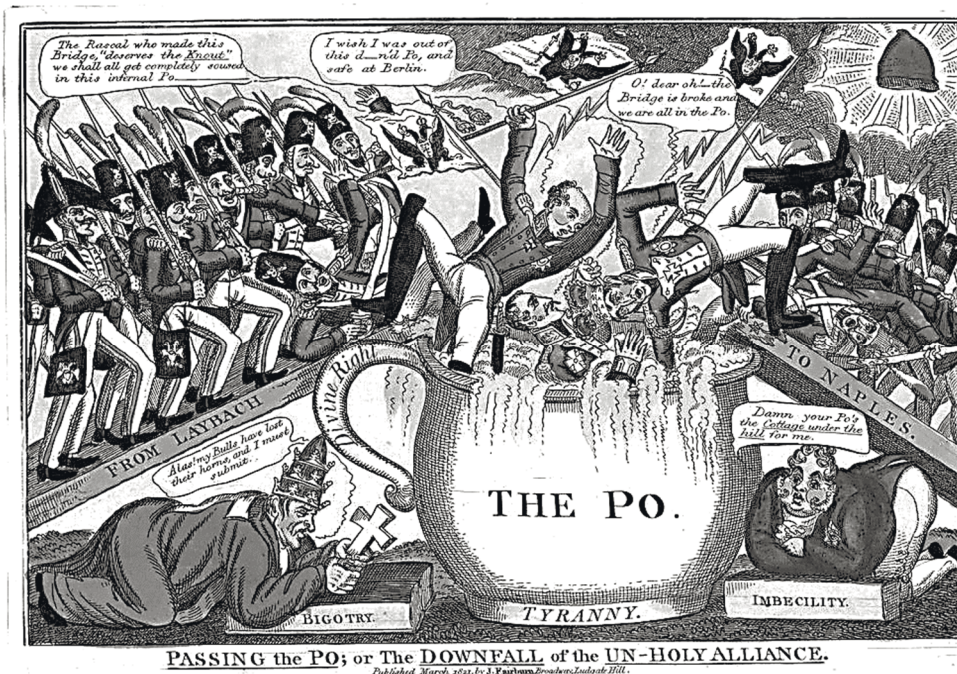

Рис. 5. Форсирование По, или Падение Нечестивого союза. 1821 год

На рисунке войска Священного союза пытаются пройти из Лайбаха в Неаполь. Для этого им нужно пересечь реку По². Но мост ломается под тремя самодержцами, разрушенный молнией Свободы, и они падают в ночной горшок, на котором написано «По», «Божественное право [королей]» и «Тирания». Александр I еще грозит кнутом тому, кто построил ненадежную переправу, но его участь решена: он не может удержаться на мосту и утонет вместе со своими коронованными собратьями из Австрии и Пруссии. Георг IV в это время стоит под мостом на четвереньках, опираясь на доску с надписью «Идиотизм». Он не принимает участия в происходящем, но не из любви к свободе, а, как считает карикатурист, по недомыслию.

В карикатурах 1821 года, как и в текстовых СМИ, использовалось клише «Нечестивый союз». Можно проследить риторические элементы, восходящие к революциям конца XVIII века: лозунг «Всеобщая свобода или всеобщая смерть» на карикатуре «Секреты Троппау», слова об «участи тиранов» на карикатуре «Призрак Кристофа». Священный союз безоговорочно осуждался. Георга IV жестко критиковали за предполагаемое сближение с континентальными самодержцами. При этом Александр I неизменно представлялся как самый энергичный из монархов Священного союза. Ему приписывались планы не только подавления европейских революций, но и господства над миром.

² В реальности австрийская армия форсировала По 6 февраля 1821 года.

Следующий, Веронский конгресс Священного союза состоялся в октябре – декабре 1822 года и был реакцией на испанскую революцию 1820–1823 годов. В начале 1822 года на выборах в кортесы победила радикальная партия эксальтадос. В августе она сформировала свое правительство. В связи с этими событиями на конгрессе решался вопрос о необходимости французской интервенции в Испанию. Главным лоббистом этой внешнеполитической акции был Ф.Р. де Шатобриан, литератор и дипломат, полагавший, что вооруженное вмешательство в испанские дела поднимет престиж Людовика XVIII [Chateaubriand, 1838, vol. 1, 133–134]. Впоследствии Шатобриан называл интервенцию в Испанию «своей войной» и «великим политическим событием» своей жизни [Chateaubriand, 1910, vol. 4, 284–285].

Под влиянием шатобриановского красноречия или же нет, Веронский конгресс принял решение поддержать военную экспедицию Франции [Внешняя политика, серия вторая, 1974–1985, т. 4 (12), 591].

В британской дипломатии в это время произошли серьезные изменения. 12 августа 1822 года Каслри в припадке безумия перерезал себе горло. Новым министром иностранных дел стал Джордж Каннинг. Последнего принято считать принципиальным противником Священного союза, намеренным нанести этой организации смертельный удар [Дебидур, 1947, т. 1, 216]. Впрочем, есть и более осторожные оценки: Каннинг продолжал консервативный курс Каслри, но его политика была более гибкой [Черняк, 1969, 189].

В своих инструкциях Веллингтону, представлявшему Великобританию в Вероне, Каннинг писал, что Великобритания ни в коем случае не будет участвовать по вторжении в Испанию [Despatches, 1857–1880, vol. 1, 304].

Во время парламентских дебатов английские тори и виги продемонстрировали значительное единодушие по данному вопросу. Виг капитан Мэйберли заявлял: «Перед Англией встал серьезнейший вопрос: примет ли она участие в войне или позволит Священному союзу подавлять национальную свободу по всей Европе; более того, ниспровергать нашу собственную конституцию, когда бы эти деспоты ни осмелились на это?» [Hansard, 1820–1829, vol. 8, 1373]. Роберт Пиль, будущий лидер Консервативной партии, также «протестовал, и протестовал решительно, против доктрины, поддерживаемой так называемым Священным союзом, о его праве вмешиваться в свободу наций путем создания своего рода европейской полиции» [Hansard, 1820–1829, vol. 8, 1419–1420].

Тему Священного союза как угрозы британской неписаной конституции подхватили СМИ [напр.: *Edinburgh Review*. Febr. 1823, 263]. Лондонская «*Imperial Weekly Gazette*» констатировала: «Теперь раскрылся дух Священного союза – этого гнусного заговора королей против своих подданных, деспотизма, направленного против свободы» [*Imperial Weekly Gazette*.

February 1, 1823, 4]. «Blackwood's Edinburgh Magazine» заявлял, что парламент должен хотя бы протестовать против «русской политики» [Blackwood's Edinburgh Magazine, 1823, 517–518].

Карикатуры, появившиеся в начале 1823 года, также отражают всеобщую жесткую критику Священного союза в Великобритании.

Такова карикатура Джорджа Крукшенка «Франция (великая нация), гонимая Севером на Юг» [Cruikshank, February 1823] (рис. 6).

Рис. 6. Джордж Крукшенк. Франция (великая нация), гонимая Севером на Юг. 1823 год

Карикатурист гротескно преувеличивает тучность и подагру Людовика XVIII. На французском короле военный мундир, в руке тонкая шпага. Указывая рукой на Пиренеи, он произносит речь, завершающуюся лозунгом: «Попы – Фанатизм – и Благословенная Святая инквизиция во всей своей первоначальной красе!!!» Но Людовик не способен даже передвигаться самостоятельно: он стоит на чем-то вроде роликовых коньков, а его нависающий живот поддерживается ходунками. На карикатуре интервенция в Испанию представлена не как личная инициатива Людовика XVIII. Сзади французского короля подталкивают прикладами Александр I и Франц I. Александр говорит: «Да! Да, продолжай, Луи, или я перехвачу тебя с другой стороны. Но не бойся, я поддержу тебя полумиллионом варваров, и с поддержкой мощи наших братских Австрии и Пруссии мы втопчем свободу Европы в пыль и смоем благословения свободы кровью ее защитников». Карикатурист предрекает крах французского вторжения: Людовика XVIII на рисунке ожидает падение с обрыва.

Похожий посыл передает карикатура Дж. Льюиса Мэркса «Три веронца в легитимном крестовом походе» [Marks, 1823] (рис. 7). Название содержит

Рис. 8. Джордж Крукшенк. Королевский зверинец на пути к [гибели] Испании. 1823 год

В соответствии с тематикой карикатуры, страны изображены здесь в зооморфном виде. Россия – медведь в двууголке и сапогах – сидит верхом на коронованной свинье – Франции, направляясь (как подсказывает указатель) к Испании и гибели. На заднем плане символы Британии – лев и единорог. Лев обещает наказать Священный союз, если тот вмешается в английские дела. Единорог заявляет: «Руководствуясь голосом народа, я всегда буду опорой свободных наций и врагом тирании».

В апреле 1823 года французские войска в самом деле вторглись в Испанию. В августе кортесы вынуждены были вернуть власть королю Фердинанду VII.

На карикатуре Чарльза Уильямса «Принц Эфес, он же герцог Ангулемский, едва спасся бегством, после того как явил свою драгоценную персону, совершив чудеса доблести за домом» [Williams, 1823]³ (рис. 9) интервенция Франции представлена одновременно комичной и страшной.

³ Британские сатирики прозвали герцога Ангулемского «принцем Эфесом», подчеркивая его образ «меча реакции».

Рис. 9. Чарльз Уильямс. Принц Эфес, он же герцог Ангулемский, едва спасся бегством. 1823 год

В рисунке содержится отсылка к одному из первых боестолкновений французской и испанской армий – осаде крепости Сан-Себастьян, длившейся несколько недель [Rilova Jerićó, 2015]. Английские газеты рассказывали о том, что неожиданное для французов сопротивление Сан-Себастьяна срывает план французской кампании [London Packet and New Lloyd's Evening Post. April 21, 1823, 3, 4]. Также они тиражировали историю о том, что при Сан-Себастьяне племянник короля герцог Ангулемский едва не попал в плен [British Luminary. April 20, 1823, 4, 5].

Последний эпизод и дал тему Чарльзу Уильямсу. На карикатуре Сан-Себастьян представлен как неприступная крепость, над которой развевается испанский флаг. Испанцы гордо заявляют: «Мы еще не побеждены, и при поддержке Англии всегда будем кричать “Свобода или смерть”». Герцог Ангулемский прикрывает зад рукой и кричит: «Спасайся, кто может!» Французские солдаты вопят от ужаса. Они изображены в соответствии с традицией передачи ужасов войны в европейской живописи. Один проткнул штыком младенца, другой – кошку. Здесь Франция выступает как самостоятельная сила, а не марионетка России. Интервенция Священного союза изображена как бесчеловечная.

Можно отметить, что критика Священного союза в британской карикатуре становится более жесткой. При изображении Аахенского конгресса передавалась атмосфера всеобщего дружелюбия. Но Троппау-Лайбахский и

Веронский конгрессы предстают как покушение на свободу европейских народов и оцениваются предельно негативно. Карикатуристы симпатизируют революциям 1820-х года и желают поражения Священного союза.

Русофилия 1812–1815 годов, связанная с совместной борьбой против Наполеона, в это время исчезает. Английская карикатуристика отражает скорее страх перед возросшим могуществом России, ее предполагаемыми претензиями на глобальное господство и воображаемой угрозой, которую она представляла для неписаной конституции Великобритании.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев А.Ю. «Литургика» Священного союза: к вопросу о религиозных взглядах Александра I // Филаретовский альманах. 2016. № 12. С. 123–154.
- Байрон Дж.Г. Дневники. Письма: пер. с англ. М.: АН СССР, 1963. 440 с.
- Безотосный В.М. Венский конгресс: Европа и Россия // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. XIII: К 200-летию Венского конгресса. М.: Кучково поле, 2015. С. 6–26.
- Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. В 2 т. СПб., 1912. Т. 1. 242 с.
- Внешняя политика России XIX и начала XX века: документы российского Министерства иностранных дел: в 17 т. Серия 1. Т. 8: Май 1814 – ноябрь 1815 г. М.: Госполитиздат, 1974.
- Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. В 16 т. Серия 2. Т. 4 (12). М.: Госполитиздат – Наука, 1985. 591 с.
- Дебидур А. Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса (1814–1878): в 2 т. М.: Изд-во иностранной литературы, 1947.
- Ерофеев Н.А. Очерки по истории Англии 1815–1917 гг. М.: ИМО, 1959. 263 с.
- История дипломатии: в 5 т. М.: Госполитиздат, 1959–1979.
- Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. 850 с.
- Латонова А.В. Александр I как глава Священного союза: интерпретация британской прессы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. 2023. № 111. С. 51–67.
- Орлик О.В. Государственные люди России первой половины XIX века: пути и судьбы: очерки. М.: ИРИ РАН, 2000. 269 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. XXXIII.
- Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. В 15 т. / сост. Ф.-Ф. Мартенс. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1874–1909. Т. 4, ч. 1. 283 с.
- Тарле Е.В. Талейран: из мемуаров Талейрана. М.: Республика, 1993. 317 с.
- Успенский В.М., Россомахин А.А., Хрусталева Д.Г. Медведи, казаки и русский мороз. Россия в английской карикатуре первой трети XIX века. СПб.: Арка, 2016. 252 с.
- Черняк Е.Б. Жандармы истории. М.: Международные отношения, 1969. 561 с.
- Anonymous. Passing the Po; or the downfall of the un-holy alliance. March 1821. London: John Fairburn. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1868-0808-8505 (дата обращения: 25.08.2025).
- Anonymous. The ghost of Christophe ex-King of Hayti, appearing to the Un-Holy Alliance!! February 1821. London: John Fairburn. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1935-0522-12-175 (дата обращения: 25.08.2025).
- Blackwood's Edinburgh Magazine. Vol. 13. 1823.
- British Luminary (London). 1823. April 20. P. 4, 5.

- Chateaubriand F.-R. Congrès de Vérone. Guerre d'Espagne. Négotiation. Colonies espagnoles: in 2 vols. Paris: Delloye, 1838.
- Chateaubriand F.-R. Mémoires d'outre-tombe: in 6 vols. Paris: Garnier, 1910.
- Cobbett's Weekly Political Register. 1820.
- Cruikshank G. France, (the Great Nation) driven by the North into the South!!! February 18, 1823. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1859-0316-162 (дата обращения: 25.08.2025).
- Cruikshank G. The Royal Menagerie on the Road to [Ruin] Spain. March 12, 1823. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1935-0522-6-41 (дата обращения: 25.08.2025).
- Despatches, Correspondence and Memoranda of Field Marshal Arthur Duke of Wellington / ed. by his son. In 8 vols. London: J. Murray, 1857–1880.
- Edinburgh Review. 1823.
- Hansard's parliamentary debates. In 20 vols. London: Hansard, 1820–1829.
- Heath W. A Russian Dandy: a scene at Aix la Chapelle. December 8, 1818. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1868-0808-8098 (дата обращения: 25.08.2025).
- Heath W. The secrets of Trop-peau disclosed. January 30, 1821. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1868-0808-8502 (дата обращения: 25.08.2025).
- Hone W., Cruikshank G. (illustrator). The Man in the Moon, a Speech from the Throne, to the Senate of Lunataria. London: W. Hone, 1820. 24 p.
- Hone W., Cruikshank G. (illustrator). The right divine of kings to govern wrong! Dedicated to the Holy Alliance. London: William Hone, 1821. 60 p.
- Imperial Weekly Gazette (London). 1823.
- London Packet and New Lloyd's Evening Post. 1823. April 21. P. 3, 4
- Marks J.L. The three gentlemen of Verona on a legitimate crusade. March 4, 1823. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1935-0522-6-39 (дата обращения: 25.08.2025).
- Morning Chronicle. 1820.
- Nakhimovsky I. The Holy Alliance: Liberalism and the Politics of Federation. Princeton: University Press, 2024. 329 p.
- Protokoll der 1. Sitzung des Kongresses von Troppau. In: Mächtekongresse 1818–1822 / hrsg. von Karin Schneider unter Mitarbeit von Stephan Kurz. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2018. [Bl. 43r] URL: https://maechtekongresse.acdh.oeaw.ac.at/Troppau_Prot_1.html (дата обращения: 25.08.2025).
- Rilova Jericó C. El precio de la Libertad. Apuntes para una descripción de la primera guerra civil española de la Edad Contemporánea. San Sebastián y sus liberales en 1823 // Boletín de estudios históricos sobre San Sebastián. 2015. No. 48. P. 239–354.
- Schroeder P.W. Metternich's Diplomacy at Its Zenith, 1820–1823. Austin: University of Texas Press, 1962. 292 p.
- Supplementary despatches and memoranda of Field Marshal Arthur, duke of Wellington, K.G. In 15 vols. / ed. by his son, the Duke of Wellington. London: J. Murray, 1858–1872.
- The Cambridge history of British foreign policy, 1783–1919. In 3 vols. / ed. A.W. Ward, G.P. Gooch. Cambridge: University Press, 1922–1923.
- The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle. Vol. 88. Pt. 2. Dec. 1818.
- The Sydney Gazette and New South Wales Advertiser. 1819.
- The Times. 1816–1821.
- Williams Ch. Prince Hilt's alias Duke D'Angl'em's narrow escape, after exposing his precious person in performing prodigies of valor behind the house-!! April 19, 1823. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1868-0808-12964 (дата обращения: 25.08.2025).

M.A. Filimonova*PhD in History, Doctor, Leading Researcher,
Kursk State University
Kursk, Russia*

The Holy Alliance and Alexander I's Foreign Policy in British Caricature

The focus of the article is on British public reaction to the alliance of monarchs and the role of satirical graphics as an instrument of shaping public opinion. The aim of the study is to identify the specificity of the British perception of Russian diplomacy through the lens of visual satire. The source base includes caricatures by G. Cruikshank, W. Heath, C. Williams, and anonymous engravings related to the congresses of Aix-la-Chapelle, Troppau – Laibach, and Verona.

The methodological framework is provided by historical and semiotic analysis, which allows treating caricature as a source on the history of international relations and political culture. The author argues that British satire reflected not only criticism of the Holy Alliance's intervention in other countries, but also a growing fear of Russian power, suspicions of its aspirations for world dominance.

The results show the evolution of Alexander I's image: from an ally in the struggle against Napoleon to the leader of the «Unholy Alliance», a symbol of reaction and despotism. In caricatures of the 1820s the Russian emperor appears as the most energetic and dangerous monarch in Europe. The findings are significant for the study of political propaganda, transformation of public attitudes, and the perception of Russia in British mass culture. The materials can be used further for analyzing visual satire as a historical source and for studying international relations of the early 19th century.

Keywords: *Holy Alliance; Alexander I; British caricature; public opinion; international congresses of 1818–1823; Anglo-Russian relations.*

REFERENCES

Andreev A.Yu. «Liturgy» of the Holy Alliance: On the Religious Views of Alexander I ["Liturgika" Svyashchennogo soyuza: k voprosu o religioznykh vzglyadakh Aleksandra I]. *Filaretovskiy Almanac*, 2016. No. 12. Pp. 123–154 (in Russian).

Byron G.G. *Dnevnik. Pis'ma* [Diaries. Letters]. Moscow: AN SSSR, 1963. 440 p. (in Russian).

Bezotosnyi V.M. The Congress of Vienna: Europe and Russia [Venskii kongress: Evropa i Rossiya]. *The era of 1812. Researches. Sources. Historiography. Issue XIII: On the 200th anniversary of the Congress of Vienna*. Moscow: Kuchkovo pole, 2015. Issue XIII. Pp. 6–26 (in Russian).

Chernyak E.B. *Gendarmes of History [Zhendarmy istorii]*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1969. 561 p. (in Russian).

Foreign Policy of Russia of the 19th and Early 20th Centuries: Documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs [Vneshnyaya politika Rossii XIX i nachala XX veka: dokumenty rossiiskogo Ministerstva inostrannykh del]. Vol. 8. Moscow: Gospolitizdat, 1974. (in Russian).

Foreign Policy of Russia of the 19th and Early 20th Centuries. Documents of the Russian MFA [Vneshnyaya politika Rossii XIX i nachala XX veka. Dokumenty Rossiiskogo MID]. Series 2. Vol. 4 (12). Moscow: Gospolitizdat–Nauka, 1985. 591 p. (in Russian).

Erofeev N.A. Essays on the History of England, 1815–1917 [Ocherki po istorii Anglii 1815–1917 gg.]. Moscow: IMO, 1959. 263 p. (in Russian).

History of Diplomacy [Istoriya diplomatii]. In 5 vols. Moscow: Gospolitizdat, 1959–1979. (in Russian).

Kissinger G. Diplomacy [Diplomatiya]. Moscow: Ladomir, 1997. 850 p. (in Russian).

Latonova A.V. Alexander I as Head of the Holy Alliance: Interpretation of the British Press [Aleksandr I kak glava Svyashchennogo soyuza: interpretatsiya britanskoi pressy]. *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities*. Series II, 2023. No. 111. Pp. 51–67 (in Russian).

Martens F.-F. (comp.) Collection of Treaties and Conventions Concluded by Russia with Foreign Powers [Sobranie traktatov i konventsii, zaklyuchennykh Rossiei s inostrannymi derzhavami]. Saint-Petersburg: Ministry of Transport Press, 1874–1909. Vol. 4 (in Russian).

Nikolai Mikhailovich, Grand Duke. Emperor Alexander I. A Historical Study [Imperator Aleksandr I. Opyt istoricheskogo issledovaniya]. Saint-Petersburg, 1912. Vol. 1 (in Russian).

Orlik O.V. Statesmen of Russia in the First Half of the 19th Century: Paths and Fates [Gosudarstvennye lyudi Rossii pervoi poloviny XIX veka: puti i sud'by]. Moscow: Institute of Russian History RAN, 2000. 269 p. (in Russian).

The Complete Collection of Laws of the Russian Empire [Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii]. Saint-Petersburg, 1830. Vol. 33. (in Russian).

Tarle E.V. Talleyrand: From the Memoirs of Talleyrand [Taleiran: iz memuarov Taleirana]. Moscow: Respublika, 1993. 317 p. (in Russian).

Uspenskii V.M., Rossomakhin A.A., Khrustalev D.G. Bears, Cossacks and Russian Frost. Russia in British Caricature of the First Third of the 19th Century [Medvedi, kazaki i russkii moroz. Rossiya v angliiskoi karikature pervoi treti XIX veka]. Saint-Petersburg: Arka, 2016. 252 p. (in Russian).

Anonymous. Passing the Po; or the downfall of the un-holy alliance. March 1821. Available at: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1868-0808-8505 (accessed on August 25, 2025) (in English).

Anonymous. The ghost of Christophe ex-King of Hayti, appearing to the Un-Holy Alliance!! February 1821. Available at: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1935-0522-12-175 (accessed on August 25, 2025) (in English).

Blackwood's Edinburgh Magazine. Vol. 13. 1823. (in English).

British Luminary (London). April 20, 1823. (in English).

Chateaubriand F.-R. Congrès de Vérone. Guerre d'Espagne. Négotiation. Colonies espagnoles: in 2 vols. Paris: Delloye, 1838. (in French).

Chateaubriand F.-R. Mémoires d'outre-tombe: in 6 vols. Paris: Garnier, 1910. (in French).

Cobbett's Weekly Political Register. 1820. (in English).

Cruikshank G. France, (the Great Nation) driven by the North into the South!!! February 18, 1823. Available at: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1859-0316-162 (accessed on August 25, 2025) (in English).

Cruikshank G. The Royal Menagerie on the Road to [Ruin] Spain. March 12, 1823. Available at: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1935-0522-6-41 (accessed on August 25, 2025) (in English).

Despatches, Correspondence and Memoranda of Field Marshal Arthur Duke of Wellington. Edited by his son: 8 vols. London: J. Murray, 1857–1880. (in English).
Edinburgh Review. 1823. (in English).

Hansard's parliamentary debates: 20 vols. London: T.C. Hansard, 1820–1829. (in English).

Heath W. A Russian Dandy a scene at Aix la Chapelle. December 8, 1818. Available at: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1868-0808-8098 (accessed on August 25, 2025) (in English).

Heath W. The secrets of Trop-peau disclosed. January 30, 1821. Available at: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1868-0808-8502 (accessed on August 25, 2025) (in English).

Hone W., Cruikshank G. (illustrator). The Man in the Moon, a Speech from the Throne, to the Senate of Lunataria. London: W. Hone, 1820. 24 p. (in English).

Hone W., Cruikshank G. (illustrator). The right divine of kings to govern wrong! Dedicated to the Holy Alliance. London: William Hone, 1821. 60 p. (in English).

Imperial Weekly Gazette (London). 1823. (in English).

London Packet and New Lloyd's Evening Post. April 21, 1823. (in English).

Marks J.L. The three gentlemen of Verona on a legitimate crusade. Or the cry of blood in the king's palace—Paul. March 4, 1823. Available at: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1935-0522-6-39 (accessed on August 25, 2025) (in English).

Morning Chronicle. 1820. (in English).

Nakhimovsky I. The Holy Alliance: Liberalism and the Politics of Federation. Princeton: Princeton University Press, 2024. 329 p. (in English).

Protokoll der 1. Sitzung des Kongresses von Troppau. In: Mächtekongresse 1818–1822 / hrsg. von Karin Schneider unter Mitarbeit von Stephan Kurz. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2018. [Bl. 43r] Available at: https://maechtekongresse.acdh.oeaw.ac.at/Troppau_Prot_1.html. (accessed on August 25, 2025) (in German).

Rilova Jericó C. El precio de la Libertad. Apuntes para una descripción de la primera guerra civil española de la Edad Contemporánea. San Sebastián y sus liberales en 1823. *Boletín de estudios históricos sobre San Sebastián*. N. 48 (2015). Pp. 239–354 (in Spanish).

Schroeder P. W. Metternich's Diplomacy at Its Zenith, 1820–1823. Austin, Texas: University of Texas Press, 1962. 292 p. (in English).

Supplementary despatches and memoranda of Field Marshal Arthur, duke of Wellington, K. G.: 15 vols.. Edited by his son, the Duke of Wellington. London: J. Murray, 1858–1872. (in English).

The Cambridge history of British foreign policy, 1783–1919: 3 vols. Edited by A.W. Ward, G.P. Gooch. Cambridge: University Press, 1922–1923. (in English).

The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle. Vol. 88. Part. 2. Dec. 1818. (in English).

The Sydney Gazette and New South Wales Advertiser. 1819. (in English).

The Times. 1816–1821. (in English).

Williams Ch. Prince Hilt's alias Duke D'Angl'em's narrow escape, after exposing his precious person in performing prodigies of valor behind the house!! April 19, 1823. Available at: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1868-0808-12964 (accessed on August 25, 2025) (in English).

А.В. Федосов

*Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского
Брянск, Россия*

УДК 94

DOI 10.35785/2072-9464-2026-74-2-249-264

ПРОПАГАНДА И СРЕДСТВА АГИТАЦИИ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1920–1930-е годы)

Ключевые слова: *Консервативная партия Великобритании; пропаганда; агитация; межвоенный период; политическая борьба.*

В отечественной науке вопросам развития пропаганды в межвоенный период в Англии уделялось недостаточно внимания, несмотря на то что она в этот период постепенно охватывала все стороны жизни страны и этому способствовали не только новые технические возможности СМИ, но и развивающиеся информационные технологии. Лидеры партии вовремя осознали важность развития данных направлений, что позволило им находиться у власти почти весь межвоенный период. Консервативная партия в деле пропаганды использовала не только традиционный консерватизм нации, но и страх населения перед угрозой революции, якобы исходившей от Лейбористской партии. Особое значение здесь имели личные качества лидеров того периода, таких как С. Болдуин. Значительную роль играли и влиятельные «бароны прессы» Ротермир и Биркенхед, которые периодически ставили партию на грань раскола. В 1930-е годы лейбористы, как главные противники консерваторов в предшествующее десятилетие, постепенно вливались в ряды правящей элиты и превращались из социал-демократов в левоцентристов, тем самым несколько ослабляя идеологические партийные разногласия.

В современных английских источниках пропаганду определяют как «преднамеренную, систематическую попытку сформировать восприятие, манипулировать мышлением и поведением, чтобы добиться реакции, которая будет способствовать достижению целей пропагандиста» [Jowett, O'Donnell, 2006, 7]. В отечественной литературе пропаганда – это «целенаправленное распространение в обществе определенных идей, ценностей, норм и программ поведения» [Назаретян, 2004, 163], а в «Новейшем политическом словаре» она определяется как «деятельность по распространению специально подготовленной информации и, как правило, популистских идей. Ее цель – сформировать определенное отношение к политическим институтам, лидерам, политической системе в целом, а также выработать

определенные модели политического поведения [Новейший политологический словарь, 2010, 197–198].

В то же время агитация относится к акту возбуждения общественного интереса, мнения или эмоций с целью достижения определенной цели. И, хотя пропаганда и агитация имеют некоторые сходства, они различаются по своим подходам и целям. Пропаганда направлена в основном на изменение сознания людей, в то время как агитация – на их эмоции; пропаганда носит более глобальный характер, агитация чаще связана с конкретным событием. Но обе они являются важными составляющими информационной политики и политического дискурса.

Считается, что история британской пропаганды началась во время Первой мировой войны, хотя еще в эпоху Наполеоновских войн власти Англии использовали эти же механизмы, но не в таких масштабах. Главную роль в этом играли значимость проблемы и технические возможности СМИ. Однако начало войны показало, что в стране нет четко отлаженной информационной политики и структур, ответственных за ее проведение и практическое воплощение. Поэтому в августе 1914 года по инициативе Д. Ллойд Джорджа было создано Бюро военной пропаганды под руководством Ч. Мастермана, через которое различные ведомства проводили свои собственные пропагандистские кампании. В сентябре 1914 года туда был приглашен ряд известных британских писателей для обсуждения проблемы ведения идеологической борьбы. В марте 1918 года Д. Ллойд Джордж поручил газетному магнату лорду Бивербруку создать министерство информации, которое взяло бы на себя контроль за всей пропагандистской деятельностью страны [Sanders, 1975, 119–146]. Впрочем, сразу после окончания войны оно было распущено, поскольку острота проблемы была снята.

Тем не менее некоторые наработки пропагандистов военного времени были вполне применимы и в мирное время. В межвоенный период они в основном использовались в борьбе за власть между тремя основными партиями, а также для объяснения и оправдания внешнеполитического курса страны и создания негативного образа их противников. Внутри страны пропаганда не носила агрессивного характера, поскольку не было резкого партийного и социального антагонизма, а также сил, способных как-то повлиять на устои страны, и общегосударственная пропаганда касалась в основном внешней политики, где страна добивалась значительных успехов, убеждая мир, но прежде всего свой народ, что Британия – образец демократии, а ее колониальная система намного гуманнее колониальных систем других стран.

Межпартийные противоречия внутри страны складывались в основном из разности целей и задач парламентской борьбы, а различные внутрипартийные противоречия были результатом несовпадения взглядов их лидеров, а также предвзятой либо эмоциональной оценки текущих ситуаций.

К примеру, для консерваторов начала XX века постоянным жупелом был социализм, якобы исходивший от лейбористов.

Надо отметить, что и в Консервативной партии не проводилась активная работа в сфере идеологической и информационной политики, так как в ней изначально не было структур, подготовленных для этого. Не были определены формы и методы, такие как тиражирование и распространение информации, подготовка кадров, координация действий с каналами массовой коммуникации и т.д., а также критерии эффективности. К тому же политика партии вырабатывалась узким кругом лиц без широкого обсуждения в виде партийных манифестов, в которых за весь межвоенный период ни разу не были озвучены вопросы партийной пропаганды.

Однако толчком к развитию этих направлений стал Закон о народном представительстве 1918 года, который ввел почти всеобщее избирательное право. Но практически сразу же встал вопрос о том, «как разношерстная толпа старых и молодых, ученых и неученых, богатых и бедных, которые все вместе объявлены арбитрами своих политических судеб, сможет выполнять свою новую функцию “суверена”» [Ostrogorski, 1902, 3]. В результате партийная пропаганда и агитация получили новый импульс.

При этом вера в невежество и иррациональность электората, в бесчестную пропаганду оппонентов, а для многих консерваторов и в угрозу демократии, исходящую от социализма, создавала почву для использования пропаганды в целях достижения и удержания власти. Так как партиям приходилось опровергать аргументы своих оппонентов, доводить до сведения избирателей собственные идеи и завоевывать поддержку, необходимость эффективной пропаганды была полностью осознана. Однако значительная часть электората воспринималась как непостоянная и не привязанная к какой-либо одной партии, что привело к увеличению числа экспериментов и попыток массового политического убеждения в 1920–1930-х годах, поэтому пропаганда молчаливо воспринималась как неизбежное зло [Hollins, 1981, 6].

При этом Консервативная партия находилась в лучшем положении, так как могла использовать свои финансовые резервы и антисоциалистическую поддержку для разработки новых методов пропаганды, особенно в кино. Лейбористская партия попыталась сделать то же самое, но ей помешали финансовые трудности и местная партийная независимость [Hollins, 1981, 1].

Поскольку массовая пропаганда была значительно более сложным явлением, чем индивидуальное убеждение, проводились значительные технические эксперименты. При этом неоднородная структура аудитории требовала довольно простых, эмоциональных призывов, которые были бы понятны большому числу людей. Тем не менее, хотя пропаганда в Британии предполагала сужение кругозора, основные партии задумывали ее, по сути, как кратчайший путь к принятию избирательного решения, к которому рациональное мышление могло бы прийти более постепенно. Таким образом, акцент на «рациональном»

политическом образовании был совершенно необходим. Считалось, что власть при демократии, чтобы быть устойчивой, должна опираться на общественное убеждение [Hollins, 1981, 8]. Поэтому было крайне необходимо подкреплять пропаганду политическим просвещением. Последнее, по убеждению каждой партии, должно было стать основой формирования «эффективной демократии» [Сагимбаев, 2024, 126], которая требовала эффективной коммуникации и, как тогда считалось, новых средств массовой информации – радиовещания и кино, обладавших большим потенциалом для выполнения этой роли [Hollins, 1981, 8]. Пресса более не соответствовала такой коммуникации, так как владельцы всех крупнейших газет интересовали только объемы продаж и тиражи, а читатели, в основном принадлежащие к низшим слоям среднего класса, хотели развлекаться, а не получать политические наставления, были плохо информированы и не способны участвовать в политических дебатах.

Надо отметить, что в годы Первой мировой войны и послевоенного коалиционного правительства более всего пострадал отдел партийной литературы: ему удалось выпустить только пять миллионов листовок к выборам 1918 года и лишь чуть более миллиона в 1919 году [Hollins, 1981, 27]. Партиям не хватало средств на приобретение большого количества литературы, а у журнала «Gleanings and Memoranda» было мало подписчиков. Эта неспособность удовлетворить требования нового электората усугублялась тем, что выборы 1922 и 1923 годов проводились в сжатые сроки, что не оставляло времени для выпуска адекватной и подходящей агитационной литературы. Так, в 1923 году в месяц выпускалось всего 46 тысяч экземпляров партийных журналов [Ramsden, 1978, 231]. Отношения с прессой также испортились, пока партия входила в коалицию. Хотя в прессе преобладали консервативные газеты, «бароны прессы» лорды Нортклифф, Бивербрук и Ротермир выступали резко против коалиции, и только Daily Telegraph поддерживала ее [Ramsden, 1978, 148]. И это при том, что перед войной партия вложила значительные средства в прессу, в первую очередь в покупку Бивербруком газеты Daily Express, но теперь ей все больше казалось, что она не получает той отдачи, на которую могла бы рассчитывать. После распада коалиции в 1922 году значительная часть прессы поддержала новое консервативное правительство, но неопределенность ее верности была продемонстрирована прохладным и даже враждебным отношением к голосованию по тарифам, состоявшимся всего год спустя [Hollins, 1981, 27].

В дальнейшем партийные руководители все больше беспокоились о том, что влияние партии на прессу явно уменьшилось. Однако в 1927 году, несмотря на упадок провинциальных изданий, Центральный офис консерваторов все еще предоставлял материалы и управлял 230 газетами [Hollins, 1981, 28]. Из газетных магнатов консерваторы могли рассчитывать на поддержку братьев Берри, и особенно сэра Уильяма Берри, ставшего в 1929 году лордом Камроузом [Ramsden, 1978, 233–234; James, 1969, 294–295].

Но именно Ротермир и Бивербрук, постоянно расширяя свои «владения» в прессе и увеличивая долю аудитории, читающей их газеты, продолжали беспокоить Дж. Дэвидсона. Так, Т. Марлоу, бывший редактор газеты Ротермира *Daily Mail*, в сентябре 1927 года сообщил Дж. Дэвидсону, что Ротермир и Бивербрук намерены поддержать Д. Ллойд Джорджа на выборах. Эту информацию подтвердил У. Берри [Hollins, 1981, 28–29]. В 1929 году появилась информация, что Ротермир готов пожертвовать четверть миллиона фунтов лейбористам на избирательную кампанию [Jones, 1969, 174]. Однако в итоге Бивербрук оказался в целом более дружелюбным, а Ротермир – менее враждебным по отношению к партии, чем опасались партийные лидеры. Отношения с прессой были хорошими, а Дж. Дэвидсон делал все возможное, пока был председателем, чтобы умиротворить этих влиятельных лиц. Когда в сентябре 1928 года появилась возможность заручиться поддержкой Ротермира, именно он настоял на том, чтобы использовать ее [James, 1969, 296]. Тем не менее существовала серьезная озабоченность по поводу лояльности наиболее важных представителей прессы и потенциального ущерба для партии, который мог возникнуть в результате раскола, и этот страх во многом определял действия партийных руководителей на протяжении всего межвоенного периода.

После 1929 года выпуск партийной литературы значительно сократился, отчасти из-за экономического кризиса, который затронул партию вместе с остальной страной. Если к выборам 1929 года было выпущено более 93 млн листовок, памфлетов и пр., то к выборам 1932 года – всего 23,5 млн [Hollins, 1981, 42–43].

Для написания и оформления этих листовок партия привлекала профессиональных журналистов. Стиль подачи информации также стал более популярным. Например, пытаясь извлечь выгоду из повального увлечения сигаретными карточками, партия выпустила серию из восьми карточек с уничижительными или вдохновляющими карикатурами на одной стороне и краткими сообщениями на другой [Hollins, 1981, 44]. Иногда производство листовок субсидировалось из средств Центрального офиса, который постоянно терпел финансовые убытки от этой операции. Партия также экспериментировала с прямой рассылкой листовок определенным группам населения. То, что она могла позволить себе такие расходы, показывает, что ее финансовое положение сильно отличалось от лейбористов, и это повлияло на относительный масштаб ее пропаганды [Hollins, 1981, 44].

Производство плакатов не демонстрировало такого же увеличения, хотя даже здесь можно наблюдать рост на выборах 1924 и 1929 годов перед сокращением в 1931 году. Как отмечает Дж. Рамсен, снижение использования плакатов после 1929 года отражает переход к новым формам визуальной пропаганды [Ramsden, 1978, 232]. Кроме того, производство плакатов

стоило дорого: к выборам 1929 года на плакаты была потрачена четверть всего бюджета, выделенного на пропаганду [Hollins, 1981, 46–47].

Исходя из этого, можно констатировать, что в политическом плане возможности прессы в межвоенный период были практически исчерпаны, однако она оставалась наиболее доступным и массовым средством получения политической информации для населения, хотя и не соответствовала научным и административным стандартам [Report on the British Press, 1938]. Кстати, в этот период почти все основные официальные газеты Великобритании придерживались умеренно консервативных взглядов, поэтому консерваторы практически не использовали рекламу в прессе как средство пропаганды, к тому же ни одна из них не была их официальным органом. Заявлялось, что такая реклама противоречит Закону о народном представительстве и требует декларации о расходах на рекламу в прессе от каждого кандидата, в чьем избирательном округе соответствующие газеты поступили в продажу [Hollins, 1981, 48].

Вышедшие на главные роли с 1920-х годов радио и кино считались мощным оружием в политической борьбе с их исключительной способностью формирования общественного настроения, и это никогда не подвергалось сомнению, тем более что в указанный период были распространены опасения по поводу гражданских беспорядков, политических потрясений и свержения демократических институтов, а многие консерваторы были озабочены защитой существующего порядка от возможных тоталитарных альтернатив.

В результате правительство проявляло к ним все больший интерес, особенно в связи с изложением внешней и оборонной политики. Первыми фильмами были в основном фильмы об империи и колониях, позаимствованные у доминионов, а для наполнения программы использовались фильмы, не принадлежащие партии, включая некоторые фильмы Имперского совета по торговле. Однако в начале 1926 года Центральный офис начал заказывать собственные фильмы. Созданные фильмы, как и система их показа, демонстрировали изобретательность и понимание наиболее эффективного метода донесения информации до целевой аудитории. В частности, производились фильмы и мультфильмы, высмеивающие политических оппонентов [Hollins, 1981, 60–61].

К тому же консерваторы в основном негативно относились к расширению избирательных прав, опасаясь пришествия «избирательных орд» [Sydenham, 1928, 32–42], то есть необразованного и легко поддающегося внушению электората, и усиления лейбористов [Firth, 1920, 220], поскольку они как раз и представляли интересы тех, кто впервые получил избирательные права, в первую очередь рабочего класса. Именно для них наиболее доступна политическая пропаганда и агитация средствами радио и кино. Так же негативно консерваторы относились и к избирательному закону 1928 года, когда число избирателей возросло еще на 5 млн человек.

О. Чемберлен заявил даже, что само название Лейбористской партии является ценным избирательным активом, на что У. Черчилль ответил: «Мы такие же лейбористы, как и они» [Henderson, 1922, 300]. Надо отметить, что в Консервативной партии не было единодушия по поводу угрозы социализма, исходившего от лейбористов, однако этот жупел использовался консерваторами время от времени с целью консолидации своих рядов, но после того как на выборах 1922 года лейбористы получили 142 места в парламенте, обогнав либералов, С. Болдуин вынужден был признать, что старые партийные лозунги в новых условиях бесполезны [Gleanings and Memo-randa, 1924, 231].

Результатом стало изменение системы пропаганды и агитации Консервативной партии. В качестве примера таких изменений можно рассмотреть кампанию по улучшению имиджа ставшего в 1923 году лидером Консервативной партии С. Болдуина, которому покровительствовал Б. Лоу. Такая кампания была необходима, поскольку до 1922 года С. Болдуин был одним из наименее влиятельных членов коалиционного кабинета Д. Ллойд Джорджа [Southgate, 1974, 197], не имел ни харизмы, ни авторитета своих предшественников А. Бальфура и Э. Бонара Лоу, являясь, по сути, компромиссной фигурой, которая устраивала всех как в самой партии, так и вне ее. «К цели, к которой он никогда не стремился, его привело не честолюбие и не рвение к реформам. Его малый административный опыт не вселил в него горячего стремления вершить делами» [Эмери, 1960, 222].

Другими словами, в межвоенный период в Англии у власти находилась партия, в которой не было не то что явного лидера, но и политика, способного объединить ее. Иначе как объяснить конфликты, грозившие распадом партии и возникавшие из-за неприятия политики ее лидера, в результате которых значимые фигуры были отодвинуты от практической работы в правительстве и наоборот некоторые были выдвинуты на первые роли по прихоти лидера, не имея ни опыта, ни квалификации?

Однако образ С. Болдуина как человека разумного, честного, добросовестного и уравновешенного был создан, и этот образ прямолинейного англичанина стал легендарным и часто копировался [Hollins, 1981, 21]. Он идеально подходил для медийного стиля убеждения. Мало того, что его послания были электорально привлекательными и апеллировали к широким слоям населения, поддерживая его собственные левоцентристские позиции, так еще и сам образ был прекрасно выстроен. Его тихий, но решительный голос выгодно контрастировал с ораторскими замашками Д. Ллойд Джорджа, а его способность блестяще апеллировать к таким абстрактным понятиям, как традиции, долг и английский характер, хорошо помогала ему в личных выступлениях и радиопередачах. Кроме того, он был фотогеничен, и это опять же стало бесценным предвыборным активом, как при воспроизведении его изображений на листовках и плакатах, так и при его появлении

на киноэкране [Hollins, 1981, 22]. Таким образом, и его голос, и его внешность отражали его общий политический имидж, который был мгновенно узнаваем, красиво прост и с которым было легко ассоциироваться. В то время его стиль описывали как «фортепианный» [The Times, May 21, 1929].

Именно эта способность С. Болдуина быть непосредственным символом всего, что он представлял, требовалась в эпоху, когда для формирования мировоззрения все чаще использовались и больше ценились мгновенные образы [Hollins, 1981, 22]. Сам он хорошо понимал это и, как многие партийные лидеры, был озабочен необходимостью того, чтобы партия занялась политическим образованием и убеждением людей, поскольку верил в «демократию образованных» и власть элиты: обучая население, правительство тем самым расширяет элиту [Middlemas, Barnes, 1969, 502]. А поскольку, как он и писал в письме Э. Вуду в 1928 году, «демократия прибыла в Англию галопом» [Middlemas, Barnes, 1969, 502–503], требовались быстрые меры по политическому образованию людей до того, как наступит коллапс традиционной политической системы, вызванный распространением социализма, который пропагандировали лейбористы.

Эти идеи постоянно звучали и в его речах [Baldwin, 1926, 147–159; Baldwin, 1928, 8, 13, 29–36], сборники которых сами по себе являлись инструментом пропаганды его идей, расходясь внушительными тиражами. Сложно сказать, насколько С. Болдуин сам верил в угрозу со стороны лейбористов, однако это давало результат среди малообразованного электората, а пропагандистская машина лейбористов ощущалась как новая и эффективная сила политического убеждения, и заявления лидеров лейбористов, что их партия является самой сознательно пропагандистской и просветительской, оказали влияние на их оппонентов в 1929 году. Н. Чемберлен объяснял поражение партии результатом «непрекращающейся пропаганды, которая велась среди рабочих классов, что для них никогда не будет ничего хорошего до тех пор, пока “лейбористское” правительство не придет к власти» [Feiling, 1947, 168]. Однако в партии были и другие объяснения поражения 1929 года: из-за отсутствия позитивной программы и совершенных за время ее правления ошибок. Тем не менее Дж. Дэвидсон утверждал, что благодаря организации и пропаганде поражение было сведено к минимуму [James, 1969, 298–299]. Оно также способствовало осмыслению новых реалий, в частности привело к изучению психологии массового избирателя [Gleanings and Memoranda, 1929, 178, 91].

В 1923 году по идее С. Болдуина открыли партийный политический колледж, преподаватели которого были выбраны не для того, чтобы вести пропаганду, а чтобы говорить правду [Baldwin, 1926, 156]. Такой подход, по мнению некоторых английских историков, демонстрировал не лицемерие или наивность, а твердую уверенность лидера в том, что убежденность тех, кто поддерживает консерваторов, делает субъективную подачу доказательств оправданной [Hollins, 1981, 24].

Другим изменением стала реформа самой структуры партии, которую инициировал Дж. Дэвидсон – председатель партии с 1926 по 1930 год, близкий друг и протеже С. Болдуина [Hollins, 1981, 30]. В результате его отчета в 1927 году была создана структура, которая сохранялась до 1970-х годов. Были созданы два главных управления, одно из которых занималось всеми организационными вопросами, а другое – публикациями и пропагандой [Ball, 2014, 20]. Важным новшеством стало исключение пропаганды из ведения главного агента партии. Отныне ею занимался специальный директор, которым в феврале 1927 года стал Джозеф Болл, служивший в годы войны в MI5, а затем – гражданским помощником директора по военным операциям в военном министерстве. Он познакомился с Дж. Дэвидсоном во время войны, когда Дэвидсон выполнял обязанности связного между Э. Бонаром Лоу и Секретной службой. Дж. Болл поддерживал контакты с военной разведкой, даже работая в Центральном аппарате. Возможно, именно он впервые выступил с предложениями по реорганизации партийной пропаганды в 1924 году, и Дж. Дэвидсон рекомендовал его тогдашнему председателю Джексону как «первоклассного человека» [Hollins, 1981, 33–35].

Опыт Дж. Болла в разведке был использован с пользой, как писал Дж. Дэвидсон: «Вместе с Джозефом Боллом я руководил небольшой собственной разведывательной службой, совершенно отдельной от партийной организации. У нас были агенты в некоторых ключевых центрах, а также агенты в штаб-квартире Лейбористской партии, в результате чего мы получали их отчеты о политических настроениях в стране, а также наши собственные. Кроме того, мы заранее доставали их литературу... Это имело для нас огромную ценность, потому что мы могли заранее изучить политику Лейбористской партии, а в случае с листовками мы могли подготовить ответ, который должен был появиться одновременно с их выпуском» [James, 1969, 272]. Кроме того, ценным качеством Болла было то, что «он был человеком интригующим и умел завязывать контакты» [Hollins, 1981, 36].

Таким образом, Дж. Дэвидсон и Дж. Болл дополняли друг друга. Именно в это время в пропаганде стали использоваться рекламные агентства. В 1923 году Дж. Дэвидсон уже предлагал использовать рекламщиков для разработки манифеста партии, а когда он стал председателем, сначала рекламная служба Holford-Bottomley, а затем крупное рекламное агентство S.H. Benson были привлечены к работе над плакатами и листовками, в частности к выборам 1929, 1931 и 1935 годов. Было также нанято агентство Press Secretaries Ltd., которое фактически разместило одного из своих директоров и одного или двух сотрудников в Центральном офисе на полную ставку для выпуска некоторых партийных журналов [Hollins, 1981, 37].

После поражения на выборах в 1929 году в центральную партийную организацию были внесены два важных дополнения. Первое из них отражало озабоченность характером демократического электората, созданного в

1918 году, и необходимостью политического образования для поднятия боевого духа рядовых членов партии и подготовки их к борьбе. Поэтому в 1930 году было куплено поместье Эшридж, которое стало Мемориальным колледжем Бонара Лоу и в котором проводились краткосрочные курсы для активистов, направленных местными ассоциациями. Вторая инициатива была более важной и имела долговременное значение: основание Консервативного исследовательского департамента в 1929–1930 годах. Под контролем Невилла Чемберлена в период с 1930 по 1939 год он обеспечивал материалами политиков-консерваторов [Ball, 2014, 20].

Одним из важнейших вопросов расширения пропагандистской деятельности был вопрос финансирования. С 1918 года партия испытывала значительные трудности, извлечение денег из различных источников часто было медленной и сложной задачей, особенно в связи с тем, что продажа почетных званий не одобрялась Дж. Дэвидсоном и С. Болдуином. Однако Дж. Дэвидсон оказался отличным сборщиком средств и позже утверждал, что за три года собрал более миллиона фунтов [James, 1969, 290]. Его особым умением было «дойти» Сити, и именно при подготовке к первой такой кампании в марте 1927 года им или Дж. Боллом в специальной записке были изложены те установки, которыми партия должна руководствоваться в вопросах пропаганды в последующие годы. Кроме того, Дж. Дэвидсон организовал ужин в доме лорда Тредегара, на который были приглашены различные видные и богатые бизнесмены, перед которыми с целью создания фонда для борьбы с социализмом выступили Дж. Дэвидсон, Дж. Болл и С. Болдуин [Hollins, 1981, 38]. Болл должен был начать выступление с описания опасностей существующей ситуации и деятельности их социалистических оппонентов. Далее следовала речь Дэвидсона с изложением деталей предлагаемой контр-кампании.

1. Необходимость охвата неопределившихся и противников. 2. Методы воздействия на неопределившиеся слои населения: а) дома: утренняя газета, листовки; б) по дороге на работу: объявления и плакаты в транспорте, на платформах вокзалов и т.д.; в) на работе: пропагандисты среди рабочих, вооруженные информацией и бесплатными листовками и газетами; г) в обеденный перерыв: выступления на улице и раздача листовок; д) после рабочего дня: кинофургоны, собрания на улице и такая имперская и патриотическая пропаганда, которую можно организовать в кинотеатрах и увеселительных заведениях; е) в субботу днем: на футбольных матчах листовки, реклама, вывески, общественное пение; ж) по воскресеньям: широкое использование воскресной прессы и субботнее распространение листовок. 3. Для сельскохозяйственных избирательных округов: киноавтобусы, миссионеры, плакаты и листовки. Реклама в местной прессе, переписка и возможные субсидии. 4. Общее образование: а) колледж Стотта в качестве штабного колледжа; б) летние школы; в) кружки по обучению; г) местные учебные центры для ораторов, агитаторов и

других партийных работников; д) заочные курсы для рабочих; е) бюро путешественников.

В заключение С. Болдуин подвел итог, отметив «эффект пропаганды, признанной сегодня самым мощным оружием в мире» [Hollins, 1981, 39–40].

Этот метод привлечения средств из Сити оказался чрезвычайно успешным, и подобные ужины были проведены в 1928 и 1929 годах, в результате чего было собрано около 306 000 фунтов стерлингов. Кроме того, в 1927 или 1928 году было заключено предварительное соглашение с некоторыми крупными банковскими фирмами о внесении больших сумм в тайный фонд борьбы с социализмом, которое провалилось только потому, что Р. Маккенна из Мидлэнд-банка отказался оказать поддержку [Hollins, 1981, 40]. То есть в это время далеко не все политики и представители финансовых кругов верили в жупел социализма.

Несмотря на наличие довольно развитой системы пропаганды и агитации в печати, прямая агитация была не менее важна. Но профессиональные ораторы в 1920-е годы все чаще рассматривались как обуза для партии [Hollins, 1981, 29]. Поэтому С. Болдуин и Дж. Дэвидсон подчеркивали важность участия рядовых членов партии в добровольных выступлениях. Для повышения квалификации членов партии Колледж Филипа Стотта проводил выходные курсы по ораторскому мастерству, а колледж Бонара Лоу в Эшридже – регулярные лекции по ораторскому мастерству и формированию общественного мнения [Hollins, 1981, 49]. Также организовывались вечерние занятия по ораторскому мастерству [The Times, June 27, 1929; The Times, October 17, 1929]. Однако, даже несмотря на эти усилия, количество пропагандистов было невелико. К 1929 году в партии осталось лишь 14 постоянных и 18 временных пропагандистов, что было слишком мало для выполнения их обязанностей. Поэтому представляется вероятным, что для выборов 1929 года центральный офис консерваторов, помимо постоянных и штатных сотрудников, либо нанимал временных ораторов, либо выплачивал гонорары добровольцам, выступавшим на выборах. В любом случае партия адаптировала свои традиционные методы пропаганды, чтобы соответствовать новым требованиям, и тем самым пыталась представить новый и привлекательный образ избирателям. Используя волонтеров вместо оплачиваемых ораторов, она следовала практике Лейбористской партии, которая нанимала только двух оплачиваемых докладчиков, но придавала большое значение выступлениям как волонтеров, так и ведущих партийных политиков [Hollins, 1981, 50].

«Модернизация» публичных выступлений достигла пика на выборах 1929 года, когда новая техника позволила партийной пропаганде выйти на новый уровень. На этих выборах впервые были использованы передвижные фургоны с громкоговорителями, в которых кандидаты могли объезжать свои избирательные округа, выступая перед гораздо большей аудиторией, чем ранее. Известно, что в 1929 году у Центрального офиса было не более

одного такого фургона – «Номер 1 мистера Болдуина», который был оснащен громкоговорителями, двумя микрофонами, аппаратурой для приема и усиления музыки или политических речей с BBC, а также граммофоном [The Times, June 6, 1928]. К 1931 году Центральный офис располагал небольшим парком таких фургонов и почти 100 портативными системами оповещения [Hollins, 1981, 51].

В 1929 году партия использовала громкоговорители с наибольшей эффективностью, задействуя самого С. Болдуина, чтобы охватить как можно большую аудиторию. Можно сказать, что он говорил в прямом эфире с большим количеством людей, без помощи радио или телевидения, чем любой другой британский политик во время избирательной кампании. Мало того, что политические собрания, которые он посещал в 1929 году, были традиционно предвыборными, его речи также регулярно передавались по телефонным линиям из зала, в котором он выступал, в переполненные залы и собрания. К примеру, выступая в Зале свободной торговли в Манчестере, он одновременно обращался к аудитории в 30 000 слушателей [Hollins, 1981, 51–52].

Также партия пыталась использовать граммофоны для своей пропаганды. Н. Чемберлен был одним из первых министров, записавших свою речь. Затем эти записи продавались местным избирательным ассоциациям, которые могли либо продавать их, либо проигрывать через громкоговорители по своему усмотрению. В качестве средства убеждения такие записи имели свои недостатки, хотя нет никаких сведений об их эффективности или популярности [Hollins, 1981, 53].

Гораздо более известным пропагандистским приемом стали лекции с использованием слайдов, которые партия с успехом применяла с 1890-х годов, однако значительное развитие они получили в 1920-е годы [Hollins, 1981, 53]. Но самыми важными событиями 1920-х годов для политической пропаганды стали создание общественного радиовещания, утверждение киноразвлечений в качестве одного из самых важных и мощных развлечений для народных масс и изобретение синхронизированного звукового кино, на что Дж. Болл обратил внимание в 1927 году. Здесь, однако, существовала проблема показа, поскольку кинотеатры и продюсеры отказывались иметь дело с политической рекламой. Выходом стало производство собственных партийных кинофильмов и их демонстрация с кинофургонов. Первый такой фургон появился еще в 1925 году: его оператор показывал получасовые фильмы, а затем выступал с речью и отвечал на вопросы. В 1928 году появились фургоны, демонстрирующие звуковые фильмы, а к выборам 1929 года партия располагала уже 23 кинофургонами. Благодаря этому решению фильмы можно было показывать в любом месте и в любое время, и они привлекали большую аудиторию, особенно в сельской местности. В этом заключалось первое большое преимущество фильма как средства пропаганды. В отличие от других доступных методов, таких как плакаты и памфлеты, фильм автоматически ассоциировался не с убеждением или серьезной

политикой, а с развлечением. Кинофургоны оказались эффективным средством психологического воздействия: они использовали заранее обусловленную реакцию аудитории на фильм как на приятный опыт, чтобы добиться внимательного просмотра политического послания. В отчетах отмечалось, что зрители с благодарностью относились к кинопоказам, хотя это и не было гарантией эффективности фильмов. Послание партии только выигрывало от такой ассоциации с развлечением, и эту ассоциацию поощряли, делая сами фильмы как можно более развлекательными [Hollins, 1981, 54–60].

В 1930-е годы накал партийной борьбы спал довольно быстро. Сыграли свою роль и Великая депрессия, отодвинувшая партийные дразги на второй план, и раскол Лейбористской партии, приведший к формированию в 1931 году Национального правительства из консерваторов, национал-лейбористов Р. Макдональда и либералов Г.С. Сэмюэла, которое в разной конфигурации просуществовало до 1940 года. В результате консерваторы фактически вернули себе утраченные в 1929 году позиции и укрепили свою власть. Кроме того, в 1930-е годы лейбористы, как главные противники консерваторов в предшествующие десятилетие, окончательно влились в ряды правящей элиты и превратились из социал-демократов в левоцентристов. Все это, а также внешнеполитические проблемы, значительно ослабили внутривнутриполитическую борьбу. Дальнейшие изменения в партийной пропаганде были связаны с внедрением в пропаганду и агитацию научных методов (изучение психологии избирателей, экзит-поллы на выборах и т.п.).

Если подводить итог вышесказанному, то надо признать, что пропаганда и агитация Консервативной партии в очень динамичный межвоенный период, в целом, претерпела значительное обновление в использовании новых технических средств и новых информационных технологий, и то, что партия большую часть этого периода так или иначе находилась у власти, говорит об эффективности ее информационно-пропагандистской деятельности. Отчасти это можно объяснить природным английским консерватизмом, но нельзя не признать и того, что партийная консервативная пропаганда находила отклик у возросшего электората страны и делала многое, обращая этот природный консерватизм себе на пользу: даже несмотря на поражения на выборах 1923 и 1929 годов, за консерваторов стабильно голосовало все больше избирателей, причем из разных социальных слоев [Craig, 1968; Cracknell et al., 2023]. В результате межвоенный период в истории Великобритании можно считать «консервативным двадцатилетием», а заложенные в этот период основы партийной пропаганды и агитации развивались уже в военное и послевоенное время.

ЛИТЕРАТУРА

Назаретян А.П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. Лекции по социальной и политической психологии. СПб.: Питер, 2004. 192 с.

- Новейший политологический словарь / авт.-сост. Д.Е. Погорелый, В.Ю. Фесенко, К.В. Филиппов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 318 с.
- Сагимбаев А.В. Эволюция форм и методов информационной политики консервативной партии Великобритании в межвоенный период // Культурный трансфер: диалог культур в истории цивилизаций. Брянск, 2024. С. 125–136.
- Эмери Л. Моя политическая жизнь. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 685 с.
- Baldwin S. On England, and other addresses. London, 1926. 276 p.
- Baldwin S. Our Inheritance: Speeches and Addresses. Toronto, 1928. 309 p.
- Ball S. The Conservative Party and British Politics, 1902–1951. London, 2014. 176 p.
- Cracknell R., Uberoi E., Burton M. UK Election Statistics, A Long Century of Elections. London, 2023. 110 p.
- Craig F.W.S. British Parliamentary Election Statistics, 1918–1965. Glasgow, 1968. 110 p.
- Feiling K. The Life of Neville Chamberlain. London. 1947. 475 p.
- Firth J.B. The future of the Conservative Party // Fortnightly Review. Vol. 113. 1920. P. 210–537.
- Gleanings and Memoranda. Vol. 59. March 1924. London, 1924. 748 p.
- Gleanings and Memoranda. Vol. 70. July – December 1929. 560 p.
- Henderson A. et al. Parties and Programmes // The Contemporary Review. March 1922. Vol. 121. P. 286–304.
- Hollins T.J. The Presentation of Politics: The Place of Party Publicity, Broadcasting and Film in British Politics, 1918–1939. Vol. I. Leeds, 1981. 374 p.
- James R.R. Memoirs of a Conservative: J.C.C. Davidson's memoirs and papers, 1910–37. London, 1969. 446 p.
- Jones T. Whitehall Diary. Vol. II. London, 1969. 311 p.
- Jowett G.S., O'Donnell V. Propaganda and Persuasion. SAGE, 2006. 422 p.
- Lord Sydenham of Combe. Democracy through Liberal Spectacles // The Nineteenth Century and After. Vol. 103. 1928. P. 32–42.
- Middlemas K., Barnes J. Baldwin: A Biography. London, 1969. 1149 p.
- Ostrogorski M.I. Democracy and the Organisation of Political Parties. Vol. I. London, 1902. 627 p.
- Ramsden J. The Age of Balfour and Baldwin, 1902–1940. London; New York, 1978. 400 p.
- Report on the British Press: A Survey of Its Current Operations and Problems with Special Reference to National Newspapers and Their Part in Public Affairs. London, 1938. 333 p.
- Sanders M.L. Wellington House and British propaganda during the First World War // The Historical Journal. 1975. 18(1). P. 119–146.
- Southgate D. Baldwin, 1923–1932 // The Conservative Leadership, 1832–1932 / ed. by D. Southgate. London, 1974. 277 p.
- The Times.

A.V. Fedosov
*Senior Lecturer,
 Faculty of Additional Education,
 Bryansk State University after academician I.G. Petrovsky
 Bryansk, Russia*

Propaganda and Means of Agitation of the Conservative Party of Great Britain in the Interwar Period (1920s–1930s)

Russian science paid insufficient attention to the development of propaganda in the interwar period in England, despite the fact that it gradually covered all aspects of the country's life during this period, and this was facilitated not only by new

technical capabilities of the media, but also by new information technologies. The party's leaders realized in time the importance of developing these areas, which allowed its leaders to remain in power for almost the entire interwar period. In its work, the Conservative Party used in propaganda not only the traditional conservatism of the nation, but also the fear of the population of the threat of revolution, allegedly emanating from the Labor Party. The personal qualities of leaders of that period, such as S. Baldwin, also played a special role in this. A significant role was also played by the influential «press barons» Rothermere and Birkenhead, who often periodically brought the party to the brink of a split. In the 1930s. The Labor Party, as the main opponents of the Conservatives in the previous decade, gradually joined the ranks of the ruling elite and turned from the Social Democrats to the center-leftists, thereby somewhat easing ideological party differences.

Keywords: *Conservative Party of Great Britain; propaganda; agitation; interwar period; political struggle.*

REFERENCES

Nazaretian A.P. Aggressive mob, mass panic, rumors. Lectures on social and political psychology [Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. Лекции по социальным и политическим психологиям]. Saint-Petersburg: Piter, 2004. 192 p. (in Russian).

The newest political dictionary [Новейший политологический словарь]. Authors and compilers: D.E. Pogoreli, V.Yu. Fesenko, K.V. Filippov. Rostov n/D: Feniks, 2010. 318 p. (in Russian).

Sagimbaev A.V. Evolution of forms and means of the UK Conservative Party informational politics during the interbellum [Эволюция форм и методов информационной политики консервативной партии Великобритании в межвоенный период]. *Cultural Transfer: Dialogue of Cultures in the History of Civilization*. Briansk, 2024. Pp. 125–136 (in Russian).

Emeri L. My political life [Моя политическая жизнь]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1960. 685 p. (in Russian).

Baldwin S. On England, and other addresses. London, 1926. 276 p. (in English).

Baldwin S. Our Inheritance: Speeches and Addresses. Toronto, 1928. 309 p. (in English).

Ball S. The Conservative Party and British Politics, 1902-1951. London, 2014. 176 p. (in English).

Cracknell R., Uberoi E., Burton M. UK Election Statistics, A Long Century of Elections. London, 2023. 110 p. (in English).

Craig F.W.S. British Parliamentary Election Statistics, 1918-1965. Glasgow, 1968. 110 p. (in English).

Feiling K. The Life of Neville Chamberlain. London. 1947. 475 p. (in English).

Firth J.B. The future of the Conservative Party // *Fortnightly Review*. Vol. 113. 1920. Pp. 210–537 (in English).

Gleanings and Memoranda. Vol. 59. March 1924. London, 1924. 748 p. (in English).

Gleanings and Memoranda. Vol. 70. July-December 1929. 560 p. (in English).

Henderson A. et al. Parties and Programmes // *The Contemporary Review*. March 1922. Vol. 121. Pp. 286–304 (in English).

Hollins T.J. The Presentation of Politics: The Place of Party Publicity, Broadcasting and Film in British Politics, 1918-1939. Vol. I. Leeds, 1981. 374 p. (in English).

James R.R. Memoirs of a Conservative: J.C.C. Davidson's memoirs and papers, 1910-37. London, 1969. 446 p. (in English).

Jones T. Whitehall Diary. Vol. II. London, 1969. 311 p. (in English).

Jowett G.S., O'Donnell V. Propaganda and Persuasion. SAGE, 2006. 422 p. (in English).

Lord Sydenham of Combe. Democracy through Liberal Spectacles // *The Nineteenth Century and After*. Vol. 103. 1928. Pp. 32–42 (in English).

Middlemas K., Barnes J. Baldwin: A Biography. London, 1969. 1149 p. (in English).

Ostrogorski M.I. Democracy and the Organisation of Political Parties. Vol. I. London, 1902. 627 p. (in English).

Ramsden J. The Age of Balfour and Baldwin, 1902-1940. London; New York, 1978. 400 p. (in English).

Report on the British Press: A Survey of its current operations and problems with special reference to national newspapers and their part in public affairs. London, 1938. 333 p. (in English).

Sanders M.L. Wellington House and British propaganda during the First World War // *The Historical Journal*. 1975. 18 (1). Pp. 119–146 (in English).

Southgate D. Baldwin, 1923-1932. The Conservative Leadership, 1832-1932. Edited by D. Southgate. London, 1974. 277 p. (in English).

The Times. (in English).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Марина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей истории и международных отношений Смоленского государственного университета. E-mail: bastion_smolensk@mail.ru.

Андреев Сергей Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Смоленского государственного университета. E-mail: smol.an@mail.ru

Артеменко Софья Алексеевна – ассистент кафедры английского языка и переводоведения Смоленского государственного университета. E-mail: artumenko_7@mail.ru.

Белютин Роман Вячеславович – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка Смоленского государственного университета. E-mail: ryubelyutins@mail.ru.

Белютина Юлия Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Смоленского государственного университета. E-mail: ryubelyutins@mail.ru.

Замятина Юлия Олеговна – аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: ivchenko.yuli@yandex.ru.

Кидинов Ярослав Юрьевич – независимый исследователь (г. Москва). E-mail: jaroslaw-2@yandex.ru.

Королева Инна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Смоленского государственного университета. E-mail: innakor@mail.ru.

Косенко Виктория Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры сценической речи Российского института театрального искусства – ГИТИС (г. Москва). E-mail: visha-k@mail.ru. ORCID: 0009-0006-5533-8748.

Леванцевич Лена Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского и русского языкознания Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина; докторант кафедры белорусского языкознания Белорусского государственного университета. E-mail: lewalena@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-0425-6690>.

Малышева Елена Григорьевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой журналистики и медиалингвистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: malysheva_eg@mail.ru.

Ранчин Андрей Михайлович – доктор филологических наук, профессор, доцент филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: aranchin@mail.ru.

Рогалева Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, ученый секретарь ученого совета, доцент кафедры журналистики и медиалингвистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: olga_rogaleva78@mail.ru. ORCID: 0000-0001-8141-6312.

Сидорович Екатерина Андреевна – соискатель кафедры истории древнего мира и средних веков Белорусского государственного университета. (г. Минск). E-mail: ekaterina.sidorovich@alum.uca.es.

Ступина Екатерина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры преподавания русского языка как родного и иностранного Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. E-mail: stupina.ek@mail.ru.

Тихонова Анастасия Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета, заместитель директора по науке Смоленского государственного музея-заповедника. E-mail: a.v.tikhonova@gmail.com.

Федосов Андрей Владимирович – старший преподаватель факультета дополнительного образования Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского. E-mail: fedosov-andrey@yandex.ru.

Федотов Дмитрий Олегович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Смоленского государственного университета. E-mail: mr.dmitriy.fedotov.90@mail.ru.

Филимонова Мария Александровна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр изучения США» Курского государственного университета. E-mail: mar-filimonova@yandex.ru.

Фомина Светлана Радиковна – соискатель кафедры русского языка Смоленского государственного университета. E-mail: lana.vzyatchenkova@mail.ru.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М.Н. Артеменков (Смоленск, председатель)

Михаил Николаевич Артеменков – кандидат исторических наук, доцент, завкафедрой государственно-правовых дисциплин, ректор Смоленского государственного университета

И.В. Романова (Смоленск, зампредседателя)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

В.А. Волков (Москва)

Владимир Алексеевич Волков – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Московского педагогического государственного университета

А.Б. Каменский (Москва)

Александр Борисович Каменский – доктор исторических наук, профессор, руководитель школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

В.С. Кошелев (Минск, Республика Беларусь)

Владимир Сергеевич Кошелев – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета

А. Молнар (Дебрецен, Венгрия)

Ангелика Молнар – доктор, PhD, доцент Института славистики Дебреценского университета

Л.В. Рацибурская (Нижний Новгород)

Лариса Викторовна Рацибурская – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой русского языка и общего языкознания Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Ф.Б. Успенский (Москва)

Федор Борисович Успенский – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, директор Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

Н.А. Фатеева (Москва)

Наталья Александровна Фатеева – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

З.А. Харитончик (Минск, Республика Беларусь)

Зинаида Андреевна Харитончик – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Минского государственного лингвистического университета

И.Р. Чикалова (Минск, Республика Беларусь)

Ирина Ромуальдовна Чикалова – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси

THE EDITORIAL COUNCIL

M.N. Artyomenkov (Smolensk, The Chairperson)

Mikhail Nikolaevich Artyomenkov – Candidate of history, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines, Rector of Smolensk State University

I.V. Romanova (Smolensk, Deputy Head)

Irina Viktorovna Romanova – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

V.A. Volkov (Moscow)

Vladimir Alekseyevich Volkov – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia, Moscow State Pedagogical University

A.B. Kamensky (Moscow)

Alexander Borisovich Kamensky – Doctor of history, Professor, Head of School of History of the National Research University Higher School of Economics

V.S. Koshelev (Minsk, The Republic of Belarus)

Vladimir Sergeyevich Koshelev – Doctor of history, Head of the Department of Modern and Contemporary History, Belarusian State University

A. Molnar (Debrecen, Hungary)

Angelka Molinar – Doctor of sciences, PhD, Associate Professor, the Institute of Slavic Studies at the University of Debrecen

L.V. Ratsiburskaya (Nizhny Novgorod)

Larisa Viktorovna Ratsiburskaya – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language and General Linguistics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

F.B. Uspensky (Moscow)

Fedor Borisovich Uspensky – Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of philology, professor, Director of V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

N.A. Fateyeva (Moscow)

Natalya Alexandrovna Fateyeva – Doctor of philology, Chief Researcher, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

Z.A. Kharitonchik (Minsk, The Republic of Belarus)

Zinaida Andreyevna Kharitonchik – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of General Linguistics, Minsk State Linguistic University

I.R. Chikalova (Minsk, The Republic of Belarus)

Irina Romualdovna Chikalova – Doctor of history, Professor, Head of the Department of World History and Theory and Methods of Teaching, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; Leading Researcher, the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.В. Романова (гл. редактор)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

А.В. Тихонова (зам. гл. редактора)

Анастасия Владимировна Тихонова – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, заместитель директора по науке Смоленского государственного музея-заповедника

Р.В. Белютин (отв. секретарь)

Роман Вячеславович Белютин – доктор филологических наук, доцент, завкафедрой немецкого языка Смоленского государственного университета

С.Н. Андреев

Сергей Николаевич Андреев – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета

С.Ю. Артемова

Светлана Юрьевна Артемова – доктор филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета

Л.И. Ивонина

Людмила Ивановна Ивонина – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Смоленского государственного университета

А.В. Королькова

Анжелика Викторовна Королькова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

Л.В. Павлова

Лариса Викторовна Павлова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

Т.Г. Попова

Татьяна Георгиевна Попова – Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Почетный работник сферы образования РФ, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка (второго) факультета иностранных языков Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

О.Е. Похаленков

Олег Евгеньевич Похаленков – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Института филологии и массмедиа Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского

А.М. Ранчин

Андрей Михайлович Ранчин – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Ю.Л. Цветков

Юрий Леонидович Цветков – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Института гуманитарных наук Ивановского государственного университета

РЕДАКТОРЫ РУБРИК

С.Н. Андреев, Л.В. Павлова (филологические науки)
Л.И. Ивонина, А.В. Тихонова (исторические науки)

EDITORIAL BOARD

I.V. Romanova (Editor-in-chief)

Irina Viktorovna Romanova – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

A.V. Tikhonova (Vice Editor-in-chief)

Anastasia Vladimirovna Tikhonova – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia, Smolensk State University, Deputy Director of Science, Smolensk State Museum Reserve

R.V. Belyutin (Executive Editor)

Roman Vyacheslavovich Belyutin – Doctor of philology, Associate Professor, Head of the Department of the German Language, Smolensk State University

S.N. Andreev

Sergey Nikolayevich Andreev – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of the Foreign Languages, Smolensk State University

S.Yu. Artemova

Svetlana Yurievna Artemova – Doctor of philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Theory of Literature, Tver State University

L.I. Ivonina

Lyudmila Ivanovna Ivonina – Doctor of history, Professor, Professor of the Department of World History and International Relations, Smolensk State University

A.V. Korolkova

Anzhelika Viktorovna Korolkova – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

L.V. Pavlova

Larisa Viktorovna Pavlova – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

T.G. Popova

Tatiana Georgijevna Popova – Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Education of RF, Doctor of Philology, Professor, Professor of the English Department as the Second Language at the Faculty of Foreign Languages, Military University named after Prince Alexander Nevsky, Russian MoD

O.Y. Pokhalenkov

Oleg Yevgenyevich Pokhalenkov – Doctor of philology, Associate Professor, Professor of the Department of Literature of the Institute of Philology and Mass Media, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski

A.M. Ranchin

Andrei Mikhailivich Ranchin – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Yu.L. Tsvetkov

Yuriy Leonidovich Tsvetkov – Doctor of philological sciences, professor at the department of foreign literature of the Institute for Humanities, Ivanovo State University

EDITORS OF SECTIONS

S.N. Andreev, L.V. Pavlova (Philology)

L.I. Ivonina, A.V. Tikhonova (History)

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Доводим до Вашего сведения, что с **1 сентября 2023 года** во всех почтовых отделениях России открыта подписка на журнал **«Известия Смоленского государственного университета»**.

Журнал включен в подписной каталог Почты России. Подписка осуществляется во всех отделениях почтовой связи и в онлайн-сервисе podpiska.pochta.ru.

Журнал выходит 4 раза в год. Годовая подписка состоит из 4 номеров.

Стоимость **полугодовой** подписки – 1144 руб. 44 коп.

Система доставки – **адресная**.

Индексы в Объединенном каталоге

Подписной индекс – **ПН182**

Адрес редакции и издателя:

214000, Смоленская область, Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Смоленский государственный университет

Тел.: (4812) 700231, факс: (4812) 383157

E-mail: izwestija@smolgu.ru

Научное издание

Известия Смоленского государственного университета

Выходит 4 раза в год
2026, № 2(74)

Издательство
Смоленского государственного университета
214000, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Редакторы *И.А. Казилина, И.В. Марусова, О.В. Папко*
Редактор англоязычных текстов *П.В. Силаев*
Технический редактор *И.В. Марусова*
Компьютерная верстка *А.П. Борисов*

Дата выхода 22. 07. 2025. Формат 70x100¹/₁₆.
Усл. п. л. 22,25 Тираж 300 экз.

Отпечатано: Типография ИП Суркова Н.Н.
Смоленская область, г. Смоленск, ул. Б. Советская, д.12/1

Цена свободная